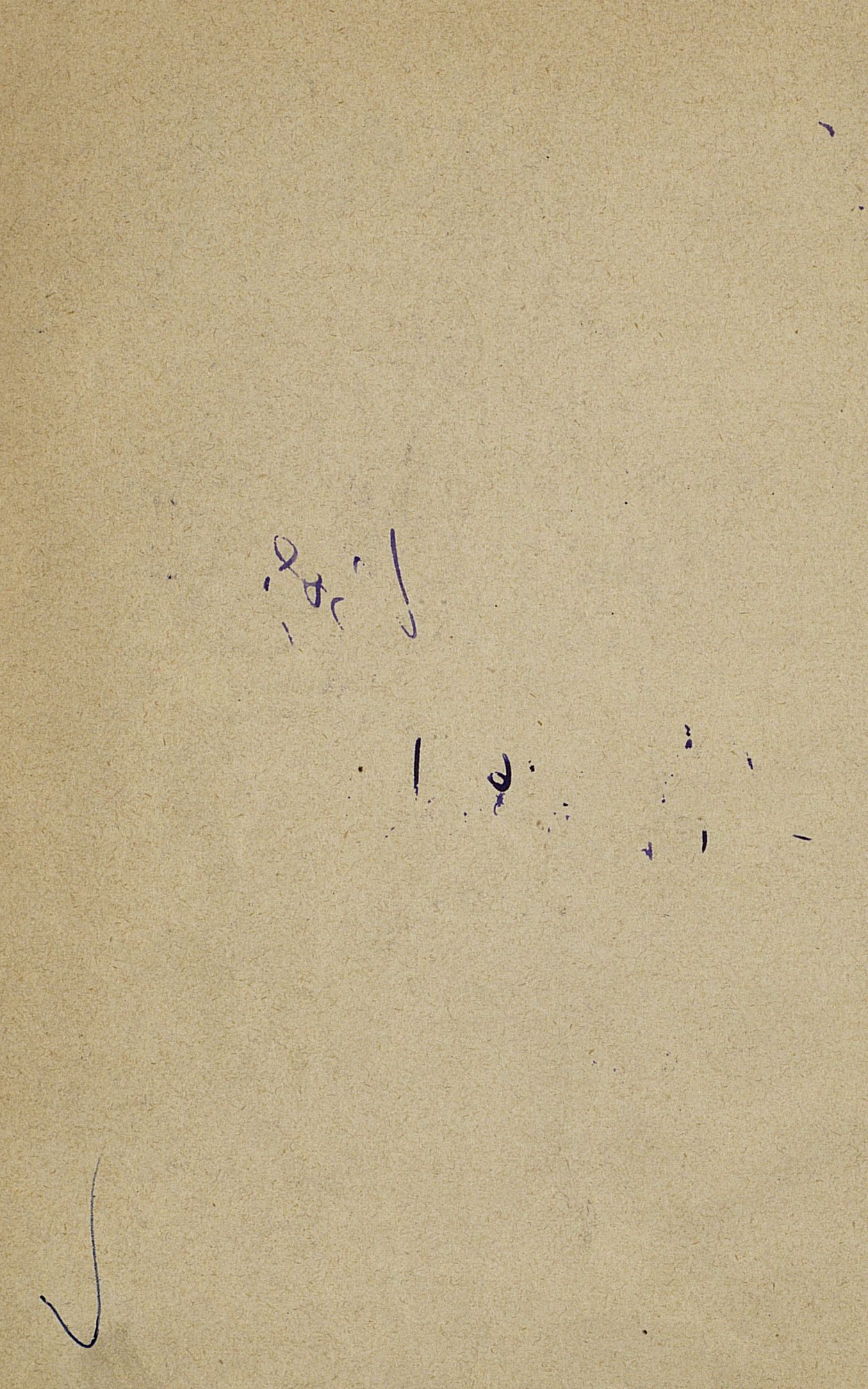

R 8/1132

ПО ВОЛГѢ

(ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛѢТНЕЙ ПОѢЗДКИ).

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Изъ окна вагона.—Нижній до развала.—Рѣка легендъ.—Долгулями и Столбищами.—По дорогѣ въ Золотую орду.—Царство вѣшенки и воблы.—У Каспія.—Славянское дѣло и русская глушь.—Въ пеклѣ — Ханское городище. — На бойкомъ промыслѣ.—Въ тюленьихъ выходахъ.—Калмыцкій базаръ.—Въ устьяхъ Волги.—Бирючья коса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1877.

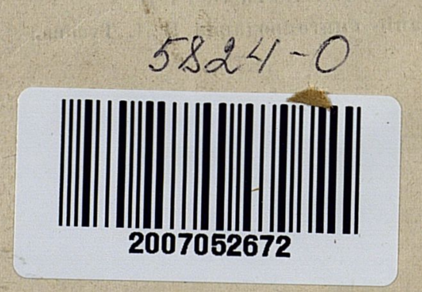
ПО ВОЛГѢ

(ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛѢТНЕЙ ПОѢЗДКИ).

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Л. Тузова.
1877.

Типографія Н. А. Лебедева, Невск. пр., д. № 8.

ОТЪ АВТОРА.

Прежде всего мои очерки — не полная картина Волги, во всѣхъ отношеніяхъ. Это—рядъ впечатлѣній и сценъ, наброски туриста, два раза объѣхавшаго Волгу съ Каспійскимъ моремъ включительно. Тутъ есть и статистическія данныя—но только тѣ, которыя собраны на мѣстѣ. Если предлагаемая книга вызоветъ въ читателѣ желаніе самому проѣхать по великой русской рѣкѣ вплоть до Каспія, самому посмотрѣть на величавыя картины волжскаго простора, самому ознакомиться съ этнографическимъ калейлескопомъ ея пестраго населенія,—скромная цѣль моя будетъ достигнута.

Одна описательная часть была бы слишкомъ утомительна. Гдѣ разсказъ позволялъ, я включалъ легенды и былины, какъ записанныя мною на мѣстѣ, такъ и почерпнутыя у другихъ. Я пользовался, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, прекрасными трудами гг. Мельникова, Гацисскаго, Бабста, а также и матеріалами статистическаго комитета по отношенію къ Астрахани.

Автора по поводу включеннаго въ эту книгу очерка «Славянское дѣло и русская глушь» упрекали въ квасномъ патріотизмѣ, сопричисляли его къ неразумнымъ шовинистомъ, точно желаніе свободы для раба—шовинизмъ, точно авторъ, констатирующій фактъ народнаго возбужденія, вправѣ освѣщать его произвольно, искажать въ угоду того или другого изданія! Нѣкоторые шли

дальше: сообщенныя мною свѣденія по ихъ словамъ оказывались «грубо сочиненными». Къ счастію, послѣ того—сотни корреспонденцій изо всѣхъ уголковъ Россіи подтвердили мои сообщенія и подтвердили ихъ въ полномъ объемѣ. Можно указать даже много выраженій тожественныхъ съ моими и встрѣчавшихся у позднѣйшихъ авторовъ потому же вопросу. «Грубо сочиненные»! Но что же дѣлать, господа, если народъ такъ грубо сочиняетъ!

Пора, когда писались многіе изъ очерковъ вошедшихъ въ эту книгу — была пора общаго увлеченія героической борьбой воскреснувшаго славянства. Теперь многое покажется преувеличеннымъ. Но—не вина автора въ этомъ. Время мы переживаемъ дѣйствительно знаменательное. Все, что еще недавно волновало насъ, великодушные порывы, обѣты жертвъ до конца, сочувствіе къ слабымъ — погасло, оставивъ по себѣ только душный чадъ. Комедія доиграна... Занавѣсъ опущенъ... Публика разошлась... Стирая румяна съ лица, театральные герои разстаются съ своими иллюзіями. Низменная дѣйствительность вступаетъ въ свои права, эгоизмъ, себялюбіе, выходятъ на передній планъ, и недавній Карлъ Мооръ, очутясь на улицѣ, готовъ кликнуть городоваго, если къ нему обратится дрожащій на морозѣ нищій... Реакція самая полная. Еще недавно, при открытіи занавѣса, мы всѣ торжествовали нравственное возрожденіе русскаго общества. Великодушные инстинкты, было заснувшіе въ немъ, разгорѣлись яркимъ пожаромъ, казалось близилась эпоха великихъ дѣлъ — и вдругъ — еще не приступивъ къ нимъ — наша интеллигенція охладѣла! Охлажденіе это я ставлю въ упрекъ не той части интеллигенціи, которая и прежде сдерживала свои увлеченія, а той именно, которая пѣла и вопіяла взывала и глаголала. Прессѣ нельзя поставить такого упрека; она до сихъ поръ вѣрна поднятому ею знамени. Только обще-

ство молчитъ. Да полно есть-ли у насъ въ обществѣ—эта интеллигенція? Тотъ, кто такъ скоро вспыхиваетъ и разомъ гаснетъ, тотъ, кто только рыцарь на часъ, чьей энергіи хватаетъ лишь на шумиху пустыхъ фразъ, кому страшно приложить руки къ зачинающейся борьбѣ—тотъ просто никуда не годный, больной, слабый человѣкъ. Это не кровь народа, не лучшій цвѣтъ его, не представитель его мысли. Это просто Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, въ лучшихъ случаяхъ, и Загорѣцкій, Хлестаковъ—въ другихъ. И какіе совѣты мы слышимъ въ такую важную эпоху, кто и какъ учитъ насъ! Одни предлагаютъ ждать, утѣшая насъ тѣмъ, что мы будемъ смѣяться послѣдними. Хорошее утѣшеніе. Мы будемъ смѣяться, когда самое имя родственнаго намъ народа будетъ стерто съ лица земли, когда отъ его селъ и городовъ останутся одни пожарища, отъ нивъ и садовъ—пустыри, отъ него самого—массы гніющихъ труповъ. Дикія орды, пользуясь безнаказанностью, готовятся или обратить Болгарію въ одну громадную могилу или узаконить рабство навсегда, вампиры вотъ вотъ вопьются кровавыми устами въ прикованную жертву, а мы утѣшаемся тѣмъ, что наше время придетъ, что поздно не значитъ никогда. Подальше отъ такихъ непрошенныхъ утѣшителей, отъ такихъ фарисеевъ, примазывающихъ свой эгоизмъ къ честному дѣлу свободы и правды. Такъ думаетъ мыслящая часть общества. А остальные, точно они и не вкушали никогда отъ древа познанія добра и зла, точно для нихъ до сихъ поръ еще продолжаются времена невинности. Первые хоть виноградным листомъ прикрываютъ свою немощь, а эти носятъ свой эгоизмъ, свое себялюбіе, свое довольное и толстое чрево, какъ нѣчто весьма похвальное, въ виноградныхъ листахъ и звѣриныхъ шкурахъ не нуждающееся. Въ самомъ дѣлѣ энтузіазмъ смѣнило чрево, шумиху громкихъ фразъ—столь же громкій храпъ, и вмѣсто сіявшихъ

намъ еще недавно, чистыхъ, небесныхъ созвѣздій надъ поэтическимъ сумракомъ благоуханнаго луга,—въ душныхъ и смрадныхъ конюшняхъ авгіевыхъ сонно мигаетъ нѣсколько вонючихъ сальныхъ огарковъ. Право, можно подумать, что мы, подобно Навуходоносору, за какіе-то грѣхи, обращены въ мирно пасущихся животныхъ, высшимъ блаженствомъ считающихъ благоустроенный хлѣвъ. Но вѣдь какъ бы ни былъ устроенъ хлѣвъ, онъ все-таки хлѣвомъ и остается, хоть каждый день смѣняй въ немъ солому—храма изъ него не сдѣлаешь, какъ не сдѣлаешь человѣка изъ блаженствующаго въ этомъ хлѣвѣ буйвола.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

4. Жигулями и Столбищами.

5. По дорогѣ въ Золотую орду:

6. Царство бѣшенки и воблы:

7. У Каспія

8. Въ Пеклѣ:

12. Калмыцкій базаръ:

Въ устьяхъ Волги.

Бирючья коса

ИЗЪ ОКНА ВАГОНА

(отъ Москвы до Нижняго).

I.

Москва вся въ грязи. Несмотря на цѣлый день солнопека— слякоть на улицахъ, слякоть на тротуарахъ. Дома, извозчики, пѣшеходы, все это забрызгано грязью. Радъ просто, что уѣзжаю отсюда...

— И у насъ этотъ развратъ завелся! указываетъ знакомый купецъ на конножелѣзную дорогу.

— Какъ развратъ?

— А то нѣтъ... Теперь, къ примѣру, моя дочь либо жена садится въ нутро вмѣстѣ съ стрикулистами. Какого еще добра ждать?.. Опять же народъ давятъ, страсть какъ.

Вагоны у насъ, въ Петербургѣ, двигаются по улицамъ почерепашьи, въ Москвѣ они несутся стремглавъ. Предупредительные звонки считаются излишнею роскошью, поэтому, то и дѣло случаются несчастія. То ребенокъ попадаетъ подъ колесы, то медленно бредущаго по улицѣ хмураго владимірца-щекотура раздавитъ въ одну кровавую массу, то у фаэтона крыло своротитъ...

Наконецъ Москва позади. Мы выѣхали за Рогожскую заставу. Жалкое и тѣсное зданіе вокзала нижегородской дороги

сплошь переполнено народомъ. Это какая-то каша, мѣсиво. Едва переступаешь черезъ узлы и багажи, не отличишь спины ширококостнаго костромича отъ сѣрыхъ мѣшковъ рядомъ. Большіе вокзалы по этому пути гораздо лучше московскаго, запущеннаго, притомъ, донельзя. Обои оборваны, на полахъ грязь, окна покрыты почтеннымъ слоемъ пыли.

Публика такъ и рвется въ вагоны. Кому на дачи, кому въ Павлово, Орѣхово, Владиміръ.

— Ты развѣ не знаешь, что я генералъ? наступаетъ какая-то крошечная, старческая, но пыжащаяся фигура на цербера, оберегающаго двери на платформу.

— Не приказа...

— Молчать! Лацкана пальто распахиваются, какъ будто не нарочно, показывая звѣзду на сюртукѣ генерала.

Церберъ сокращается куда-то моментально. Генералъ пробивается въ брешь, за нимъ валитъ толпа.

— Поррядокъ! злобствуетъ какой-то либералъ, но самъ, тѣмъ не менѣе, пользуется случаемъ и занимаетъ мѣсто не въ урочную пору.

Вагоны набиваютъ сверхъ мѣры. Нѣкоторые пассажиры стоятъ, другіе помѣщаются по трое на одной скамьѣ.

— Кондукторъ! визжитъ дама. Ты видишь какая тѣснота, а еще мужика сажаешь.

— До Богородска только, сударыня, а тамъ народу посвалитъ...

— Ахъ ты мать, мать! укоряетъ ее, въ свою очередь, мужикъ. Тѣсноты испужалась. А ты не бось, мы тебя не обидимъ, мы только до Павлова... А то тѣснота!.. Теплѣе еще въ тѣснотѣ, гляди какъ распаритъ, что твоя баня.

— Да вѣдь здѣсь второй классъ.

— Знаемъ, второй. У насъ и деньги за второй плачены; во бѣлетъ... Кажи свой, какой онъ у тебя, а у насъ завсегда въ порядкѣ.

— Гони публику въ вагоны! слышится гдѣ-то начальническій голосъ. Да смотри, чтобъ во время пути на платформы не выходили!..

II.

Сумерки. Въ синей мглѣ мелькаютъ по сторонамъ дачки... Ночью—въ вагонахъ дышать трудно... Цѣлыми клубами ходятъ міазмы, не смотря на вентиляторы...

Только что встало солнце—всюду приподняли окна. Мѣстность ровная. Изрѣдка полоска жалкаго и чахлаго лѣса, а тамъ опять гладь, перерѣзанная кое гдѣ оврагами. Тускло свѣтятся по ней «заливы» — остатки водополья, то чуть не на версту раскинутся, что твое озеро, то едва-едва мерещутся сквозь проросшую ихъ траву.

— Рыбы здѣсь страсть сколько.

— Обсыхаетъ вѣрно.

— Дадутъ ей обсохнуть. Всю бреднями переловятъ. Ни одинъ лещикъ не уйдетъ... Случается, цѣлыми грудами въ Москву отправляютъ... Теперь, только утро, въ эти «заливы» мальчишекъ набредетъ многое множество... Случаются, впрочемъ, и промоины... Глубокіе бываютъ омуты, если запутается—тонетъ народъ... Теперь, вообще, по всему этому мѣсту, рыбная пора. Вонъ она, рѣченка Мерль прошла, и рѣченка-то самая кроткая, а рыбы въ ней объ эту пору—стѣной. Такъ бываетъ, что большіе да жирные лещи по три копейки за штуку сходятъ. Да и то еще рыболовы кланяются — возьми только... Теперь тутъ въ «заливахъ» два лова: теперь, а потомъ, какъ спадутъ еще воды, да самая глубь доступна станетъ—второй ловъ пойдетъ. Всю рыбу перечерпаютъ, не пропустятъ.

— Ахъ и мѣста тутъ! восхищается гороховецкій купчикъ рядомъ. Красивыя мѣста!

— Гдѣ это? Кинулся я къ окну.

— А гляди вонъ!.. киваетъ онъ на безжизненную равнину, гдѣ, какъ нарочно на этотъ разъ, ни одного кустика.

— У нихъ — мѣста, чудесныя! сочувствуетъ кто-то... Гладко, ни тебѣ пригорка, ни тебѣ колдобинки. Самое ласковое мѣсто... Песокъ! Былъ я, вонъ, на Капкази, ну тамъ хуже, куда. Точно збѣсилось все.. То гора то провалъ. А у насъ этого безобразія нѣтъ. Чисто!..

Вдоль всей нижегородской дороги посажены сосенки, тщательно подстригаемыя. Почти вездѣ онѣ хорошо принялись, составляя надежный оплотъ отъ заносовъ. Тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или еще очень мелки, разставляется зимою лапотникъ—плетенка изъ тонкихъ жердей. Хорошо, еслибъ этому примѣру послѣдовали и южныя наши желѣзныя дороги, то и дѣло заваливаемыя снѣгомъ. Разростаться въ высоту соснамъ не даютъ, подрѣзывая побѣги. Зато онѣ идутъ въ стороны, образуя, такимъ порядкомъ, почти не проницаемую загородку.

— Каковъ урожай тутъ? спрашиваю у мѣстнаго хозяина, сѣвшаго къ намъ въ вагонъ.

— Что урожай! Ленъ да горохъ морозомъ побило. Пшеница, кто сѣялъ, тоже пропала.

— Развѣ вы сѣете пшеницу?

— Да... Только сортъ худой. Въ продажѣ она подъ третьимъ нумеромъ значится. Озими хороши вездѣ. Морозъ даже помогъ имъ. Съ начала весны, какъ тепло стало, такъ на озимое червь напалъ. Ну, морозомъ и побило червя.

Дѣйствительно, озимовыя поля мягкими зелеными гладями разстилаются на-право и на-лѣво отъ дороги. Нѣкоторыя очень густы. Только изрѣдка встрѣчаются пролѣжи, испорченныя холодомъ. За то лѣсъ обезлиствѣлъ совсѣмъ. Листъ, пожалуй, и

есть, но вялый, «сдавшій», желтый, точно осенью треплется и опадаетъ онъ. Черемуха въ садахъ было и разцвѣла уже, когда ударило морозомъ, теперь вся стоитъ голая, некрасивая.

— Фруктовые сады вездѣ сплошь побило. Ничего не оставило. Большіе убытки наши садоводы понесутъ теперь...

Яровыя поля кое-гдѣ уже подернуло зеленью, но какою-то чахлою, сѣрою, рѣдкою. Не ждутъ отъ нея урожая. Коли озими не выручатъ, плохо крестьянству будетъ. Тутъ и безъ того не хватаетъ своего хлѣба на продовольствіе, а деньги нынче дороги. Изъ-за нихъ и приходится многострадальному кормильцу великой и «обильной» земли русской лезть въ кабалу. А кабала стала еще тяжелѣе съ тѣхъ поръ, какъ по всему этому пространству, вмѣсто старыхъ своихъ міроѣдовъ, сталъ нѣмецъ да еврей заводиться.

— И много ихъ?

— Еврея этого, да нѣмца—страсть что пошло!.. То есть въ лоскъ все! Иной и по-русски ни слова не говоритъ, а подика къ нему, такъ онъ тебя обчиститъ, т. е. въ лучшемъ видѣ... И все по формѣ. Наслово ничего не дѣлаетъ, ступай съ нимъ въ волость... Ноне на все контрахта пошла! Прежней простоты нѣтъ!

— Отъ Карла Карлыча—не уйдешь. Онъ тебя въ каждой норѣ выищетъ, точно рыбу на уду вытянетъ...

— Дошлые!..

Но еврей и нѣмецъ не такъ еще донимаютъ эту полосу, какъ истребленіе лѣсовъ. Здѣсь оно безпримѣрное, безобразное, пагубное, даже преступное, если хотите. Во Владимірской губерніи прежде было пропасть лѣсу, теперь его сплошь валятъ. Подъ топоромъ исчезаютъ трехсотлѣтнія, выхоленныя рощи. Ничему пощады нѣтъ: въ бывшихъ крупныхъ имѣніяхъ вырубаются даже сады! Поэтому, во всей этой мѣстности климатъ ухудшился донельзя. Песчаная часть губерніи, еще не-

давно занятая лѣсами, скоро обратится въ Сахару. Деревья вырублены—безъ нихъ песокъ влаги не держитъ, понятно, что скоро мы у самихъ себя будемъ видѣть прекрасныя средне-азіатскія степи съ голоднымъ и одичавшимъ населеніемъ. Зло, дѣйствительно, страшное. Лѣса рубятся на постройки москвичей, до сихъ поръ предпочитающихъ деревянные дома каменнымъ. Сплавъ начинается въ пятидесяти верстахъ отъ Гороховца, потомъ отъ галицкой пристани. Здѣсь лѣсъ идетъ 337 верстъ частью по Клязьмѣ, частью другими путями; весною—сплошь покрывается сплавными бревнами эта рѣка. Сказываютъ, что воды не видно подъ ними. Знаменитыя Рюминскія рощи вырублены тотчасъ же по продажѣ ихъ какому-то купцу. Гороховецкіе лѣса вырубаются скупающими ихъ гуслицкими крестьянами. Точатъ ужъ зубы и на казенные лѣса, только тѣ еще держатся покуда. Берегущій свои рощи Морозовъ, въ Орѣховѣ-Зуевѣ, высматриваетъ для своей мануфактуры всевозможные лѣсные участки. Страсть, что она лѣсу поѣла, а каменнымъ углемъ замѣнить не въ домекъ. Фролищевская пустынь еще удержалась. Ее, какъ говорятъ, запрещено продавать, и тамъ до сихъ поръ стоятъ незыблемо хвойные гиганты, покрывавшіе еще недавно значительныя пространства этого края. Въ слѣдствіе этого, около пустыни случаются прежніе урожаи, остальные же земельные участки «сохнутъ», по меткому выраженію моего спутника.

— Неужели же на Москву, дѣйствительно, столько лѣсу надо?

— Мало еще. Потому тамъ дома любятъ деревянные, да еще изъ настоящаго кондоваго, крѣпкаго лѣса... Они, вѣдь, за каждый пудъ бревна по 1 р. 50 к. платятъ!..

А мы еще толкуемъ о необходимости строить деревни изъ кирпича, когда у насъ въ столицѣ деревянные дома продолжаютъ возводить.

— Цѣлыя улицы въ Бѣлокаменной изъ здѣшняго бревна красуются!..

Несмотря на высокія цѣны на лѣсъ, безденежье таково, что прежнія помѣщичьи имѣнія уходятъ за безцѣнокъ. Недавно, генералъ-лейтенантъ Н., близъ Денисьевской станціи, продалъ громадное и богатое имѣніе Ѳедорково за 50,000 руб., хотя въ его же округъ входило и значительное количество лѣса, притомъ вблизи желѣзной дороги! Позументщики Алексѣевы купили подъ Москвою вотчину Рюминыхъ, стоющую болѣе милліона, за 150,000 руб. Эти покупщики, по крайней мѣрѣ, хоть лѣсу не рубятъ, а только дачи для москвичей строятъ среди прелестной и удобной мѣстности.

У станціи «Сеймы» мы нашли громадныя массы только что нарубленнаго въ окрестностяхъ лѣса. Оказалось, что до 1-го мая, за весну, подрядчикъ Бугровъ съумѣлъ уже свалить сюда 14,000 кубическихъ саженъ дровъ. Сверхъ того, онъ же свалитъ, разумѣется, и строевой лѣсъ. Бугровъ рубитъ лѣса, купленные имъ у помѣщика Турчанинова, и рубитъ ихъ сплошь, безъ промежей, безъ выбора. Скоро отъ громадныхъ лѣсныхъ угодій не останется ничего. Участокъ за участкомъ сваливается. Бугровъ, такимъ образомъ, выручаетъ до 600,000 р. въ годъ. Онъ взялъ на себя подрядъ главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которое должно быть признано однимъ изъ главныхъ факторовъ лѣсоистребленія въ этой полосѣ Россіи. Только близъ станціи Сеймы у Бугрова рубятъ лѣса пятьсотъ человѣкъ народу, а сколько по остальнымъ, скупленнымъ этимъ Геростратомъ, лѣснымъ участкамъ—и счету нѣтъ. Мы проѣзжали бугровскою порубкою. Одни унылые пни—ни малѣйшаго зеленаго пятна травки, точно выгорѣло все, а песокъ уже вступаетъ въ свои права и заполоняетъ окрестности.

— Вы думаете онъ пни оставитъ? обратились ко мнѣ. Всѣ выворотитъ и продастъ...

— Ну, а потомъ?

— Помилуйте, затраченныя деньги онъ вдесятеро вернетъ; что ему до того, что потомъ пустыня останется. Развѣ у этихъ людей есть любовь къ родинѣ, сознаніе общественной пользы. Ему все равно—была бы мошна толста, а до остальнаго и дѣла нѣтъ.

А между тѣмъ, еще недавно тутъ стояла густая чаща, сюда съѣзжались бить медвѣдей и лосей даже изъ Петербурга... Просто злость душитъ, когда смотришь на эту преступную алчность компрачикосовъ природы, словно пожарище проходящихъ по лучшей землѣ нашей. Какое, впрочемъ, пожарище—на пожарищѣ трава ростетъ, новый лѣсъ поднимается, а тутъ степь Сахара!.. Мы же еще, послѣ такого варварскаго отношенія къ богатству и будущности страны, укоряемъ турокъ и среднеазіатцевъ, что они обратили плодороднѣйшія долины свои въ безводныя степи; ну а у насъ, у насъ-то, что дѣлается, не то же ли самое? Чего же закрываемъ глаза мы и отступаемъ передъ трудностями регламентировать лѣсную промышленность! Хуже, какъ все населеніе сплошь будетъ вымирать и вырождаться отъ голода. Вѣдь при такомъ ходѣ лѣсоистребленія очень недалеко время, когда вся сѣверная и средняя полоса Россіи будутъ представлять тундру и песчаную степь въ перемежку. Нельзя забывать, съ какимъ трудомъ выростаетъ лѣсъ на песчаной почвѣ. Когда-то еще поднимутся,—да и поднимутся ли на истощенной и лишенной влажности землѣ, новыя дубравы?!... Вѣдь тутъ и суглинку самая малость—песокъ одинъ.

Благодаря этому ажіотажу лѣсоистребленія—дерево страшно, втрое и вчетверо поднялось въ цѣнѣ. Даже желѣзныя дороги здѣсь опомнились и тщательнѣе производятъ ремонтъ, чтобъ, запустивъ путь, не пришлось потомъ перемѣнять шпалъ, слишкомъ дорого стоющихъ теперь...

III.

По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся все однообразные штабели досокъ и цѣлыя стѣны плотно уложенныхъ дровъ. Центръ распиловки досокъ—Ковровъ, гдѣ для того имѣются паровыя лѣсопильни, сверхъ того, есть въ окрестностяхъ водо-дѣйствующія, а небогатые крестьяне нанимаются ручными пильщиками. Вообще, по всему этому району живетъ народъ мастеровой. Орѣхово, Покровъ, Пѣтушки, Воячино, Ундолъ, Колокола, Боголюбово, Второво сплошь населены плотниками, каменьщиками, штукатурами, печниками и столярами. Почти каждый знаетъ какое-нибудь дѣло. Мстера иконописничаетъ и вмѣстѣ съ Вязниками ходитъ въ офеняхъ-хомутинникахъ, какъ ихъ называютъ здѣсь. Изъ Чулкова выходятъ винокуры, клепальщики на желѣзныхъ заводахъ, и опять таки офени. Лучшіе иконописцы въ Москвѣ всѣ изъ Мстеры, почему село это живетъ очень богато. Тамъ же рисуютъ и старообрядческіе образа, причемъ существуетъ цѣлая процедура прокапчиванія ихъ въ дыму, послѣ чего ихъ подвергаютъ дѣйствію сырости. Такимъ образомъ, приготовленная икона сходитъ за старую и сбывается за Волгу рублей за 100, 200, а то и за всѣ триста. Тутъ же въ Мстерѣ тысячами заготовляются дешевые образа отъ 20 до 50 коп. Мстера съ этими образами доходитъ на югъ до Севастополя съ одной и Кубани съ другой стороны. Она же заходитъ и на сѣверъ. Съ первой недѣли поста, плотники, штукатуры и другіе крестьяне-ремесленники такими толпами являются на станціи московско-нижегородской желѣзной дороги, что для нихъ не хватаетъ помѣщенія даже въ экстренныхъ поѣздахъ. Массы народа, за недостаткомъ мѣста, по три и по четыре дня остаются на открытомъ воздухѣ—такъ какъ въ вокзалъ ихъ не пустятъ, а поблизости постоялый дворъ не

всегда отыщется. Питаясь исключительно холодною пищею, да и то впроголодь, они ночуютъ на снѣгу въ повалку, терпя всевозможныя лишенія, пока, наконецъ, не попадутъ на поѣздъ.

— Такіе галманы! Отбою нѣтъ отъ нихъ. И чего лѣзутъ только! недоумѣваетъ мѣстная желѣзнодорожная власть, воображающая вѣрно, что рельсовые пути созданы для спокойствія и безбоязненнаго и мирнаго житія.

— Все на Москву прутъ владимірцы. Разъ шесть въ годъ такой разгонъ у насъ бываетъ. На лѣто владимірцы возвращаются въ села для полевыхъ работъ. И какой народъ! негодовалъ все тотъ же желѣзнодорожный чинъ, если одна деревня заняла этотъ вагонъ—изъ другой сюда ужъ никого не втолкаешь. Ни за что не пойдетъ. Такъ по селамъ да по артелямъ на кучки и дѣлятся. И голосокъ же у нихъ. Съ конца въ конецъ вагоновъ перекрикиваются, пѣсни поютъ, а въ послѣднее время и книжки въ слухъ читать ужъ начинаютъ.

— Народъ не требовательный, объяснялъ другой: не хватитъ вагоновъ III класса, мы ихъ помѣщаемъ въ вагоны для перевозки животныхъ. И то рады, хотя скорѣе попадутъ къ мѣсту. Билетовъ выдаютъ имъ не по числу мѣстъ, а сколько приведется. И стоятъ, и сидятъ, и лежатъ въ повалку. Потому ему время дорого, ждать некогда.

Самыя жалкія избы въ деревняхъ, принадлежавшія нѣкогда помѣщикамъ. Видно, что здѣсь и до сихъ поръ бѣдность непокрытая. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ показали деревнюшку въ шесть избъ, гдѣ было четыре помѣщика! За тѣмъ, слѣдуютъ деревни у заводовъ. Эти—состоятъ изъ избъ, крытыхъ соломою—тоже народъ, повидимому, голый. Въ самыхъ несчастныхъ поселкахъ русскаго сѣвера не встрѣтить такого непригляднаго жилья. Таково, напримѣръ, село близь полотняной фабрики Сенькова, между Мстерою и Вязниками. Фабрика богатая, произведенія ея, какъ мнѣ передавали, идутъ къ высочайшему двору, а

между тѣмъ, кругомъ какія-то жалкія хижины, передъ которыми, пожалуй, и ирландскія логовища покажутся дворцами. Около фабрики, на большое разстояніе, поля покрыты выбѣливаемымъ полотномъ. Говорятъ, что во время самаго разгара дѣятельности—полотно это устилаетъ нѣсколько десятковъ и даже сотни десятинъ. Сеньковъ на свой счетъ провелъ рельсовый путь къ фабрикѣ и положилъ вдоль общаго желѣзнодорожнаго пути свою пару рельсовъ до станціи. Неизвѣстно только, подумалъ ли онъ о благосостояніи своихъ рабочихъ. Что-то ужъ очень неприглядно село и слишкомъ ужъ безпросвѣтною нищетою вѣетъ отъ него, даже во время бѣглаго взгляда изъ окна вагона.

Между Даниловымъ, Чулковымъ и Гороховцемъ 16-го мая, утромъ, во время нашего проѣзда, было такъ морозно, что мы всѣ надѣли теплыя пальто.

IV.

Красивыми излучинами мелькнула мимо насъ Клязьма, съ нѣсколькими мокшанами и досчанниками, медленно двигавшимися по ея, почти остеклѣвшей въ безвѣтріи, поверхности. Вдали на косогорѣ блеснули бѣлыя церкви Гороховца и кучки какихъ-то темныхъ строеній.

— Ну городокъ!

— А что?

— Очень ужъ богатъ. Только и живетъ, что водою и огурцами.

— Воды тутъ много. Нигдѣ, поди, такой вкусной воды нѣтъ.

— И огурцовъ гибель! Выросли огурцы — будутъ жить купцы, недородъ огурцовъ—моръ на купцовъ. Голина, бѣдность!.. Зачѣмъ и города-то такіе существуютъ... разсуждали въ вагонѣ.

— А для порядка.

— Острогъ нужно поставить, ну и исправника требуется— вотъ-те и городъ.

Мѣстность начинаетъ разнообразиться. Кое гдѣ припухаютъ небольшіе холмы и, наконецъ, впереди, подъ яркимъ блескомъ весенняго солнца, разомъ открывается гористый берегъ Оки. Въ его впадинахъ—еще лежатъ снѣговыя залежи, серебряными черточками сверкающія надъ чистенькими и богато отстроенными деревнями. Послѣ бѣдноты владимірскихъ селъ, глаза съ удовольствіемъ останавливаются на этихъ просторно отстроенныхъ домахъ, крытыхъ досками и обшитыхъ хорошимъ тесомъ. Это скорѣе напоминало дачи, чѣмъ деревенскія избы. На улицахъ деревень по сю сторону Оки недостроенные досчанники и лодки. Нѣкоторые отсмаливаются, другіе торчатъ еще вчернѣ. Ихъ поперечники—точно ребра какого-то громаднаго скелета. Тутъ же длинныя деревянныя зданія.

— Что это?

— А отсюда все алебастръ пойдетъ. Алебастръ жгутъ. Пропасть на него лѣса идетъ.

— Вотъ бы тоже каменнымъ углемъ.

— Ужъ мы думали объ этомъ, отзывается изъ-за угла зажиточный крестьянинъ.

— И что же?

— Лѣсомъ способнѣе. Пріобыкли мы къ лѣсу-то. Ну а какъ переведется лѣсъ, за уголь возмемся. Промыселъ этотъ у насъ исконный, крѣпкій, кондовый. Не бросимъ.

— Лучше бы теперь смѣнить лѣсное топливо на уголь.

— А что тебѣ нашего лѣса жаль? Господь не попуститъ известись лѣсу!.. Въ одномъ мѣстѣ спалитъ въ другомъ пошлетъ... Только живи по правдѣ и волю его твори...

Тутъ по всѣмъ деревнямъ старовѣры. Нѣкоторые изъ нихъ

отъ своихъ заводовъ алебастровыхъ провели къ желѣзной дорогѣ рельсовыя вѣтви на свой счетъ.

— Какихъ промысловъ нѣтъ! сообщалъ мнѣ на станціи все тотъ же собесѣдникъ. Вонъ бабы стоятъ, спроси, чѣмъ онѣ промышляютъ.

— Мыломъ, батюшка, мыломъ!

Бабы стояли у станціи съ тазами, мыломъ и водою. Онѣ только и жили тѣмъ, что давали умываться пассажирамъ.

— И много наживете въ день?

— Иной разъ и ничего, а въ другой, смотришь, и весь полтинникъ выручишь.

— Тутъ, братъ, иной разъ и отъ лѣсу гибель бываетъ. Видишь вонъ порубка, пни одни торчатъ... Тутъ у насъ рощица стояла, веселая, прохладная. Ну, мы ее для спасенія души срубили.

— Какъ такъ? удивился я новому мотиву лѣсоистребленія.

— А изъ Нижняго стали къ намъ на дачи лихачи наѣзжать, кунавинскихъ дѣвокъ навозили, пьянство тутъ шло. Содомъ! Наши старички думали, думали. Доколѣ терпѣть? А горожанъ роща наша, видишь ли, привлекала. Ну и надумались. Чтобъ соблазну не было, взяли да и вырубили рощу сплошь. Теперь голина одна!.. За то ужъ вавилонскихъ блудницъ этихъ не видишь, да и пьяницы наѣзжать перестали!

Послѣ вырубки лѣса, дачи были, какъ оказывается, перенесены на другое мѣсто. Случилось это именно около станціи Черной, въ 40 верстахъ отъ Нижняго.

Чѣмъ ближе, тѣмъ деревни на Окѣ дѣлались больше, люднѣе и красивѣе. Крытые тесомъ дома блестѣли на солнцѣ. Налѣво мелькнула мірская, нестаровѣрческая деревня, та сравнительно съ этими грязнымъ пятномъ кажется. Въ старовѣрческихъ деревняхъ и постройки домовъ странны. Ни рѣзьбы, ни узор-

чатыхъ коньковъ, ничего подобнаго. Однѣ прямыя линіи безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній!..

— Вонъ и зимняки наши пошли!

Направо сверкнуло нѣсколько небольшихъ озеръ.

— Отъ разлива рѣки остались? спрашиваю.

— Нѣтъ. Это—снѣжища, зимняки. Талыя озера. Къ лѣту самому какія и подсохнутъ, а другія до зимы стоятъ... Рыбы здѣсь нѣтъ. Такіе зимняки и на верхушкахъ горъ попадаются. Есть снѣговыя залежи, изъ нихъ, коли какая въ пади лежитъ, непремѣнно къ лѣту зимнякъ будетъ...

Далеко еще, но уже отчетливо вырѣзались бѣлыя церкви... Масса домовъ мелькнула на гористомъ берегу и пропала опять... Вонъ по откосамъ все старинные храмы лѣпятся Громадный подавляющій силуэтъ недостроеннаго собора... Покойный просторъ Оки... Пароходы, суда...

— Нижній, господа, приготовьте билеты! объявляетъ кондукторъ.

НИЖНІЙ ДО РАЗВАЛА.

I.

Черезъ Оку.—Странный городъ.

Мостъ черезъ Оку еще не наведенъ.

Яркій солнечный день; на противоположномъ берегу, по площадкамъ и выступамъ Дятловыхъ горъ, разсыпанъ городъ, то скучивающійся въ какое-то трудно различимое мѣсиво домовъ, заборовъ, церквей, то словно расползающійся по косогору отдѣльными постройками. Муравьевская башня вся словно вырѣзалась на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба. У самой воды, тамъ, гдѣ виденъ красивый Благовѣщенскій монастырь, и вездѣ—изъ-за стѣнъ обителей, изъ-за заборовъ домовъ, съ улицъ, просто по откосамъ, круглятся зеленыя раины только что облиствившихся садовъ... Сады наверху, сады внизу. Деревья заполонили овраги, забрались во всякую щель, сіяютъ сквознымъ изумруднымъ блескомъ съ каждаго выступа, на каждой плешкѣ береговыхъ холмовъ, и только узкое побережье Нижняго Базара, кипящее торговою суетою, почти вовсе лишено зелени...

Зато по сю сторону, на ярмарочномъ берегу—тихо и пустынно. Здѣсь забушуетъ, точно съ коновязи сорвавшаяся,

жизнь, еще черезъ три мѣсяца. Пусты длинныя линіи лавокъ, на замкахъ амбары и сараи, и только оставшееся позади знаменитое Кунавино чуть дышетъ еще, точно собираясь съ силами, передъ скорымъ пробужденіемъ.

— Скоро-ли пароходъ подадутъ? спрашиваю.

— А еще часокъ подождать надо.

Скучно. Толпа собралась на пристани и томительно всматривается въ даль: не видать-ли парохода.

— Вамъ бы лучше лодку взять, если не боитесь.

— Чего же бояться?

— А по Окѣ нынѣ волны ярыя. Ишь какъ она, матушка, разыгралась!...

Тутъ же конторка, за нею еврей, торгующій лодками.

За 20 коп. меня снабдили чѣмъ-то въ родѣ нашего сѣвернаго карбаса съ двумя гребцами, въ одно весло каждый, и рулевымъ, заправлявшимъ тоже весломъ. Въ Поморьѣ такъ даже и бабы не гребутъ.

Вмѣсто того, чтобъ прямо плыть на ту сторону, мы взяли на перерѣзъ теченію. Спрашиваю: зачѣмъ не прямо?

— Оборони Боже. Вишь волна крутая какая, зальетъ!

Несмотря на солнечный день—вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и хлесталъ ими въ наши лица. Скоро мы промокли насквозь... Только черезъ часъ мы были на той сторонѣ...

Никому изъ пріѣзжихъ не совѣтую останавливаться на Нижнемъ Базарѣ, какъ сдѣлалъ я. Городъ расположенъ наверху и каждый разъ чуть не двѣ версты мнѣ приходилось ѣхать въ гору. Солнце почти сверху. Лошадь едва переступаетъ, встаскивая наверхъ тяжелыя дрожки. Направо и налѣво ничего, кромѣ зеленыхъ откосовъ съ желтыми полосами осыпей, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, оползней. И время теряешь, и томитъ это медленное, надоѣдливое «восхожденіе» на нижегородскіе Монбланы.

Вверху разбиты правильныя улицы, ничѣмъ не отличающіяся отъ другихъ поволжскихъ городовъ. Только что развѣ городовые здѣсь посытѣе выглядываютъ и квартальные, по осанкѣ, генералами кажутся. Видно матушка ярмарка всѣхъ тутъ поитъ и кормитъ! Всѣмъ-то она, ласковая да податливая, служитъ да раболѣпствуетъ. «Плебсъ», избравшій себѣ Нижній Базаръ, рѣдко появляется на улицахъ верхняго города, гдѣ встрѣчаются только дамы, въ какихъ-то невиданныхъ костюмахъ, гдѣ и перья и ленты, и бахромки и птички на головѣ, и цвѣты и цѣлые огороды какіе-то! Чиновники—столичнаго пошиба съ безкорыстіемъ во взорахъ. Только рядомъ съ этими Юпитерами нижегородскими, мелькнетъ порою прежній форменный типъ, въ потертомъ вицъ-мундирѣ и широкихъ, какъ паруса, шароварахъ, но и тотъ уже выглядываетъ какъ-то сконфуженно, стороною пробирается, точно самому ему совѣстно, что онъ еще существуетъ здѣсь, и тщетно подбираетъ онъ въ себя не въ мѣру выпятившійся животъ—прямое доказательство, что петербургскія чиновничьи лабораторіи достаточно напустили уже сюда разныхъ администраторовъ и судей самаго послѣдняго покроя. Тщательно выбритые подбородки и бакенбарды котлетками вытѣсняютъ прежнюю щетину, и вмѣсто старыхъ раскормленныхъ и добродушныхъ дворнягъ въ каждой канцеляріи уже завелись годныя на всякую травлю гончія.

II.

Съ откоса заволжскія дали.

— Что у васъ тутъ стоитъ посмотрѣть?

— Господа больше на откосъ ѣздятъ, предложилъ мнѣ извощикъ.

Поѣхалъ и я. Еще подъѣзжая къ откосу, чувствуется въ воздухѣ что-то свѣжее, рѣкою пахнетъ. Городъ отодвигается назадъ—впереди зеленѣютъ деревья Александровскаго сада... За ними пока еще смутно мелькаютъ какія-то заманчивыя дали.

Откосъ—это крутой берегъ Волги, весь покрытый деревьями хорошо разбитаго сада. Между ними прорыты дорожки сверху до низу, гдѣ аллеи уже сплетаются въ густые своды и гдѣ всегда царитъ прохлада и тѣнь...

Едва-ли какой-нибудь другой русскій городъ можетъ похвалиться такою широкою панорамою, такими необычайно красивыми видами, какъ Нижній. По крайней мѣрѣ, я просто замеръ, остановясь на краю откоса...

Передо мною на громадныя разстоянія неожиданно развернулась даль противоположнаго берега Волги... Воды ея только что вошли въ берега, и вся эта зеленая, мягкая понизь сверкала черточками, щитами и излучинами еще оставшихся на ней разливовъ. Подъ блескомъ заката, края этихъ щитовъ золотились и тамъ, гдѣ самой понизи уже видно не было, гдѣ вся она сливалась въ одну непроглядную синеву... Ближе сюда, на зеленомъ просторѣ, громадное село Боръ, съ бѣлыми силуэтами своихъ многочисленныхъ церквей, опушенное нѣжными волнами только что распустившихся садовъ. За ними смутно мерещутся другія села, плохо различаемыя; то мелькнутъ они, то опять уходятъ изъ-подъ взгляда... На самомъ западѣ ярко золотящійся просторъ Волги не отличался отъ золотаго заката... Словно онъ и на землѣ и на небѣ горитъ, охватывая окрестности своими розовыми тонами. Зато внизу, ближе, сама Волга стелется спокойная, величавая, зеркальная... Только изрѣдка пробѣжитъ по ней вѣтеръ, оставивъ за собою нѣсколько пятенъ красивой ряби... Да серебряною нитью ложится пѣна за быстро бѣгущими внизъ пароходами... И сами-то они отсюда, сверху, такими маленькими кажутся, микроскопическими. Щепка, муха

какая-то, только на этой мухѣ отличишь и трубы, и мачты, и еще болѣе мелкихъ насѣкомыхъ—людей, копошащихся на ея палубѣ. Длинные ряды баржъ идутъ за пароходами, мачты ихъ гордо распустили по вѣтру свои флаги... И вдали, на остающихся еще слѣдахъ волжскаго разлива по понизямъ, глазъ различаетъ мелкіе челноки... Гдѣ-то далеко, далеко, смѣлый, крупный парусъ судна полощется словно бѣлое крыло... Вотъ другой, весь пронизанный розовымъ блескомъ заката... Не алый цвѣтокъ ли вспыхнулъ это на голубомъ просторѣ Волги?... Въ первое время не знаешь куда смотрѣть, на чемъ остановиться. Жаль оторваться на минуту отъ этихъ синѣющихъ далей, хочется разглядѣть и прямо внизу подъ собою маленькіе пароходы, мокшаны и бѣляны, причалившіе къ берегу... Пестрыя каютки на нихъ, челноки, качающіеся за ними, толпа экипажа на палубѣ... Вотъ какое-то неуклюжее судно. Стоитъ, кажется—а за нимъ слѣдъ мерещится, значитъ, идетъ оно, дразня весь этотъ просторъ гулкими перекатами пѣсни... И пѣсня-то, не прислушаешься къ ней—то тутъ вотъ у самаго уха ширится и ныряетъ въ воздухѣ, то уйдетъ куда-то, точно вѣтромъ ее уноситъ въ сторону... А тутъ еще назойливые свистки пароходовъ врываются въ эти замирающія нотки... И опять взглядъ разсѣянно бродитъ въ синихъ даляхъ, точно хочется ему различить тамъ заволжскіе лѣса, повитые словно туманомъ, силится прослѣдить зигзагъ какого-то разлива и, не разсмотрѣвъ ничего, опять тонетъ въ цѣломъ морѣ точно дымящагося золота заката, уже затопившаго всю западную часть этой понизи, тогда какъ на востокѣ свертывается и расползается все шире и шире синеватая мгла приволжской ночи!... Вступъ Оки въ Волгу едва едва замѣтенъ отсюда... И чѣмъ ярче закатъ—тѣмъ живѣе краски берега. Подъ солнцемъ все золотится, и пароходы, и лодки, и даже труба какого-то завода, и бѣляна, плывущая внизъ, точно вся выкована изъ золота...

Вотъ прямо напротивъ какое-то грузное большое судно стоитъ между закатомъ и глазомъ. Все оно черное такъ и вырѣзалось на этомъ огнистомъ фонѣ. Видѣнъ только силуэтъ его, рѣзкій со всѣми деталями контуровъ. Зато въ серединѣ на немъ ничего. Точно оно вырѣзано изъ черной бумаги... А тутъ, въ зеленой вершинѣ липы, распѣлись птицы и назойливо звѣнятъ онѣ и свищутъ... Какой-то щегленокъ по мальчишечьи разорался въ чащѣ.

Ночь все близится и близится!... Внизу въ густыхъ аллеяхъ сада свертывается сѣрая мгла, изъ которой, словно живыя, выступаютъ розовыя вершины деревьевъ. По равнинѣ, вдали, точно звѣзда, сверкаетъ порою окно какого нибудь дома, то словно золотая коса вырѣжется песчаная желтая ложбина... Чѣмъ ниже солнце—тѣмъ лиловѣе даль, а когда оно сѣло въ сизую койму едва прорѣзавшихся надъ горизонтомъ тучекъ, вся эта понизь легла какимъ-то бархатистымъ лиловымъ просторомъ... Еще рѣзче на немъ горятъ огнистыя коймы озеръ... Точно кто-то раздуваетъ угольки вдали—блещутъ небольшіе зимники... Село Боръ все ушло въ синеву ночи, и только церкви его, бѣлыя и стройныя, едва мерещутся за Волгою...

Пахнетъ рѣкою и весеннею зеленью. Свѣжо какъ! Эту ширь не только видишь—ее чувствуешь. Закрой глаза—по запаху воды и луговыхъ цвѣтовъ, по спокойному шелесту вѣтра и Богъ знаетъ почему еще, узнаешь этотъ просторъ. Мнѣ кажется, здѣсь его и слѣпой угадаетъ!...

Въ Александровскомъ саду, нѣсколько пониже откоса—кафе-ресторанъ, съ музыкою. Я сошелъ туда—и самъ не радъ былъ. Три или четыре еврея визжатъ на скрипкахъ, терзая уши грязнымъ половымъ и двумъ налившимся пивомъ коммерсантамъ. Мотивы изъ «Прекрасной Елены», «Зеленаго острова» перепутывались съ какими-то «чижиками». Скрипки тянули въ разбродъ, точно каждый игралъ отдѣльно, не слушая другихъ.

Особенно комична была фигура толстаго еврея, буквально рѣзавшаго скрипку смычкомъ, закрывъ глаза и точно наслаждаясь безчеловѣчіемъ звуковъ, извлекаемыхъ имъ изъ своего музыкальнаго инструмента. Другой попиливалъ небрежно, меланхолически поглядывая въ окна, точно звуки сами по себѣ, а онъ самъ по себѣ. Третій игралъ, разговаривая съ пріятелемъ и въ патетическихъ мѣстахъ поталкивая его ручкою скрипки. На площадкѣ передъ кафе гуляющіе пили чай. Прислушался—и еще скучнѣе стало.

— Ну, какъ дѣла съ сал́омъ будутъ?...

— Плохи вѣрно.

— Желѣзо ужъ въ доставкѣ.

— Да по Камѣ не мало привалило...

— Сказываютъ, Черешневъ очки втеръ кредиторамъ.

— По пятиалтынному за рубль...

И вездѣ этотъ разговоръ. За столомъ табльдота, въ гостинницѣ, въ саду, въ залѣ клуба, на улицахъ, на бульварахъ, куда не сунешься въ Нижнемъ—вездѣ «рубль и рубль». Мысль не выходитъ изъ этихъ предѣловъ. Царство мѣднаго гроша властвуетъ здѣсь невозбранно. Городъ живетъ отъ ярмарки до ярмарки. Интересовъ никакихъ, кромѣ коммерческихъ; дѣятельности иной тоже нѣтъ. Среди этой чудной панорамы синихъ далей и зеленыхъ понизей, на берегахъ этой красавицы рѣки, обидно становится за поэтическое чувство человѣка, придавленное, задушенное вѣчною неотступною мыслью о наживѣ. Досадно и больно за это рабское подчиненіе ржавому пятаку. Вотъ сидятъ двѣ дѣвушки: разгорѣвшіяся личики, живой разговоръ. Думаешь, хоть на нихъ обаятельно дѣйствуетъ этотъ вечеръ, хоть онѣ чувствуютъ красоту и прелесть окружающей ихъ природы.

— И съ чего это она пошла за него?

— Какъ не пойдти, у него свой пароходъ по Волгѣ бѣгаетъ; теперь онъ лѣсомъ торговать сталъ.

Тьфу, ты пропасть!

III.

Литература и литераторы въ провинціи.

Въ Нижнемъ есть интеллигентный кружокъ, дѣлающій свое дѣло наперекоръ этому меркантильному, биржевому направленію города. Я говорю о мѣстномъ статистическомъ комитетѣ, въ сравнительно очень небольшой промежутокъ времени издавшемъ пять большихъ томовъ своихъ работъ подъ общею рубрикою «Нижегородскаго Сборника», съ 62 статьями преимущественно этнографическаго характера. Редижируется это изданіе г. Гацисскимъ, авторомъ и издателемъ «Нижегородки», ежегоднаго путеводителя и указателя Нижняго и его ярмарки, книги, которая была бы желательна для каждаго крупнаго центра Поволжья и другихъ городовъ Россіи. Сверхъ того, тотъ же г. Гацисскій издалъ два выпуска сборника въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года. Тутъ, сверхъ трудовъ редактора, обращаютъ на себя вниманіе работы гг. Журавскаго, Потанина, Арсеньева (Ф. А.), Небольсина и др. Мѣстные литераторы сдѣлали тоже вкладъ въ казанскій сборникъ «Первый шагъ». Вообще, въ умственномъ пробужденіи русской провинціи—Нижній играетъ видную и почтенную роль, едва ли даже не главную, судя по достоинству и этнографической важности мѣстныхъ изданій. Наша этнографія, разумѣется, много выиграетъ отъ этого. Инородцы и колонисты Поволжья, религіозный складъ края, гдѣ что «ни мужикъ—то вѣра, что ни баба—то уставъ», интересный бытъ промышленниковъ—все это

даетъ богатый матеріалъ добросовѣстному изслѣдователю. Дай Богъ только побольше такихъ, и если провинція сама выполнитъ трудную задачу—великая ей за это слава. Государственное собираніе земли русской—окончено. Теперь наступила пора ея литературнаго «собиранія». Въ этомъ смыслѣ никто не долженъ и не можетъ скептически относиться къ нашей провинціи. Она еще не сдѣлала ничего, она только пробуетъ подняться, будемъ же свидѣтелями ея расцвѣта, если мы не можемъ быть участниками ея дѣла. Разлада между интеллигенціею столицы и дѣятелями области не можетъ быть. Ихъ работа различная, и чѣмъ ранѣе они подѣлятся тѣмъ лучше. Пусть столица будетъ связью русскаго ума съ европейскимъ, пусть она станетъ звеномъ области съ общимъ прогрессомъ всего человѣчества, пусть она служитъ, такъ сказать, лабораторіею, гдѣ, съ одной стороны, будутъ вырабатываться плоды западной цивилизаціи въ продукты пригодные русскому уму, а съ другой стороны, результаты отечественнаго областнаго прогресса выливаться въ формы, удобныя для воспринятія ихъ Западомъ. Провинціи остается громадная роль разработки мѣстныхъ умственныхъ источниковъ, чисто русское литературное движеніе; она должна, наконецъ, сказать намъ, что такое Россія и что такое ея народъ, указать формы, обособленныя, коренныя формы, въ которыхъ его государственный строй былъ бы строемъ и народнымъ и прогрессивнымъ въ одно и то же время. Столица будетъ только факторомъ, посредникомъ между идеею человѣчества и идеею народа. Провинція заявляетъ свое желаніе дать намъ идеалы—пусть она дастъ ихъ, если можетъ. И споръ между нами мнѣ вовсе непонятенъ. Въ республикѣ ума и слова нѣтъ прерогативъ и привилегій. Въ ней каждый трудится, какъ хочетъ и какъ можетъ. За областными умами никто не отрицалъ права сказать свое слово, и озлобленіе ихъ на столицы, по меньшей мѣрѣ, недальновидно. Вѣдь столица

не виновата въ томъ, что область до сихъ поръ еще не сказала этого слова. Вѣдь ожесточеніе ихъ другіе, пожалуй, объяснятъ безсиліемъ сказать что-нибудь свое. Вѣдь ругань—не признакъ силы и нравственнаго превосходства.

IV.

Муравьевская дылда и виды съ гребешка.

Обратитесь къ любому нижегородцу и попросите указать достопримѣчательности города; прежде всего онъ посовѣтуетъ осмотрѣть Муравьевскую башню, выстроенную на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ берега надъ Окою. Ее видно издали, когда вы еще приближаетесь къ городу. Цѣлью сооруженія было указаніе ярмаркѣ времени, для чего на башнѣ устроены часы. Съ перваго же года непрактичность постройки, обошедшейся городу въ 30,000 р., обнаружилась вполнѣ. Часы были видны неясно и притомъ немилосердно врали, показывая на одной сторонѣ половину втораго, а на другой—семь. Теперь они не дѣйствуютъ и башня вовсе брошена, получивъ названіе дылды.

— Вы только смотрите, не лѣзьте на нее, предупреждали меня.

— Отчего?

— Говорятъ, скоро обрушиться должна. Ужъ трещину внутри дала большую.

— А какъ же вы живете здѣсь, указалъ я на избушки, лѣпившіяся вокругъ «дылды».

— А это ужъ вы спросите вонъ у того «туземца».

На завалинѣ сидѣлъ, глядя на башню подслѣповатыми глазами, сѣдой, какъ лунь, старикъ. Спросили у него.

— Эхъ вы, отъ Бога-то убѣжать хотите! прошамкалъ онъ. Какъ мы живемъ? Такъ и живемъ здѣсь. Пошлетъ кончину, ну и примемъ. Сказано, безъ воли Его ни единаго волоса, а вы отъ Господа своего уйдти вознамѣрились... Обрушится!... Ну, а какъ Богъ-то тебя лихою болѣзнью свернетъ... Тогда что? Онъ, братъ, тебя найдетъ. Какой ни будь ипостасный господинъ, а онъ тебя выищетъ!... А ты думалъ убѣчь отъ него!... Хха!... Нѣтъ я посмотрю, какъ ты уйдешь отъ него!... Онъ, братъ, тебя...

— Ну, а правда, что башня трещину дала?

— А дала! спокойно вскинулъ онъ глазами на дылду.

— И упадетъ?

— Отчего же ей не упасть, упадетъ!... Старикъ, повидимому, гордился такою достопримѣчательностью. Попуститъ Богъ—и упадетъ, а не попуститъ—можетъ и долго простоять. Она съ трещиною... Енералы смотрѣть ее ѣздятъ. Сказываютъ, одинъ аглецкій енералъ пріѣзжалъ, молебенъ служилъ.

— Зачѣмъ же молебенъ?

— А отчего-жъ ему не сослужить... Съ водосвятіемъ... У него вѣдь своей вѣры нѣтъ... Ну онъ нашему Богу и молится.

Отсюда прелестный видъ на Оку и Волгу. Стрѣлка, т. е. полуостровъ, отдѣляющій Оку отъ Волги, такъ и рисуется вся, съ ярмарочными зданіями, съ громадною массою еще недостроеннаго собора, совершенно закрывающаго своимъ колоссальнымъ силуэтомъ теченіе Волги за нимъ. Эта правильная глыба кирпича точно давитъ прямыя линіи ярмарочнаго гостинаго двора, сибирскую пристань и дома, кажущіеся сравнительно съ соборомъ, толпою карликовъ, суетящихся у ногъ великана. За соборомъ и стрѣлкою опять заволжскія дали, еще очаровательнѣе, если это только возможно. Загибы громадной рѣки далеко видны среди яркой зелени низовыхъ луговъ и съ громадными слободами, селами, деревнями и поселками, ярко

выступающими подъ блескомъ полуденнаго солнца. Еще дальше за ними синяя полоса лѣса и налѣво легкіе, едва намѣченные контуры горнаго берега Оки, на столько смутные, что они кажутся только нѣсколько сгустившимся туманомъ. Такъ и тянетъ туда, такъ и хочется уйдти въ эти тихія пустыни. Вѣтеръ гонитъ волны по Окѣ, на мелководьяхъ до песка взрываетъ рѣку, и бѣлыя мутины пятнами раскидываются по сторонамъ. Между Волгою и Окою слободъ и деревень точно насыпано, такъ ихъ много—и всѣ онѣ какъ на ладони. Приволье!... Все точно рвется изъ предѣловъ и безъ того громаднаго простора. Спокойная, величавая красота этихъ понизей, впервые дала намъ почувствовать все обаяніе великорусской равнины. До сихъ поръ глазъ, привыкшій еще къ суровымъ картинамъ дикаго сѣвера, или къ грандіознымъ очеркамъ южныхъ городовъ, разсѣянно слѣдилъ за этими однообразными гладями, и только здѣсь онѣ явились во всеоружіи, затмѣвая и угрюмое однообразіе пустынныхъ береговъ Ледовитаго океана и неожиданные эффекты кавказскаго пейзажа... При нѣкоторомъ усиліи взглядъ различалъ за переднею грядою берега Оки — другую гряду, другіе холмы, точно тамъ небо нѣсколько гуще синѣло... Между ними будто пыль стояла — вершины уже невидимаго лѣса... Пыль стоитъ или дымъ курится—такимъ всегда кажется далекій лѣсъ между двумя вершинами: одной ближе къ зрителю, другой высшей дальше отъ него...

Прямо надо мною солнце ярко освѣщало площадку Благовѣщенскаго монастыря. На самомъ ослѣпительномъ пятнѣ его, у стѣны обители—каменное крылечко, сверкающая изумруднымъ блескомъ раина густолиственнаго клена, на крылечкѣ сидитъ монахъ, точно онъ замеръ тутъ... Видно только, какъ онъ жмурится на солнце—должно быть и его пронимаетъ оно жаркими лучами. Лучи сыплются и на могилы, близъ монастырскаго собора, и на его колокольню... Рядомъ со мною

быкъ мирно жуетъ траву, ворона съ вершины башни каркаетъ на весь этотъ просторъ... А внизу, въ садикѣ обители, мелкая пташка такъ и заливается, такъ и брызжетъ и прыщетъ дробрыми трелями своей звонкой пѣсни... Чувствуешь, что нѣтъ конца этой красотѣ, нѣтъ предѣла этому приволью...

V.

Листки изъ прошлаго.—Караулъ, грабятъ.—Скворецъ и дятелъ. — Городъ каменный, люди желѣзные.

Монастырь этотъ напоминаетъ далекое время нижегородской старины.

Пользуясь прекраснымъ трудомъ г. Гацисскаго и др., заглянемъ въ эти давно позабытыя были. Всю исторію своего города г. Гацисскій выражаетъ однимъ девизомъ: «Караулъ—грабятъ!» Дѣйствительно, то русскіе грабили здѣсь мордву, то мордва грабила русскихъ, потомъ тѣхъ и другихъ стала грабить татарва, на мѣсто которой явилась понизовая вольница. Только очень недавно Нижній зажилъ спокойною жизнью. Во времена стародавнія—тутъ была пустыня. На мѣстѣ Нижняго жилъ Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья-разбойника; восемнадцать женъ родили Скворцу семьдесятъ сыновей. Пасли они безчисленныя стада свои на горѣ, а потомъ ихъ гоняли на Оку. По сосѣдству жилъ чародей Дятелъ. «Что будетъ съ моими дѣтьми?» спрашиваетъ его Скворецъ. — Коли будутъ жить согласно—станутъ володѣть всею округою, разсорятся—придутъ русскіе, поставятъ на устьѣ Оки градъ каменъ и крѣпокъ зѣло-зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія. Умеръ Скворецъ, пошли дѣти его одинъ на другаго. Распрею ихъ

воспользовался Андрей Боголюбскій и захватилъ побережье, а племянникъ его, Юрій, построилъ здѣсь городъ. Въ дѣйствительности, русскіе отняли эту землю у мордвы, которая не разъ пробовала возвратить себѣ потерянную землю, но была побиваема русскими.

По глубокому оврагу, черезъ Нижній, протекаетъ рѣченка Почайна. Она, въ послѣдствіи, должна будетъ поглотить весь Нижній. Въ ея верховьи лежитъ большой камень. Нѣкогда на немъ были невѣдомыя письмена—теперь ничего не осталось. Когда придетъ пора погибнуть городу, камень этотъ сдвинется съ мѣста, изъ-подъ него хлынетъ вода и затопитъ Нижній. А всему виною непочтительность нижегородскихъ бабъ. По крайней мѣрѣ, легенда все сваливаетъ на нихъ. Жилъ, видите ли, въ Муромѣ старецъ Макарій и сталъ ему являться бѣсъ въ образѣ женщины. Смутились монахи и прогнали отъ себя Макарія. Старецъ сѣлъ на большой камень и поплылъ на немъ вдоль по рѣкѣ. Долго ли, скоро ли, а пришлось ему доплыть до Нижняго. Усталъ старецъ, отдохнуть ему захотѣлось, да не понравился онъ бабамъ, стиравшимъ бѣлье у устья Почайны. Эти безцеремонныя амазонки прогнали его руганью да вальками.

— Будь же ты проклятъ! обратясь къ Нижнему, сказалъ Макарій, пусть эта рѣчка въ свѣтопредставленіе большою станетъ и поглотитъ тебя!..

Полагаю, еслибъ старецъ Макарій оказался помоложе и покрасивѣе, бабы были бы къ нему ласковѣе, и Нижнему не грозила бы столь печальная участь.

Нижегородцы, впрочемъ, издавна были стяжателями, съ первыхъ страницъ своей исторіи обѣщая въ будущемъ выработать коммерческихъ людей, строго дѣйствующихъ по нашему старо-русскому торговому принципу—копѣечка рубль бережетъ. По скитскому преданію, въ то время, когда на русской землѣ

татарва царила, шелъ въ орду святитель Алексѣй, митрополитъ московскій «ради народнаго умиленія». Проходилъ онъ не во славѣ, а смиреннымъ странникомъ. Видя, что съ такого бѣдняка взять нечего, перевозчики не захотѣли переправить его черезъ рѣку у Нижняго. Невидимо мірскимъ очамъ чудотворецъ переплылъ Оку на своей мантіи. На берегу въ это время мыли бѣлье тѣ же неизбѣжныя бабы, призванныя, кажется, со временъ Адама обрушивать на родъ человѣческій всевозможныя бѣдствія. Попросилъ у нихъ святой мужъ милостыни, онѣ его вальками избили до крови. Хотя и случилось тутъ чудо, грянулъ громъ съ небеси, молнія источила родникъ изъ горы, но «свята мужа, всетаки, не познали» и согнали его съ источника «не честью». Искалъ святитель ночлега, ходилъ отъ дома къ дому—нигдѣ бѣдняка не приняли, и возмутился св. Алексѣй и «воззрѣвъ на каменныя стѣны кремлевскія», заклялъ:

— Городъ каменный, люди желѣзные!

По другимъ свѣдѣніямъ, когда исполнится мѣра беззаконій, Нижній долженъ провалится. Объ этомъ разсказываютъ сотни легентъ. Видно здѣсь, дѣйствительно, не мало беззаконія всякаго, если такъ чутки старожилы къ вѣстямъ о гибели своего гнѣзда. Преданія эти поддерживаются частыми горными обвалами, случающимися здѣсь по веснамъ. Обвалы называются оползнями. Такимъ оползнемъ въ 1597 году, напр., былъ разрушенъ до основанія Печерскій монастырь.

Городъ, избившій вальками старца Макарія и отказавшій въ милостынѣ св. Алексѣю и въ послѣдствіи во всемъ, что только выходило изъ предѣловъ царства мѣднаго гроша, оказывался варваромъ образцовымъ, если исключить Минина, который всетаки не былъ нижегородцемъ, а выходилъ родомъ изъ Новгорода-Великаго. Въ Нижнемъ, напр., родился и жилъ геніальный Кулибинъ, скончавшійся здѣсь же «всѣми забытый» и терпя притомъ нужду безъисходную. Онъ завѣщалъ

мѣстному обществу изобрѣтенное имъ волжское самоходное судно — чудо своего времени. Сограждане, не спуская судна на воду, употребили его... на отопленіе городской думы! Желѣзные люди каменнаго города въ то время, видно, были очень крѣпки затылками. Впрочемъ, это не единственный примѣръ. На дальнемъ сѣверѣ, на Моисеевомъ островѣ Сѣверной Двины стояли когда-то петровскія «царскія свѣтлицы». Въ двадцатыхъ годахъ онѣ изчезли невѣдомо куда. Ни слуху ни духу. Были и нѣтъ. Не употребили ли ихъ, «въ виду общественной пользы, на отопленіе городской думы!»

VI.

Кума вина или куна вина?

Нижній, вообще — городъ легендъ и преданій. Знаете-ли вы, напримѣръ, какъ явилось на свѣтъ Кунавино, этотъ — Вавилонъ, Содомъ Макарьевскій, этотъ приволжскій баль-мабиль, громадный домъ терпимости, цѣлую слободу захватывающій въ свои предѣлы?

Былъ тутъ прежде кабакъ съ молодою вдовою хозяйкою, которую за красоту и привѣтливость прозвали кумою. Проѣзжіе и прохожіе останавливались здѣсь выпить зелена вина и приволокнуться за нею. Стали сюда понавѣдываться и приказные и посадскіе люди; встрѣчать ихъ хозяйка выходила на берегъ и они еще издали кричали ей — «Кума — вина!» Кума, наконецъ, дождалась чести великой, пріѣхалъ къ ней самъ воевода съ дьяками, подьячими, старостами, осушилъ чару водки-вейновой, поцѣловалъ хозяйку, а въ «посудку» опустилъ и «златъ перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ». Уже на перевозѣ пове-

лѣлъ онъ называть это мѣсто «кумавинымъ». Съ тѣхъ поръ повезло кумѣ. Много женъ съ мужьями перессорилось и передралось изъ-за кумы, много косъ и бородъ обрѣдѣло по ея милости, пока красавица не вышла замужъ за гостя московскаго, прозваннаго въ насмѣшку Кумавинымъ. Есть еще болѣе романтическая легенда съ трагическою развязкою, которую г. Гацисскій приводитъ на стр. 49—58 своей «Нижегородки». Нижегородскіе филологи вели споръ: какъ слѣдуетъ поэтому называть мѣстный Содомъ—Кумавинымъ или Кунавинымъ, такъ какъ, по другой догадкѣ, жившіе здѣсь перевозчики и татары брали пошлины, куны за переправляемый по Окѣ и Волгѣ товаръ... Теперь Кунавино тоже съ пріѣзжихъ торговцевъ беретъ пошлины, но уже не кунами, а болѣе подходящею монетою, хотя слава этой веселой слободы все падаетъ и падаетъ, вмѣстѣ съ размѣрами нижегородской ярмарки. Нѣтъ уже тѣхъ безобразныхъ кутежей, того безшабашнаго разгула. Китъ Китычи узнали цѣну деньгамъ и не швыряютъ ихъ попусту въ бездонныя утробы кунавинскихъ гурій; а сынки ихъ, повыходившіе изъ комерческихъ училищъ и выполированные заграницею, познали всю прелесть французскихъ кокотокъ и къ русскимъ продуктамъ этого рода относятся уже съ пренебреженіемъ цивилизованнаго европейца, случайно попавшаго къ папуасцамъ. Впрочемъ, пока еще всѣ папуанцы не вывелись—Кунавино существуетъ, хотя далеко не съ прежнимъ блескомъ.

VII.

Фотографія, обѣщающая убить живопись.

Въ Нижнемъ и теперь есть изобрѣтатель, работы котораго должны произвести коренной переворотъ въ фотографіи да и,

вообще, въ живописи. Съ нимъ я познакомился въ мѣстномъ комерческомъ клубѣ. Это—А. О. Корелинъ. Фигура артиста въ полномъ смыслѣ слова. Львиная грива бѣлокурыхъ волосъ слегка рыжеватаго оттѣнка, низко падающая, борода... Волосы небрежно откинуты назадъ, оставляя открытымъ высокій, красиво сформированный лобъ; правильный, смѣло очерченный носъ и симпатичные, пристальные глаза врѣзываются въ памяти невольно. На другой день я посѣтилъ его мастерскую и вышелъ оттуда вполнѣ изумленнымъ. Несчастіе Корелина въ томъ, что онъ, вопервыхъ, русскій, а, вовторыхъ, не промышленникъ. Будь онъ—нѣмцемъ, французомъ, англичаниномъ, даже, если хотите, туркомъ (они къ тому же въ модѣ нынѣ), о немъ прокричалъ бы весь грамотный міръ, будь онъ промышленникомъ-фотографомъ, ремесленникомъ, онъ съумѣлъ бы воспользоваться славою въ пользу своего кармана, перенесъ бы дѣятельность на болѣе широкое поприще и, ликвидировавъ затѣмъ свои дѣла, зажилъ бы спокойною, животною жизнью хорошо обезпеченнаго рантьера.

Фотографическіе снимки съ группъ—до сихъ поръ дѣлаются не иначе какъ на одномъ планѣ. Случается снимаютъ въ два и три ряда, но при полномъ и ясномъ изображеніи перваго, второй является нѣсколько туманнѣе, а третій и вовсе расплывается какими-то пятнами. Рѣзкость, глубина фокуса получаются въ одной плоскости. Въ современной фотографіи боковыя части картины (при съемкѣ портретовъ), глубина фона и края стушевываются. Корелинъ изобрѣлъ аппаратъ, передающій на снимкѣ группы, разбросанныя на три сажени въ глубину сцены, такими, какими они являются въ дѣйствительности. Его приспособленіе подчиняется только одному закону—перспективы. На карточкахъ, сдѣланныхъ имъ, я видѣлъ десять, двѣнадцать человѣкъ, сидящихъ на разныхъ планахъ, въ предѣлахъ разныхъ плоскостей одной и той же комнаты,

и всѣ они—выходили отчетливо, рельефно, ясно. Ни одна фигура, ни одно лицо не расплывались. Туманныхъ штриховъ не было вовсе. Нѣтъ расплывчивости и въ деталяхъ снимка. Такъ мелкія вещи, узоръ гардинъ, ковра, пейзажи, открывающіеся въ отворенное окно—все это разбросанное по картинѣ впереди и позади, по сторонамъ, вверху и внизу—ясно, отчетливо. Я видѣлъ одну карточку, гдѣ сидѣли три группы—и всѣ вышли художественно. Затѣмъ, когда онъ показалъ мнѣ листки своего художественнаго альбома, я было заподозрилъ его, что онъ меня морочитъ, что это снимки съ картинъ, и убѣдился только тогда въ фотографическомъ происхожденіи снимковъ, когда узналъ на картинѣ многія знакомыя лица. На его работахъ — нѣтъ пятенъ, короче, это картина, это вполнѣ художественное произведеніе! Приэтомъ снимки получаются безъ малѣйшей ретушовки; поправляются только случайно появляющіяся точки отъ соринокъ на стеклѣ негатива. На одномъ изъ снимковъ изображено цѣлое семейство, сгруппировавшееся у окна, слушая пѣвцовъ-савояровъ съ волынкою, отчетливо рисующихся въ открытое окно; здѣсь около четырехъ плановъ—и всѣ фигуры какъ живыя. Прибавьте къ этому изящество, нѣжность, теплоту рисунка. Матеріи передаются такъ, что, напримѣръ, не одинъ я отличилъ монтаньяръ отъ сукна, не говоря уже о передачѣ бархата и шелка. Освѣщеніе ложится приэтомъ не кляксами, а какимъ оно является въ картинѣ художника. Читающія дѣвушки, бабушка съ дѣтьми — все это кажется не портретами, на которыхъ мы привыкли къ сухости линій и какой-то плоскости изображеній—а просто жанровыми картинами. По отзывамъ скульпторовъ въ Петербургѣ, которымъ г. Корелинъ показывалъ свои снимки, съ нихъ не только писать, но и лѣпить можно. Одинъ снимокъ особенно запечатлѣлся у меня въ памяти: женщина, подающая милостыню нищему. Солнце ярко бьетъ въ бѣлую стѣну дома, у которой стоитъ смуглый

нищій. При такомъ ослѣпительномъ блескѣ у фотографовъ вышло бы пятно и только. Тутъ не только стѣна отчетлива, но каждая морщинка на лицѣ старика, которое и на снимкѣ получилось смуглымъ, бронзовымъ, каждый волосокъ. А фигура женщины, подающей милостыню! Зрителю видна только она позади, да полуоборотъ лица, но все, начиная отъ платья и кончая ея профилемъ, живо; кажется, что въ этихъ фигурахъ бьются пульсы—такое впечатлѣніе картины. На другомъ снимкѣ, строющійся домъ, обведенный лѣсами, на лѣсахъ штукатуры въ бѣлыхъ рубахахъ, на которыя бьетъ солнце. Всюду—рубахи эти вышли бы пятнами, тутъ воспроизводится каждая складка, приэтомъ видишь, что рубахи, именно, холщевыя, а не другія. Прибавьте, что бѣлыя рубахи—выдѣляются на бѣлой стѣнѣ... А другая у окна группа: въ окнѣ далекій пейзажъ, на стеклѣ одной изъ рамъ отраженіе этого пейзажа вкось—это нужно видѣть, чтобъ повѣрить самому! Экспонировка, т. е. съемка, производится въ теченіе одной секунды, только на воздухѣ, въ комнатѣ—дольше гораздо. Такимъ окразомъ, можно схватывать такія жанровыя картины, которыя доступны только очень талантливому живописцу. Еще одна замѣтка: на снимкѣ герцогъ эдинбургскій. Будучи самъ знатокомъ дѣла, онъ нарочно сѣлъ такъ, что для обыкновеннаго аппарата фигура его была бы, если позволено такъ выразиться, «не фотографна». Онъ снятъ лицомъ и фасомъ къ аппарату, закинувъ ногу на ногу. Ноги его въ обыкновеніемъ снимкѣ получились бы несоразмѣрно громадными, такъ какъ онѣ находятся на переднемъ планѣ; находящіяся на второй плоскости руки, тоже были бы велики, сравнительно съ лицомъ, которое, будучи помѣщено въ третьей, самой задней, плоскости оказалось бы слишкомъ маленькимъ. На карточкѣ Корелина герцогъ представляется такимъ, какимъ онъ явился бы нашему взгляду. Это уже художественный портретъ съ полною соразмѣрностью всѣхъ деталей, а не фотографія!

Повторяю, нужно самому видѣть, чтобъ повѣрить этому. Мастерская обязательнаго художника, впрочемъ, открыта каждому.

Не правда-ли — будь Корелинъ нѣмцемъ, какъ далеко бы пошелъ онъ съ своимъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ!

VIII.

Производительность и пароходное дѣло.

Картина Нижняго безъ очерка его производительности была бы далеко не полна.

Я не касаюсь пока ярмарки, которую думаю увидѣть въ августѣ, теперь же до макарьевской еще очень далеко, и на волжскомъ просторѣ красуется очень мало судовъ. Постараюсь быть краткимъ, тѣмъ болѣе, что офиціальныя цифры заслуживаютъ очень малаго довѣрія; на пятидесяти заводахъ города, въ томъ числѣ чугуннолитейныхъ, механическихъ, строющихъ пароходы, стальныхъ, производится разныхъ предметовъ на 2.000,000 руб. Въ дѣйствительности же, вѣроятно, гораздо больше; на городъ работаютъ 3,000 ремесленниковъ и ежегодно выдается здѣсь до 5,500 торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ. Нижній владѣетъ капиталомъ въ 150,000 р., ежегодный расходъ доходитъ до 190,000 р. Главныя цифры торговли относятся къ желѣзу (закупка 5.000,000 р., продажа 3.500,000 р.), саю и сахару (закупка 2.500,000 р., продается безъ остатка), мануфактурному товару (1.000,000 руб., остатокъ 100,000 рублей); хлѣба закупается здѣсь на сумму отъ 2.000,000 до 5.000,000 р., пермской, элтонской и астраханской соли на 3.000,000 р., рыбы на 2.000,000 р. Всего же съ остальными товарами здѣсь закупается на 20.530,000 р.,

а продается на 17.740,000 р. Еще въ началѣ 60-хъ годовъ здѣсь были только три кредитныя учрежденія, теперь здѣсь 6 банковъ торговыхъ и александровскій-дворянскій. Сверхъ того, частныя банкирскія конторы дѣлаютъ здѣсь хорошіе обороты. Страховое дѣло представляется здѣсь въ видѣ восьми агентствъ отъ обществъ, оперирующихъ въ Россіи, и одного мѣстнаго общества «Волга», для рѣчнаго и сухопутнаго страхованія. Рядомъ съ конторами общества транспортированія кладей, дѣлаютъ громадные обороты частныя конторы шести лицъ, работающія зимою, во время бойкаго гужеваго движенія по Волгѣ. Все это работаетъ не для ярмарки собственно, хотя не будь здѣсь ярмарки, такъ съ отливомъ населенія и обороты производительности уменьшились-бы.

Нижній для всей Волги, Камы и Оки служитъ, такъ сказать, пароходною биржею. Это базисъ, исходная точка мѣстнаго пароходства. Съ 1821 года здѣсь впервые являются пароходы; развиваться дѣло это начало съ 1843 года, но туго, и только съ начала нынѣшняго царствованія оно разомъ развернулось безъ всякихъ покровительственныхъ мѣръ отъ казны, безъ привилегій, такъ сказать, помимо правительственнаго почина. Дошедшее теперь до громадныхъ размѣровъ, волжское пароходство создано исключительно страною, и притомъ не съ помощью иностранцевъ, ловко эксплоатирующихъ нужды отечественной промышленности, а собственными силами. Во время оно—грузы траспортировались по Волгѣ на расшивахъ, которыя теперь встрѣчаются за рѣдкость. Страдное бурлачество, описанное Н. А. Некрасовымъ, подорвано буксирнымъ пароходствомъ, и если встрѣчается теперь, то какъ совершенно отживающее явленіе, на небольшихъ пространствахъ и въ крайне микроскопическихъ размѣрахъ. Прежняго бурлачества нѣтъ вовсе. Также вывелись коноводки, изобрѣтеніе Кулибина, украденное у него иностранцемъ Пуа-де-Бертомъ. Воровство это

было поощрено Правительствомъ, выдавшимъ вору привилегію на 10 лѣтъ. Теперь коноводки встрѣчаются только на Окѣ, да и тамъ ихъ небольше семи. Въ началѣ 60-хъ годовъ по Волгѣ перевозилось въ навигаціонное время грузовъ 95.000,000 пудовъ, въ 1872 году ихъ было уже 172.000,000 пудовъ, а въ 1875 г.—по офиціальнымъ свѣдѣніямъ 175.000,000. Цифра эта значительно ниже настоящей. Въ дѣйствительности же для Волги можно принять слѣдующій разсчетъ; на рѣкѣ двигаются 550 пароходовъ, изъ нихъ 100 пассажирскихъ и 450 буксирныхъ. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ 50,000 паровыхъ силъ; 2,000 баржъ, идущихъ подъ пароходами, поднимаютъ 120.000,000 пудовъ. Каждая среднимъ числомъ бываетъ подъ грузомъ два съ половиною раза, причемъ подъ конецъ навигаціи уже бываютъ половинные грузы, т. е. всего должно быть передвинуто на Волгѣ minimum—210.000,000 пудовъ, на 35.000,000 больше офиціальной цифры.

Офиціальная цѣнность груза въ плесѣ отъ Астрахани до Рыбинска показывается въ 300.000,000 руб. По тому же приблизительному разсчету можно принять стоимость груза въ 360.000,000 рублей... Четыреста пятьдесять буксирныхъ пароходовъ стоютъ, каждый съ соотвѣтствующимъ числомъ баржъ—70,000 руб., а всѣ вмѣстѣ 31.500,000 руб. Какъ ни громадны эти цифры, онѣ могли бы быть еще громаднѣе, еслибъ пароходству не мѣшали разные тормазы, играющіе такую видную роль въ нашей народной производительности и промышленности. Одно изъ самыхъ враждебныхъ условій для пароходства—неправильная погрузка судовъ и въ слѣдствіе того обмеленіе на перекатахъ. Мѣстные пароходчики поэтому проектировали обмѣриваніе судовъ, прежде чѣмъ они взойдутъ на перекаты. Кому было поручить это дѣло? На предложеніе правительственныхъ спеціалистовъ и техниковъ, мѣстные судовладѣльцы отвѣтили, что лучше подвергаться всѣмъ случай-

ностямъ мелководья, чѣмъ несправедливости чиновниковъ, и стали хлопотать о разрѣшеніи производить обмѣры черезъ своихъ депутатовъ. Приэтомъ проектировался сборъ съ судовъ и пароходовъ, весьма незначительный, въ возмѣщеніе издержекъ обмѣра и путевыхъ расходовъ депутатовъ. Министерство финансовъ разрѣшило производство обмѣра, но приэтомъ отринуло всякую обязательность означеннаго сбора—и дѣло рухнуло. Другой тормазъ—безурядица желѣзныхъ дорогъ и полное отсутствіе солидарности рельсовыхъ путей съ паровымъ судоходствомъ. Въ самомъ отношеніи правительства къ желѣзной дорогѣ и пароходству—является полнѣйшее покровительствованіе первой, и эксплоатированіе какъ статьи налога—втораго. На уплату дивиденда желѣзнымъ дорогамъ правительство тратитъ большія деньги, съ пароходства же, напротивъ, оно взимаетъ крупный налогъ. Предоставивъ желѣзнымъ дорогамъ полную свободу тарифа, оно не только подрываетъ доходность пароходства, но сверхъ того, вызываетъ этимъ совершенно неожиданные и часто комическіе казусы. Нѣкоторыя желѣзныя дороги, напримѣръ, конкурируя съ пароходствомъ, устанавливаютъ общій тарифъ, по которому доставка хлѣба одинаково оплачивается, какъ за 600, такъ за 400 и за 300 верстъ. Это вліяетъ на установленіе цѣнъ. Хлѣбъ, покупаемый ближе, обходится въ одной цѣнѣ съ тѣмъ, который вывезенъ издали. Оттого совершенно искуственно возвышается и стоимость земельныхъ участковъ на промежуточныхъ по желѣзной дорогѣ разстояніяхъ, хотя бы условія ихъ были совершенно неодинаковы. Наконецъ, когда на желѣзную дорогу находитъ просвѣтлѣніе и она, хотя поздно, но опредѣляетъ тарифъ сообразно разстояніямъ, отбрасывая уже въ сторону конкуренцію съ пароходствомъ, тогда болѣе дешевый хлѣбъ тотчасъ же поднимается въ цѣнѣ на столичномъ или другихъ центральныхъ рынкахъ, цѣнности дальнихъ участ-

ковъ падаютъ, потому что, имѣя въ виду издержки фрахта, за хлѣбъ платятъ дешевле, а цѣнности ближайшихъ къ рынку земель возвышаются. Такое совершенно искуственное колебаніе цѣнъ представляетъ въ промышленности явленіе болѣзненное и едва ли желательное! Приэтомъ пароходству трудно конкурировать съ желѣзною дорогою, и грузы перваго переходятъ на послѣднюю. Дѣло въ томъ, что, одновременно съ полнымъ освобожденіемъ рельсовыхъ путей отъ всякихъ налоговъ, пароходы несутъ послѣдніе во всей ихъ тяжести. Такъ, напримѣръ, за право содержанія пристаней, пароходныя общества, въ одномъ Нижнемъ, уплачиваютъ отъ 5 до 9,000 руб. городу каждое, сверхъ другихъ поборовъ, не менѣе значительныхъ. Будь поставлены желѣзныя дороги въ такія же условія—конкуренція являлась бы возможною. До чего безцеремонно отношеніе къ пароходству городскихъ обществъ, видно изъ того, что нѣкій городенко Плесъ, куда кажется, изрѣдка пристаютъ пароходы, заявилъ ихъ правленіямъ, что, съ развитіемъ пароходства по Волгѣ, мостовыя его приходятъ въ ветхость и портятся, почему не угодно ли правленіямъ исправленіе ихъ принять на свой счетъ. Вполнѣ понятенъ, поэтому, отвѣтъ одного изъ агентствъ, что пароходы таковаго по улицамъ города Плеса, на сколько агентству извѣстно, не ходятъ и поэтому мостовыхъ его портить не могутъ! Отсутствіе солидарности между чугункою и пароходствомъ вызываетъ и другія тяжелыя условія. Среднимъ числомъ каждое судно идетъ вверхъ по Волгѣ съ грузомъ 20 дней, внизъ порожнякомъ—10, на нагрузку и выгрузку отчисляется 15 дней. Итого полный оборотъ рейса 45 дней. При такомъ условіи суда могутъ дѣлать не 2½ рейса по Волгѣ въ навигаціонное время, а гораздо болѣе. Но между станціями желѣзныхъ дорогъ, устраиваемыми не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а тамъ, гдѣ Богъ на душу инженерамъ положитъ, и мѣстами пароходной вы-

грузки, рѣкою, никакихъ складочныхъ мѣстъ нѣтъ, почему суда обращаются въ складочные амбары и теряютъ время напрасно. За частую желѣзныя дороги отказываютъ судовщикамъ въ пріемѣ груза за недостаткомъ мѣста—опять стой, ожидая у моря погоды. При устраненіи этого тормаза, пароходы дѣлали бы вдвое болѣе рейсовъ, и для операцій, совершаемыхъ нынѣ 2,000 судовъ, достаточно было бы 1,000. Каждая баржа стоитъ около 9,000 рублей, такимъ образомъ, совершенно непроизводительно затраченъ единовременно на постройку ихъ капиталъ 9 милліоновъ рублей, содержаніе и ремонтъ обходится на каждое судно по по 3,000 р. въ годъ, на 1,000 лишнихъ судовъ это дастъ 3 милліона лишней ежегодной затраты! Такъ, если предположить единовременную постройку баржъ, то первый годъ лишній расходъ опредѣляетъ въ 9 милліоновъ, въ два года — 12 мил., въ три года—15 мил. и т. д. Цифры, по истинѣ, громадныя. Тратя такія суммы непроизводительно, пароходство, за недостаткомъ капитала, не можетъ устроить правильныхъ многоэтажныхъ и потому возможно менѣе занимающихъ мѣста складовъ, съ машинною выгрузкою. Теперь нагрузка и выгрузка обходятся пароходству каждая по 5 р. съ тысячи пудовъ, при машинномъ устройствѣ—обойдется въ половину, что на 1.000,000 сократитъ ежегодные расходы пароходства. Какъ ни громадно нынѣшнее движеніе пароходства и передвиженія грузовъ Волгою, при иныхъ условіяхъ оно могло бы значительно усилиться. И въ самомъ дѣлѣ—Волга занимаетъ 3,000 в., Кама 1,000 в., Бѣлая и Вятка вмѣстѣ 1,500 в.; остальные судоходные притоки Волги—500 в.; всего же судоходныхъ рѣкъ волжскаго бассейна нужно считать за 6,000 в. Средній районъ доставки грузовъ на рѣку принимается по 100 в. въ обѣ стороны. Помноживъ 6,000 в. длиннику на 200 в. поперечника, получимъ 1.200,000 квадр. верстъ или болѣе 120.000,000 десятинъ. Принимая производительность волжскаго бассейна въ

220.000,000 пуд., окажется на каждую десятину менѣе двухъ пудовъ! Исключивъ же отсюда продукты морскаго промысла и другіе сторонніе грузы, получимъ полтора пуда на десятину. Вѣдь это грошъ, вѣдь это микроскопическая цифра, мелочь въ сравненіи съ возможнымъ и должнымъ, но не существующимъ! На сколько громадны всѣ относящіяся сюда цифры, видно, изъ слѣдующаго разсчета. Прогрессъ производительности, выражающійся только на одинъ фунтъ на каждую десятину, дастъ уже въ результатѣ 3.000,000 пудовъ! Сравните къ тому же цифры русской производительности съ цифрами другихъ государствъ:

		Нефтяныхъ продуктовъ.
Америка производитъ		80.000,000 пуд.
Россія »		3.000,000 »
		Желѣза.
Англія вырабатываетъ		200.000,000 пуд.
Россія »		7.000,000 »

О другихъ цифрахъ мы уже не говоримъ. Что же ожидаетъ волжское пароходство при иныхъ, лучшихъ условіяхъ,—то самое волжское пароходство, которое было создано русскими людьми и русскими капиталами безъ всякаго участія правительства и иностранцевъ! Напротивъ, какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго, фискъ во время оно у насъ старался тормозить развитіе пароходства.

Какой существовалъ прежде просторъ для злоупотребленія въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что по одному возникшему здѣсь дѣлу, оказалось, что въ законѣ нѣтъ указанія, между какими именно пунктами обмѣривать суда, для назначенія ихъ длины и ширины, въ свидѣтельствахъ на постройку ихъ изъ правильно пріобрѣтеннаго лѣса. Когда стали соби-

рать свѣдѣнія по этому предмету, то отъ 48 лицъ, завѣдывавшихъ этою частью, было получено 47 различныхъ опредѣленій, а одинъ чиновникъ прямо отвѣтилъ, что онъ мѣритъ суда по своему усмотрѣнію — *различно!* Потребовалось нѣсколько лѣтъ для правильнаго опредѣленія способовъ обмѣра, что было сдѣлано только благодаря участію Чевкина! До тѣхъ поръ возникали въ этомъ отношеніи безчисленные процессы, съ тѣхъ поръ казною не было предъявлено ни одного иска!

Въ 1847 году, по приговору купечества и по его добровольному соглашенію, былъ введенъ на Волгѣ $^1/_4{}^0/_0$ сборъ съ объявленной цѣнности грузовъ, для обращенія въ особый вспомогательный капиталъ на улучшеніе водяныхъ системъ, съ тѣмъ, чтобъ расходы изъ него производились только по этому предмету не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, для чего капиталу этому долженъ былъ вестись особый счетъ, безъ смѣшенія его съ другими суммами. Еслибъ этого сбора оказалось недостаточно, и купцы выразили бы вновь желаніе увеличить его до $^1/_2{}^0/_0$ съ цѣнности клади, то главноуправляющему путями сообщенія предоставлено было войдти съ представленіемъ. Въ то время Волга была почти единственнымъ хлѣбнымъ рынкомъ Россіи, а Россія, въ свою очередь, была единственнымъ рынкомъ по покупкѣ хлѣба западною Европою. Тогда возвышеніе стоимости хлѣба на $^1/_4{}^0/_0$ ничего не значило, въ виду ожиданія улучшенія путей, на что должны были идти эти деньги. Съ того времени все измѣнилось. Развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ придвинуло къ портамъ хлѣбъ всей средней Россіи. Америка и Австралія явились нашими конкурентами по хлѣбной торговлѣ, а сборъ, просуществовавъ 30 лѣтъ, не далъ удешевленія перевоза. Отсутствіе учета этого сбора по отдѣльнымъ рѣчнымъ системамъ было также несправедливостью, ежели сообразить, что когда сборы, взятые съ торговли одной системы, употребить на улучшеніе другой, то

торговля первой рѣки не только лишается собранныхъ ею средствъ на свое улучшеніе, но усилитъ еще въ ущербъ себѣ средства торговли на другой рѣкѣ. Черезъ четырнадцать лѣтъ по установленіи этаго сбора, былъ возбужденъ вопросъ о его правильности, совмѣстно съ городскими сборами вообще. Государственный совѣтъ уже въ то время обратилъ вниманіе на сборы, взимаемые съ товаровъ, при слѣдованіи ихъ по рѣкамъ внутри имперіи, и замѣтилъ, что не однѣ отпускныя пошлины имѣютъ вліяніе на возвышеніе цѣнъ на наши произведенія, что въ этомъ участвуютъ и сборы различныхъ наименованій, взимаемые при доставкѣ товаровъ къ портамъ съ мѣстъ производства. Такіе сборы, допущенные на судоходныхъ рѣкахъ, для улучшенія путей сообщеній, или въ пользу нѣкоторыхъ городовъ, образуютъ своего рода внутреннія таможни или заставы, вредное вліяніе которыхъ на торговлю дознано опытомъ. По инціативѣ государственнаго совѣта поэтому поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи сборовъ по внутренней торговлѣ. Возникшая по этому предмету между различными заинтересованными министерствами переписка не привела къ желаемому соглашенію, потому что, между прочимъ, «сборы эти не вполнѣ извѣстны даже центральному управленію, и отмѣнѣ ихъ должно предшествовать собраніе точныхъ данныхъ». Поэтому командированы были на Волгу два чиновника, гг. Гирсъ и Колчинъ, для изслѣдованія на мѣстѣ экономическаго значенія судоходныхъ сборовъ. Донесенія ихъ послужили основаніемъ для слѣдующаго заключенія коммисіи.

«Нельзя не остановится на числовыхъ данныхъ о количествѣ сбора, полученнаго на улучшеніе судоходства по Волгѣ, и суммѣ, израсходованной на этотъ предметъ. Данныя эти показываютъ, что въ теченіи 15 лѣтъ (съ 1848 по 1862 г.) $^1/_4{}^0/_0$ сбора, собственно по Волгѣ, получено около 3 милліоновъ рублей, тогда какъ на улучшеніе судоходства по всей

этой рѣкѣ употреблено, въ тѣ же 15 лѣтъ, всего 340,000 р., т. е. 1/8 часть сбора. Этимъ объясняется, почему тоже купечество, которое въ 1847 году само просило объ этомъ установленіи означеннаго сбора, теперь такъ неохотно выплачиваетъ его. Оно разсчитывало на устраненіе тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ судоходство по Волгѣ, на то, что выгоды, которыя доставитъ торговлѣ безпрепятственное движеніе судовъ, сторицею вознаградятъ, какъ самый сборъ, такъ и остановки для его уплаты, теперь же убѣдилось, что прежнія задержки по неудовлетворительности фарватера и сопряженные съ ними расходы остались, какъ были, и что къ нимъ присоединились только новыя задержки для взиманія сбора и этотъ самый сборъ, изъ котораго лишь 1/8 употреблена на предметъ назначенія, и то безъ видимой для судоходства пользы.»

Очевидно, что если дѣло улучшенія судоходства по Волгѣ будетъ продолжаться такъ же, какъ оно велось до сихъ поръ, то нельзя не склониться къ мысли о совершенномъ прекращеніи сбора, установленнаго съ цѣлью улучшенія судоходства и вовсе недостигающаго этой цѣли. Но, съ другой стороны, если имѣть въ виду ту громадную важность, какую представляютъ въ Россіи, при необъятныхъ разстояніяхъ, Волга и другіе водяные пути, и въ особенности по отношенію къ перевозкѣ тяжеловѣсныхъ и не многоцѣнныхъ товаровъ, трудно выдерживающихъ высокій тарифъ по желѣзнымъ дорогамъ, на значительномъ протяженіи, а также настоятельную необходимость въ дѣйствительномъ улучшеніи этихъ путей и невозможность покрыть потребные на то расходы изъ суммъ государственнаго казначейства, то едва ли можно окончательно остановиться на мысли о прекращеніи существующаго уже сбора. Коммиссія не могла приэтомъ не высказать общаго замѣчанія, что если прекращеніе всякаго сбора или налога представляется дѣломъ очень легкимъ и, повидимому даже желательнымъ, то

возстановленіе, въ случаѣ надобности, сбора, однажды прекращеннаго, было бы сопряжено съ гораздо большими затрудненіями и возбудило бы несравненно болѣе неудовольствія, чѣмъ сохраненіе сбора, уже взимаемаго нѣсколько лѣтъ. Убѣждаясь изложенными соображеніями въ необходимости сохраненія и на будущее время сбора на улучшеніе судоходныхъ путей, коммисія, въ то же время, признаетъ необходимымъ дать плательщикамъ какія-либо гарантіи въ дѣйствительномъ употребленіи сбора на улучшеніе путей сообщенія. Одною изъ существенныхъ гарантій въ правильномъ употребленіи сбора должно быть, по мнѣнію коммисіи, подчиненіе всей операціи контролю тѣхъ именно лицъ, которыя наиболѣе заинтересованы въ бережливомъ и сообразномъ съ цѣлью расходованіи взимаемыхъ суммъ. Въ этомъ смыслѣ необходимо принять за правило, чтобъ особые счеты велись не только капиталу, предназначенному на улучшеніе водяныхъ путей въ имперіи вообще, но и сборамъ, вносимымъ по каждой изъ водяныхъ системъ въ отдѣльности, такъ чтобъ сборъ, поступающій по той или другой системѣ, обращался исключительно на улучшеніе судоходства по той же системѣ.

Но прекрасныя слова такъ и остались словами. Съ 1848 г. по 1872 всего по Волгѣ поступило этого сбора 6.300,000 руб. Изъ нихъ употреблено на улучшеніе судоходства только 1.500,000 руб. Сколько же съ 1872 г. поступило по этому предмету денегъ и сколько израсходовано—исторія умалчиваетъ. Въ самомъ способѣ этого сбора много странностей, чтобъ не сказать болѣе. Прежде всего онъ крайне не уравнителенъ. Товары, идущіе изъ Персіи и Сибири до Петербурга, платятъ $^1/_4\%$ и тѣ же $^1/_4\%$ платятъ товары, перевозимые въ Нижнемъ съ одного берега на другой! Сверхъ того, когда былъ возбужденъ вопросъ, гдѣ именно находятся капиталы, собранные такимъ образомъ, то они оказались не значущимися

отдѣльно, такъ что отысканіе ихъ представитъ значительный трудъ. Какія улучшенія можно было бы произвести въ дѣйствительности на тѣ 5 или 6 милліоновъ, которые, будучи собраны съ Волги, принадлежатъ ей и только ей одной! Тутъ и улучшеніе фарватера, и различныя сооруженія можно было бы выстроить. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ замеръ и былъ поднятъ только на съѣздѣ представителей пароходныхъ предпріятій на рѣкѣ Волгѣ. Къ общимъ выводамъ этого съѣзда и его мнѣніямъ присоединились московскій, серпуховскій, рыбинскій, кіевскій и другіе съѣзды, почему было обѣщано устройство въ истекшемъ февралѣ центральнаго съѣзда. Но съ февраля прошло уже девять мѣсяцевъ.

Только въ одномъ отношеніи волжское пароходство дѣйствуетъ истребительно. Мы говоримъ объ уничтоженіи лѣсовъ. Трудно себѣ представить, какую массу топлива пожираетъ оно. Цифры, въ этомъ случаѣ, краснорѣчивѣе всего, и мы обратимся къ нимъ.

Всего на волжское судоходство потребляется 200,000 пятериковъ дровъ ежегодно. Каждый пятерикъ равняется 5 обыкновеннымъ саженямъ=1.000,000 сажень дровъ=333,000 куб. саженъ. Вѣсъ этого топлива 80.000,000 пуд. (80 п. въ сажени). Переводя эти цифры на десятины, оказывается: лѣсъ средней жизни даетъ 100 саж. съ десятины, слѣдовательно, на нужды волжскаго пароходства ежегодно истребляется 10,000 десятинъ лѣсу!.. Въ слѣдствіе этого, по мѣрѣ истощенія лѣсовъ, и цѣны на дрова здѣсь поднимаются сильно. Дрова подъ Нижнимъ на Керженцѣ въ 60-хъ годахъ стоили 8 р. пятерикъ, въ 1876 г.—18 руб. Баржи въ 60-хъ годахъ обходились въ 4,000 р., въ 1876 г. въ 9,000 р. Сообразно этому и новыя цѣны повысились страшно. Снасть въ 1860 г. стоила 2 руб. 50 коп. пудъ, въ 1876—5 р. 50 коп. Только въ томъ отношеніи русское судоходство оказало громадную заслугу тор-

говлѣ и промышленности, что одновременно съ повышеніемъ цѣнъ на все, оно понизило стоимость фрахта. Въ 1860 г. фрахтъ на первый рейсъ изъ Самары до Нижняго обходился по 18 коп. съ пуда, а въ 1876 г. за то же самое взимается отъ 8—12 коп. Положеніе рабочаго класса нѣсколько улучшилось, благодаря повышенію вознагражденія. Въ 1860 г. нанимали матросовъ по 7 р. 50 коп. въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи, а кочегаровъ по 9 р.; теперь первые получаютъ отъ 9 до 10 руб., а вторые — отъ 12 до 15 руб. Волжское судоходство создало громадный флотъ и въ другомъ отношеніи. Предположите необходимость передвинуть войска по Волгѣ до Астрахани, на случай войны съ нашими азіатскими сосѣдями. Съ аммуниціею, но безъ обоза, на каждый пароходъ можно посадить по 300 человѣкъ, а на 550 пароходахъ 165,000 чел., которые черезъ пять сутокъ изъ Нижняго будутъ доставлены въ Астрахань. Если везти ихъ на баржахъ, то на каждой съ обозомъ помѣстится 500 человѣкъ. Всѣхъ баржъ 2,000, что дастъ способъ передвиженія 1.000,000 чел. войскъ, разумѣется, пѣхоты. Всю эту массу баржи доставятъ въ Астрахань въ 10 дней, а еслибъ она не понадобились, то можетъ быть прислана обратно въ Нижній въ 20 дней...

IX.

Послѣднія впечатлѣнія.

Моему пребыванію въ Нижнемъ наступалъ конецъ, а осмотрѣть еще оставалось многое. Трудно было разставаться съ этими окрестностями, драгоцѣннымъ кольцомъ охватившими городъ. Картины привольныхъ далей каждую минуту являлись иными. Новый лучъ свѣта—и всѣ онѣ измѣнялись, новая тѣнь—

и передъ вами опять невиданная еще красота. При яркомъ, солнечномъ освѣщеніи, разливы Волги голубѣли какъ небо, среди мягко зеленѣющихъ луговъ. Точно клочки неба разбросаны по этому бархатному ковру, между этими, просторно раскинувшимися, селами... Пробѣжитъ ли тучка по небу—тѣнь ея мелькаетъ и на этомъ спокойномъ просторѣ... Вѣтеръ колышетъ надо мною раины деревьевъ, и словно шепчетъ стародавнія былины, отъ которыхъ точно ширится сердце, будто мало ему груди, будто оно хочетъ, чтобъ вся эта ширь благодатная была ему грудью... А тутъ же рядомъ высокія стѣны Кремля... Пройдите еще, и новыя дали развернутся передъ вами и станутъ дразнить вашу немочь воспроизвести ихъ перомъ и словомъ.

Окрестности зарѣчныя становятся пустыннѣе... Вездѣ пески съ синими пятнами лѣса... На рѣкѣ тоже меньше движенія... Городъ отходитъ назадъ. Вы вступаете въ слободу Малыя Печоры. Тутъ уже вѣетъ тишиною деревни. Неподвижно разбросали въ жаркій воздухъ березы свою молодую листву. По дорогѣ—никого. И въ избахъ точно все вымерло... Но подойдите къ гребню берега, взгляните внизъ, и передъ вами раскинется тихая и мирная обитель Печорская... Пусты ея дворы. Величаво стоятъ старинныя башни. Молчатъ вѣковѣчныя церкви. Точно одинокій схимникъ среди лѣса—этотъ монастырь схоронился сюда отъ шума и движенія, ключемъ бьющихъ по сосѣдству... Только птицы назойливо перекликаются надъ нимъ, да вѣтеръ разсѣянно колышетъ зеленыя вѣтви...

А за нимъ, за этимъ тихимъ уголкомъ—синяя даль и опять красота несравненная!

II.

РѢКА ЛЕГЕНДЪ.

I.

Картины берега. — Камскій медвѣдь въ роли трагическаго злодѣя.

Пароходъ «Купецъ» далъ третій свистокъ и тронулся.

— Голубчики!... донеслось съ берега.

Какой-то вареный ракъ въ чуйкѣ, съ глазами на выкатѣ, напрасно простиралъ къ намъ руки, бѣгая вдоль берега.

Пароходъ, хрипя и пыхтя, все отходилъ на середину рѣки... Вотъ позади выдвинулась стрѣлка водораздѣла между Окою и Волгою, громадная масса собора на ней сверкаетъ четырьмя куполами уже достроенныхъ башенокъ... Дѣлается все просторнѣе... Налѣво низменное Поволжье съ ярко блистающими храмами села Боръ... Только и видны эти храмы; само село все спряталось въ зелени привольно раскинувшагося луга. На право точно виситъ надъ нами высокій обрубъ берега съ церквями и бѣлыми линіями домовъ на самомъ гребнѣ. Нѣжныя зеленыя волны деревьевъ разлились по крутому скату, прелестный издали садъ виситъ надъ механическимъ заводомъ Колчина. Тотъ же садъ тянется и дальше, захватывая своими прохладными чащами и монастырь Печоры, вытянувшійся въ полу-

горѣ, параллельно берегу Волги. Вездѣ стрѣлки колоколенъ, раины кленовъ и группы красиво отстроенныхъ домовъ...

— Что это, продолженіе города?

— Нѣтъ, это столица огурцовъ, село Подновье. Оно далеко тянется... Большое и богатое село.

Подновье, дѣйствительно, разбрасывается на нѣсколько верстъ. Весь берегъ на этомъ разстояніи усыпанъ деревянными домами, совершенно городской архитектуры. Высокіе откосы изорваны оврагами и трещинами, нѣсколько такихъ овраговъ избороздили село... Поволжье—налѣво уже принимаетъ какой-то пустынный характеръ. Вездѣ пески съ узенькими синими подъ солнцемъ полосками чахлаго лѣса... Массы плотовъ привалили къ берегамъ. Оттуда дымятся костры: плотовщики варятъ себѣ кашу... По величавому уже тутъ простору Волги намѣчиваются первые опушенные зелеными рощицами острова...

— Какъ это тутъ не догадались вырубить лѣсъ?

— И рады бы! зорко поглядываетъ на привѣтную чащу ветлужскій лѣсовщикъ, ѣхавшій съ нами. И рады бы... Да казна, вишь, запретъ положила. Оттого по всей Волгѣ теперь— на островахъ гущина... Прохлада. Что ни островъ—то лѣсная пустынь...

Картина за картиною, одна прелестнѣе другой, точно Волга нарочно щеголяетъ ими, щеголяетъ до того, что глазъ утомляется, и, наконецъ, теряетъ способность сравнивать ихъ. Сидишь только на палубѣ, какъ очарованный, думаешь—весенній сонъ развертываетъ передъ тобою свои освѣщенныя солнцемъ и свѣжестью проникнутыя грезы.

Вотъ горы стараго кореннаго русла Волги—отошли на западъ. Волга тутъ перемѣнила теченіе и нѣсколько времени, верстахъ въ трехъ за Нижнимъ, струится среди тихихъ, зеленыхъ понизей... Только кое гдѣ чуть всхолмится берегъ и сейчасъ же опять стремится прилечь къ водѣ, точно чув-

ствуя ея мягкія ласки... На одномъ изъ такихъ выступовъ берега, точно на столѣ, скучено село Столбовищево.1) Края откосовъ тутъ срѣзаны, почти вертикально со всѣхъ сторонъ. Невдомекъ, какъ люди попадаютъ туда... Избы нависли надъ обрывомъ и впереди и по бокамъ его. Очень красивъ этотъ обмытый водою пьедесталъ... За слѣдующимъ селомъ Кѣтовымъ Волга дѣлаетъ крутой поворотъ, срѣзывая отвѣсно правый берегъ.

Въ малую воду здѣсь теченіе перерѣзано мелями — Подновьинской, Телячьимъ бродомъ и Собачьимъ прораномъ... Но теперь еще Волга пока вспучена и медленно катитъ на громадномъ просторѣ свои голубыя струи, отражая въ нихъ и безоблачную высь неба, и зеленые берега своей драгоцѣнной оправы. Особенно хороша она за нѣсколько верстъ до Кадницъ. Тутъ рѣка расширяется, точно громадное озеро раскидывается передъ вами, окаймленное пологими, мягко выгибающимися горами... Вездѣ удивительная чистота, просторъ и именно ласковый, чарующій просторъ... Гдѣ-то далеко, далеко, за плоскою отмелью, раскидываютъ по вѣтру свои крылья, золотыя подъ солнцемъ, мельницы...

Въ одномъ мѣстѣ мы близко подошли къ берегу. Словно желтая тесьма, взбѣжала по косогору извилистая тропинка... Какая-то муха ползетъ по ней... Медленно... Только на этой мухѣ и сѣдоковъ различишь, въ красныхъ рубахахъ, и пару лошаденокъ рыженькихъ высмотришь...

— Это что: вотъ, по Камѣ подыметесь—чудеса увидите,— сообщалъ мнѣ капитанъ парохода.

— А вы туда ходите?

— Нашъ «Купецъ» вѣдь для Камы и строенъ. Тамъ берега—глушь безпросвѣтная. Вы вотъ, напримѣръ, слыхали ли когда нибудь, чтобъ медвѣди на пароходъ нападали?

— Что вы!

1) Ошибочно: никакого села „Сто

— Вѣрно вамъ говорю, на Камѣ случилось. Шолъ маленькій пароходишко, какого-то пермскаго купца, въ родѣ волжскихъ забѣжекъ—ладонью прикрыть можно, а черезъ Каму въ это время медвѣдь переплывалъ. Стали на него кричать пассажиры, свистать—онъ и обидѣлся. Подплылъ къ пароходишку да и уцѣпился за него. Грузная шельма такая, за какой бортъ схватится, туда и кренитъ, такъ что ужъ не до смѣху стало. У одного пассажира монтекристо было съ собою, давай разстрѣливать звѣря — а тотъ даже и не чешется. Пулька маленькая, что ему дѣлается. Давалъ капитанъ полный ходъ— не собьешь мишку. Стали его топоромъ рубить, лапу ему повредили—отсталъ. Отплылъ, пароходъ за нимъ, поймать думали его. Замѣтилъ это звѣрь и опять на пароходъ. Нѣсколько разъ такъ повторялось. Наконецъ, бросили его, шельму, совсѣмъ. Вышелъ онъ на берегъ — и давай себѣ лапу зализывать... Едва отвязались. Ну не глушь ли рѣка?..

— Отсюда все воложки пойдутъ, — объяснили мнѣ. Тутъ Волга вся на рукава-воложки подѣлилась. Часто пароходы воложками идутъ, потому главныя русла, страсть какъ обмелѣли...

Слово воложекъ, оказывается, происходитъ не отъ «Волги», а отъ слова волочить. Не волока-ли это сѣверные?...

II.

Волга въ разливѣ.—Береговыя села.

— Полюбуйтесь-ко...

Я оглядѣлся.

Было сузившаяся Волга разлилась тутъ на громадное пространство. Позади ея высилась красивая гора, покрытая лѣсомъ, еще ближе террасами шли гребни другихъ горъ и тоже

зеленые... Съ другаго противоположнаго берега, ближе горъ, вдавался въ рѣку громадный песчаный мысъ, точно золотая коса, сверкавшій на солнцѣ. Между горами и этимъ мысомъ, по узкому воложку пробирался буксирный пароходъ съ баржами: мы только и различали темное знамя дыму, развѣвавшееся тамъ, и высокія мачты баржъ съ большими флагами... А направо и налѣво, посреди голубаго простора волжскаго разлива, глядятся въ воду лѣсистые острова. Еще дальше къ югу уходитъ изъ-подъ глазъ сизый берегъ, едва-едва намѣченный на голубомъ небосклонѣ. Направо, на самомъ пѣтушкѣ довольно крутой горы, раскинулись Кадницы—большое село въ 45-ти верстахъ отъ Нижняго. Сначала только и видна, вся на свѣту, большая каменная церковь съ зелеными куполами. Потомъ, изъ-за гребня горы, чуть чуть прорѣзываются кровли избъ и, наконецъ, все село раскидывается передъ вами... Обороты рѣчнаго теченія тутъ такъ круты, что позади и впереди оно постоянно заставлено высотами берега. Поэтому, кажется, что постоянно плывешь среди сомкнувшихся береговъ привольнаго озера. Изрѣдка, въ концѣ этого озера, сверкаетъ серебряная щель разомъ открывшагося извива и опять, пройдя его, вступаешь въ широкую гладь новаго плеса...

— По Камѣ не такъ удобно проберешься, какъ здѣсь. За то камскихъ пароходчиковъ и называютъ мышами, потому что они съ своими судами во всякую щель скользнутъ, сквозь всякую скважину выползутъ. Тамъ мели чаще... а тутъ, что... Тутъ еще благодать!... Вонъ видите, село по гребню, указалъ онъ мнѣ на кровли, только что показавшіяся направо. Это—Безводное. Тутъ первый работникъ—дѣвка; дѣвками все село живетъ. Онѣ ткутъ мѣдныя сѣтки для машинъ, для оконъ. Есть сѣтки въ волосокъ толщины, словно паутина. Эти нумеромъ первымъ называются. Ихъ за матерію принять можно, такъ онѣ мягки и тонки. Тутъ же, въ Безводномъ, пароход-

ныя цѣпи изготовляютъ. Надъ этими, разумѣется, ужъ мужики работаютъ... Наши пароходы все здѣсь цѣпи заказываютъ.

По разсказамъ пассажира, знакомаго съ берегомъ, оказалось, что волосяныя мѣдныя сѣтки, приготовляемыя ткацкимъ способомъ здѣсь, не уступаютъ въ мягкости персидскимъ матеріямъ. Работа дѣвушекъ мѣстныхъ и ея выгодность, поставила ихъ въ иныя условія. Въ семьяхъ села Безводнаго дѣвка и баба—великій человѣкъ. Онѣ всею семьею правятъ, и мужъ здѣсь уже является далеко не властелиномъ...

— Тутъ вотъ скоро богатыя села будутъ, Работки и Татинецъ... По всему Поволжью они извѣстны...

Вода, подъ яркимъ освѣщеніемъ полуденнаго солнца, приняла такой голубой цвѣтъ, что самая глубина недосягаемаго неба казалась менѣе блестящею и лазурною. Точно эта неоглядная высь уступила свою божественную красоту русской рѣкѣ-красавицѣ, привольно раскинувшейся своими полными страстной нѣги извивами на бархатной зелени луговыхъ равнинъ. По голубому простору ея ложились серебристыя тѣни и полосы. Точно все это усыпано голубовато-серебристымъ глазетомъ... Въ обрывахъ берега словно вырѣзываются на солнцѣ—зимники, остатки снѣга, слежавшагося въ глуби овраговъ и береговыхъ щелей. Кадницкая церковь далеко позади, точно виситъ въ воздухѣ. Между нею и горами, словно полоска, небо... А эти синія дали, эти лѣсныя пустыни!.. Все тамъ заставлено березовыми чащами и свѣжею сосновою глушью, точно полагается предѣлъ царству веселой березы. Порою надъ этою синью блистаетъ звѣзда, и только въ сильный бинокль разсмотришь, что это церковь, затеряннаго въ молчаливой чащѣ, села... Работки разбросаны по откосу берега. Это большое село сначала вытягивается по понизи у самой воды, потомъ кучками избъ взлѣзаетъ на обрывъ, ютится тамъ вокругъ церкви и, наконецъ, черезъ оврагъ перекидывается на другой косогоръ. Старая цер-

ковь на высотѣ поразительно напоминаетъ древніе храмы сѣвернаго поморья и преимущественно кемскіе и сѣвердвинскіе. Въ логу, внизу, другая новая церковь, уже современной казарменной архитектуры.

Село Работки очень людное, замѣчательно тѣмъ, что на рѣдкомъ пароходѣ или суднѣ нѣтъ лоцмана, кочегара, шкипера или матроса изъ его крестьянъ. Это главный промыселъ мѣстнаго населенія, занимающагося, сверхъ того, какъ и Тотинецъ, рыболовствомъ.

— А хлѣбопашества нѣтъ у васъ?

— Земля чудесная, только намъ ее пахать не приводится.

— Почему?

— Не наша. Селу только то и отведено, что подъ нимъ. А пахотная земля вся по другимъ селамъ разошлась. Ну и не сѣемъ хлѣба. На пароходахъ кормимся.

Здѣшній крестьянинъ поэтому и выглядываетъ какъ то смѣлѣе; умныя лица, складныя фигуры, щегольской нарядъ ихъ производитъ сильное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ нищетѣ, замкнутости и униженности, великаго въ своемъ смиреніи, кормильца земли русской—хлѣбопашца. Работки—тѣмъ и хороши, что на нихъ съ отраднымъ чувствомъ остановится взглядъ каждаго, кому дорого наше крестьянство. Здѣсь оно на просторъ вышло и красуется передъ вами своею свѣжею силою, своею мощью, по чужимъ людямъ неразмыканною. Словно богатырское горе-злосчастіе, обошедшее весь этотъ берегъ, не замѣтило Работки, и оно избѣгло той нищеты лютой, что давитъ подъ собою русскую силу. На пристаняхъ кипитъ рабочая суета, тутъ же, по простотѣ душевной, купаются парни и дѣвки, одни около другихъ, не вѣдая нашего золотушнаго цѣломудрія.

Голубыя дали отсюда уже не стѣсняются береговыми высотами. Словно эти горы сквозныя, потому что за ними чув-

ствуется такой же привольный просторъ. Порою попадаются обмытыя водою песчаныя горы, похожія на башни, на вершинахъ которыхъ выросъ лѣсъ. Самая линія ихъ вершинъ чрезвычайно извилиста. Такъ, берегъ тянется отъ Работокъ вплоть до Слопинцевъ, хлѣбопашнаго села, избы котораго уже крыты соломою, а не тесомъ, какъ въ другихъ рыбопромышленныхъ и «судовыхъ» селахъ Поволжья. Въ лощинѣ скученное мелькнуло и за выступы горъ зашло село Тотинецъ, около котораго горы всѣ перерѣзаны въ своихъ осыпяхъ правильными слоями. Часто нижній слой песчаный, осыпной, рыхлый, а на немъ уже ложатся твердые и прочные слои. Говорятъ, что сюда пріѣзжали какіе то «ученые чиновники» (какъ мѣтко всегда народное опредѣленіе!), покопались часа два и послѣ такого («тщательнаго» по отчетамъ) изслѣдованія геологическаго строенія берега, поѣхали въ ближайшія села.

— Что же они у васъ дѣлали?

— А бабъ портили. Извѣстно, баба глупая, она на наживку идетъ. Ну, мы одного, признаться, помяли. Едва отдышался. Дѣвокъ трогать онъ началъ.

— Вѣдь поди и у васъ парни-то съ дѣвками шалятъ?

— Шалятъ, какъ не шалить, на то онъ и парень. А только онъ шалитъ, шалитъ, да и окрутится съ ней, а чиновникъ рванулъ ее да и убѣгъ. Потому онъ, чиновникъ, по распредѣленію дѣйствуетъ. Сегодня онъ здѣсь, а завтра его и хвоста не видно, не вѣсть гдѣ ужъ крутитъ...

Цвѣтъ волжскаго простора здѣсь, разумѣется, не вблизи отъ парохода, напоминаетъ цвѣтъ Азовскаго моря. Та же спокойная красота далей. Рѣка стала оживленнѣе. Поминутно попадались бѣляны, громадныя, наскоро сколоченныя суда для перевозки дровъ и лѣсу. Онѣ никогда не осмаливаются—отчего и происходитъ ихъ названіе. На встрѣченныхъ нами судахъ этого рода были цѣлыя избы, на одномъ даже три со-

вершенно готовые сельскіе дома и всѣ того же свѣжаго вида, какъ и сама новая и щеголеватая бѣляна. Оказывается, что избы эти строютъ на мѣстѣ, откуда сплавляютъ лѣсъ, преимущественно на Ветлугѣ, ставятъ ихъ на бѣляны, и въ такомъ видѣ, уже готовыми, продаютъ въ поволожскія села.

— Это еще что. Пониже увидишь цѣлыя села на бѣлянахъ. Избъ двадцат сложено на другой, словно тебѣ деревня по Волгѣ плыветъ—не отличишь.

По доставкѣ на мѣсто и распродажѣ груза, котораго здѣсь помѣщается по 150,000 п., бѣляны ломаются и идутъ на тесъ или на дрова. Онѣ похожи поэтому на сѣверодвинскія барки.

Бѣляны, попадавшіяся намъ на встрѣчу, ожидали, повидимому, кабестанныхъ пароходовъ, стоя на якорѣ. Внизъ по Волгѣ онѣ и однѣ идутъ, вверхъ должны буксироваться.

— Теперь что, теперь Волга пустырь-рѣка. Въ іюлѣ пріѣжайте, тогда вы ее во всей красѣ увидите. Все-то по ней шумъ да пѣсни. Оклики съ конца въ конецъ идутъ... Суэта. Мѣста чистаго нѣтъ, все подъ судами занято.

— Тожъ и мели тогда. Пройдемъ нѣсколько сажень—стопъ машина. Дно мѣрять. Ночью — вездѣ огни—мели означены ими... Кому не до смѣху, а весело... Что городъ тогда вся Волга. Берега тихи и пустынны — зато на рѣкѣ движеніе и говоръ. Сколько тысячъ судовъ за это время пробѣжитъ тутъ, страсть.

— И всѣ къ Нижнему... Всѣ туда на макарьевскую бѣгутъ!..

— Тоже и бѣда случается. Плывешь на пароходѣ и видишь, то тамъ, то сямъ—барка застряла, судно обмелѣло и стоитъ. А вокругъ-то судна—лодки, что мухи ползутъ—грузъ вынимаютъ. Опрастываютъ его... Ну, гдѣ судно сѣло только—тутъ уже не одна мель, а и перекатъ дѣлается, потому что вездѣ къ его бортамъ приваливаетъ песокъ... Этаго мѣста берегись.

— Вѣдь производятся и очистки рѣчнаго фарватера? спрашиваю.

— Какія у насъ очистки. Казенныя машины работаютъ, да такъ себѣ, для совѣсти больше. Просили наши купцы и судовщики, очистку-то рѣки на себя взять—не дали. Теперь казенная очистка здѣсь для формы больше. Приходится машинѣ—судно нанимать, страсть какія съ казны деньги цапаютъ, а самимъ предоставили бы—и дѣло бы лучше пошло, и дешевле стало гораздо.

III.

Керженецъ—святая рѣка.

Къ сожалѣнію, мы не могли видѣть устья знаменитаго Керженца — святой рѣки старообрядцевъ. Керженскіе дремучіе лѣса, керженскіе удальцы и керженскіе скиты—все это, благодаря художественнымъ очеркамъ П. И. Мельникова, извѣстно уже каждому грамотному русскому. Намъ устье Керженца привелось обойдти воложкомъ; за песчанымъ, заградившимъ его островомъ, видны были только массы высокихъ мачтъ. Дальнѣйшее теченіе Керженца замѣтно по густой синей линіи дремучихъ лѣсовъ, пропадающихъ на горизонтѣ. Рѣка эта, на протяженіи двухсотъ верстъ, катитъ свои черныя, мрачныя, омутистыя волны по Костромской и Нижегородской губерніямъ, сквозь громадныя и нѣкогда недоступныя постороннему дебри, гдѣ кишмя кишѣли олени, лоси, медвѣди, куницы и волки, а теперь водятся слѣпни да комары. Вмѣсто звѣря попадется вамъ развѣ, весь черный отъ сажи, смолокуръ. Любитъ это чернолѣсье и строгій искатель духовной правды, русскій сектаторъ, бѣжавшій сюда во время оно отъ злобы людской и никоніанскихъ гоненій. Въ темной глуши

заповѣднаго лѣса, среди пустынь, молчаливыхъ и бездорожныхъ, гнѣздами осѣлъ народъ, храня въ душѣ своей неистребимую любовь къ стародавнимъ порядкамъ чуть не вѣчеваго періода и выше всего уважая въ себѣ и въ другихъ полную свободу совѣсти. До полусотни скитовъ раскидывалось здѣсь въ никому невѣдомыхъ захолустьяхъ, до тѣхъ поръ, пока наша административная регламентація и ихъ не привела къ общему знаменателю, а потомъ и вовсе стерла съ лица земли. Рядомъ съ скитами, гнѣздами осѣли и разбойничьи притоны, которые всетаки знаменовали недовольство голутвеннаго крестьянства крѣпостнымъ правомъ и полицейскими прижимками. Сюда оно уходило въ зеленое царство, на вольную волю, осѣдая, преимущественно, въ пустыняхъ Керженскаго понизовья, откуда легко было удалымъ добрымъ молодцамъ, хищными стаями, вылетать на волжскій просторъ, на добычливую да легкую охоту за толстопузыми судами кулаковъ-купцовъ, за сокровищами царской казны, да за красотою дѣвичьею, сохранно разцвѣтавшею дотолѣ въ поволжскихъ селахъ. Особенно, когда ярмарка была въ Макарьевѣ — вольготно было всякому разбойному народу. И близко, и удобно! По раменямъ, часто на юру самомъ, красовались ихъ притоны; цѣлые поселки и села создались такимъ образомъ, на зло воеводчинѣ и земскимъ ярыгамъ. До сихъ поръ дѣла чудныя разсказываютъ о нихъ поволжскіе крестьяне. Каждая пядень земли имѣетъ здѣсь свое преданіе, каждая лѣсная пустынь въ вѣковѣчной тишинѣ своей хранитъ цѣлый міръ стародавнихъ былинъ и преданій!.. Атаманъ Ганька зарылъ добра въ Комаровѣ съ семи паръ лошадей; атаманъ Шмель оставилъ несмѣтныя сокровища на озерѣ Телки; атаманъ Усище—на Фирсовой рамени стоялъ крѣпкимъ станомъ, построилъ чуть не каменныя палаты, княжескія службы и дворы. Шились у него паруса, строились лодки, ковались мечи и копья. Тутъ что ни холмъ—то гладь, что ни

озеро—то потопленное сокровище, что—ни лѣсъ—то невидимый притонъ «проклятыхъ душъ». Жили по лѣсамъ керженскимъ и другіе люди. Мастерство у нихъ было свое особливое. Билась здѣсь своя звонкая монета, свои ассигнаціи печатались по глухимъ тайникамъ, посередь болотъ неисходныхъ, стояли келійки малыя, а въ тѣхъ кельяхъ «писаки» жили. Работали они образа въ народъ, до-никоновскаго времени, писали раскольничьи книги, расходившіяся отсюда по Великой и Малой и Бѣлой Руси, заходившія и въ бѣломорскія села и на рѣку Печору далекую, уходившія и въ предѣлы иркутскіе, вплоть до Камчатки, и въ горы Кавказскія, вплоть до Туречины невѣрной, гдѣ кончается русская земля и начинается широкое и невозбранное царство великой людской неправды... Когда казанская татарва разорила макарьевскую обитель, шелъ лѣвымъ берегомъ Керженца преподобный Макарій, оставившій по себѣ такую память, что и до сихъ поръ множество урочищъ здѣсь называются его именемъ... Шелъ по непроходимымъ лѣсамъ, дебрями сорными и гущами, часто недоступными и звѣрю дикому. Не хватило ему запасовъ, наступилъ голодъ—послалъ Господь лося. Хотѣли спутать и заколоть его, да петровъ постъ былъ. Святитель запретилъ заколоть животное и повелѣлъ отрѣзать у него только ухо. Черезъ три дня, въ самый праздникъ апостоловъ Петра и Павла, отпущенный звѣрь самъ явился и былъ «употребленъ въ пищу». Счастливое время, когда жаркое само приходило къ голоднымъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ легенды: иногда имъ являлся «съ кротостью» лось, иногда олень. Теперь и воробей къ вамъ съ кротостью не явится! Одинъ салатъ къ жаркому кротко дается вамъ въ руки самъ, да и то если вы его посѣяли у себя въ огородѣ... Керженецъ весь въ лѣсъ ушелъ, весь и живетъ лѣсомъ. Въ послѣднее время современные компрачикосы природы—лѣсоистребители—забрались и сюда, такъ что,

по словамъ одного лѣсничаго, преобладающая порода лѣсовъ на Керженцѣ—пни. Рубятъ тутъ бревна, дрова, смолу курятъ, деготь выгоняютъ, кадки, ступы, чашки да ложки выдѣлываются. Лѣсной да щепной—исконные керженскіе промыслы, оттого ихъ здѣсь и называютъ святыми, безобидными, безкровными... Прочтите о нихъ поэтическія страницы Мельникова («Въ лѣсахъ»), а я отказываюсь, послѣ этого знатока русской жизни и русской старины, прикладывать къ тому свою руку... Скажу только, что лѣсоистребленіе идетъ тутъ такими гигантскими шагами, что скоро и помимо законодательныхъ мѣръ тѣлесныя наказанія уничтожутся сами собою, за недостаткомъ розогъ, если, впрочемъ, эта благодатная статья не станетъ для судовладѣльца выгоднымъ промысломъ.

IV.

Лысковъ, Макарьевъ и Исады.

Противъ устья Керженца, на противоположномъ берегу Волги, за песчаннымъ островомъ, разбросано громадное село-кулакъ Лысково. За этою песчаною низиною видны его богатые храмы, свидѣтельствующіе своею пышностью о величинѣ грѣховъ лысковскаго купечества. Вокругъ ютятся массы домовъ, перемежающіяся каменными палатами лысковскихъ крезовъ, гремящихъ на все Поволжье. Оно построено на мѣстѣ древняго города Сундовита и уже въ XV вѣкѣ было извѣстно своимъ кулачествомъ. Пароходъ дѣлаетъ еще съ версту, и передъ вами открывается такая картина, которую никогда не забыть мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не запомню такой громадной и притомъ такой оживленной панорамы. Налѣво передъ вами таинственные керженецкіе лѣса и заставленное песчанымъ

островомъ устье прославленной рѣки, направо масса домовъ и храмовъ Лыскова, за Лысковомъ вдали, ушедшее въ гору, стоитъ село Исады — снохачъ поволжскій, а лѣвѣе его вдвигается въ рѣку, словно масса старинныхъ развалинъ, схимникъ Макарьевъ... И все это красуется передъ вами, все это отражено остеклѣвшимъ просторомъ Волги, надъ всѣмъ голубѣетъ безоблачное, тихое, безмятежное небо... Два главные пункта и въ то же время двѣ противоположности, Лысково и Макарьевъ, особенно останавливаютъ на себѣ ваше вниманіе. Разжирѣвшій кулакъ и хозяинъ, Лысково съ массами судовъ у своихъ пристаней, съ домами только что отдѣланными, все такъ и смотритъ богатымъ подрядчикомъ, растерявшимся въ невиданномъ просторѣ своихъ раззолоченныхъ хоромъ. Тутъ все жизнь, суэта и движеніе. Тутъ о прошломъ нѣтъ воспоминанія, нѣтъ слѣдовъ стородавней были, точно ея и не было никогда, точно все это приволье купецкаго богачества явилось только вчера... За Лысковомъ синѣютъ лѣса, и на ихъ древнемъ, синемъ сосновомъ фонѣ еще ярче выдѣляется молодая вылощенная наружность Лыскова... На противоположной сторонѣ, въ Волгу точно врѣзывается старинный кремль Макарьева, дальше стоятъ облупившіяся стѣны и колокольни храмовъ, старые и облупившіеся дома... Круглыя башни крѣпости, на концѣ мыса, окружены кучами щебня отъ развалившихся остатковъ, когда-то существовавшей здѣсь, второй стѣны. Изъ-за ветхихъ стѣнъ вырываются, какъ изъ тисковъ, и широко раскидываются волны зелени... Но и онѣ не могутъ прикрыть морщинъ глубокой старости, избороздившихъ весь Макарьевъ. Все это, и старинныя башни, и старинныя стѣны, и старинные храмы, величаво сѣдѣетъ на голубомъ просторѣ неба. Точно молчаливая толпа старцевъ, сомкнувшихся въ виду молодой, чуждой имъ жизни въ одинъ дружный, но, увы! замѣтно уже рѣдѣющій кружокъ. Вода съѣла уже вторую стѣну

этого кремля, она уже добирается до первой, внутренней, подмывая ея круглыя древнія башни... Тихо умираетъ, такимъ образомъ, Макарьевъ, вездѣ являющій ветхую старь и горделиво носящій свои почтенныя сѣдины. Невольно смотришь на него, забывая толстое пузо Лыскова, съ развѣшенными на немъ бронзовыми цѣпочками... Невольно смотришь на Макарьевъ, и кажется, что, зачитавшись стародавнихъ русскихъ былинъ, заснулъ и видишь передъ собою дивно явленный старорусскій градъ съ его тихими теремами, ветхими храмами и стѣнами кремля... И словно поэтическая греза, отходитъ отъ васъ назадъ и медленно сливается съ окрестностями, далеко впередъ выдвинувшаяся твердыня умирающаго Макарьева, пока она не отмѣтится смутнымъ пятномъ на этой туманной синевѣ далей...

Лысковъ торгуетъ болѣе чѣмъ на 4,000,000 р. въ годъ и отпускаетъ до 700 судовъ по Волгѣ. Макарьевъ съ уничтоженіемъ ярмарки замеръ совсѣмъ. О немъ теперь уже никто и не думаетъ.

Тутъ же, какъ передній планъ одной и той же картины, по мѣрѣ того, какъ пароходъ двигается впередъ, оставляя позади Лысково и Макарьево, приближается къ нему село Исады. Оно тоже необычайно красиво. Позади силуетъ большой горы. Передъ нимъ, словно врѣзанная, гора, съ бѣлою церковью на высотѣ и чрезвычайно крутымъ, обращеннымъ къ зрителю, откосомъ. На самомъ ближайшемъ, третьемъ, планѣ по косогору и внизу разбросаны массы избъ и деревенскихъ построекъ. На пристани кишмя кишѣла толпа. Въ селѣ улицъ мало, отъ одного ряда домовъ, вверхъ къ другимъ, поднимаются по деревяннымъ мосткамъ. Вообще видно, что въ горныхъ селахъ по Волгѣ человѣкъ пользовался каждою плѣшкою, каждымъ плоскимъ выступомъ берега, чтобъ поставить на немъ свою избу, раскинуть свой дворъ. Я попробовалъ было разомъ,

безъ отдыху взобраться по горѣ къ церкви, но откосъ былъ такъ крутъ, что наверху я почувствовалъ себя очень скверно. Отсюда открывалась волжская даль съ Макарьевымъ позади и новыми поселками направо, куда мы должны были идти. Сюда вѣялъ свѣжій вѣтеръ, пахло водою... Говоръ толпы снизу доходилъ отголосками... Слышалась гулкая пѣсня... Надъ церковью повисли другія вершины, но онѣ не кажутся крупными въ виду этого громаднаго простора Волги...

Когда я вернулся на пароходъ — передъ мною открылась очень оригинальная сцена. Бабье и дѣвушки изъ Исадъ таскали къ намъ дрова. Оказывается, что трудъ этотъ по всей Волгѣ поручается женщинамъ, получающимъ за работу на пароходѣ 50 к. поденно; сверхъ того, ежемѣсячно какую-то небольшую сумму. Въ Исадахъ, какъ мнѣ разсказывали, существуетъ особенная секта, гдѣ старшій въ семействѣ пользуется правомъ первенства. Первые плоды—ему, первый хлѣбъ—ему. Право это распространяется и на многое другое, почему Исады—слывутъ снохачами поволжскими. Выдаю, за что самъ получилъ.

V.

Яблочное царство.

Начиная отъ Исадъ, тянутся яблочные сады. Всѣ эти деревни Юркино, Юрино, Юнга и другія разводятъ массы яблочныхъ деревьевъ. Склоны горъ покрыты яблочными садами, почти сплошь. Представляю себѣ, когда все это покрывается цвѣтомъ—какую изящную картину долженъ представлять правый берегъ Волги. Урожаи на яблоки бываютъ громадные.

— Третьяго года, объяснялъ мнѣ одинъ изъ садоводовъ Сомовки — центра яблочныхъ плантацій, яблоко столь было

сильно, не могли вывести его. Урожай—безъ конца. Въ прошломъ году—недородъ, а въ нынѣшнемъ — морозъ побилъ. Не будетъ яблока, либо слабо дойдетъ.

— И выгодно дѣло это?

— Яблочно-то?.. Да вотъ мы снимаемъ, за 200 деревъ — 300 руб. платимъ. Среднимъ числомъ каждое дерево 10 пудъ яблока даетъ, а то и такія еще есть, что и всѣ двадцать выростетъ. Покупаемъ, какъ только «по пуговицѣ» завяжется. Если не уродитъ—задатокъ нашъ не пропадаетъ, ждемъ другаго года. Бывало такая благодать, что яблокомъ хоть Волгу пруди. По 20 к. пудъ сходилъ—возьми только. А и уходу-то за деревьями три дня въ году, если четыре человѣка за 300 деревьями ходятъ. На плѣшкахъ, куда солнце яро бьетъ, чтобъ земля жару не пропускала—навозъ кладемъ. Онъ и держитъ влагу.

— А посѣвы хлѣба здѣсь есть?

— Богатѣйшіе. Потому крестьянство и отдаетъ яблочные сады на снимку. Ему самому некогда. Оно за хлѣбомъ занято. Тутъ подъ Богомоловкою—винокуренный заводъ, туда и возятъ хлѣбъ.

— Здорово онъ, спаси его Господи, зерно жретъ.

— Отчего ему не жрать, пузо-то мѣдное, выдержитъ...

— Водку гонитъ... Выгодно. Оттого и жретъ хлѣбъ.

Не доѣзжая Сомовки—по лѣвому берегу тянутся сырыя низменности, поросшія такимъ веселымъ и яркимъ лѣсомъ, что онѣ мнѣ живо напомнили Потійское поморье у устьевъ Ріона: тѣ же луговины, та же чаща, то же сырое заливье.

Волны яблочныхъ садовъ взбираются до самыхъ гребней береговаго откоса. Изрѣдка мелькнетъ деревня на пѣтушкѣ (т. е. на высотѣ), оттуда къ берегу проложены длинные сходы... Въ небесныхъ высяхъ черными точками повисли ястребы и ни съ мѣста... Вотъ одинъ взлетѣлъ, описалъ плавно нѣсколько круговъ—и быстро, точно камень, ударился въ воду: что-то бѣлое,

блестящее точно кувырнулось надъ ея гладью, и съ довольнымъ клекотомъ хищникъ уже опять уносился все выше и выше, уходя изъ-подъ глазъ...

VI.

На палубѣ.

— Тутъ вотъ лѣтомъ страсть, что мелей пойдетъ... Во всѣ концы. Сколько судовъ опруживаетъ не перечесть...

— Страховали бы.

— Да что, у своихъ страховать нельзя. Русскія наши страховыя компаніи и не принимаютъ даже судовъ, а до нѣмцевъ далеко. Сказываютъ, пароходы — у нѣмцевъ страхуютъ нонѣ.

Жара стояла невыносимая. На палубѣ парохода все точно замерло. Бабы, какія были въ наличности, повалились спать, одна даже подъ овчинный тулупъ забралась, обложивъ себя предварительно полудюжиною дѣтей—малъ-мала меньше. Другая ухитрилась свернуться около самой машины, откуда несло еще пущимъ зноемъ и нестерпимо пахло саломъ. Крестьяне тоже замерли. Сидятъ недвижно. Видно, что въ такую жару и мысль не работаетъ. Одинъ было разоблачаться сталъ.

— Капитанъ, капитанъ! завопила сидѣвшая рядомъ чиновница.

— Чего вамъ?

— Запретите этому мужлану раздѣваться. У меня въ Василь-Сурскѣ мужъ чиновникъ.

«Мужланъ» остолбенѣлъ было, но потомъ также равнодушно сталъ натягивать на себя спущенное платье.

Какой-то парень изъ Уржума весь точно распускаться въ водѣ началъ. Даже лице отъ жара губчатымъ стало. Съ волосъ

потекло деревянное масло, которымъ онъ, повидимому, здорово умастился. На сапогахъ проступали крупныя капли сала, точно ихъ поджаривалъ кто-то... Рядомъ бабенка — кровь съ молокомъ, здоровая, сильная, лапища такія—двухъ мужиковъ ограбитъ... Уржумецъ смотритъ передъ собою, да такъ неопредѣленно, словно за двадцать верстъ впередъ, на лицѣ глубокомыслie, сосредоточенность.

— Оставь... Не трожь... Не ладный какой, шепчетъ Аспазія съ Ветлуги, а сама ни съ мѣста.

На лицѣ у уржумца тоже полнѣйшее равнодушіе. Всматриваюсь. Парень нѣтъ нѣтъ, да и толкнетъ сосѣдку локтемъ въ бокъ—не глядя на нее вовсе.

— Ну ужъ!.. протестуетъ та. И упирается лапищею въ плечо уржумскаго донъ-Жуана.

— Мы наше дѣло знаемъ, шепчетъ онъ, глядя все-таки за двадцать верстъ впередъ. И опять толчокъ.

— Чего ты?..

— Сладенькаго! И не обращая къ ней лица, парень раскрываетъ руку, въ которой были зажаты рожки и пряникъ. Какъ раскрылъ, такъ оттуда даже паръ пошелъ.

— Не надо... А сама беретъ... Изъ какихъ будете?

— Мы уржумскіе... И опять толчокъ.

— Не толкайся, чего толкаешься... По купечеству?

— Съ плотамъ... Бревно веземъ... Опять же ежели на счетъ угощенія—первымъ долгомъ.

— Знаю ваше угощеніе... А вы не будьте столь горды... Чего вы морду-то воротите. И, барышня, сама уже поталкиваетъ сосѣда... такъ что у того духъ захватило...

— Ишь разыгрались, дьяволы... Поди земля васъ не носитъ—толстыхъ чертей, а туда же... шепчетъ старикъ напротивъ.

VII.

Кабестаны, коноводки и бурлачество.

Вдали, по мѣрѣ приближенія къ Сурѣ, показывались все чаще и чаще громадныя бѣляны. Ихъ тянули вверхъ кабестанные пароходы, представляя для меня еще невиданное зрѣлище. Кабестанные пароходы очень велики. Они приводятся въ движеніе посредствомъ каната съ якоремъ, который завозится впередъ на всю длину каната и бросается въ воду. Вѣсъ этихъ якорей бываетъ свыше 100 пудовъ. Другой конецъ каната передается на кабестанъ, гдѣ паровая машина наматываетъ его на устроенный для того валъ или воротъ. Судно, такимъ образомъ, подвигается впередъ и тянетъ за собою бѣляны, въ то же время другой канатъ завозится съ другимъ якоремъ еще дальше, и какъ только кабестанъ дойдетъ до перваго якоря и вытащитъ его — для него уже готовъ второй. Часто для завозки якорей впередъ употребляются небольшіе пароходы, въ двадцать силъ. Они называются забѣжками. Чрезвычайно интересно видѣть сцену этого крошечнаго пароваго суденышка, вокругъ громаднаго чудовищнаго кабестана. Точно маленькая собаченка, оно, то забѣгаетъ впередъ, то опять подается назадъ, снуетъ у самыхъ бортовъ большаго парохода, почти скрываясь подъ массою якоря и каната, сложенныхъ на немъ. Кабестанъ съ буксируемыми имъ бѣлянами представляется на Волгѣ именно какимъ-то колоссальнымъ чудищемъ, хрипящимъ на всемъ просторѣ этой рѣки и медленно передвигающимся по ней, дѣлая около 30 верстъ въ сутки, но заразъ перевозя грузъ до 500,000 пудовъ. Кабестаны, изобрѣтенные Кулибинымъ, становятся все рѣже и рѣже. Несомнѣнно, что существующіе теперь — послѣдніе могикане.

Буксирный пароходъ убьетъ ихъ, какъ скоро бѣляны будутъ строиться попрочнѣе, потому что теперь эти суда, наскоро собранныя, не выносятъ слишкомъ быстраго движенія вверхъ по рѣкѣ, и имъ по плечу только неуклюжій и черный какъ трубочистъ кабестанъ, съ своею свистящею, вмѣсто лая, собаченкою-забѣжкою.

Еще рѣже, чѣмъ кабестаны, на Волгѣ коноводки. Это судно одинаковаго съ кабестаномъ назначенія, только его валъ или воротъ приводится въ движеніе лошадьми. На нихъ обыкновенно помѣщается отъ 80 до 200 лошадей и около 150 рабочихъ. При этомъ необходимъ особенный подчалокъ для кухни. Крайне неуклюжая, нелѣпая, медлительная, коноводка для постройки своей требуетъ массу лѣса. Доходя до 35 саженъ въ длину при семи саженяхъ ширины, она крайне неповоротлива, ходитъ около 20 верстъ въ сутки, передвигая за собою до 20 подчалковъ съ полумилліономъ пудовъ груза. Коноводки на Волгѣ почти уже не встрѣчаются. Изрѣдка только ихъ видятъ еще на Окѣ. Между Нижнимъ и Астраханью ихъ ходитъ много-много три или четыре. Мнѣ во весь путь не попалось ни одной. За то, по мѣрѣ приближенія къ Камѣ, часто встрѣчаются столь же неуклюжія плоскодонныя суда— ладьи или межеумы. Чрезвычайно грубо сколоченныя, они, дѣйствительно, напоминаютъ на Волгѣ тяжелаго, нелѣпаго прикамскаго промышленника, случайно попавшаго въ юркую и бойкую толпу ярмарочныхъ завсегдатаевъ. Ладья, при 30 саженяхъ въ длину и 20 въ ширину, перевозитъ, обыкновенно, пермскую соль отъ Соликамска къ Нижнему, гдѣ и разбирается уже на дрова.

Вмѣстѣ съ развитіемъ буксирнаго пароходства, на Волгѣ совершенно исчезло бурлачество. Страдная «пѣсня, подобная стону»—*ухни*, *дубинушка*, *ухни*, уже не слышится на облитыхъ мужицкимъ потомъ берегахъ этой великой рѣки... Бур-

лакъ здѣсь—только воспоминаніе, но, увы, съ уничтоженіемъ многострадальнаго промысла, масса кинулась на еще болѣе трудную работу—на желѣзныя дороги. Бурлачество кормило, хотя и въ проголодь, цѣлыя населенія; куда они пойдутъ, когда послѣдняя верста желѣзной дороги будетъ построена и локомотивъ пройдетъ по заволжью, разбрасывая по вѣтру свой черный дымъ? Хлѣбъ сѣять—при настоящихъ условіяхъ хлѣбопашества безвыгодно, да съ уничтоженіемъ лѣсовъ едва ли будетъ и возможно на песчаныхъ равнинахъ... Не раздается ли опять эта «пѣсня, подобная стону» подъ окнами купеческихъ палатъ, по улицамъ богатыхъ низовыхъ городовъ, выпрашивая у доброхотныхъ дателей хотя мѣдный грошъ на пропитаніе здоровому и сильному населенію, не знающему, куда и какъ запродать эту силу, куда и какъ употребить въ дѣло свое здоровье.

VIII.

Вечеръ на Волгѣ.

Вечерѣло... Излучины Волги горѣли алымъ заревомъ заката. Золотое пламя словно курилось огнистымъ паромъ надъ вершинами лѣсовъ, окоймлявшихъ приволжскія лукоморья... Желтыми, едва замѣтными, полосками врѣзывались въ рѣку песчаные мыски, на которыхъ, у самыхъ концевъ, точно изъ воды, поднимались рощицы осокори, насквозь пронизанныя алымъ блескомъ догорающаго дня... Когда пароходъ подплылъ близко къ берегу, сквозь шумъ машины и громкое пыхтѣнье трубы, послышались разливы соловьиной пѣсни. То нѣсколько соловьевъ вмѣстѣ дробятся на тысячи чудныхъ звуковъ... То одинъ будитъ молчаливую чащу своими громкими задорными трелями... А вотъ мысокъ, отъ котораго не ото-

рвется взглядъ... Длинный, узкій, онъ въ одинъ рядъ поросъ высокими раскидыстыми березами; онѣ какъ разъ занимаютъ западъ, и, словно черныя, каждою вѣткою, каждымъ листкомъ вырѣзываются на цѣломъ морѣ огнистаго разлива... Оползни горъ кажутся розовыми при этомъ фантастическомъ освѣщеніи запада... А синіе сумерки уже сгущаются позади, и мгла точно сказочное чудовище стелется на востокѣ, все дальше и дальше забрасывая свои мѣняющіеся очертаніями члены... Вотъ лѣса уже пропали въ ея безформенной массѣ. Рѣка, горящая впереди какъ расплавленное золото — стелется въ этой мглѣ, и только туманные отблески зари мерцаютъ надъ сизыми сумерками востока...

IX.

Погребенное село.

— Большіе у насъ, милый человѣкъ, по Волгѣ оползни бываютъ. Есть такія мѣста песчаныя, ни кустика на немъ, ни дерева. Ну, а народу ловецкому, рыбникамъ нашимъ, все равно, посылаетъ Господь въ сѣти—и хорошо. Хлѣбомъ, бываетъ, и не займутся. Разъ такое село внизу пріютилось, на скатѣ. Выѣхали разъ на рѣку рыболовы и день-то жаркій былъ, потный день—тихо. А вернулись ввечеру—ни села, ни церкви. Лежитъ песокъ буграми, да колдобинами. Вотъ онъ, оползень, какой былъ... Осыпался-то песокъ съ горы и похоронилъ семьи ловецкія, никто не вышелъ цѣлъ!

Дѣйствительно, на небольшомъ пространствѣ направо тянется сплошная гряда желтаго песку... Изрѣдка кустарникъ лѣпится по откосу, да соломенныя кровли села чуть-чуть намѣчены изъ-за гребня... Точно это такіе же желтые песчаные холмы.

Не надолго только. Опять зеленое царство молодаго весенняго лѣса. Надъ нимъ бѣлая колоколенка церкви. По гребнямъ и по откосамъ цѣпко лѣпится большое село Фокино, около котораго на двѣсти саженъ въ рѣку тянется въ мелководье громадная мель, гдѣ прежде перегружались проходившія мимо суда. Рядомъ красивое Разнѣжье, все на припекѣ, подъ солнцемъ... Даль пустынна... Изрѣдка проползетъ косоушка или мокшанъ, и опять въ оправѣ своихъ чудныхъ береговъ разстилается чистая бирюза Волги...

— Вонъ оно «персидское судно»! указали мнѣ.

— Какъ оно сюда попало? Подивился я.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что изъ Персіи. Они только строются на манеръ персидскихъ, посѣщающихъ Астрахань. Тѣ по Каспію ходятъ. А эти поднимаются въ Лаишевъ за желѣзомъ, въ Пермскую губернію ходятъ, при ватагахъ. Они очень устойчивы, да и на ходу легки. Борта на такомъ суднѣ двойные, на болтахъ строются. На этотъ манеръ Волга, наша матушка, кормилица богоданная, и малыя лодки строить почала. Очень уже выгодно, всякій штормъ хорошо выдерживаютъ.

— Вонъ тамъ мель скоро будетъ, только вода отойдетъ.

— Отчего у васъ при меляхъ и села? Гдѣ мель, тамъ и село.

— Какъ кого Господь установилъ! Для пропитанія, полагаю. Въ старое разбойное время страсть сколько здѣсь судовъ ломало. Ну и становились селами.

— Помогать?

— Нѣтъ, грабить. Не такое было время, чтобъ помочь оказывать.

— Да вѣдь мели-то перекатныя...

— Есть и остойныя, кондовыя мели есть. А вонъ и под-

чалки наши тройкою ходятъ. Словно мадамы по улицѣ подъ ручку.

Мы нагоняли три счалившіяся рядомъ судна, вѣтеръ былъ верховой, и они быстро скользили внизъ подъ парусомъ, находившимся на средней лодкѣ. Парусъ грудью бѣжалъ, радуясь попутничку, на верхушкѣ мачты цѣпко держалась какая-то пичуга, взмахивая по временамъ сѣрыми крыльями... На лодкахъ не было видно народа вовсе. Точно заколдованныя, пустыя, бойко подвигались онѣ, оставляя за собою легкую борозду на спокойномъ зеркалѣ рѣки... Съ другой стороны, грузно и медленно, какъ разжирѣвшая старуха чиновница, ковыляла вверхъ багроушка, противъ теченія, поскрипывая, когда рабочіе, дружно напирая баграми въ песчаное русло, подвигали ее вдоль зеленаго берега...

Потянуло откуда-то черемухой, такъ и обдало свѣжимъ ароматомъ. Стоишь и дышешь имъ среди этой лазуревой глади, стоишь и дышешь до истомы... А запахъ все гуще и гуще... Одуряющій до того, что жилы бьются сильнѣе, и кровь бьетъ въ голову.

X.

Василь-Сурскъ,—столица стерлядей.

— Скоро Василь-Сурскъ увидимъ, стерляжью столицу. По всей округѣ славится она.

— По рѣкѣ Сурѣ первая по всей Волгѣ стерлядь. Камская-то похуже, а которая въ самой Волгѣ ловится — и совсѣмъ плоха. Сурская стерлядь крупная, жирная. Сладкая рыба!.. Тутъ на Сурѣ и стерляжій царь живетъ.

— Какой царь?

— Ужли жъ не слыхалъ? У каждой рыбы свой царь есть. Севрюжій царь зубастый, живетъ въ большемъ Ильменѣ, у са-

маго устья Волги. Въ другомъ Ильменѣ судакъ-королевичъ пребываетъ. На что ужъ сазанъ дуракъ рыба, и у той царица есть, что въ Ахтубѣ престолъ свой держитъ. Ну, а стерляжій осударь на Сурѣ рѣкѣ основался. Устоище его на самомъ днѣ, въ глубокой ямѣ. Вся-то она каменьемъ самоцвѣтнымъ убрана, жемчугами разукрашена. Тутъ у него и жена есть — русалка водяная. Выйдетъ на камешекъ, золотымъ гребнемъ зеленыя косы разчесываетъ, а осударь-то вокругъ ее ершится, хвостомъ по водѣ похлопываетъ, о бѣлу ногу ее трется. Коли кто увидитъ его—хоть совсѣмъ ловы бросай, ни одной стерлядки ему не попадется.

— Какъ же его отличить?

— А у него на головѣ златъ-вѣнецъ есть, что звѣзда блеститъ издалека.

— Нонѣ Василю бѣда. Осердился на него стерляжій царь, водяную гибель послалъ. Что ни весна—гляди барки смываетъ.

Василь-Сурскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ самое монументальное зданіе — острогъ. Здѣсь это почтенное строеніе царитъ надъ городомъ и видно далеко съ рѣки.

— По ночамъ маякомъ намъ служитъ, объяснилъ капитанъ парохода. Въ окнахъ огонь горитъ, мы и знаемъ берегъ...

Городъ разбросанъ очень живописно, амфитеатромъ по склону горъ. Солнце ярко лежало на всѣхъ окнахъ, еще пуще ложились его отблески на разливѣ, затопившемъ луговую спадину, гдѣ Сура-рѣка, тихая и лѣнивая, катитъ свои чистыя струи въ мутныя волны пока еще полноводной Волги. Тутъ особенно хорошо весною, когда съ верховьевъ Суры приходитъ много судовъ съ хлѣбнымъ товаромъ. Тихій городокъ спѣшитъ очнуться на мѣсяцъ, на два, чтобъ потомъ опять проспать до слѣдующей весны. Говорятъ, что тогда даль, открывающаяся съ горы на Волгу и Суру, поразительно красива. На луговой сторонѣ блистаетъ и голубѣетъ множество недвижныхъ озеръ,

точно серебряная чешуя змѣи, мерцаютъ частные извивы Суры, словно сгущенныя тѣни, мерещутся за тихими водами, на краю неба, манящіе отлоги лѣснаго царства... Пароходы, оставляя въ сторонѣ обмелѣвшую Волгу, идутъ здѣсь Сурскою воложкою, среди мягко зеленѣющихъ береговъ...

— Вы съ Сурою рѣкою не шутите, нынче по ней маленькіе пароходы бѣгаютъ, къ отчаянію жителей.

— Почему къ отчаянію?

— Вы слышали о городѣ Курмышѣ? Ну тамъ вотъ мудрецы курмышскіе, когда мы стали очищать Суру, всполошились и предъявили ходатайство о томъ, чтобъ карши (пни на днѣ рѣки) оставлены были на своихъ мѣстахъ. Они, видите-ли, промышляя сплавомъ, вовсе не хотѣли видѣть отбивающихъ хлѣбъ у нихъ пароходовъ. Когда одинъ пароходъ разбило каршею, такъ курмышане потребовали даже вознагражденія за испорченную каршу. Такъ ужъ они возлюбили этотъ особенный родъ подводныхъ мелей!...

— А ужлижъ, вмѣшался какой-то пассажиръ, намъ да свои исконные кормы въ вашу бездонную утробу бросить! Мы сплавомъ со временъ Разина промышляли, а тутъ пришли, невѣсть откуда пароходы и давай отбивать. Вамъ мало того, что вы съ насъ штаны сняли, вы и въ ротъ за щеку къ намъ лѣзете, не осталось-ли тамъ чего... Чего ты смѣешься, что мы за карши стоимъ. Насъ карша кормитъ, потому что пароходы вверхъ не пущаетъ...

XI.

Ветлуга.

Плывемъ въ волнахъ благоухающаго воздуха. Всѣ луговые цвѣты раскрыли свои ароматные вѣнчики и курятся ѳиміамомъ во слѣдъ отгорающему солнцу. Заревыя краски горятъ и мер-

цаютъ въ струяхъ рѣки, въ чащѣ молчаливаго лѣса, на вершинахъ береговыхъ холмовъ, которые становятся все выше и выше... Лѣсъ—цѣлина... На островахъ нельзя рубить, на берегу весь казенный, потому и стоитъ онъ здѣсь нетронутый... Темная глушь его словно стѣсняетъ рѣку, и когда западъ погасъ, онъ какъ бы еще больше надвинулся съ берега... Крутые откосы, покрытые его щетиною, словно висятъ надъ нашею палубою... Громко поютъ соловьи... Слышно даже сквозь громыханье и пыхтѣнье парохода... То одинъ выпѣваетъ свои меланхолическія рулады, то нѣсколько лѣсныхъ пѣвцовъ дробятся на тысячи трелей, будя уже повитыя синимъ сумракомъ дали... Западъ смеркается... Надъ желтою полосою его повисла тучка... Точно изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ взглядъ утомленной и засыпающей красоты... Часть рѣки къ западу еще охвачена лиловыми тонами...

Въ сумеркахъ мы прошли мимо устья Ветлуги. Ветлужье—лѣсной край, такъ поэтически описанный П. И. Мельниковымъ, остался въ сторонѣ... Только въ синихъ даляхъ мелькнули мачты судовъ... Ходятъ до сихъ поръ по Ветлугѣ тяжелыя барки, плаваетъ на веслахъ грузная полубарка, снабжая отсюда всю Волгу и разнося еще дальше рогожу, мочало, лубокъ, деготь, смолу, доску и вѣники... Привольный лѣсной трудъ кипенемъ бьетъ въ темныхъ чащахъ смолистаго лѣса, бродитъ по немъ молчаливый черемисъ, съ удивленіемъ приглядываясь, какъ изъ поваленныхъ лѣсныхъ великановъ, оттѣснившій его отсюда, русскій работаетъ всякую деревянную подѣлку. Ищетъ и тутъ истину, не мирящійся съ никоновскою ересью крестьянинъ, ищетъ и еще глубже уходитъ въ чернолѣсье Ветлужья... Привольнѣе дышется и лучше ему думается въ этой молчаливой пустынѣ... Тутъ все вѣетъ былиною, вездѣ, словно пѣвучая пташка въ зеленой чащѣ, вьется поэтическая легенда. На днѣ озеръ стоитъ невидимый градъ

Китежъ; посреди недвижныхъ водъ поднимаются незримые грѣшнымъ очамъ острова со старыми дониконовскими монастырями. Чистое, днемъ и ночью блистающее святое озеро Свѣтлояръ оглашается иногда звономъ колоколовъ, хоръ таинственныхъ голосовъ слышится изъ глубины его, исходитъ оттуда необычайное сіяніе, и свѣтлые старцы являются счастливцамъ, случайно попадающимъ въ тайные входы святыхъ пещеръ, ведущихъ прямо къ невидимой обители: стоитъ здѣсь она незыблемо и тихо со временъ самаго великаго раззорителя земли русской—Батыя. Былъ тутъ и городъ Китежъ, построенный благочестивымъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Поганый агарянинъ окружилъ его несмѣтною силою. Некуда было бѣжать затворившемуся въ свой кремль князю, некуда было уйдти схоронившимся за стѣнами монастырей старцамъ, и началось великое моленіе о спасеніи душъ христіанскихъ, и Богъ услышалъ молитвы. Китежъ, со всѣмъ, что дышало въ немъ, вдругъ изчезъ изъ глазъ бусурманскихъ. На мѣсто его—заблистало чистыми водами прелестное озеро Свѣтлояръ. И до сихъ поръ, кто одиноко проведетъ нѣсколько дней въ обступившихъ берега его лѣсахъ, услышитъ и пѣніе китежскихъ старцевъ, и тихіе гулкіе раскаты подводныхъ колоколовъ. Чудятся рыболову внизу высокія колокольни, узорчатыя крыши теремовъ и зубчатыя стѣны кремля... Но потянетъ вѣтромъ, пробѣжитъ по Свѣтлояру легкая зыбь, и словно сдунетъ куда-то чудный городъ... Еще красивѣе и лучше въ Ветлужьѣ—Нестіаръ озеро... Еще чуднѣе оно. Появляются въ немъ періодически щука, окунь и снѣтки. Лишь только приходятъ одни, уходятъ другіе. Снѣтокъ на привольи бродитъ по озеру, пока не покажется щука и окунь. Замѣтила малая рыбенка исконныхъ враговъ своихъ, и Господь знаетъ, куда и какими подземными каналами уходитъ она. Пропадетъ щука съ окунемъ—опять наплываетъ снѣтокъ... Стоитъ и тутъ невидимая

обитель въ свѣтлыхъ водахъ Нестіара, и здѣсь свѣтлые старцы, числомъ семь, хоронятся отъ людскаго глаза... Въ оно время по чернолѣсью безпросвѣтнаго Ветлужья ютились удалыя шайки, осѣдая въ береговыхъ горахъ, да на безлюдныхъ островкахъ рѣки. Несмѣтныя сокровища послѣ нихъ остались зарытыми въ землю, да что клады! По преданію растетъ тутъ денежное дерево. По устью Ветлуги стоятъ богатыя села Покровское, Троицкое, а вблизи Коротня, всѣ съ пристанями, гдѣ сотни судовъ грузятся лѣсными издѣліями.

XII.

Козьмодемьянскъ и чуваши; Чебаксары.

Ночь... Огни на плотахъ вдоль берега. Огни отражаются длинными побѣгами и въ остеклѣвшей Волгѣ. Чуть замѣтенъ на берегу молчаливый Козьмодемьянскъ, полурусскій, получувашскій городъ. Сошли мы на берегъ. Окна козьмодемьянскаго Бореля ярко сверкали надъ рѣчнымъ просторомъ. Нужно было посѣтить. Входимъ. За столами кучками сидятъ чуваши, но тихо, молчаливо сидятъ. Точно у нихъ и веселья нѣтъ. Чувашъ нынче далеко не тотъ загнанный инородецъ, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ и за человѣка не считалъ русскій колонизаторъ Приволжья. И кулаки наши сообразили, что инородецъ этотъ уже выскользнулъ отъ нихъ, затосковали міроѣды, да благо рядомъ черемисъ живетъ, можно его зажать въ ежевую рукавицу. Теперь чувашъ самъ заготовляетъ въ Казани и уѣздныхъ городахъ нужныя ему вещи и продаетъ избытокъ своей сельской производительности. Онъ и на макарьевскую нашелъ себѣ дорогу. Особенно любитъ онъ хумла-карды—хмѣльникъ. Прежде отсюда страсть что хмѣлю шло, теперь

чуваши сообразили, что хлѣбная торговля не въ примѣръ выгоднѣе, и занялись ею. Нѣкоторые изъ нихъ свои суда уже имѣютъ, и ходятъ на нихъ даже въ Рыбинскъ. Чуваши, кто посостоятельнѣе, живутъ въ чистыхъ просторныхъ избахъ и угощаютъ своихъ друзей не сивухою, а мартовскимъ пивомъ, чаемъ, бѣлымъ виномъ и водкою-кизляркою. Предѣлъ ихъ честолюбія — или самому жениться на русской, или выдать дочь за русскаго. Всѣ говорятъ по русски, даже хирь-адымъ— прекрасный полъ, не только затверживаетъ русскія слова, но и соединяетъ ихъ по своему.

В. Сбоевъ, остановясь въ чувашкой избѣ, подошелъ къ печкѣ, чтобъ разогрѣть свой завтракъ. Чувашка обидѣлась.

— Стой, въ печечи народъ много, и твоя будетъ. Это означало, что печь полна разными пожалу (лепешками) и пирогами и что ихъ съ избыткомъ хватитъ на долю пріѣзжаго.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ онъ ее.

— Полтина лѣтъ поспѣлъ.

Чуваши обижаются, когда съ ними говорятъ по чувашски. Они наканунѣ полнаго обрусѣнія. Вѣдь это и не диво. Въ Тетюшскомъ уѣздѣ есть, напримѣръ, село Каратаи, испоконъ вѣка одна мордва живетъ въ немъ. Но никто изъ нихъ не понимаетъ ни слова по-мордовски. Мужчины говорятъ по-татарски и по-русски, женщины—по-татарски. Между чувашами встрѣчаются уже крестьяне, окончившіе уѣздное училище; и они служатъ писарями по волостямъ. Свѣтила чувашскаго просвѣщенія—кошкинское и аттиковское училища Чебоксарскаго уѣзда. Чуваши, впрочемъ, и въ школѣ не пріучаются совершенно чисто говорить по-русски. Русское *д* у нихъ переходитъ въ *т*; *в* — въ *ф*, *б* — въ *п*. Кереметы, о которыхъ писали и говорили такъ много, священныя рощи чуваша, давно повырублены. О варварскомъ обычаѣ «тащить непріятелю сухую бѣду», т. е. вѣшаться на его дворѣ, уже не

слыхать. Онъ уже не видитъ въ каждомъ русскомъ олбута— т. е. господина. Не то было лѣтъ тридцать назадъ. Вотъ что разсказывалъ Сбоевъ о томъ времени: кереметп — въ каждомъ селѣ, въ нихъ открыто приносятся языческія жертвы. Священникъ для нихъ—доносчикомъ, врагомъ былъ. Русскіе ихъ тиранили, потому чувашъ старался подальше уйдти отъ судоходной рѣчки и большой дороги; потому каждое чувашское село расположено такъ, что вы примѣтите его только тогда, когда уткнетесь носомъ въ ближайшіе дома. Скрывать отъ русскихъ дорогу—вошло въ обычай.

Чувашъ дохнетъ на работѣ. Онъ отличный хлѣбопашецъ. Русскіе крестьяне далеко не могутъ конкурировать съ ними въ этомъ отношеніи, и увѣряютъ, что инородцы одарены чудеснымъ провѣденіемъ урожая или голода.

Сбоеву встрѣтился замѣчательный предсказыватель погоды, чувашъ Михалка, никогда не ошибавшійся въ этомъ отношеніи.

— Онъ узналъ это отъ матери, говорили про него остальные, у него мать была іомся (колдунья).

Чуваши отличаются замѣчательно спѣшною уборкою хлѣба. Если, подъѣзжая къ селу въ ноябрѣ или декабрѣ, вы не увидите на гумнахъ ни одной копны, а только воткнутый въ верхушку овиннаго шиша снопъ—поселокъ чувашскій. Если же на однихъ гумнахъ копны невымолоченныя, а на другихъ одна солома—то здѣсь вмѣстѣ съ чувашами живутъ русскіе и татары.

Вы заплутались, на встрѣчу попадается чувашъ.

— Ачамъ (молодецъ), гдѣ проѣхать въ деревню?

— Тюрахъ-кай! (ступай прямо).

Исполните этотъ совѣтъ, и вы попадете либо въ болото, либо въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ и помину о проѣзжей дорогѣ.

— Василій Ивановичъ (чувашей огульно зовутъ такъ русскіе), какъ пройдти въ твою избу?

Дико взглянетъ онъ на васъ и юркнетъ куда-нибудь.

«Василій Ивановичъ» такая же кличка для чуваша, какъ «князь» для татарина. Говорятъ, что іеромонахъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, посланный для обращенія чувашъ въ христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, причемъ давалъ имъ всѣмъ имя Василія, воспріемникомъ былъ діаконъ Иванъ Аѳонасьевъ—и вышли чуваши Васильями Ивановичами.

Вотъ какъ подонки русскаго чиновничества расправлялись съ чувашами въ тѣ времена, когда чувашъ боялся выглянуть изъ лѣсу.

Выгнанный изъ службы «подканцеляристъ» Брагинъ ѣдетъ въ Козмодемьянскъ.

— Лошадей! оретъ онъ и приэтомъ аплодируетъ по лицу выборнаго обѣими ладонями.

Принявъ его аплодисменты, какъ нѣчто неизбѣжное, выборный ведетъ его къ себѣ угощать чѣмъ можетъ. Вино, пиво, яйцы, яшка (супъ изъ курицы), все это подается на столъ. Наѣвшись и напившись, Брагинъ выходитъ, пошатываясь.

— Это что! оретъ онъ на лошадей. Только пара? Не хочу, вези это самъ. Торжественно вынимаетъ онъ изъ кармана рукописный пѣсенникъ съ эротическими произведеніями Баркова и вмѣстѣ съ другими негодными бумажонками разбрасываетъ по двору, а самъ уходитъ пѣшкомъ за околицу. Оторопѣлый выборный бережно собираетъ бумажонки, велитъ пристягнуть свою собственную лошадь, и догнавъ Брагина, умоляетъ его «не погубить», суя притомъ «синицу» въ руки.

Такъ выгнанные чиновники не только разъѣзжали даромъ, но и кормились на счетъ чуваша.

Но истиннымъ страшилищемъ для инородца, въ тѣ времена, былъ волостной писарь.

Попадья торгуетъ у чуваша на базарѣ сявранъ-полъ (бѣшеную рыбу). Продавецъ запрашиваетъ слишкомъ дорого. Попадья горячится.

— Побойся ты Бога, чувашская лопатка! оретъ она на весь базаръ.

— Эхъ, мачка, злится, въ свою очередь, чувашъ, что Бога бояться, вѣдь Богъ не писарь.

Чувашскую деревню сейчасъ же можно отличить отъ русской. Безпорядочность чувашскихъ построекъ изумительна. Улицъ нѣтъ, есть только проѣзды между дворами. Голова закружится, прежде чѣмъ выберешься изъ этого лабиринта. Причина въ родовомъ устройствѣ ихъ быта. Глава семьи отгораживаетъ подъ свое становье большое пространство. Дѣти, обзаведясь семьею, строются въ той же оградѣ. Наконецъ, является необходимость выселеній; постройки колоній дѣлались по тому же типу. Сверхъ того, чувашскія села, большею частью, хоронятся по оврагамъ, ютятся въ ямахъ, котловинахъ. Они не любятъ ставиться на юру. Намъ по дорогѣ, разумѣется, не встрѣчалось ни одного чувашскаго села, за то мы видѣли столицу чувашей, Козмодемьянскъ.

— Экій у васъ городъ неприглядный! замѣтилъ я одному чувашу, встрѣченному на улицѣ.

Тотъ даже обидѣлся.

— Это еще не городъ!.. зачѣмъ тебѣ лучше... Смотри, церкви есть, дома изъ каменю. Сгорѣла площадь съ домами — новые строютъ. Нашъ городъ! Поди, и Москвѣ не уступитъ. Въ такомъ городѣ и патшѣ (царю) жить не стыдно!

Приходилось, разумѣется, только преклоняться передъ козьмодемьянскимъ патріотизмомъ.

Несмотря на все свое уваженіе къ русскимъ, чуваши считаютъ себя отдѣльнымъ народомъ, отдаляясь даже отъ насъ и по отношенію къ религіозной обрядности.

Одинъ путешественникъ, заказавъ себѣ яичницу, въ постный день, съ удивленіемъ замѣтилъ, что и чуваши ѣдятъ скоромное.

— Грѣхъ есть скоромное!

— А ты самъ что ѣшь? спрашиваетъ чувашъ.

— Да я нѣмецъ.

— А мы—чуваши.

Въ синемъ сумракѣ ночи, когда мы отошли отъ Козмодемьянска, на нашъ пароходъ стало надвигаться какое-то чудовище.

— Вымирающее судно! замѣтилъ капитанъ.

Когда мы перегнали мокшана, оттуда понесло удушливою вонью воблы.

— Бѣдовая это рыба... Духъ какой изъ себя пущаетъ.

— А вкусная?

— Есть такіе, что и въ голодный годъ ее не ѣдятъ. У насъ вѣдь все ставленники. Одна губернія сома жретъ — сомятники, другая судака соленаго да сушку, а третья на сушку и не глядитъ, а на бѣлужину набрасывается. Четверта, та больше къ сельди льнетъ. Что установилось, на томъ и держутъ. Иная рыба такъ разитъ, что ты себѣ носъ пробкою заткнешь, а владимірецъ ѣстъ не нахвалится.

— Человѣкъ не собака—все съѣстъ,—совершенно серьезно заключилъ сидѣвшій рядомъ старикъ.

Разумѣется, я на это только руками развелъ.

Расшивы почти уже не встрѣчаются на Волгѣ. Это судно похоже на мокшанъ. Нѣсколько закругленное дно и съуженная корма, болѣе возвышенная носовая часть отличаютъ ее отъ этого типа судовъ. Сверхъ того, на расшивѣ палуба къ носу и кормѣ расширяется, свѣшиваясь за бортъ. Пятнадцатисаженная мачта составлена изъ пяти деревъ. Расшиву украшали нѣкогда очень затѣйливо. На носу нарисованы либо громадные глаза, либо «птица сирахъ», либо настоящая сирена. Короче, въ этихъ рисункахъ народная фан-

тазія давала себѣ полную волю, въ изображеніяхъ разныхъ чудищъ, часто непонятныхъ самимъ живописцамъ. Борты покрыты рѣзьбою, исполненной, разумѣется, при помощи топора. Расшиву, когда она шла издали по вѣтру, можно было отличать по огромному парусу, занимающему въ ширину болѣе пятнадцати сажень. Этакая машина заслоняетъ передъ вами дали и видна еще издалека, когда самого судна не отличить невооруженнымъ глазомъ.

— Отчего пропадаютъ нынѣ эти суда?

— А вмѣстѣ съ бурлачествомъ... Да и мало поднимаютъ онѣ—до 20,000 пудовъ самое большее. Опять же ихъ на буксирѣ не водятъ почему-то, значитъ для взводнаго судоходства онѣ не годятся. Тутъ вѣдь на каждую 1,000 п. груза—четыре, а то и всѣ пять человѣкъ понадобится, да девять лошадей. Къ тому же лоцманъ, да водоливъ. Коли всѣ двадцать тысячъ пудовъ бывало погружены, такъ восемьдесятъ человѣкъ брать приходилось. Стоило ли возиться!

Тѣмъ не менѣе, днемъ издали расшива была чрезвычайно красива. Громадный парусъ, подъ нимъ едва замѣтная, подавляемая его громадностью черточка судна...

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Козмодемьянска лѣсная ярмарка. Сюда приваливаютъ лѣсъ съ Ветлуги, и тутъ же производятся страшныя порубки лѣсовъ. Это своего рода delirium tremens. Мы истребляемъ лѣса горячечно, точно послѣ потопъ будетъ и жизни конецъ на землѣ. Чуваши даже увлеклись этимъ повѣтріемъ; они продаютъ на срубъ свои кереметы, свои нѣкогда священныя рощи. Полное раззореніе, передъ которымъ Батыево нашествіе—только шутка!

Уже засвѣтло показалось нѣсколько мокшанъ, плоскодонныхъ съ вертикальными бортами. Строются онѣ на Окѣ, около Нижняго, и на рѣкѣ Мокшѣ и поднимаютъ до 50,000 пудовъ.

Вонъ направо мелькнула Спасогіеронтьевская пустынь,

упраздненная въ 1838 г. Пустынны ея обваливающіяся стѣны, словно одинокіе схимники, молчаливо и важно стоятъ колокольни, уже не гремящія на широкомъ просторѣ Волги своею мѣдною гортанью.

— А вотъ приглядите-ко — Чебоксары городокъ, четыре двора, восемь улицъ. Народу живетъ здѣсь много — хромой мужикъ да баба безъ ноги.

Надъ блиновскимъ въѣздомъ — главная достопримѣчательность города — наклонившаяся колокольня Вознесенской церкви. Гора осѣла, въ храмѣ показались трещины, колокольня же уцѣлѣла, только наклонилась на востокъ.

— Вотъ вамъ и Чебоксары, куда Макаръ телятъ не гонялъ, а небось Пизанской башнѣ не уступятъ. Чего вамъ!

Кромѣ падающей башни, здѣсь есть мировой судья въ видѣ иконы. Въ Троицкомъ монастырѣ имѣется образъ Николая Чудотворца, куда чебоксарцы, черемисы и чуваши ходятъ судиться. Икона поэтому называется «судьею». Вмѣсто вчинанія процесса, истецъ приводитъ къ ней отвѣтчика и заставляетъ приложиться къ образу.

XIII.

Казань съ Волги и при лунномъ свѣтѣ.

Весь въ лунномъ блескѣ внизу растилается городъ. Изъ темныхъ пятенъ садовъ выплываютъ стройныя, серебряныя колокольни церквей, бѣлыя линіи улицъ тянутся къ спящей красавицѣ Волгѣ. Дымится надъ нею свѣтлый паръ луннаго сіянія, точно извнутри озаренное облако поднялось надъ спокойною ширью рѣки... Изрѣдка звѣздится огонекъ въ окнѣ, гдѣ-то слышится унылая татарская пѣсня, надрывая душу

своею безнадежною скорбью. Нѣтъ въ ней порывовъ бѣшеной удали, словно вихрь нежданно врывающейся въ тихое, точно понизью разстилающееся уныніе пѣсни русской. Татарская — это долгій вымученный стонъ, стонъ степной, стонъ безъ конца и края... Такъ вѣтеръ медленно и грустно пробѣгаетъ по татарской равнинѣ, гоня передъ собою сѣдое облако пыли... Ни цвѣтка, ни зелени на этой мертвой глади; ни улыбки, ни радости въ этой степной пѣснѣ...

Еще лучше Казань подъ зарею... Розовый паръ стоитъ надъ противоположнымъ берегомъ рѣки, изъ него выдѣляются золотящіяся подъ солнцемъ верхушки колоколенъ... Гдѣ-то далеко, далеко рѣжущимъ глазъ блескомъ сверкаетъ извивъ Волги... А кругомъ эти синія мглистыя дали... Еще нѣсколько минутъ, и солнце брызнуло огненными струями въ чащу деревьевъ, и посреди ихъ темнозеленой массы точно вырѣзались тонкіе, узорчатые золотые листья... Точно вспыхнули верхушки травы и горятъ заревымъ полымемъ тамъ, гдѣ огнистыя струи пролились сквозь чащу въ низъ, къ мягкимъ моховымъ проложинамъ...

Еще лучше Казань съ Волги. Передъ вами вырѣзывается вся она съ своими бѣлыми домами, зелеными раинами садовъ, колокольнями церквей и минаретами многочисленныхъ мечетей. Бѣлый Кремль на холмѣ съ пресловутою башнею Сумбеки, бѣлыя стѣны монастыря, все это сползаетъ внизъ, умаляясь и умаляясь, пока не пропадаетъ въ зеленой сочной ложбинѣ, чтобъ сейчасъ же массою татарскихъ домовъ, перемѣшанныхъ съ красивыми силуэтами мечетей, взбѣжать наверхъ. Чѣмъ дальше относитъ пароходъ, тѣмъ таинственнѣе и туманнѣе дали, тѣмъ больше скучиваются башни, колокольни и минареты, такъ что подъ конецъ весь городъ кажется состоящимъ изъ нихъ. Даль скрадыетъ всѣ промежутки, понизь между городомъ и рѣкою пропадаетъ, и Казань вся выплываетъ на пе-

редній планъ, тѣснѣе и тѣснѣе смыкая силуэты своихъ зданій... Еще нѣсколько минутъ, и чудная панорама полувосточнаго города уходитъ за зеленый выступъ берега, оставляя на душѣ впечатлѣніе какого-то смутнаго поэтическаго сна. Еслибъ приволжскіе города были также хороши вблизи, какъ и издали!

Наконецъ, пропалъ и Зилантьевскій монастырь за р. Казанкою... Блеснуло и словно потухло Змѣиное озеро... Жилъ тутъ во время оно крылатый змій Зилантъ, летавшій пить на озеро, перегубилъ этотъ Зилантъ не мало народа, пока кому-то доброму молодцу не вспало на умъ помѣриться съ нимъ своею силою-удалью.

XIV.

Могила ссыльной княгини, капитанъ-американецъ.

На противоположномъ берегу Волги громадное село Услонъ. Все оно разбросано по скату горы. Тутъ на погостѣ найденъ былъ полуразрушившійся надгробный камень съ огромною надписью: «Здѣсь погребено тѣло рабы божіей Д....» Могущественный князь Меньшиковъ, на пути въ ссылку, схоронилъ здѣсь свою жену. Надъ прахомъ ссыльной княгини была когда-то построена церковь, сгорѣвшая или развалившаяся. Такимъ образомъ, не осталось и слѣда отъ нѣкогда блестящаго существованія. Даже мѣста этой могилы не могли указать, до тѣхъ поръ, пока, кажется, г. Орловъ-Давыдовъ не поставилъ надъ полуосунувшимся камнемъ часовню...

Въ Казани, съ маленькаго камскаго пароходика «Купецъ», намъ пришлось пересѣсть на пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій», «Новосельскій», капитанъ котораго, г. Петрошкевичъ, поразилъ насъ съ перваго взгляда. Представьте себѣ

миссисипійскаго янки на рубкѣ волжскаго парохода. Та же удивительная подвижность физіономіи и движеній, то же нѣсколько суховатое лице съ зоркими умными глазами, тотъ же энергическій голосъ и быстрота пріемовъ, словно куда-то торопящагося человѣка. Когда я разговорился съ командиромъ судна — оказалось, что онъ чуть ли не двадцать лѣтъ прослужилъ въ русско-американской компаніи, усвоивъ себѣ всѣ хорошія качества моряковъ страны, съ которою по службѣ чаще всего имѣлъ дѣла. Говоря откровенно, всѣ почти капитаны общества «Кавказъ и Меркурій», на пароходахъ котораго мы совершили свою поѣздку по Волгѣ, отличаются любезностью и обязательностью по отношенію къ своимъ пассажирамъ. Я поочередно перебывалъ на пароходахъ «Купецъ», «Новосельскій», «Кауфманъ», «Императоръ Александръ» и «Пермякъ», причемъ ни разу не имѣлъ случая пожаловаться на ихъ администрацію. Въ этомъ отношеніи русскому обществу пароходства и торговли на Черномъ морѣ стоило бы брать примѣръ съ «Кавказа и Меркурія». На сколько командиры пароходовъ послѣдняго обязательны къ пассажирамъ, на столько же юпитеры Олимпійскіе перваго недоступны и преисполнены сознаніемъ собственнаго величія.

Я было обратился къ г. Петрошкевичу съ просьбою указать мнѣ наиболѣе вѣрную карту Волги.

— Вона, чего вы захотѣли! Вѣрныхъ картъ Волги нѣтъ совсѣмъ. Тутъ, батюшка, карты пишутъ какъ Богъ на душу положитъ. Зачастую, село, показанное на правой, оказывается на лѣвой сторонѣ и обратно. А что касается до глубины дна, такъ тутъ самъ чортъ ничего не разберетъ. Я въ теченіи двѣнадцати лѣтъ работалъ и составилъ для себя свою карту, ею и пользуюсь. А на готовыя карты не надѣюсь вовсе.

— Что же вы ее не сообщили никому?

— Съ какой стати! Правительство посылало сюда десятки

техниковъ, истратило сотни тысячъ на это и ничего не добилось, а я стану даромъ своимъ трудомъ жертвовать! Пусть составляютъ сами! Что же дармоѣдовъ-то поощрять...

Говорятъ, что мѣстные картографы, въ припадкахъ чисто россійской откровенности, признавались «по душѣ», что приволжскія села разставляли они—какъ Богъ пошлетъ. Что еще тутъ мѣрить да хлопотать хорошему человѣку, когда ему гораздо лучше на зеленомъ сукнѣ картишками перекинуться, либо съ пріятелемъ о политикѣ потолковать. И какъ дѣтски смѣшно показалось мнѣ мое недоумѣніе по поводу невѣрности картъ Лапландіи, заявленной мною нѣкогда въ географическомъ обществѣ. Тутъ вѣдь уже Тулома или Кола рѣка, а наша становая жила—Волга, да и та клюкою мѣряна! А вѣдь приэтомъ и наши благодѣтели нѣмцы были, что же они-то молчали—не выручили?

Опять вдоль берега потащились склады дровъ. Опять вырубленные лѣса, оголившіяся вершины береговыхъ холмовъ.

— Неужели нельзя замѣнить отопленіе пароходовъ дровяное—антрацитовымъ?

— При настоящихъ способахъ разработки антрацита—каменный уголь обходится слишкомъ дорого. Онъ не можетъ замѣнить дровъ, несмотря на близость донецкихъ шахтъ. Тѣмъ не менѣе, дровяному отопленію уже полагается конецъ. Общество «Кавказъ и Меркурій» всѣ свои морскіе пароходы передѣлало подъ нефтяное отопленіе, а въ эту зиму будутъ и рѣчные приспособлены для того же. Этимъ достигается значительная экономія. Сократится число рабочихъ, выиграется время. Теперь на погрузку дровъ тратится четыре часа въ день на каждомъ пароходѣ, тогда достаточно будетъ и часу. Мѣсто занимаемое дровами — останется подъ грузъ. Замѣна дровянаго топлива нефтянымъ на Каспійскомъ морѣ дала 200,000 р. экономіи въ первый же годъ. Продлись нынѣш-

нее истребленіе дровъ на волжское пароходство,—они будутъ, пожалуй, продаваться въ аптекахъ по гранамъ и унціямъ. Доставка нефти обществу «Кавказъ и Меркурій» обходится—за безцѣнокъ. Перевозятъ ее на старыхъ, забракованныхъ баржахъ, хоть съ дырьями даже, потому что нефть, благодаря своей легкости, держится на водѣ. Передѣлка пароходныхъ механизмовъ подъ нефть требуетъ только устройства резервуаровъ. Все остальное будетъ по прежнему. Регулируется отопленіе нефти только при помощи крана. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ по Камѣ, въ теченіе восьми только лѣтъ, на этой рѣкѣ образовалось пятнадцать новыхъ перекатовъ (мелей), потому что влажность не держится въ безлѣсныхъ пространствахъ. Сухость — вызываетъ обмеленіе рѣки. А между тѣмъ, лѣсоистребленіе идетъ грандіозно, точно чума, моръ. По Камѣ лѣса вырублены, теперь ихъ берутъ съ рѣкъ Вятки и Бѣлой, и все сюда на Волгу... Что же касается до антрацита, такъ и его время придетъ. Проведутъ сюда желѣзную дорогу—донецкую, тогда и можно ожидать громаднаго прилива каменнаго угля. Тогда конкуренція между атрацитомъ и нефтью еще болѣе удешевитъ фрахты пароходовъ.

Противники нефтянаго отопленія пароходовъ, соглашаясь, что будущность этого дѣла вполнѣ обезпечена, указываютъ на дороговизну ея при нынѣшнихъ условіяхъ. Примѣръ «Кавказа и Меркурія», по ихъ мнѣнію, ничего не доказываетъ. Нефть въ Баку «со скважины» обходится по 5 коп. за пудъ; уже въ Астрахани она стоитъ 20 к. за пудъ. Судовладѣлецъ Артемьевъ доставлялъ ее сюда по 24 коп. Въ Казани она обходится по 45 коп. Сажень дровъ, стоющая 3 руб., замѣняется 20 пудами нефти, обходящейся, на среднемъ теченіи Волги, въ 10 руб.!. Разница значительная. «Кавказъ и Меркурій», обладающій множествомъ старыхъ судовъ, разумѣется, можетъ позволять себѣ такую замѣну, но другія общества

едва ли пока приступятъ къ тому же. Для удешевленія нефти и для удобства снабженія ею пароходовъ необходимо было бы учрежденіе акціонерной компаніи съ цѣлью устройства складочныхъ цистернъ съ насосами по Волгѣ. У Губонина въ Нижнемъ, за молитвовской пристанью, уже устоены двѣ такія цистерны, на 100,000 п. нефтяныхъ остатковъ и семь складочныхъ подваловъ, съ 7,000 бочекъ каждый. Но это, разумѣется, капля въ морѣ — сравнительно съ нуждами громаднаго волжскаго пароходства. Идеалисты пароходства (есть и такіе) мечтаютъ о нефтяномъ топливѣ, какъ о спасеніи края. Хотѣлось бы вѣрить этому, тѣмъ болѣе, что антрацитъ пока обходится еще дороже нефти. Во всякомъ случаѣ, иниціатива г. Жандра, настоявшаго на введеніи нефтянаго топлива на пароходахъ «Кавказа и Меркурія», заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны лицъ, заинтересованныхъ Поволжьемъ и судьбами мѣстнаго судоходства вообще.

XV,

Будущая степь Сахара и Уральскіе прогрессисты.

Бассейнъ р. Камы—обезлѣсенъ, верховья ея также, скоро будутъ обезлѣсены рр. Вятка и Бѣлая. Остаются еще башкирскіе лѣса, но и туда уже направляются современные компрачикосы природы—лѣсопромышленники. Еще уцѣлѣли тоже береговые лѣса по Волгѣ и поросли на болѣе возвышенныхъ островкахъ ея; но въ Нижнемъ, въ Казани и въ Саратовѣ уже толкуютъ о необходимости произвести и здѣсь порубки, на томъ-де основаніи, что весенніе разливы Волги, вымывая съ берега деревья съ корнями, запруживаютъ ея фарватеръ, причемъ вдоль этихъ пней и затопленныхъ деревьевъ обра-

зуются, будто бы, перекаты. Порою та же степь Сахара, какая уже начинается въ песчанной полосѣ Владимірской и Нижегородской губерній, забрасываетъ свои безплодныя сухія площадки и на Волгу. Границы этихъ площадокъ все раздвигаются и раздвигаются. Недалеко время, когда вмѣсто этихъ прелестныхъ зеленѣющихъ береговъ, взглядъ туриста будетъ останавливаться лишь на безотрадной желтизнѣ осыпей и на сѣромъ, унылымъ фонѣ каменныхъ откосовъ... Жалкая зелень въ логахъ и расщелинахъ одна только будетъ напоминать о жизни природы тамъ, гдѣ нѣкогда она развертывала щедро безконечную красоту своихъ лѣсныхъ пустынь. Короче сказать, страшный призракъ обезлѣсенія края, это искусственное омертвѣніе Поволжья, замѣченное мною еще между Москвою и Нижнимъ, преслѣдовало меня вплоть до послѣдняго предѣла лѣсной полосы—Астраханской губерніи, на ровныхъ берегахъ которой начинается царство камыша и осоки...

— Какъ вамъ не жаль лѣса? спрашиваю я у одного лѣсопромышленника-уржумца, бывшаго на нашемъ пароходѣ.

— Господь наживу подаетъ, а мы жалѣть ее станемъ. Все человѣку на потребу, всякій злакъ и трава, и дыханіе всякое!... Да и безобразіе, то ли дѣло нива—гладко... А то лѣсъ, что въ немъ за краса! Особливо который лѣсъ по горамъ, такъ это и вовсе не порядокъ... Наше крестьянство не любитъ лѣса. Которые въ надѣлъ лѣса пошли — жердочки не осталось, порублены. Вездѣ замѣсто лѣса — жнивья да луга пошли... Поле—богоданное, а въ лѣсу всякой нечисти вдоволь. Сколько хошь есть ея...

Крестьяне также возстаютъ и противъ нефти. Прежде всего, они боятся пожаровъ, а главное опасаются истребленія рыбы по рѣкѣ, близъ которой добывается нефть. Дѣло въ томъ, что при дурномъ нефтяномъ хозяйствѣ, предпринематели не знаютъ куда дѣваться съ продуктомъ. Добываніе са-

мое патріархальное: вылоютъ ключъ, станетъ онъ бить, наполнятъ готовыя бочки—а тамъ и дѣвать нефти некуда, остановить ее тоже не подъ силу. Нѣкоторые мудрецы халдейскіе придумали отводить ее канавами въ рѣку, гдѣ, въ слѣдствіе этого, заснула вся рыба. Пароходное общество «Дружина» устроило нефтяные склады близъ Царицына на мѣстѣ обильнаго рыбнаго лова: понятно, какъ всполошились всѣ мѣстные промышленники.

— Рыбу изводятъ купцы!... Прошло наше времячко; промыслы отвести хотятъ, аспиды...

Народъ волнуется; кончится дѣло тѣмъ, что пошлютъ ходоковъ или соберутъ нѣсколько тысячъ подписей подъ ходадатайствомъ о воспрещеніи устроивать на Волгѣ нефтяные склады. А между тѣмъ, избѣгнуть этого было очень легко. Стоило только постановить, чтобъ баржи съ нефтью ставились на известковомъ днѣ, гдѣ рыбы и безъ того нѣтъ. Вообще, подъ Царицыномъ образуется родъ нефтянаго рынка. Тамъ же устроили большіе склады этаго продукта гг Кокоревъ и Губонинъ.

Какъ народъ враждебно относится ко всякому новому дѣлу, видно изъ того, что на Уралѣ казаки стрѣляли въ пароходъ «Александръ» компаніи «Дружина», и посулили также поступить съ другими паровыми судами, которыя проникнуть къ нимъ въ рѣку.

— Не пустимъ окаянныхъ, рыба передохнетъ отъ васъ. *Промыслы наши изведете*, обездолите. Наша земля—и воды наши...

— Какъ же на Волгѣ рыба не оскудѣла?

— Тамъ вашему пароходу просторно... Есть гдѣ божьей рыбкѣ съ вашею нечистью разойдтись.

Такъ и рѣшили «не допущать» компанейскихъ пароходовъ. Также враждебно относились они и къ желѣзной дорогѣ, съ тою

разницею, что ее не обстрѣливали, а просто грабили. На подъемахъ, гдѣ поѣздъ идетъ очень тихо, донскіе казаки прыгали въ вагоны, крали сахаръ или красный товаръ, и стремглавъ изчезали вдали, прежде чѣмъ желѣзнодорожная прислуга могла опомниться.

— Отчего не грабить купеческое добро... Нашимъ же потомъ да кровью собрано... Свое беремъ...

И тотъ же казакъ, который такъ не рѣшится взять и полушки у насъ, съ спокойною совѣстью пользуется случаемъ какъ-нибудь урвать что-нибудь съ ненавистной ему желѣзной дороги.

XVI.

Богородское.

Правый берегъ, не доходя Камы, дѣлается все красивѣе и красивѣе. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Богородскаго, Волга образуетъ луку, окаймленную полукругомъ красивыхъ холмовъ, выступы которыхъ въ воду правильно срѣзаны водою. Бѣлые отрубы ихъ издали кажутся башнями, остатками стѣнъ, надъ вершинами которыхъ грузно повисли зеленые пригорки... Рѣка расширяется... Дѣлается особенно свѣжо, весело и привольно. На покатостяхъ возвышеннаго берега разбрасывается большое село, купола церквей сверкаютъ на солнцѣ, на пристани кишмя кишитъ толпа народа, гдѣ, среди спокойныхъ русскихъ лицъ, встрѣчаются хмурыя, скуластыя, узкоглазыя татарскія физіономіи. Крикливые голоса торговцевъ, бабьи пѣсни, топотъ пробирающихся на пароходъ «сѣрыхъ» пассажировъ, а потомъ опять приволье волжскихъ далей, все смѣняющіяся панорамы окрестностей и молчаливыя мѣловыя скалы, съ высоты которыхъ зорко оглядываетъ окрестности алчная чайка-

мартынъ, высматривая въ мутныхъ струяхъ не плеснетъ ли гдѣ серебряный извивъ шаловливой рыбы...

Богородское уже изчезаетъ позади. Золотыхъ соломенныхъ кровель его не видно, только многочисленныя мельницы андреевскими крестами чернѣютъ изъ-за выступа берега на голубомъ фонѣ неба. А тамъ направо новыя деревушки: то выбѣжитъ изъ-за ложбинки, то прижмется къ отвѣсному скату, точно въ воду свалиться побаивается.

— Куда ты нонѣ? слышится внизу.

— Въ Астрахань.

— Бывалъ я тамъ, хорошій городъ. Т. е. первая столицыя.

— Ну?!...

— Вѣрно! потому первое дѣло икра — по полтиннику фунтъ, пожралъ ты ее—заболѣлъ.

— Заболѣлъ?...

— Второе арбузъ, только ты на него накинулся — опять тебя ущемило, а тамъ дыня пойдетъ —и съ ею бѣда. А послѣ дыни виноградъ, ну ужъ тутъ ложись, такъ онъ тебя прохватитъ—страсть... Потому съ непривычки... Городъ, будемъ такъ говоритъ, самый на легкую фрухту ласковый... Первый по Волгѣ... Хорошій городъ!... Ну и холера тамъ опять же, какъ лѣто—такъ и она.

— Поди народу мретъ не мало?

— Отчего не помирать — помираютъ, будь спокоенъ... Господь, братъ, свою мѣру знаетъ. Одного посѣтитъ, а другой смотришь и отъ икры, и отъ арбуза уйдетъ...

— Это точно... Примѣрно, дядя у меня былъ, такъ его деревомъ прищемило.

— Умеръ?

— Нѣтъ, и попонѣ въ дворникахъ у генерала Епифанова состоитъ, а ты говоришь икра! И безъ икры здорово нашего брата донимаетъ.

— Богъ, братъ, захочетъ и безъ арбуза тебя пройметъ. Ему, братъ, винограду не надо...

— Чудеса!...

— У насъ барыня была, за дохтура замужъ пошла и померла, а ейная сестра за офицеромъ и пононѣ бродитъ.

— Ну вотъ, а ты говоришь—арбузъ... Тутъ, братъ, арбузъ не причемъ...

XVII.

Что видитъ съ высоты чайка-мартышка.

Какъ нашъ «Новосельскій», такъ и всѣ встрѣчные пароходы и баржи были убраны зелеными вѣтками и листьями, даже жалкая лодченка волжскаго-бѣдняка рыболова была вся въ зелени. Оказалось, что здѣсь въ обычаѣ украшать такимъ образомъ суда въ Троицынъ день. Особенно красивы свѣжія, чистенькія бѣляны въ этомъ весеннемъ кокетливомъ уборѣ...

Красота окрестностей отсюда дѣлается поразительною. Я не знаю ничего живописнѣе этихъ мягко зеленѣющихъ понизей, нѣжныя, бархатистыя луговины которыхъ прорѣзаны лазорево-золотистыми воложками камскихъ разливовъ. Если хотите, тутъ нѣтъ ландшафта, нѣтъ рамки для картины. Нѣтъ горъ, которыя окаймляли бы привольныя глади; нѣтъ, такъ называемаго у живописцевъ, пятна, главнаго фокуса, вокругъ котораго группировались бы прелестныя детали этой чудной панорамы. Куда ни кинешъ взглядъ, вездѣ ширь и даль, вездѣ зелень, вода и небо—но нужно видѣть ихъ сочетанія, нужно видѣть эти извивы берега, эти жемчужныя облака, отраженныя въ спокойномъ зеркалѣ Волги, эти весеннія поросли, чтобъ разомъ почувствовать себя счастливымъ и веселымъ. Кажется, какое ни будь горе, придешь на Волгу—и позабудешь его!..

Летитъ чайка-мартынъ, все выше и выше забирается она въ небесную глубь, точно до облака хочетъ добраться... Искоркою серебряною кажется она отсюда... Вотъ, вотъ утонетъ... Нѣтъ, замерла и словно плаваетъ въ лазури, широко разбросивъ бѣлыя крылья...

Видитъ она подъ собою вѣчное чудо природы. Видитъ она подъ собою то, что не видать намъ, видитъ какъ двѣ сестры рѣки сливаются въ одну неоглядную рѣку, видитъ какъ Кама и Волга съ разныхъ концевъ, сквозь лѣса и луга, сквозь горы и понизи, сквозь татарскую и мордовскую глушь, бѣгутъ одна къ другой, чтобъ обняться здѣсь и спокойно, рука объ руку, докатиться по прибрежныхъ волнъ далекаго и знойнаго Каспія...

Далеко отошли горы отъ того мѣста, гдѣ свидѣлись двѣ сестры, точно не хотятъ онѣ, хмурыя, мѣшать ихъ счастливому свиданію... Далеко отошли онѣ и только на западѣ едва едва синѣютъ; точно тучки синія прорѣзались тамъ на небосклонѣ... Раздвигаются зеленыя понизи, все шире и шире раздвигаются онѣ—вѣдь не малыя дѣти Кама и Волга, надобенъ имъ просторъ неоглядный, чтобъ на свободѣ, на ничѣмъ не возмущаемомъ привольѣ, соединить свои голубыя воды.... Шире и шире раздвигаются понизи и глубже и глубже смотрится въ воду лазурное небо со всѣми своими серебряными тучками, точно не наглядится оно на безмятежное счастіе двухъ сестеръ красавицъ...

Даже лѣсъ не подступаетъ сюда, точно ему не хочется заслонять солнцу доступъ къ водѣ... Вонъ онъ синѣетъ далеко, далеко, отодвигая свою зеленую чащу подальше отъ устья Камы. Видитъ чайка-мартынъ, какъ вдоль по теченію красавицы Камы-рѣки, далеко, далеко отъ Волги опушились дубравы и нѣжныя рощи, какъ неподвижною щетиною стало по обоимъ берегамъ ея сѣверс-русское чернолѣсье... Темны волны

сѣверной красавицы въ тѣни его, свѣтлы и веселы онѣ на бархатистыхъ понизяхъ устья... Видитъ сверху чайка-мартынъ, какъ изъ тьмы этого сплошнаго лѣса, точно изъ синяго облака, выдвигаются бѣлыя колокольни церквей, на весь рѣчной просторъ разсылающія свой, ласково зовущій, благовѣстъ. Чуется, что вокругъ этихъ колоколенъ скучиваются черныя избы прикамскихъ деревень, но только чуется; ни сверху, ни снизу не разглядѣть насквозь зеленое царство лѣсныхъ великановъ...

А тамъ, дальше, за зеленою понизью, за лѣсною синью— какія туманныя манящія дали... Ни птицѣ, ни человѣку не разглядѣть ихъ, а только сердце подсказываетъ, только греза дорисовываетъ эти неопредѣленные контуры... Тамъ красота несказанная, такъ невѣдомая глушь...

И куда не обернешся — нигдѣ нѣтъ предѣловъ взгляду. Не стоятъ передъ нимъ хмурыя горы, не стѣсняютъ его близкіе лѣса... Вездѣ лиловатые, нѣжнотуманные тоны воды, зеленыя луговины и манящія дали... Точно красавица непокрытая раскинулась передъ вами съ гордымъ сознаніемъ своей божественной прелести. Не хочетъ она скрывать отъ взгляда ни одной детали своего чуднаго тѣла—потому что во всякой чертѣ его—красота. Знаетъ она, что передъ такимъ дивнымъ совершенствомъ только молиться будетъ смертный, знаетъ, что тутъ не мѣсто святотатству и земной страсти... Знаетъ и спокойно улыбается вамъ, отражая въ бездонныхъ очахъ своихъ голубое небо и еще привольнѣе раскидываясь на мягкой понизи своего, на диво сотканнаго, ковра... И стоишь ты надъ нею очарованный, и обидно и больно тебѣ, что пароходъ грубо отрываетъ тебя отъ этой картины...

Далеко, далеко осталось позади устье Камы... Завидуемъ чайкѣ, что еще серебрится въ высотѣ...

XVIII.

Русскіе туристы на Рейнѣ и англичане на Волгѣ.

— Я думаю, лѣтомъ пропасть туристовъ по Волгѣ плаваетъ? спрашиваю я у капитана.

— Русскихъ?

— Да?

— Одинъ только и есть «Туристъ»—пароходъ общества «Самолетъ», острить онъ.

— Да я не о пароходахъ.

— А ваши питерскіе чиновники да столичные баре сюда и не заглядываютъ. Они все больше по канавкѣ, по Рейну плаваютъ...

Подивился, но смолчалъ. Тутъ красота такая подъ бокомъ, тутъ ширь, просторъ, раздолье—а мы къ нѣмцамъ на Рейнъ ѣдемъ, на Рейнъ, который не годится и въ притоки къ величавой Волгѣ... Кого не спрашивалъ—отвѣтъ одинъ. Туристы на Волгу и не заглядываютъ. Тоже я встрѣтилъ и на сѣверѣ. Англичане путешествуютъ по Мурману, а русскимъ и горя мало. Но Мурманъ-то хоть далеко, для нашей неисправимой обломовщины оправданіе есть, а Волга вѣдь тутъ же, подъ бокомъ. Сѣлъ въ Петербургѣ на желѣзную дорогу, докатилъ до Нижняго—а отсюда до Астрахани превосходное сообщеніе на пароходахъ. Говорятъ — отсутствіе удобствъ. Неправда! Пароходы «Кавказа и Меркурія»—устроены очень недурно. Еще лучше на нихъ буфеты. Повара хорошіе, значитъ и обжорству — просторъ. Стерлядями на Волгѣ хоть съ утра до вечера пичкай себя. Обѣдъ изъ семи блюдъ въ семьдесятъ копѣекъ обходится. Чего дешевле? Каюты удобны. Останавли-

ваться до слѣдующихъ пароходовъ можно и должно въ Нижнемъ, Казани, Саратовѣ, Самарѣ и Симбирскѣ. Смотрѣть есть что, и стоитъ. Не перечисляю гостинницъ этихъ городовъ потому, что не путеводитель пишу, но скажу только, что по Волгѣ всюду теперь встрѣчаются отели, не уступающіе по удобствамъ—заграничнымъ пансіонамъ и гостинницамъ.

— Кто же посѣщаетъ Волгу чаще? спрашиваю.

— Англійскіе туристы. Каждое лѣто ихъ тутъ десятка два или три наберется. Случалось, что они въ тупикъ русскихъ ставили. Въ то время, какъ у насъ ничего толковаго о Волгѣ не издано, у нихъ — превосходные путеводители съ такими свѣдѣніями о Понизовьѣ, которыя едва ли и у насъ извѣстны.

А еще насъ въ излишнемъ патріотизмѣ упрекаютъ. Да, помилуйте, мы, какъ оказывается, и Волги-то, нашей становой жилы, толкомъ не знаемъ. Вѣдь настоящій русскій интеллигентный человѣкъ, держу пари, сто—противъ одного, Шпре или Одеръ лучше р. Камы знаетъ, а какой-нибудь Кельнъ или Дюссельдорфъ поперегъ исходилъ, хотя въ Астрахани уже навѣрное не бывалъ. Въ Россіи ему знакомы только нравы Невскаго проспекта и Большой Морской. Если же туристъ начнетъ ему разсказывать о промышленникахъ Сѣвернаго океана, о Волгѣ, Камѣ, онъ сторонится и сомнительно улыбается. Не могу забыть случая на Волгѣ.

Изъ-за крутой горы, не доѣзжая Казани, вырѣзались бѣлыя колокольни Чебоксаръ, про которую говорятъ «Чебоксары—мордовская столица», а сама Мордва толкуетъ «Чебоксары всѣмъ городамъ городъ».

— Это что за село? смотритъ въ пенсне петербуржецъ, въ первый разъ отъ роду отправляющійся въ свою «аткарскую» вотчину, куда его уже нужда загнала, иначе бы онъ въ Швейцарію уѣхалъ.

— А что?

— Ужъ очень красиво... оригинально...

— Это городъ Чебоксары.

— Послушайте, вы меня мистифируете, сторонится онъ.

— Спросите у другихъ.

— Да какъ же я думалъ, что Чебоксары *гдѣ-то* въ Сибири. У Щедрина, кажется, говорится *что-то* о Чебоксарахъ, какъ о такомъ углѣ, куда Макаръ телятъ не гонялъ...

— Вы потому его въ мѣста «не столь отдаленныя» и помѣстили?

А другой меня серьезно увѣрялъ, что Козьмодемьянска нѣтъ, что это народное названіе города, а настоящее офиціальное — Царево-Кокшайскъ. Вотъ и толкуете съ такими отечествовѣдами!.. А въ Швейцаріи, эти господа, навѣрное каждую деревушку знаютъ и съ каждымъ ресторатеромъ тамъ пріятельски знакомы. Совѣстно писать даже!

XIX.

Кирельскія пещеры и развалины Болгаръ Мастодонтъ о народныхъ преданіяхъ. — Кама или Волга?

Вдали на высокомъ обрубѣ волжскаго берега точно золотая искра блеснула. Вонъ и вся Кирельская церковь вынырнула и красуется, — бѣлая, надъ привольною далью, заливными островами заставленною. Гора Соколъ, на которой разсыпалось Кирельское село, вдвинулась въ Волгу красиво очерченною массою.

— Теперь здѣсь все рыболовъ пойдетъ до Спасска... Прежде почитай кирельцы сплошь въ бурлакахъ ходили, а не стало бурлачества, хлѣбъ сѣютъ, рыбку ловятъ... Много бѣднѣе нынче... Около—пещора по горамъ прошла, и такая пе-

щора глубокая, конца края ей нѣтъ, хоть всю гору изойди.

«Пещорою» народъ называетъ пещеры, которыми знамениты окрестности села Кирельскаго. Они въ алебастровыхъ горахъ. Одна изъ нихъ ледяная. «Въ нее входятъ сквозь полукруглое отверзтіе, отстоящее на четыре сажени отъ берега. За отверзтіемъ довольно обширная сводчатая комната съ гладкими, какъ бы обтесанными стѣнами. За нею другая комната съ полукруглымъ входомъ, своды ея также правильны, но вмѣсто пола разстилается озеро, вѣчно покрытое толстымъ слоемъ льда. Другая пещера извѣстна подъ именемъ водяной. Такая же правильная сводчатая комната, но дно ея покрыто никогда уже не замерзающею водою, мѣняющею свой уровень вмѣстѣ съ Волгою». По бокамъ есть другія пещеры, еще мало изслѣдованныя. Тутъ вообще много интереснаго. На 82 верстѣ отъ Казани, близъ деревни Тенишевой, на лѣвомъ берегу Волги, въ плотномъ известнякѣ, богатымъ пластомъ лежитъ, изобилующая нефтью, самородная сѣра. По словамъ г. Кучина, чисто нефтяной ручей течетъ оттуда по берегу, куда пріѣзжаютъ даже лечиться. Въ жаркіе дни нефть вытекаетъ изъ береговъ. Крестьяне называютъ ее каменнымъ масломъ; затѣмъ, черезъ семь верстъ отсюда, на горной скалѣ у самой Волги, сквозь совершенно правильную арку, входятъ въ пещеру съ правильнымъ образованіемъ стѣнъ и потолка: отсюда крутой алебастровый спускъ въ другую, квадратную пещеру съ небольшимъ озеромъ на днѣ. Со стѣнъ и потолка текутъ сѣрные и нефтяные ключи...

Миновали мы и деревню Лобышку, близъ которой есть устроенный самою природою садокъ. Это яма—саженъ десять въ глубину. Во время разливовъ Волги сюда забирается пропасть красной рыбы, потому что здѣсь вовсе не ходятъ разгоняющія ее суда. Рыбу отсюда попросту вычерпываютъ, причемъ уловъ доходитъ до 2,000 пудовъ въ хорошій годъ. Слу-

чалось, что однѣхъ стерлядей отсюда вычерпывали до 1,200 пудовъ.

— Что разсказываетъ народъ про эти «пещоры»? спрашиваю я у торгующаго крестьянина. Брюхо у него на выносъ, бронзовая цѣпища (хоть собакъ на ней води) во всю грудь, штаны въ сапогахъ.

— А вамъ до этихъ глупостевъ какая прикосновенность? По нынѣшнему времени—самый пустой разговоръ этотъ. Дуракамъ конца краю нѣтъ—а вы собираете ихъ розсказни. Точно и дѣло!..

— Вотъ давеча вы о пароходахъ съ тѣмъ бариномъ бесѣдовали. Это разговоръ пріятный, слушалъ я васъ, признаться, думалъ свой братъ торгующій, а вы нонѣ сказано вонъ собираете... Ахтеры вѣрно?

— Почему же вы думаете, что я актеръ?

— Такъ... Нонѣ вѣдь и ахтеровъ въ первый классъ допущаютъ...

Однако, донялъ таки этого мастодонта, и онъ, не хотя, разсказалъ мнѣ нѣсколько преданій о пещерахъ. Вырыла ихъ, видите, мордва, какъ на нее Русь войною пошла. Видитъ мордва, что не совладать ей съ христіанскою силою — въ землю похоронилась, до суднаго дня. И водою входы къ себѣ залила. Потому и слышно въ тихіе дни внутри этихъ пещеръ, словно кто-то внизу далеко-глубоко разговариваетъ. Точно городъ большой тамъ, и только гулъ оттуда вверхъ доносится... Поразительное сходство съ лопскимъ преданіемъ о чуди, схоронившейся въ землю близъ Нуотъ озера въ Лапландіи и съ такимъ же преданіемъ о той же чуди, «ушедшей въ гору» близъ Имандры.

Чувствуешь полное безсиліе описать красоту Волги. Нельзя сплошь наполнять цѣлый фельетонъ ея картинами—а выборъ между ними труденъ. Не успѣлъ, напримѣръ, устье Камы

очертить, какъ новая картина въ записную книжку просится: Спасскъ и Спасскій затонъ, весь потонувшій въ веселыхъ рощахъ. Ширь необычайная и ничего подавляющаго. Напротивъ, окрестности чѣмъ-то свѣжимъ, веселымъ вѣютъ на васъ. Большія зданія пароходнаго завода общества «Кавказъ и Меркурій» на берегу, пестрая толпа на пристани, красныя пятна кумачныхъ сарафановъ по берегамъ, точно тамъ макъ вспыхиваетъ на солнцѣ краснымъ полымемъ. Вообще — Волга это безконечная поэтическая пѣсня, безконечное эпическое стихотвореніе. Природа такой поэтъ и художникъ, что у него есть только особенно выдающіяся мѣста и нѣтъ вовсе прозаическихъ деталей, невыдержанныхъ строфъ... Отъ Казани внизъ эта поэма становится еще изящнѣе, мягче и гармоничнѣе. Просторъ грандіозенъ, но не подавляетъ мысли, не обезсиливаетъ грезъ, потому что онъ мягокъ, нѣженъ, веселъ. Ясное небо, мягкій воздухъ, оживленная рѣка...

Ока или Волга, Кама или Волга! Вотъ вопросы, которые здѣсь вы услышите повсюду. Дѣло въ томъ, что первенство, старшинство у Волги оспариваютъ двѣ рѣки, Ока и Кама. Волгу хотятъ отодвинуть то въ притокъ Оки, то въ притокъ Камы. Одни говорятъ, что Ока впадаетъ въ Каспійское море, другіе, что Кама. Въ первомъ случаѣ, Ока принимаетъ въ себя Волгу, во второмъ — Кама принимаетъ Оку съ ея притокомъ Волгою. Партизаны Оки ссылаются на то, что берега Оки и берега Волги къ югу отъ Нижняго одинаковы, тогда какъ берега Волги выше Нижняго — представляются совершенно иными; партизаны Камы ссылаются на то, что бассейнъ Волги ниже Камы снабжается водою не изъ Волги, а изъ Камы. Есть вода въ Камѣ — будетъ ея довольно и на Волгѣ, нѣтъ — обмелѣетъ Волга. Когда въ Рыбинскѣ воды много—а въ Камѣ—ея мало, въ плесѣ между устьемъ Камы и Астраханью—мелко. Верховая вода не имѣетъ де значенія

для Волги, ниже Богородскаго; цвѣтъ воды отсюда до Каспій однороденъ съ Камскимъ и совершенно различается отъ цвѣта Волги выше Камы. Объ этомъ ведутся здѣсь жестокіе споры. Партизаны Волги, Оки и Камы безпрестанно ламаютъ копья въ честь своихъ красавицъ-сестеръ. А тѣ струятся себѣ въ спокойной красотѣ своей и нѣтъ имъ дѣла до соперничества, до первенства.

— Вотъ Волга куда прошла! показываютъ мнѣ.

— А мы чѣмъ же идемъ.

— Чертыкомъ... Рукавъ такой. Новая Волга это. Старая мелка—ишъ она вся въ горы ушла, матушка.

Воложки да ерики кругомъ свѣтятся подъ лучами полудня. Рѣка здѣсь—тоже небо... Оказывается, что въ меженное время и пароходы и суда сплошь Чертыкомъ ходятъ.

Въ сторонѣ здѣсь раскинулось большое городище. Разумѣется, его не видать съ палубы парохода. Хоть на мачту взбирайся—не разсмотришь. Это—Болгары, нѣкогда столица славнаго царства Болгарскаго. Городища нѣсколько поменьше разбросаны вдоль по Волгѣ и Камѣ, свидѣтельствуя, что нѣкогда здѣсь кипѣла шумная жизнь, а Волга и Кама были живоносными артеріями для многочисленнаго населенія невѣдомыхъ нынѣ народовъ.

Развалины Болгаръ окружены остатками вала и рвовъ. Коегдѣ встрѣчаются остатки минаретовъ и башенъ. Долгое время самое мѣсто это было всѣми забыто. Густой лѣсъ скрывалъ подъ собою могилы павшаго народа. Петру Великому мы обязаны расчисткою заповѣдныхъ рощъ. Онъ же приказалъ свято беречь развалины, отнюдь не расхищая ихъ. Къ сожалѣнію, запретъ этотъ вовсе не исполнялся и не исполняется. Между развалинами разведены пашни; камни и надгробные памятники съ армянскими, турецкими и арабскими письменами, берутся на постройки. Нѣкоторыя могилы пользуются еще суевѣр-

нымъ уваженіемъ казанскихъ татаръ, поклоняющихся праху мохамеданъ, здѣсь погребенныхъ. Много древнихъ монетъ, украшеній и колецъ находятъ здѣсь, но никто не занимается серьезно разработкою мѣстной археологіи та же провинція, столь рьяно заявляющая свои притязанія на первенство въ наукѣ и литературѣ, молчитъ объ интересныхъ развалинахъ, замѣтно изчезающихъ у нея подъ бокомъ... Во всякомъ случаѣ, въ укоръ казанскимъ ученымъ можно поставить, что о развалинахъ древней Ниневіи мы, благодаря Лейярду, знаемъ больше, чѣмъ о близкихъ намъ развалинахъ богатой столицы древняго царства Болгарскаго.

XX.

На палубѣ. — Медвѣжьи углы. — Зеленая Волга. — Тетюши. — Легенда о русской княгинѣ.

Палуба парохода представляла крайне интересное зрѣлище. Это была скорѣе этнографическая выставка. Тутъ и мордовка въ пестромъ костюмѣ, ѣвшая какую то вонючую рыбу, слывущую на мѣстныхъ рынкахъ подъ названіемъ «мордовской», потому что неиспорченной, свѣжей рыбы эти инородцы не покупаютъ; тутъ и чувашъ, безсмысленно поглядывавшій на кучку казанскихъ татаръ, молчаливо внимавшихъ разсказу старика-муллы. Юркіе русскіе маклаки шныряли въ толпѣ, высматривая и выспрашивая. Два три торгующіе крестьянина въ сюртукахъ до пятъ и черныхъ шляпахъ, да десятки рослыхъ бабъ, типъ которыхъ представлялъ смѣшеніе и мордовскаго, и татарскаго и русскаго типа. Видно, тутъ всѣ племена земныя потрудились, поэтому зачастую на чисто русскомъ лицѣ, съ настоящимъ мясисто-славянскимъ носомъ и круглыми алыми губами, попадаются вкось прорѣзанные глаза. Или голубоокая русская

красавица щеголяетъ совершенно монгольскими скулами. А мясо-то, мясо! Изъ одной такой бабы можно пять петербургскихъ барышень выкроить, да и еще, пожалуй, на пару поджарыхъ чухонокъ останется. Рослыя, крупныя. Говорятъ, точно за версту одна съ другою перекликаются. Пѣсни запоютъ—издали заслушаешься, а вблизи ухо рѣжетъ. И хотя присмотрѣлись къ нимъ татары, а видно все-таки недоумѣваютъ, чего это бѣсится русская баба. Нѣтъ въ ней замкнутости, боязни чужаго человѣка. Подойдешь, продолжаютъ говорить, смѣются, перешучиваются, мимоходомъ и васъ задѣнутъ или въ лице вамъ прыснутъ здоровымъ груднымъ хохотомъ. А коли парень побойчѣе попадется, тогда и удержу имъ нѣтъ... Поглядываютъ, поглядываютъ матросы, смотришь и сами вмѣшаются и пойдутъ шлепки да щипки, которыми издавна отличались галантнѣйшіе россійскіе петиметры въ зипунахъ. А дѣти? Посмотрите какая это каша. Худощавый и голоногій татарченокъ въ тюбетейкѣ и въ какомъ-то пестромъ бешметѣ и тутъ же синяя посконная рубаха русскаго мальчугана, запускающаго кулачки въ ротъ... Смотришь, смотришь и въ глазахъ мѣшаться начнетъ все!..

— Необразованная самая нацыя! смотритъ на нихъ сверху мастодонтъ, неодобрявшій народныя преданія.

— А поди ловко вы эту самую нацыю нагрѣваете?...

— Ужели же я себѣ врагъ... Коли придутъ ко мнѣ, значитъ нужда есть. А коли у рабочаго человѣка нужда...

— Тогда и грабь его?... вмѣшался юнецъ, стоявшій рядомъ.

— Грабь!... дай тебѣ денегъ, такъ ли еще ограбишь!... Знаемъ мы... Чего зѣваешь-то... Въ мужикахъ ты отроду не бывалъ, тебя не грабили!... А я вышелъ изъ этого самаго изъ сѣраго, изъ посконнаго. Меня допрежь съ барина до послѣдняго писаря все поѣдомъ ѣло, ну а вошелъ я въ капиталъ, самъ, благодареніе Создателю, грабить сталъ. Грабежъ

грабежу рознь. За одно тебя по Владимірке, а за другой почесть... медаль тебѣ навѣсятъ... Ужлишь мнѣ имъ въ зубы смотрѣть... Найми-ко его, когда ему деньги не нужны. Онъ съ тебя по три монеты въ сутки запроситъ. И заплатишь, потому народъ требуется... Ну а пришелъ онъ ко мнѣ самъ, тогда промежъ насъ другой разговоръ пойдетъ. Тогда и я его за горло возьму...

На обрывистомъ берегу Волги показались Тетюши: кучка деревянныхъ домишекъ. Одни сползли внизъ къ самой водѣ, другіе, полуразвалясь, прислонились къ откосамъ берега.

— Это и есть городъ?

— Нѣтъ, самаго города не видать... Онъ тамъ, за откосомъ, на семидесяти саженяхъ высоты...

Около городка слободами поселились татары, не желавшіе платить городскихъ налоговъ и нести городскія повинности.

Удивительно пѣвучій здѣсь говоръ и мягкій притомъ. Русскія дѣвушки разговариваютъ между собою, точно распѣваютъ, заслушаешься даже.

— Прости грѣхи!

— Прости, душенька! слышится въ сторонѣ. Смотрю двѣ старушонки прощаются съ поцѣлуями, а и познакомились-то здѣсь только на пароходѣ!...

Начиная съ Тетюшъ идутъ внизъ по Волгѣ превосходныя дубовыя рощи. Говорятъ, что онѣ насаждены здѣсь по повелѣнію Петра I. Царь засадилъ самъ нѣсколько дубовъ; благодаря этому, лѣса сохранились и до сихъ поръ, очаровывая туриста своею зеленою глушью. Рѣку отсюда можно назвать лѣсною Волгою. Все зелено, все опушено, лѣса на высотахъ, лѣса на низовьяхъ, лѣса на скатахъ, лѣса лѣпятся на кручи, лѣса сползаютъ къ водѣ. Островки покрыты изумрудными рощами, лѣсъ опушилъ даже мыски, далеко выдающіеся въ рѣку. Ни одной песчанной промежи, ни одной суглинчатой

плѣшки. Густота лѣса необычайная, удивительная. Особенно изящны пологіе скаты... Лѣсныя горы, то отступаютъ, то приближаются. На островахъ не разглядишь зелени, деревья точно изъ воды поднялись прямо. То же самое и на берегу. Зелень прямо отъ воды до макушки пригорковъ и холмовъ. Въ одномъ мѣстѣ островъ, точно зеленая крѣпость, выдвигается впередъ своими зелеными башнями... Всмотришься— масса необычайно крупныхъ лѣсныхъ великановъ. Какъ хороши эти чащи, когда ихъ насквозь пронижетъ солнце. Точно рдѣютъ онѣ въ огнистомъ блескѣ заката...

Осокорь острова покрыла, орѣшникъ и осинникъ охватилъ горы. Ни села, ни деревни... Безлюдье полное... Вѣтеръ несетъ навстрѣчу благоуханія цвѣтовъ. Не надышешься ими... Точно въ волшебное царство весны попалъ... Лѣсъ и небо, небо и лѣсъ и вода въ разливахъ...

— Тутъ долго жительства не будетъ... Какія деревни есть, всѣ отъ берега ушли, хлѣба сѣютъ—поля имъ нужны. а тутъ видишь лѣсище какое. Безпросвѣтное...

Прошли мимо «Старыхъ Тетюшъ»—древняго мордовскаго города. Во времена блеска Болгарскаго царства, какой-то изъ мѣстныхъ хановъ добылъ себѣ въ кровавой сѣчѣ русскую княжну, красоты неописанной. Взялъ онъ себѣ плѣнницу въ жены. Бѣдная царица, не соглашавшаяся перемѣнить вѣру, уходила сюда на противуположный берегъ Волги молиться и плакать о далекой родинѣ. Крѣпко тосковала она, пока не зачахла. Сказываютъ, и теперь въ лѣсу слышатся ея стоны, когда вѣтеръ колышетъ зеленую чащу... Изъ слезъ ея горючихъ—ручей бѣжитъ студеный, а на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ молилась она, стоитъ теперь часовня... Въ старое время, когда бурлачество оглашало Волгу своею страдною пѣснею, ни одинъ бурлакъ не проходилъ мимо, не поклонясь образамъ одинокой часовни... Про княжну русскую мордва разсказываетъ поэти-

ческія преданія; видно прелестный образъ молодой страдалицы схоронился въ самомъ сердцѣ этого далеко не поэтическаго народа... Я слышалъ разсказъ, что въ тихія лунныя ночи княжна возвращается на землю и тихо мелькаетъ ея бѣлая, граціозная тѣнь вокругъ часовни, среди лѣсныхъ великановъ темной дебри... Никому не дѣлаетъ вреда этотъ, словно изъ звѣзднаго блеска сотканный, призракъ, напротивъ, онъ бѣжитъ отъ человѣка, и самый зоркій взглядъ можетъ только отличить во тмѣ густой чащи его слабый отсвѣтъ. За то ухо улавливаетъ словно плачущій звукъ, меланхолически замирающій въ тепломъ воздухѣ лѣтней ночи...

А тамъ опять развалины и деревня Балымера, на мѣстѣ древняго болгарскаго города Больмата. Близъ нея—шеломъ, песчанная насыпь, родъ кургана, въ который по преданію велъ тайный проходъ, запиравшійся мѣдною дверью съ изображеніемъ всадника... Зарыты въ этомъ курганѣ громадныя сокровища. Цѣлое царство купитъ себѣ на нихъ добрый молодецъ. За однимъ только дѣло стало—нужно добыть ихъ. Говорятъ, и рыть курганъ принимались. Нѣсколько ямъ чернѣютъ на немъ, да безъ толку. Не дается кладъ зря, а «секретъ» никому не вѣдомъ. Черезъ шесть верстъ опять остатки землянаго города, а дальше еще городки, въ которыхъ до сихъ поръ находятъ желѣзныя стрѣлы, копья и другія вещи...

Ароматъ все гуще и гуще... Ландышами пахнетъ сильно. Такъ и струится ихъ тонкое благоуханіе по вѣтру вплоть до середины Волги, гдѣ на встрѣчу ему плыветъ нашъ пароходъ, разгоняя по сторонамъ массы бѣлой, носомъ и колесами взрываемой пѣны... Вонъ вся въ блескѣ заката лѣсная деревушка пріютилась, въ пять, шесть избъ вся... А какая красивая!... И опять безлюдье...

ЖИГУЛЯМИ И СТОЛБИЩАМИ.

I.

Симбирскъ.—Инородческая Волга.—Убійца ли Каинъ?

На кругломъ берегу Волги показались бѣлые силуэты нѣсколькихъ каменныхъ зданій и какая-то изящная башня. Все это на высотѣ воздушной. Точно надъ горою виситъ. Снизу, кажется, и добраться трудно.

— Поѣдете въ Симбирскъ?

— Радъ бы, да пароходъ уйдетъ.

Такъ мы и остались на палубѣ. Петропавловскій шоссейный спускъ на четыре версты тянется въ гору! Когда еще поспѣешь.

Впрочемъ, въ Симбирскѣ очень мало интереснаго. Памятникъ Карамзину, да карамзинская библіотека—и только. Да и памятникъ весьма неудачный. Муза исторіи Кліо, опираясь на скрижаль, держитъ въ рукахъ трубу, а внизу барельефы съ изображеніемъ нѣсколькихъ фигуръ, только что, повидимому, вышедшихъ изъ бани и потому обернутыхъ простынями. По толкованію народа, монументъ поставленъ какой-то волжской разбойницѣ, «спокаявшейся» и завоевавшей новое царство, престолъ отечеству. Кто пограмотнѣе, тотъ убѣж-

денъ, что на пьедесталѣ поставлена дочь Карамзина. Самый Симбирскъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ дворянскимъ городомъ, причемъ мѣстная аристократія безвыѣздно проживала въ немъ, благодаря отсутствію рельсовыхъ путей. Въ остальныхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, болѣе близкихъ къ Петербургу, крупные землевладѣльцы жили въ столицѣ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, тоже случилось и съ Симбирскомъ. Теперь онъ почти обезлюдѣлъ. Многіе дома пустуютъ, и нѣкогда шумная жизнь вошла въ будничныя рамки провинціальной среды. Еще старики помѣщики кое-какъ держатся. Молодежь же вся или промоталась, или проматывается внѣ своей губерніи, и крупныя имѣнія зачастую начинаютъ переходить въ руки купцовъ, а отдѣльными участками и къ крестьянамъ.

Отсюда Волга замѣтно ширится. Горы выше и лѣсистѣе. Села уже не на юру, а въ лощинахъ хоронятся, словно отъ чужаго глаза. Чуть отойдешь отъ берега подальше—пустыня. Между деревнями громадныя разстоянія. Десятки верстъ бѣжитъ пароходъ вдоль крутаго берега, не встрѣчая соломенной кровли русскаго хлѣбопашца. Дичь и глушь. Налѣво степи тянутся безъ конца, безъ края. Ни стройнаго силуэта бѣлой колокольни, ни старинныхъ облупившихся стѣнъ монастыря. Пусты и безжизненны окрестности, сурово хмурятся высокія горы, раздвигаясь все шире и шире передъ рвущеюся на просторъ Волгою... И чувствуется уже, что здѣсь чужая сторона, куда мы зашли колонистами и съ которою еще не сжились какъ слѣдуетъ... Идутъ отсюда гнѣзда да поселки инородцевъ, другой языкъ, иные нравы и обличье чужое!...

Зато Волга еще красивѣе, еще раздольнѣе. До Жигулей далеко, но они уже чувствуются. Привольнѣе ложатся разливы рѣки, смѣлѣе ея излучины въ крутоярахъ. Вонъ и мѣловыя горы направо пошли, сверкаютъ на солнцѣ яркою

бѣлизною скалъ, только сверху полуприкрытыя зеленью. Да и зелень какая-то сѣрая, непривѣтная... Кое-гдѣ горы срѣзаны горизонтально. Зелени пока еще мало и въ логахъ. Точно природа нарочно обрекла безплодію эту мѣловую пустыню, чтобъ тѣмъ рѣзче, эффектнѣе, неожиданнѣе былъ переходъ къ молчаливымъ лѣсамъ Жигулей...

Жалкія и бѣдныя постройки сползли къ самому берегу, одинокая церковь на юру...

— Что это?

— Сенгилей.

Какъ должно быть скучно въ этихъ гнѣздахъ провинціальной тоски и безсодержательности. Поворотъ парохода, и послѣднія полуразвалившіяся избушки татарскаго города спрятались за скалы, и снова пустынная ширь рѣки...

На палубѣ ораторствуетъ батюшка. Лице красное, шляпа съѣхала на затылокъ. Борода треплется во всѣ стороны. Зато толщина внушительная и голосъ увѣренный, даже повелительный.

— Моего гуся пожралъ, укоряетъ онъ мужиченку. А еще духовный сынъ, такъ-то ты пастыря своего духовнаго уважилъ...

— Видитъ Богъ...

— Не отвѣтствуй. Вижу я жестоковыйность твою насквозь... Что ты мнѣ — Богъ! Я, братъ, Бога-то лучше тебя знаю... Десятый годъ воспѣваю хвалу Создателю... А гуся-то ты подай, знаешь какъ Господь за него накажетъ... У отца своего духовнаго, ай-ай-ай...

— Може и не я... Попробовалъ было отговориться несчастный, но такимъ сомнительнымъ тономъ, что батюшка сразу перешелъ въ угрожающій тонъ.

— За татьбу и на семъ и на томъ свѣтѣ отвѣтишь. На семъ по закону предъ судомъ, а на страшномъ судѣ предъ Христомъ. Ты думаешь — гусь! Онъ малая птица, а тоже вопіетъ ко Господу. Богъ правду, братъ, видитъ, да и

становой разузнаетъ... А ты лучше вотъ что, почти санъ iерейскiй, принеси гуся хоть своего, если священнослужительскаго пожралъ. Въ нощи покралъ, въ нощи и возврати... Ну я на тебя эпитемiю наложу... Пойми, хуже ты человѣкоубiйцы Каина. Человѣкоубiйца Каинъ совѣсть ощутилъ, а ты не раскаянъ...

— Позвольте, батюшка, вмѣшивается какой-то офицерикъ. Почему вы Каина убiйцею называете?

— Какъ почему!.. Каинъ убiйца по писанiю.

— То есть, онъ убилъ брата своего Авеля, но онъ не убiйца.

— Представьте ваши доводы, уже нѣсколько уязвленно загорячился батюшка. На каковомъ силлогизмѣ вы строите мнѣнiе ваше о Каинѣ?

— Да вѣдь, чтобъ быть убiйцею, преступникомъ, нужно предумыслить убiйство, знать, что дѣлаешь убiйство и желать его сдѣлать. А вѣдь Каинъ былъ первымъ убiйцею. До тѣхъ поръ онъ и не вѣдалъ даже, что люди умирать могутъ; поднимая руку на брата, подъ влiянiемъ хотя бы и злобы, онъ не ожидалъ послѣдствiй своего поступка. Онъ даже не могъ соразмѣрить силу мускуловъ. Онъ просто изступленно ударилъ брата и убилъ его, не желая убить, не зная, что убиваетъ.

Батюшка остолбенѣлъ. Даже по горячей пароходной трубѣ забарабанилъ перстами.

— Совершенно новое воззрѣнiе! въ полномъ уже недоумѣнiи замѣчаетъ онъ и отходитъ прочь, забывая о гусѣ.

II.

Жигули. Усолье. Женщина-богатырь.

Татаръ на палубѣ парохода все прибываетъ и прибываетъ. Рѣже слышится русское слово. Гортанные звуки чужаго языка звучатъ въ ушахъ, порою пронесется мимо пѣсня, но такая

унылая, монотонная... Какъ будто въ отвѣтъ ей и окрестности становятся все пустыннѣе и пустыннѣе... Ростутъ горы—одна выше другой, со всѣхъ сторонъ надвигаются, молчаливыя и лѣсистыя...

— По всѣмъ Жигулямъ пройдти, людской молви не услышишь. Только въ Усольѣ еще человѣка встрѣтишь, а тамъ лѣсная глушь легла... Безлюдье.

На вершинѣ громадной лѣсной горы едва замѣтно это Усолье. Давнымъ давно съ Камы рѣки пришли сюда русскіе колонизаторы инородческой Волги на соляныхъ ключахъ искать доли да богатства. Давили поселенцевъ со всѣхъ сторонъ ногаи... Еще тяжелѣе тѣснило ихъ отовсюду лѣсное царство безмѣрное, прерывавшееся только изрѣдка курганами, подъ которыми спали знаменитые татарскіе мурзы, да сказочные богатыри ногайскіе, мѣсто которыхъ заняла потомъ удалая понизовая вольница. Жутко пришлось первымъ камскимъ ватагамъ. Злобно смотрѣли на чуждыхъ пришельцевъ исконные обладатели края, много крови пролилось въ зеленомъ царствѣ дремучаго лѣса, наконецъ, солепромышленники обнесли Усолье стѣнами, возвели башни сторожевыя, откуда зорко слѣдили за лукавою татарскою силою. Много ярыхъ битвъ оглашало эти пустыни, но на смѣну павшимъ являлись новыя камскія ватаги и грудью становились за эту передовую твердыню русскаго владычества въ чуждомъ краю. Не разъ Усолье, казалось, падало, обреченное на смерть торжествующимъ врагомъ, но на защиту ему вставали сиднемъ сидѣвшіе дотолѣ богатыри и выручали свое гнѣздо. Такъ въ одной бѣшеной схваткѣ татары стали одолѣвать русскихъ и, наконецъ, погнали ихъ, да кстати удалая шайка вспомнила, что есть у нея богатырь-баба. Послали за нею. На бѣломъ конѣ врубился новый витязь въ самое пекло озлобленной сѣчи. Дружною стѣною за нею ударили на татаръ камскіе солевары, и началась рѣзня лютая.

Много татарскихъ мурзъ и богатырей положила ватага, мстя недавнее пораженіе, но еще больше потоптала ихъ о сыру землю и поразбила витязь-баба. Съ тѣхъ поръ и мѣсто самое называется «рубленымъ».

Густые лѣса шумятъ теперь подъ вѣтромъ надъ облитою кровью землею стародавнихъ битвъ. Забыло эти урочища народное преданіе. Но окрѣпло русское владычество, и недавній неистовый врагъ торгуетъ теперь лимонами, казанскимъ мыломъ и халатами, раболѣпствуя передъ потомками первыхъ удалыхъ ватагъ.

Усолье и потомъ не разъ напоминало о себѣ удалою понизовою потѣхою, вмѣстѣ съ Степаномъ Тимоѳеевичемъ Разинымъ отстаивая свою волю, противъ тяжелой руки московскихъ строителей государства русскаго. Орловъ-Давыдовъ воздвигъ въ Усольѣ на вершинѣ горы башню свѣтелку. Изъ нея, по словамъ очевидцевъ, открывается чудный видъ на Волгу и на лѣвый берегъ. На 90 верстъ въ окружности—это удивительная панорама. Сенгилей, съ горами его окружающими (сенгилейскія уши), видѣнъ отсюда какъ на ладони—къ сѣверу. Жигули къ югу раскидываютъ свои суровыя, лѣсными тучами окутанныя, вершины, рядомъ съ ними Новодѣвичьи горы смотрятся въ голубыя воды Волги. Едва доносится сюда величавый гулъ этой рѣки, точно старое сказаніе о славныхъ быляхъ, точно раскаты далекой, за сотни лѣтъ пѣтой, пѣсни о понизовыхъ богатыряхъ. Да какъ и позабыть рѣкѣ старую славу; не она ли отсюда, задолго до Степана Тимоѳеевича, носила на груди своей въ лазурную даль чужаго Каспія знаменитую русскую богатыршу, имя которой, чуждое намъ теперь, изъ Бориславы перекрещено народомъ къ Борисову. На шаткихъ стружкахъ «бѣжала» Борислава сквозь хвалынскую украину, черезъ синё-море непривѣтливое, въ царство персидское. Повоевала она тамъ много городовъ невѣрныхъ, вывезла изъ

бусурманскаго края не мало сокровищъ да и схоронила ихъ въ Жигуляхъ, положивъ завѣтъ свой: не видать каменьямъ самоцвѣтнымъ, да парчамъ драгоцѣннымъ, да персидскому чистому золоту свѣта Божьяго, доколѣ на Руси не народится другая такая богатырша и не разсѣчетъ кургана заповѣднаго булатнымъ мечемъ, что самъ откроется ей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребена Борислава. Сказываютъ, была одна такая богатырша, и недавно еще была, да прежде, чѣмъ до несмѣтнаго клада добралась, всю свою силу только по полюбовникамъ размыкала.

III.

Сказачное царство. — Жигулевская вольница. — Царевъ-курганъ.

Точно въ сказочное царство заѣхалъ.

Горные лѣса небо подпираютъ; безъ пригорковъ идутъ, черные, прямо въ синь неоглядную. Одна за другою выдвигаются ихъ махровыя вершины, точно рядъ великановъ... Русская ли рѣка это, русское ли царство, тишью да *гладью* своею пресловутое? Не бусурманская ли украина какая тайными чарами вдвинулась въ благословенныя равнины и стоитъ заколдованная, испоконъ вѣку одинокая, съ своими нерубленными дебрями, съ своими неисходными трущобами... И досадно на нее глядя, что окутываетъ она эти горы своею темною синью... И еще мрачнѣе становятся онѣ, и еще суровѣе насупливаются на жалкій карликъ-пароходъ, робко пробирающійся у ихъ крутыхъ подножій. Дикія скалы выдвигаются изъ черныхъ гущъ дѣвственнаго дубоваго и липоваго лѣса, переплетающагося въ непроницаемыя стѣны частымъ орѣшникомъ... На сѣромъ выступѣ утеса прямо въ волжскую даль смотритъ

мохнатая масса медвѣдя, воображеніе дорисовываетъ его формы въ смутномъ, едва опредѣляющемся пятнѣ... Пройди по этому лѣсу, только и услышишь шорохъ звѣря въ чащѣ, гдѣ нѣкогда гнѣздилось все, чему тѣсно было на Руси неоглядной, сюда уходили придушенные искатели истины—раскольники, скрывались преступники, не мирившіеся съ государственнымъ строемъ московскихъ собирателей. Сюда же стекались и тѣ, кому просто душно было, кому нужно было приволье, горная высь да лѣсная глушь!.. Вотъ сѣрая скала выдвинулась впередъ, какъ башня разрушеннаго укрѣпленія, круглая съ трещинами, точно по ней провело ихъ всеразрушающее время... На вершинѣ башни, вмѣсто зубцовъ—мрачный лѣсъ... Черною щетиною всталъ онъ тамъ, и свѣтится изъ его таинственнаго мрака какой-то огонекъ... Ближе и ближе башня... Глазъ различаетъ черныя впадины—какъ фантастическія бойницы, гдѣ гнѣздятся коршуны и беркуты. Зорко выглядываетъ оттуда крупный хищникъ, не шевельнется ли внизу живая добыча... Башня отошла назадъ—на встрѣчу выдвигается другая, полуразрушенная... Зелень пробирается сквозь ея каменную кладку... А тамъ еще и еще, точно горы обведены двойными рядами укрѣпленій... Однѣ выше другихъ, однѣ массивнѣе и грузнѣе другихъ.

Наконецъ, ночь точно унесла куда-то съ собою этотъ заколдованный край. Едва только мерещутся горы, и то точно тучи лежатъ направо. Когда я проснулся утромъ—Жигулей уже не было. Зато на возвратномъ пути они снова явились передо мною во всемъ своемъ каменномъ великолѣпіи...

Картину, которая тогда развернулась передо мною, я никогда не забуду.

Направо и налѣво горы—нѣтъ низменныхъ отложинъ вовсе. Между ними синева далекаго берега, смыкающаго серебряное зеркало рѣки... Только въ одномъ мѣстѣ свѣтится щель,

и въ ней вся на свѣту черная точка судна съ двумя черточками мачтъ... Тотъ же лѣсъ на горахъ—изрѣдка сѣрая плѣшь недавней порубки, и опять зеленое царство... Расшива впереди, словно золотая подъ лучами заката...

Пароходъ ползетъ въ тѣни громадныхъ скалъ и горъ. Жутко... Налѣво мрачный обрывъ, направо яркіе блики солнца... За ними исчезаютъ массы Царева-кургана, совершенно безлѣснаго... Точно насыпь надъ великаномъ. Въ стародавнее время проходило здѣсь несчетное воинство невѣдомаго царя. Мѣсто, гдѣ стоитъ курганъ, пусто было, гладью разстилалось. Захотѣлось невѣдомому царю показать свое могущество, оставить памятникъ отдаленнѣйшему потомству. Повелѣлъ онъ каждому воину принести на эту гладь по шапкѣ земли и высыпать въ одну кучу. Такъ и выросъ громадный Царевъ-курганъ. Много вѣковъ спустя проходилъ этимъ мѣстомъ Іоаннъ Грозный. Завидно ему стало и велѣлъ онъ каждому солдату своему снять съ вершины кургана по шапкѣ земли. Чья-де сила верхъ возьметъ. Долго работала его рать, только верхушку кургана сняла и прочь ушла, не могла осилить!.. «Вотъ какіе цари прежде были»! доканчиваетъ преданіе.

Выше Царева-кургана (на возвратномъ пути) насъ встрѣтили величавыя горы. Одна за другою по очереди выступала впередъ, ограждала даль и отходила назадъ, уступая мѣсто слѣдующей. Изрѣдка сверху внизъ сползали каменныя полосы голой почвы, остальное заполонилъ тотъ же мрачный, молчаливый лѣсъ. Часто камень сверху до низу шелъ гребнемъ, словно взрѣзывавшимъ гору. Точно лежитъ тутъ мохнатое сказочное чудовище выставивъ наружу свои гранитныя ребра. На камняхъ крутояраго побережья раза три мелькнула сѣрая избушка рыболова или небольшое становище промышленниковъ, обжигающихъ алебастръ. Уже поздно вечеромъ, въ черныхъ щеляхъ между горами

стали золотиться огоньки угольщиковъ. Вотъ подъ самымъ яромъ едва ползетъ бѣляна. Передъ громадной грядою низменныхъ береговъ, она кажется какою-то микроскопическою козявкою. Разъ какъ-то раздвинулись горы, и на песчаномъ побережьѣ показались избы затеряннаго въ глуши села. А тамъ опять безлюдье и тишина... Рѣчка бѣжитъ по ущелью, съ громкимъ ропотомъ огибаетъ выступы, пѣнится въ камняхъ и бѣлыми клубами, словно взмыленная, съ разлету кидается въ Волгу сверху, нисколько не волнуя безмятежной русской красавицы-рѣки... Еще поразительнѣе, когда въ половину высоты горы, горизонтально выдвигается изъ лѣсу слой бѣлаго камня. Издали кажется онъ стѣною какой-то циклопической крѣпости. По крайней мѣрѣ, глазъ различаетъ правильные, словно отесанные каменья, изъ которыхъ сложена стѣна, выдвигающіяся округлины башенъ, бастіоновъ... Сверху и снизу лѣсъ... Часто зубцы стѣнъ мерещутся изъ-за его вершинъ.

На пароходѣ все смолкло. Дѣйствовала на душу эта торжественная обстановка. Исчезли шутки, замерли разговоры... Все дѣлалось кругомъ громаднѣе и громаднѣе. Крупныя хищныя птицы усѣяли скалы. Черные бакланы и бабы-птицы окоймили отмели. Пустыня!.. Досадно, что пароходъ быстро бѣжитъ впередъ, не давая наглядѣться на эту чудную панораму. Досадно терять изъ виду одну картину, хотя вслѣдъ за нею открывается другая, еще прелестнѣе. Прощаемся съ смѣло очерченнымъ контуромъ горы и тотчасъ же встрѣчаемъ идеально прекрасную долину между двумя вершинами, съ силуэтомъ бѣлой церкви... Между горами часто попадаются курганы, почти отвѣсно обрывающіеся въ Волгу и неприступные съ другихъ сторонъ. Народъ въ своихъ преданіяхъ неизмѣнно связываетъ ихъ съ памятью Степана Тимоѳеевича Разина и называетъ ихъ «Стенькиными». Жигули прежде были, какъ мы выше замѣтили, притономъ всѣхъ, которымъ

почему бы то ни было душно становилось въ городахъ подъ самымъ окомъ предержащихъ властей. Бродяги, бѣглецы и просто поволжская молодежь находила здѣсь вѣрное пристанище. Еще недавно мимо Жигулей съ опаскою пробирались купеческія барки. Только развитіе пароходства убило послѣдніе остатки понизовой вольницы. До тѣхъ поръ жигулевскіе удалые добры молодцы, собираясь партіями человѣкъ въ десять, нападали на цѣлые караваны барокъ и смѣло грабили ихъ, творя судъ и расправу по жалобамъ рабочихъ на кулака-хозяина, если онъ былъ здѣсь, или на его приказчика. Скверно въ такія минуты приходилось всѣмъ, кто держалъ на пути хозяйскую руку. Идетъ, бывало, караванъ посудъ въ двадцать, вѣтры верховые, противные, трудно вверхъ ползти. Суровый хозяинъ знай себѣ покрикиваетъ на рабочихъ. А у тѣхъ спина не разгибается, тянутъ наклонившись, черезъ силу напрягая грудь съ ненавистною лямкою и безсильно опустивъ впередъ почернѣвшія руки. Человѣкъ семьсотъ, либо восемьсотъ рабочихъ запоютъ—такъ точно горы и рѣка застонутъ!.. Кормы плохіе, водки у хозяина не раздобудешся. Смерть!

Близятся Жигули—привѣтливѣе становится хозяинъ. Ласковѣе да покладнѣе, а около Царева-кургана и водкою уже поитъ бурлаковъ.

— Я-ль жалѣть для васъ стану, да разрази меня Господи!... Голубчики!... Лѣзетъ онъ цѣловаться къ нимъ. Пьетъ водку сумрачный бурлакъ, но не мирится съ міроѣдомъ. Очень ужъ наболѣло сердце за всю непосильную путину...

— Что не веселы, милые!... Я-ль вамъ не радѣтель, я-ль не заботникъ за васъ... Хоша облейся водкою, во! И конецъ оторваннаго ворота летитъ на землю.

Усердствуетъ хозяинъ, а какъ поравнялся съ Жигулями, ушелъ въ казенку и заперся тамъ—отмаливать грѣхи старые, можетъ и смертный часъ близокъ.

Бурлаки сходятся въ кучки, толкуютъ, дошли до чернолѣсья и работать бросили. Стали въ завозни слѣзать. А на берегу ихъ уже дожидается народъ—съ ружьями да съ дубинами. Тутъ и совсѣмъ взмолились хозяева. Въ казенкахъ передъ образами лампады зажжены, на колѣняхъ мiроѣды поминаютъ царя Давида и всю кротость его.

Чуть поравняется новая барка—«не работай!» орутъ съ берега. Ну, народъ тоже въ завозню и на Жигули. Такъ весь караванъ остановился. Вмѣсто нихъ причалила къ баркамъ жигулевская вольница творить судъ и расправу. Всѣхъ хозяевъ обошли—избили, обобрали что пришлось, кто съ рабочими неласковъ былъ, тому вдвое, кто добръ да старателенъ для бурлака—того не тронули, честью обошлись. Уѣхали, наконецъ, и приказчиковъ съ собою забрали самыхъ суровыхъ да ехидныхъ. Тѣмъ на берегу особое судилище было. Въ растяжку да горячихъ, чтобъ народъ не тиранили, надъ непосильною работою его не гноили. За всякую слезу бурлацкую разочлись, лозъ не жалѣючи, благо ихъ цѣлыя горы наросли по Жигулямъ на страхъ всякому лиходѣю...

Теперь интересы рабочихъ отстаиваютъ, такъ-называемые, водяные, т. е. начальники дистанцiй; но жигулевская вольница въ этомъ отношенiи была гораздо состоятельнѣе.

IV.

Какъ калика перехожая двѣнадцать богатырщъ побѣдила и что она потомъ съ ними сдѣлала?

Между Усольемъ и Царевымъ курганомъ въ Волгу впадаетъ Уса рѣка, протекающая по Сызранскому и Сенгилейскому уѣздамъ, на пространствѣ ста десяти верстъ. Во время

оно, на самомъ устьѣ этой рѣки росъ высокій дубъ, подъ корнемъ котораго таилась дверь въ чудное подземелье, гдѣ жило двѣнадцать сестеръ удалыхъ, выходившихъ на крутые яры поволжскіе воевать татарву невѣрную. Двѣнадцать годовъ жили тутъ эти богатырши, и не было имъ витязя подъ силу, не было добра молодца имъ на утѣху. Что ни придутъ удальцы—всѣхъ въ ратоборствѣ великою силою своею, какъ колосъ въ полѣ, валятъ о-земь молодыя дѣвушки, пока не пришелъ изъ свято-русской земли калика перехожій, ростомъ малъ, бородою сѣдъ, ногами кривъ. Засмѣяли калику перехожаго удалыя дѣвки, даже бороться съ нимъ не хотѣли. Только младшая самая схватилась съ старикомъ—и опомниться не успѣла, какъ тотъ ее бережно положилъ на шелковую мураву. За нею другая вышла, постарше, а за другою третья. Такъ и всѣ онѣ до единой. Но еще пущее диво сдѣлалъ калика перехожій послѣ честнаго пира подъ дубомъ вѣковымъ, въ чудномъ подземельѣ. Вошли съ нимъ туда сестры дѣвками, а на утро бабами всѣ до одной вышли.

— Гой ты еси, калика перехожая, много-ли васъ на Руси богатырей такихъ? спрашиваютъ старика сестры.

— Что я за богатырь, сами видите, и сѣдъ, и малъ, и ногами кривъ. Самый послѣдній я изъ послѣднихъ на свято-русской землѣ, самый немощный изъ придорожныхъ старцевъ.

И затуманились богатырши, видно почуяли, что придетъ сюда изъ Руси сила великая и всю ихъ землю подъ себя возьметъ. А было это тогда, когда кондовая, коренная Русь еще вѣчеваго колокола слушалась, когда вольная да смѣлая, пышнымъ цвѣтомъ распускалась она во славу Божью, да на счастье человѣкамъ...

И много преданій ходитъ тутъ про бабъ, что въ старое время по нерусской еще Волгѣ разбойничали. Была тутъ баба-

ватаманъ, что пять тысячъ головъ порубила, да на Алексѣя Божьяго-человѣка (какъ онъ попалъ сюда?) наткнулась; онъ и спокаялъ ее. Приняла баба-ватаманъ иноческій чинъ, да недолго удалое сердце ея искусъ выдержало. Пошла опять по старой дорогѣ и двухъ инокинь молодыхъ за собою увела губить души христіанскія. Зато ей нѣтъ спокоя и въ могилѣ: доселѣ плачетъ подъ курганомъ и томится. Кто прохожій ляжетъ отдохнуть на курганъ—слышитъ, какъ ворочаются и хрустятъ тамъ богатырскія кости, какъ стонетъ и рыдаетъ ватаманъ-баба. Изъ слезъ ея ключъ пробился. И положенъ разбойницѣ такой предѣлъ: мучиться ей безотходно, до тѣхъ поръ, пока ручей этотъ рѣкою, больше Волги, не станетъ... Сколько сотъ лѣтъ съ той поры прошло, а ручей все ручьемъ остается. Не даетъ Господь ей слезъ видно!...

Мы, наконецъ, оставили за собою прелестную картину Жигулей, темными массами на розовомъ фонѣ восхода обступившихъ голубые разливы Волги; въ самой дали едва рисовался еще песчаный бугоръ Царева-кургана, а уже вдалекѣ блеснула, на гребнѣ довольно возвышеннаго берега, Самара. Солнце ярко бьетъ въ лѣсной скатъ, массы судовъ, барокъ, расшивъ золотятся внизу, а надъ всѣмъ, и надъ этою красивою рѣкою, и надъ этими зелеными горами, рисуются полувоздушными очерками бѣлыя стѣны молодаго города, все выростающаго на горе бѣднѣющему Симбирску. Сначала словно выплываетъ изъ-за излучины берега чья-то прелестная дачка, потомъ сверкаетъ вамъ въ глаза бѣлый монастырь, а потомъ точно проснется пестрое мѣсиво деревянныхъ домовъ, церквей, съ грузною массою величаваго собора на самомъ обрывѣ горы. Но это все еще не городъ. Только обогнувъ береговой мысъ, передъ вами развернется вся Самара, усыпавшая откосы вплоть до самой воды своими легкими и красивыми постройками.

V.

Самара.—Табаководство и коневодство.

Въ Самарѣ нѣтъ остатковъ старины, нѣтъ историческихъ достопримѣчательностей, осматривать которыя считаетъ своею обязанностью каждый туристъ, хотя я не знаю занятія болѣе непроизводительнаго и скучнаго. Это городъ—будущаго, это здоровый, кровь съ молокомъ, юноша, передъ которымъ все розовѣетъ и золотится въ лучахъ восходящаго для него солнца. По мѣрѣ того, какъ падалъ Симбирскъ, аристократическій и дворянскій, выростала демократическая Самара, забирая поволжскую торговлю въ свои сильныя мозолистыя руки. Въ самомъ городѣ нѣтъ ничего. За городомъ — кумысолечебныя заведенія Аннаева и Постникова. Весною главный пульсъ Самары бьется на устьѣ рѣки Самары, заставленной баржами, куда нагружаютъ изъ береговыхъ амбаровъ массу хлѣба; пестрыя толпы рабочихъ снуютъ взадъ и впередъ по берегу, вездѣ слышатся пѣсни, скрипъ судовъ, свистки пароходовъ, и надъ всѣмъ стоитъ гулъ, слышный издалека. Зимою дѣятельность эта переносится на Соборную площадь, куда изъ окрестностей съѣзжаются тысячи возовъ съ хлѣбомъ. Самара ежегодно отпускаетъ до 15,000,000 пудовъ одной пшеницы. Сверхъ того, очень замѣчательны здѣшнія лошади, общія также и Оренбургскому краю. Онѣ раздѣляются на двѣ породы, киргизскую и башкирскую. Мѣстный заводчикъ, князь Голицынъ, такъ характеризуетъ башкирскую породу: лошадь рѣдко болѣе двухъ аршинъ, поставлена на хорошихъ, но низкихъ ногахъ, чрезвычайно гибка, имѣетъ округленный задъ, широкіе окорока, отдѣлъ хвоста, почку чрезвычайно развитую, наклонъ спины къ переду, холку не очень развитую, болѣе

вертикальное плечо и выростъ шеи—оленій, шею короткую, голову съ пріятнымъ глазомъ. Она очень щекаста, грудь широка, челка и хвостъ—густые. Назначеніе этой лошади быть упряжною. Лучшія изъ нихъ родятся на берегахъ Демы и на рѣкѣ Теку. Киргизскія лошади отличаются отъ башкирскихъ широкими костями, сильными мускулами, круглымъ задомъ и грудью, высокою холкою, отлогимъ плечомъ, лучшимъ выростомъ шеи съ кадыкомъ и головою не столь красивою, какъ башкирская. Киргизская лошадь легче передомъ, потому ея назначеніе быть верховою. Въ смѣшеніи обѣихъ породъ образовался отличный конскій типъ, выносливый и сильный. Еще сноснѣе и рослѣе помѣсь башкирской и русской лошадей, но она слишкомъ сыра. Всѣ эти лошади рѣдко выходятъ по цѣнности своей изъ ста рублей. Сверхъ того, здѣсь есть дешевыя лошади, стоющія не больше 17-ти руб. Это, такъ-называемыя, машинныя. Окончивъ лѣтнюю путину по Волгѣ, она переходитъ въ разрядъ почтовыхъ или попадаетъ къ крестьянину приволжскому. Рѣдко она заходитъ выше Оки, обходясь тамъ отъ 25 до 60 рублей. Та же лошадь, за которую на мѣстѣ платится 50 рублей, попадаетъ обыкновенно къ прасоламъ, является на ипподромахъ и продается въ Россіи отъ 100 до 150 рублей.

Самара служитъ также отпускнымъ пунктомъ для табака, воздѣлываемаго въ предѣлахъ губерніи колонистами. Общая сумма производства доходитъ здѣсь до 400,000 пуд., причемъ преимущественно разводятся русская махорка, нѣмецкій (мариландъ), виргинскій (сигарный), гаванна (сигарный), обыкновенный черный табакъ, турецкій. Русскій идетъ въ сѣверныя и юговосточныя губерніи; черный черезъ С.-Петербургъ отсылается въ Финляндію, прочіе сорты: мариландъ, сигарный и турецкій обрабатываются сначала въ Саратовѣ, Самарѣ, Сарептѣ, Москвѣ и Петербургѣ, а потомъ уже развозятся по

всей Россіи. Каждая десятина земли даетъ здѣсь на табачныхъ плантаціяхъ отъ 40 до 80 пудовъ этого продукта, причемъ всѣ воздѣлываемые сорты до того акклиматизировались, что уже разводятся мѣстными сѣменами. Только для сортовъ, подлежащихъ фабричной обработкѣ, выписываются сѣмена изъ-заграницы. Первое время отъ этихъ сѣмянъ табакъ бываетъ очень хорошъ, но потомъ онъ грубѣетъ и теряетъ свое достоинство. Вотъ какъ описываютъ это интересное производство: какъ скоро табачные корешки пустятъ ростки, ихъ въ концѣ апрѣля разсаживаютъ въ парникахъ, гдѣ они и остаются до половины мая. Потомъ ихъ сажаютъ рядами, идущими поперегъ каждаго отдѣльнаго поля, на табачныхъ плантаціяхъ, предварительно два раза вспаханныхъ и время отъ времени унавоживаемыхъ. Стебли русскаго и сигарнаго табаку, пускающіе отъ корня широкіе листья, разсаживаются очень широко, на $^3/_4$ аршина одинъ отъ другаго, а стебли турецкаго табаку и мариланда—вершковъ на восемь. Послѣ посадки, взрыхляя землю, очищаютъ поле отъ сорныхъ травъ. Когда растеніе достигло требуемой величины и облиствѣло какъ слѣдуетъ, срѣзываютъ его верхушку, чтобъ оно не цвѣло, не росло вверхъ, а какъ должно питало бы листья. Зубчатые побѣги изъ стеблей и листьевъ, отвлекающихъ растительные соки, обрываются. Работы эти приходятся на іюль. Табачная жатва, т. е. обрываніе листьевъ, начинается въ августѣ. Если въ это время начнутся морозы, то табакъ убирается и не вызрѣвшій; въ такомъ случаѣ достоинство его очень низко. При сборѣ табака листья съ каждаго растенія связываются въ пачку и отправляются домой. Потомъ ихъ выравниваютъ и на ребрѣ каждаго листа дѣлаютъ разрѣзъ, черезъ который табакъ нанизывается на палки, длиною въ сажень каждая. Ихъ называютъ шпилерами. Шпилеры съ табакомъ развѣшиваются въ

сушильныхъ сараяхъ, гдѣ онъ и остается до октября или ноября. Въ ноябрѣ табакъ связывается въ папуши отъ 15 до 20 гладко разглаженныхъ листовъ каждая. При разглаживаніи, нѣкоторые сорты выколачиваютъ, складывая въ большія кучи, гдѣ продуктъ согрѣвается, причемъ разлагаются въ немъ грубыя растительныя вещества.

Самарская губернія богата и другими источниками народнаго хозяйства. Между рѣками Волгою, Самарою и Сокомъ, и въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчаются богатыя залежи сѣры, въ Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ—каменный уголь. Нефть, соль, известь, алебастръ, песчаникъ (строительный) добываются здѣсь въ очень многихъ пунктахъ. Изъ продуктовъ сельскаго хозяйства добывается кристаллическій крахмалъ, искусственныя гумміи изъ крахмала, глютинъ и проч...

VI.

Затопленные лѣса и каменныя горы.

Какъ хороши были еще затопленные лѣса за Самарою! Деревья самыми своими изумрудными раинами выходили изъ голубоватосеребристыхъ разливовъ, покойныхъ и недвижныхъ, какъ зеркало. Вода между деревьями сверкала далеко, далеко, когда лучъ солнца случайно западалъ въ самую середину этихъ затонувшихъ рощъ... Противоположная низовая сторона разстилалась желтозелеными лугами, на которыхъ изрѣдка пестрѣли пашни точно надрѣзанными четырехъ-угольниками, вздымались прямые тополи, и круглыя раскидистыя шапки ольшаниковъ словно припадали къ серебрянымъ извивамъ луговыхъ ручьевъ... Правый берегъ отсюда горбами входитъ въ Волгу. Горбъ за горбомъ, и такъ до безконеч-

ности, что счетъ этимъ выступамъ потеряешь. Размытыя водою подножія этихъ горбовъ представляютъ какія-то циклопическія стѣны уплотнившагося известняка. Очень красивы громадные разноцвѣтные камни, вкрапленные въ этотъ известнякъ. Еще далѣе пропадаетъ и известнякъ и вмѣсто него являются громады плотнаго кремня, сложенныя тѣми же массивными стѣнами. Точно береговыя горы насыпаны на каменныхъ фундаментахъ. Пароходъ пошелъ медленнѣе. Впереди, матросъ сталъ шестомъ воду мѣрить.

— Промаячило (дна нѣтъ!) кричитъ онъ.

— Ишь ноне какъ! толкуетъ сумрачный уржумецъ. Прежде безъ лота ходили. Бывало большая, ярая вода, а мы дёржимъ прямо, на Господню волю...

— Восемь! кричитъ лотовщикъ. Пароходъ идетъ медленнѣе...

— Ну и ломало васъ тогда, страсть!

— Что же, а теперь не ломаетъ? Тутъ, братъ, съ премудростью своею ничего не возьмешь.

— Подъ табакъ!.. оретъ также матросъ, и пароходъ бѣжитъ полнымъ ходомъ.

Подъ табакъ—дно едва лотъ хватаетъ.

— Нѣтъ, братъ, на свою премудрость не надѣйся и лотъ брось. Лучше Николѣ, мирликійскому чудотворцу, молебенъ отслужи, такъ онъ, батюшка, лучше всякаго лота отстоитъ тебя. Какое это дѣло разъ было. Одинъ невѣръ такой же, все на карту, да на лотъ надѣялся, ну и, дѣйствительно, благополучно Бѣлую и Каму прошелъ, по Волгѣ до Нижняго добѣжалъ цѣлъ, на ярмарку. Что же бы ты думалъ? На ярмаркѣ съ вина сгорѣлъ. Вотъ тебѣ и лотъ! А то лотъ!.. И безъ лота, братъ, отъ него, Всемогущаго, не уйдешь...

VII.

Самарская лука. — Чудотворная икона — адмирала Крузенштерна. — Сызрань.

За Самарою Волга доканчиваетъ, такъ-называемую, самарскую луку; отъ Ставрополя она, измѣняя югозападное направленіе, круто поворачиваетъ на востокъ до рѣки Сока; отсюда она опять направляется на югъ до устья Самары, рѣки, которая «какъ бы отталкиваетъ ее», и Волга идетъ уже на западъ до Сызрани, гдѣ она опять попадаетъ на прежнее свое югозападное направленіе. Самарская лука въ высшей степени благодѣтельна для всего окрестнаго района. Съ одной стороны она приблизила къ пристанямъ громадныя житницы пшеницы; съ другой — сдѣлала богатыя степи доступными для рѣчной торговли. Не будь этихъ изгибовъ — цѣлая треть нынѣшняго промысловаго округа осталась бы глухимъ захолустьемъ. Вмѣсто нынѣшняго протяженія на 240 верстъ, Волга имѣла бы только отъ 20 — 40 верстъ. Число нынѣшнихъ торговыхъ пристаней сократилось бы въ шестеро. Самарская лука будетъ играть значительную роль при сношеніяхъ Россіи съ среднеазіатскими владѣніями. Она естественнымъ образомъ связываетъ Поволжье съ Оренбургомъ, дѣлая Самару ближайшимъ къ нему поволжскимъ пунктомъ и приближая Оренбургъ, какъ и весь этотъ районъ, на сто верстъ къ Волгѣ.

Миновавъ промышленное и богатое село Екатериновку, мы скоро увидѣли чудную картину горы, сплошь покрытой избами. Ни клочка зелени, вся поверхность береговаго выступа занята постройками, весело облитыми солнечнымъ блескомъ. На площадкахъ у Волги толпа, надъ каждымъ обрывомъ массы кровель. На золотѣ соломенныхъ крышъ стоятъ молчали-

вые аисты и глубокомысленно созерцаютъ окрестности... Это село Печоры, богатое, ведущее большую торговлю хлѣбомъ. Нѣкогда оно было основано понизовою вольницею; съ тѣхъ поръ и типъ жителей здѣсь сохраняетъ всю свою величавую силу. Стройные и рослые, съ открытыми и веселыми лицами парни точно на подборъ, каждый такъ и просится въ картину, на носъ косной—съ багромъ въ рукѣ.

— Сарынь на кичку!...

Эко время привольное было, привольное, повадливое, да разбойное. Все, что находилось у насъ смѣлаго да сильнаго, все, что торныхъ путей знать не хотѣло, да ничьей власти надъ собою терпѣть не могло, уходило сюда, въ лѣсныя поволжскія пустыни!... И вѣдь не для одного грабежа шло, грабежъ тутъ только съ боку припека, нѣтъ—воля да удалая потѣха звала, душа простору просила, гдѣ-жъ и охотиться какъ не на широкомъ разливѣ величавой рѣки, что прямою дорогою отъ моря Хвалынскаго въ самую глубь Россіи залегла, къ самому сердцу ея подошла жизненосная, и всю ее своими притоками любовно обвила, разнося благотворную кровь во всѣ ея захолустья и окраины...

Только что я было ушелъ въ каюту, какъ меня вызвали наверхъ.

— Вотъ гдѣ строится знаменитый сызранскій мостъ.

Берега здѣсь прорыты гротами, точно безчисленными норами, у самой воды валяются разбитые кессоны; вровень съ окраиною Волги ползетъ балластный поѣздъ. Вдали чуть замѣтны людныя села, зеленыя луговыя горы направо... Вотъ и дамба мостовая, на три версты прошла она внутрь страны, да говорятъ водою размыло.

Мостъ для оренбургской дороги проектированъ здѣсь на 650 саженъ черезъ Волгу. О немъ я слышалъ еще въ Ниж-

немъ. Едва ли со временъ основанія правильнаго волжскаго судо-пароходства, что-нибудь такъ смущало спокойствіе торговцевъ и промышленниковъ бассейна этой рѣки. Устройство моста потребуетъ десятка милліоновъ, которые будутъ жертвою Волгѣ, потому что въ первую же весну она чудесно снесетъ всѣ устьи его. Если же мостъ устоитъ—сквозь его пролеты нельзя будетъ проходить судамъ вверхъ, особенно въ быструю воду. «Слава Богу, что хоть динамитъ то во время открыли!» утѣшаются пароходчики. «Въ случаѣ чего и взорвать будетъ недорого стоить! Сами же строители и снесутъ его прочь!»

Разорванныя громады береговыхъ горъ сіяютъ черными гротами... Деревянный городъ показывается направо, жалкій съ виду, непригляднвый... Не начемъ остановиться взгляду. И церкви—убоги... Сѣро, пустынно да и безлюдно кажется.

— Сызрань наша хлѣбная, объясняетъ мнѣ уржумецъ. Страсть сколько съ здѣшнихъ пристаней пшена идетъ вверхъ по Волгѣ!

— Малолюдный городокъ.

— За 24,000 человѣкъ зашло... Такъ только онъ, не съ казоваго конца на рѣку вышелъ. А то чѣмъ не городъ — острогъ есть, полиція... Какъ и быть настоящему городу.

— Тутъ разъ пожаръ былъ, и чудо случилось великое.

— Какое? заинтересовался я.

— У одной старушки домъ загорѣлся; съ испугу-то она въ чемъ была — выбѣжала. Одну только икону захватила съ собою, да съ нею вокругъ огня-то и ходитъ. Что же бы вы думали—потухло. Только какъ кончилось, она и взгляни какого святого вытащила. Посмотрѣла—и обмерла даже. Вмѣсто Варвары-то великомученицы или Прасковіи Пятницы, адмирала Крузенштерна изъ полымя самого выхватила. Сынъ-то у нея, видите ли, въ морякахъ офицеромъ былъ, ну она и повѣсила его благодѣтеля Крузенштерна вмѣстѣ съ иконами.

— По вѣрѣ и дается вамъ! заключилъ батюшка, уже оправившійся отъ силлогизмовъ офицера касательно Каина. Онъ даже подтрунивать сталъ надъ несчастнымъ.

— Такъ Каинъ не убійца? По вашему мнѣнію онъ возлежитъ на лонѣ Авраамовомъ? Достойно замѣчанія!..

— Можетъ и Иродъ, по вашему воззрѣнію, похвалы достоинъ? Не въ отцы ли церкви вы его, Ирода окаяннаго, относите? интересовался онъ, подмигивая мнѣ глазомъ. Чего ужъ, не стѣсняйтесь, сообщите ваше на сей предметъ умозаключеніе...

Сызрань совершенно русская. Ни одного инородца на пристани, ни одной бритой головы въ толпѣ. Языкъ чистый, настоящій волжскій говоръ. Не успѣли мы и оглянуться, какъ миновали устье рѣки Черновки, пошли мимо красивыхъ чернозатонскихъ горъ, съ ихъ обнаженіями аспида, черными подъ яркою зеленью верхней почвы, а спустя часа два, среди красивой мѣстности въ полугорѣ раскинулась передъ нами Ѳедоровка. Въ 1839 году съ 16-го на 17-е іюля село это—провалилось. Ночью раздался подземный гулъ, не успѣли выбѣжать ѳедоровцы, какъ почва подъ ними заколебалась. Вся долина, на которой были разбросаны избы, оторвалась отъ подножія высокой горы и «двинулась къ Волгѣ, волнуясь по всему своему протяженію». Скоро земля стала горбиться, многочисленныя трещины исполосовали ее, на мѣстѣ недавнихъ холмовъ образовались впадины. Трое сутокъ колебалась почва, и до 24-го іюля продолжалось еще кое-гдѣ осѣданіе почвы. 70 домовъ оказались разрушенными, многіе изъ нихъ разорваны были на части... Дѣло въ томъ, что теченіе Волги у Ѳедоровки съуживается, вода съ силою прорывала основаніе горы, а «дождевая и весенняя вода, просачиваясь сквозь слабый грунтъ, разрушила послѣднія связи».

VIII.

Чернозатонскія горы. — Балаково. — Покровительствуемые нѣмцы и задушенные старообрядцы.

Аспидныя обнаженія чернозатонскихъ горъ смѣнились известковыми и мѣловыми формаціями. Трудно было сойдти съ палубы парохода, столько красоты и прелести было въ этихъ сочетаніяхъ земли, шифера и алебастра надъ голубымъ разливомъ спокойной рѣки. Между этими красивыми горами словно сжатъ Хвалынскъ, бывшее село Сосново. Отсюда сплавляется по Волгѣ около 300,000 четвертей пшеницы саратовской, кромѣ другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Городъ очень живописенъ и вмѣстѣ съ Вольскомъ оживляетъ пустынную пока (до Макарьевской) Волгу... Мѣловыя скалы Хвалынска напомнили мнѣ другой мѣловой городъ — Бѣлгородъ. Тѣ же слѣпящіе глаза изломы известковой породы, та же алая тѣнь на нихъ отъ огнистаго зарева заката, та же, словно вырѣзывающаяся на бѣломъ фонѣ, яркая пестрота толпы, сбирающейся на пристани и снующей по берегу... Красная рубаха рабочаго, кумачный сарафанъ бабы на мѣлу—точно маковъ цвѣтъ вспыхнули тамъ и горятъ, прямо въ глаза туристу, утомленному темными силуэтами чернозатонскихъ горъ.

Въ 1762 году вызвано было нѣсколько крупныхъ старообрядческихъ родовъ изъ Польши, и поселено по Волгѣ, на лѣвомъ берегу ея, между Хвалынскомъ и Вольскомъ. Трудно было въ первое время предпріимчивымъ колонизаторамъ. Сосново съ одной, Малыковка (нынѣ Вольскъ) съ другой стороны давили всѣ ихъ усилія завести здѣсь торговлишку и

положить начало широкой производительности. Но энергія и настойчивость поселенцевъ въ концѣ концовъ создали изъ Балакова такой пунктъ, который, немного погодя еще, сотретъ нѣкогда богатый Вольскъ съ лица земли. Теперь это большее село, владѣющее пятьюстами хлѣбными амбарами. Въ трехстахъ его лавкахъ производятся значительные коммерческіе обороты. Отсюда на всю Волгу идетъ пшеница. Уже въ 1860 году изъ Балакова отправлено было разнаго сырья на 2,000,000 рублей; съ тѣхъ поръ, какъ говорятъ, обороты удвоились. Напрасно Вольскъ напрягаетъ отчаянныя усилія—болѣе выгодное положеніе Балакова, и, главное, энергія его промышленниковъ въ послѣднее время почти не допускаютъ никакого соперничества съ ними. Загнанные, затравленные чиновниками стараго добраго времени, балаковцы отомстили за себя—создавъ на Волгѣ однѣми собственными силами крупный коммерческій пунктъ. Русскимъ сектантамъ не дано было тѣхъ льготъ, которыя слишкомъ уже великодушно были предложены нѣмцамъ. Тогда какъ послѣдніе пользовались собственнымъ управленіемъ, и съ разными лиходѣями имѣли самыя отдаленныя, почти номинальныя сношенія, балаковскихъ старообрядцевъ чуть не зашиворотъ таскали въ церковь, и всѣми мѣрами *возсоединяли* ихъ съ остальнымъ населеніемъ. Нѣмецъ шелъ на готовое почти, его, какъ цивилизатора, встрѣчали съ распростертыми объятіями, разныя власти передъ нимъ почтительно разшаркивались и, за то колонистъ-германецъ на Волгѣ до сихъ поръ называетъ русскаго свиньею, считаетъ позоромъ породниться съ нимъ, и, во всякомъ случаѣ, убѣжденъ, что мы—низшая порода. Балаковца, съ котораго драли шкуру и съ живаго и съ мертваго, которому и вздохнуть-то приходилось между двумя допросами въ тюрьмѣ, котораго *заставляли* принять причастіе, иначе ему и торговать было воспрещено, не отличить отъ православнаго. Онъ первый и на помощь готовъ, и Рос-

сію считаетъ своею. А чѣмъ, спрашивается, менонитъ или гернгутеръ, какъ религіозный отщепенецъ, выше русскаго старообрядца? Да и вообще странно очень. Съ одной стороны, приглашая нѣмецкихъ раскольниковъ къ себѣ, мы тѣмъ самымъ являлись защитниками свободы совѣсти заграницею, и удостоивались даже не совсѣмъ умѣренныхъ похвалъ Вольтера; съ другой, мы усердно «возсоединяли» своихъ отщепенцевъ, жгли ихъ молельни, вырѣзывали ноздри и били кнутомъ ихъ «старцевъ», военною силою разгоняли ихъ, затерянные въ глуши, поселки. Религіозныя преслѣдованія окончились въ послѣднее царствованіе. При Александрѣ II, старообрядцы вздохнули спокойнѣе, и за гоненія они платятъ намъ громаднымъ экономическимъ развитіемъ нѣкогда пустынныхъ захолустій.

Между Балаковкою и Вольскомъ, въ 5 верстахъ отъ прекрасно устроеннаго имѣнія графини Ливенъ Терсы, съ одной, и въ 50 верстахъ отъ Вольска, съ другой стороны, поднимается знаменитая Дѣвичья-гора... Тутъ опять легенда о цѣлой ватагѣ смѣлыхъ амазонокъ. Жила нѣкогда на этой горѣ богатырь-дѣвушка, и было подъ ея властною рукою не много, не мало, какъ 200 богатыршъ удалыхъ. Грабили онѣ по всей округѣ Волжской на сто верстъ къ полночи, на сто верстъ къ полудню... Только эта ватага дѣвичья, не въ жигулевскую выродилась, полюбовниковъ не знала. Чуть богатырша-дѣвка забеременѣетъ, сейчасъ ее съ высокаго утеса въ Волгу, вмѣстѣ съ дѣтищемъ ея...

И ростутъ чудныя легенды, и изъ рода въ родъ переходятъ сказочныя были... Тѣ же, какъ и въ старое время богатырей и богатыршъ, стоятъ молчаливо прекрасныя горы, та же голубоокая красавица Волга проходитъ мимо нихъ въ своемъ лазурно-серебряномъ парчевомъ платьѣ... Не свисткамъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ разогнать эти признаки дивной

старины, не имъ заставить смолкнуть поволжскую удалую пѣсню, какъ не сравнять съ землею Царева-кургана, какъ не снести въ море Хвалынское каменныхъ скатовъ, да лѣсныхъ пустынь жигулевскихъ горъ...

Тутъ былью да явью становится волшебная сказка, правдою—раскатистая, духъ захватывающая пѣсня...

ПО ДОРОГѢ ВЪ ЗОЛОТУЮ-ОРДУ.

I.

Вольскъ. — Швейцарія на Волгѣ.

Скверно положеніе туриста только въ одномъ отношеніи: навяжется иной разъ такая сантиментальная старая дѣва, которая прочтетъ вамъ цѣлые трактаты по исторіи литературы, полагая, что вамъ это, какъ литератору, очень интересно. Рады вы отъ нея уйдти — нѣтъ, вѣдь выищетъ васъ и на кормѣ, и подъ кормою... Смерть просто! А то еще давай читать вамъ вслухъ при изумленномъ обществѣ выдержки изъ вашихъ произведеній, да еще слащавымъ голосомъ, да еще закатывая глаза подъ лобъ, да еще взвизгивая въ патетическихъ мѣстахъ.

— Дура! шевелится на языкѣ, но за любезность платишь любезностью: улыбаешься, чувствуя, что и улыбка-то у тебя глупая ужасно въ эту минуту, и самъ-то ты болванъ болваномъ сидишь....

А тутъ еще три такія поклонницы таланта оказались. Уйдешь отъ одной на носъ парохода, а тамъ ужъ другая сторожитъ, отъ этой какъ-нибудь въ капитанскую рубку ударишься,—а тамъ уже третья повизгиваетъ и глаза подъ лобъ закатила!... Ну, и отдаешь себя на жертву.

И вѣдь дамы-то все какія несообразныя, желтыя, худыя, носы пируэтами, глаза скошены, лба — вовсе не полагается волоса прямо отъ бровей ростутъ. Одна попалась съ усами, которымъ бы любой гусарскій корнетъ позавидовалъ. И чего на нихъ не напутано! Пестрота, тряпье! Короче, двадцать пять бумажекъ и ни одной карамели!

Не знаю, оттого ли Вольскъ показался мнѣ особенно привлекательнымъ, что эти гарпіи сошли съ парохода, или городъ дѣйствительно, самъ по себѣ красивъ.

Мѣловыя горы являются алыми отъ розоваго блеска зари... Ни одного деревца... Скалы за скалами, обрывы за обрывами, и вдругъ они разступаются, открывая громадный полукругъ, на уступахъ и террасахъ котораго ютятся массы городскихъ домовъ. Постройки ползутъ и въ горы до самыхъ макушекъ, покрывая отдѣльныя вершины этого поразительно красиваго амфитеатра. Внизу, почти отъ воды, начинаются зеленыя раины садовъ... Все это охвачено огнистымъ заревомъ заката, все это сверкаетъ окнами, куполами, даже стѣны кажутся сіяющими, даже макушки горъ отбрасываютъ лучи, словно тамъ кто-то ажегъ яркіе костры... Когда на сѣверную половину Вольска, смотришь съ его соборной площади — она является поразительно похожею на тифлисскій авлабаръ. Также настойчиво и густо всползаютъ дома все вверхъ и вверхъ, усѣевая собою обширные скаты... Глазъ не отвести отъ этой чудно прекрасной картины. А въ темную ночь, когда вездѣ зажгутся огни, эти горы, террасы и скаты кажутся иллюминованными, точно на какой-то фантастическій праздникъ попалъ!...

Но несмотря на свою красоту—Вольскъ все-таки умирающій городъ. Балаково—было удѣльнымъ селомъ. Его жители не могли записываться въ купечество и вели свои торговые обороты черезъ Вольскъ. Теперь же онъ переживаетъ свое недавнее величіе, много домовъ пустуетъ, капиталы отхлынули

въ Балаково, и къ Вольску только пристаютъ, какъ къ станціи, хлѣбные караваны. Городъ пока еще живетъ незначительнымъ отпускомъ муки да доходами съ фруктовыхъ садовъ, которые въ его окрестностяхъ занимаютъ по однимъ 700, а по другимъ 1,000 десятинъ.

Пароходъ здѣсь останавливается на нѣсколько часовъ для нагрузки дровъ. Мы воспользовались случаемъ, чтобъ осмотрѣть садъ Сапожниковыхъ. Садъ, какъ садъ. Ничего въ немъ замѣчательнаго, а, между тѣмъ, туристы писали о немъ, какъ о какихъ-то чудесахъ Армидиныхъ. Одна только и есть рѣдкость: заборы, расписанные какимъ-то жигулевскимъ Рафаэлемъ, посадившимъ на колѣна Фараону—бабу въ сарафанѣ, и чуть не заставившимъ Юпитера громовержца курить трубочку, должно быть съ мѣстнымъ нѣмецкимъ табакомъ, потому что боги простую махорку, навѣрно, не употребляютъ. Рисунки смыты дождями—а жаль. Поди не одно поколѣніе толстолобыхъ Китъ Китычей любовалось на затѣйливую живопись, на Іосифа прекраснаго при часахъ и съ дождевымъ зонтикомъ, и на греческую дѣвицу Бобелину, съ такимъ носомъ, которому позавидовалъ бы любой нѣмецкій музыкантъ. Нравы здѣсь, повидимому, патріархальные. Дѣвицы съ хлыстиками бѣгаютъ по саду, ахами и охами знаменуя невинность сердецъ своихъ.

II.

Мудрые нѣмцы и простодушные россіяне.

Отъ Вольска урожай на нѣмца пошелъ.

— Это что за колонія?

— Ааргау.

— А это?

— Цюрихъ.

— А тамъ?

— Шафгаузенъ.

— Фу, ты пропасть! Сколько тутъ нѣмецкихъ гнѣздъ понастроено да понаставлено.

Сплошною стѣною поднялись крутые откосы Зміевыхъ горъ; на 550 футовъ въ высоту стали они надъ Волгою, а въ долахъ да логахъ между ними все тотъ же нѣмецъ сидитъ и чудитъ онъ, на диво русскому люду, затылкомъ врѣпкому, диковинныя мельницы да машины разныя.

— Ужъ и что это, братцы, за нѣмецъ чудовый.

— А что?

— Пружиной ноне табакъ рѣжетъ.

— Нну?!

— Вѣррна. Чего тутъ, самъ видѣлъ...

— И здорово рѣжетъ?

— Стрась. Рразъ — готово, получай.

— Сквозной народъ, что говорить!...

А сквозной народъ этотъ богатѣетъ, да богатѣетъ. Издали еще, подплывая къ Екатериненштадту или Баронску, мы видимъ весь берегъ заставленнымъ громадными хлѣбными сараями. Кажется, что городъ большой, а и всего-то здѣсь двѣ тысячи нѣмцевъ насчитывается. По разверсткѣ на каждые десять человѣкъ по одному складочному амбару приходится. Точно блокгаузы вытянулись. Лѣсъ, изъ котораго выстроены—на диво. Бревно къ бревну. Прочно сколочено. Разомъ вѣетъ на васъ практичностью, хозяйственностью, довольствомъ. Нѣмцы здѣшніе, не то что сарептскіе. Тѣ въ пустыню пришли и среди мертвыхъ степей благосостояніе создали. Эти же — на благословенныя угодья разомъ попали. Такихъ земель—великороссу и во снѣ не видать. Тутъ почва—барабанную палку воткни; ростки, пожалуй, дастъ... Всѣмъ этимъ бароновцы обязаны Екатеринѣ, которой они и воздвигли памятникъ.

— Это ли не житье! умилялся крестьянинъ, сидѣвшій на палубѣ. Земля плюнь да копни — самъ пятнадцать родитъ, Волга матушка благодатная подъ бокомъ, суда свои, просторъ. Чиновника не знаютъ, барина у нихъ допрежь того не было. На себя работали испоконъ вѣку...

— А вамъ чего не работать?

— Намъ-то?.. Первое дѣло—наша работа супротивъ нѣмецкой и превосходнѣй выходитъ, да нѣтъ у насъ форсу того. Ну, потому самому нѣмцу—рупь, а намъ—пятакъ. Опять же нѣмецъ свое дѣло кончилъ, шнапсу выпилъ и спать, а нашъ братъ съ поля въ кабакъ наровитъ, а какъ до вина дорвется—тутъ онъ и легъ... Тутъ онъ и готовъ.

— Спиваются?

— Гдѣ такое ведро есть, чтобъ мужика споить! вмѣшивается другой. Нѣтъ такого ведра!..

Не любитъ нѣмецъ русскаго на Волгѣ. Въ рабочіе къ себѣ возьметъ—волкомъ на него глядитъ, морщится, хотя и самъ-то онъ здѣсь не чище, да не умнѣе опрятнаго и смышленнаго поволжанина. Русскіе же, какъ и ко всѣмъ народамъ въ свѣтѣ, относятся къ колонисту смѣшливо...

— И куцай же онъ, братцы... Куртка на ёмъ, будемъ такъ говорить, короткая, ноги жидкія, хвостъ наровитъ все подъ себя зажать, а не то, чтобъ трубой!..

— Не распуститъ хвоста онъ!

— Куда ему... У него, тепериче, ежели какое крошево опослѣ людей осталось—и то на счету.... По чинамъ все — коровѣ дастъ, съ устаткомъ она съѣстъ, устатокъ лошади, а опослѣ лошади свинья продовольствуется... Порядокъ заведенъ строгай!

— Въ праздникъ у воротъ сидитъ... Сколько хошь денегъ въ карманѣ будь—въ кабакъ не уйдетъ... У него вино дома.

— Одинъ пьетъ?

— Одинъ. И то пиво ежели. Его и пьянаго-то не обойдешь. Пьяной онъ съ тобою и дѣла никакого не сладитъ. Наши пробовали. Угощали, ну онъ на чужое добръ, пьетъ... А только дѣло на завтра оставляетъ...

— Сказываютъ, допрежъ бѣдный былъ народъ?

— Бѣдный...

— То есть пупъ закрыть нечѣмъ было; ну матушка Катерина и говоритъ имъ: нежели вамъ у себя побираться, такъ лучше идите ко мнѣ въ Рассею, на вольное поселеніе. Живите, Христосъ съ вами, только чтобъ смирно было. Ну, допустила она имъ поповъ своихъ имѣть, молитесь говоритъ о моемъ здравіи и долгоденствіи, потому, какъ я вамъ благодѣтельницей выхожу. Съ тѣхъ поръ и живутъ.

— И какъ живутъ-то, другому архіерею хуже.

— Экъ обзавидовалъ. Пущай ихъ!.. Всѣмъ авось хватитъ...

III.

Саратовъ и Аткарская степь.

Саратовъ, весь сжатый горами, раскинулся по побережью и всползъ на скаты. Издали онъ кажется очень громаднымъ. Здѣсь мнѣ приходилось проститься съ любезнымъ капитаномъ «Адмирала Новосельскаго». Черезъ три дня мимо проходилъ пароходъ американскаго типа «Константинъ Кауфманъ», на немъ я и разсчитывалъ добраться до Астрахани.

Саратовъ щеголяетъ своими отелями. Тутъ ихъ нѣсколько и всѣ поставлены на европейскую ногу, т. е. съ васъ возьмутъ и за свѣтъ, и за бѣлье, и за коммисію (посылка за одеколономъ въ ближайшую лавку), и за прислугу. Воздухъ для дыханія отпускается даромъ. Выѣзжая, вы даете прислугѣ за два дня цѣлковый на чай.

— Насъ трое, почтительно заявляетъ лакей и умильно заглядываетъ вамъ въ глаза.

Прибавка.

Только что вы думали уйдти, въ дверяхъ выростаетъ «комисіонеръ».

— Да вѣдь я тебѣ уже платилъ за коммисію.

— То—по счету.

Это де должное, а ты такъ дай, по простотѣ, видишь человѣкъ проситъ...

Распростились съ этимъ—швейцаръ на смѣну является, и этому тоже нужно.

Такимъ образомъ, двое сутокъ обходятся: нумеръ 5 руб., прислуга 3 р., коммисіонеръ 1 р., швейцаръ 1 р. Дешевизна не особенно привлекательная. Зато саратовцы и торжествуютъ. «У насъ де, помилуйте, отели первые по Волгѣ, отъ нѣмецкихъ не отличишь!»

Саратовъ мнѣ очень понравился. Хорошіе каменные дома, широкія улицы, прекрасное зданіе театра, красивые виды на гору, гдѣ раскинулась деревянная часть города, и на Волгу. Вообще, не исключая Казани, это лучшій изъ волжскихъ городовъ, а если брать общество, то, несмотря на свой университетъ, Казань уже окончательно стушевывается передъ Саратовомъ. Здѣсь есть интеллигентные кружки, не единымъ хлѣбомъ живущіе. Въ Саратовѣ, сверхъ того, въ послѣднее время, устроилось общество взаимнаго страхованія, членами котораго—весь городъ. Это еще первый починъ въ Поволжьи. О немъ, впрочемъ, отдѣльно. Правда, и въ Саратовѣ являлись баши-бузуки изъ правовѣдовъ, осуществлявшіе проекты всеобщаго оглушенія и, ради своекорыстныхъ цѣлей, набивавшіе тюрьмы чуть не грудными младенцами, но фактъ, вызвавшій бы въ Казани сочувствіе, здѣсь былъ встрѣченъ поголовнымъ осужденіемъ даже наиболѣе коснаго общества. Въ

городѣ есть своя газета, и организовался кружокъ, ходатайствующій объ изданіи еще новой. Существуетъ прекрасный книжный магазинъ, въ которомъ вы найдете всѣ новости. Разумѣется, я говорю о томъ, который устроенъ на театральной площади въ домѣ Вакурова, а не о разныхъ другихъ, продающихъ книги вмѣстѣ съ обоями, штанами и т. д. Кстати: всѣ книжные магазины провинціи, куда я ни заглядывалъ, а такихъ осмотрѣлъ я массу, переполнены изданіями московскаго книгопродавца Земскаго: тутъ и «Петли на шеи» и «Съ брачной кровати на эшафотъ» и т. п. Такихъ изданій у Земскаго—тысячи, и онъ положительно, массою ихъ забиваетъ въ провинціи ходъ другихъ книгъ. Сдаетъ онъ эти книги купцамъ на коммисію съ большою уступкою. Сверхъ того, не пойди у него сегодня «Гостиница семи повѣшенныхъ», завтра онъ перекреститъ ее въ «Омутъ сорока утопленниковъ», и пошла писать! Провинція на это зловредное и отвратильное, притупляющее нервы и безнравственное чтеніе — набрасывается жадно. А мы еще удивляемся, что хорошія книги не идутъ. Вотъ, напримѣръ, фактъ, которому самъ я былъ свидѣтелемъ.

Является въ саратовскій магазинъ барынька.

— Есть у васъ «Въ лѣсахъ», Печерскаго?

— Есть...

— Ахъ, это что за книга? порывается она къ полкѣ съ новостями.

— «Море крови и океанъ страстей» (что-то въ родѣ того).

— Ну такъ лучше мнѣ океанъ этотъ дайте, а «Въ лѣсахъ» я потомъ когда-нибудь возьму.

Разумѣется, тутъ не издатель виноватъ. Невѣжественный книгопродавецъ только спекулируетъ глупостью и дикостью провинціальныхъ читателей. Онъ, впрочемъ, въ просвѣтители и не лѣзетъ. Ему лишь бы карманы набить, одурманивая и безъ того недалекую среду умственнымъ опіумомъ. Я на дѣя-

тельность спекулянта-книжника такъ и смотрю, какъ на дѣятельность англійскихъ торговцевъ опіумомъ, развращающихъ милліоны китайцевъ, или какъ на дѣятельность родныхъ россійскихъ цѣловальниковъ, безцеремонно примѣшивающихъ одуряющія вещества и въ безъ того отвратильную сивуху.

— Мужика не проберешь! оправдывается онъ за стойкою.

— Нашего читателя не проберешь! оправдывается невѣжественный издатель, или оправдывался бы, еслибъ ему предложили вопросъ, зачѣмъ онъ столько ерунды распускаетъ по свѣту Божьему.

Ну, и густѣетъ тма и въ безъ того темномъ провинціальномъ обществѣ. Вѣдь не «Гостиницы семи повѣшенныхъ» разсѣютъ ее!

Изъ Саратова до Аткарска каждый день отправляются поѣзды желѣзной дороги.

Мы поѣхали утромъ. На станціи кромѣ «Саратовскаго Справочнаго Листка» и «Современныхъ Извѣстій»—ни одной газеты. Вообще, розничная продажа періодическихъ изданій здѣсь не прививается, какъ не привилась она въ Казани и Нижнемъ.

Въ вагонахъ только и разговоровъ, что о засухѣ. Ждутъ неурожаевъ, толкуютъ объ упадкѣ цѣнъ на скотъ... Цѣлый мѣсяцъ послѣ недавнихъ холодовъ—ни капли дождя, поля и луга сохнутъ. Земля трескается отъ страшнаго зноя.

Въ окно вагона видна степь... Вдали еще тянутся сѣрыя безлѣсныя горы съ зелеными пятнами густыхъ садовъ, окаймившихъ Саратовъ. Сады на гребняхъ горъ, сады на скатахъ, сады въ ложбинахъ. Зато въ степи ни одного дерева, ни одного кустика. Чахлая трава, выжженная солнцемъ... На краю, у самыхъ горъ, тянется громадный обозъ, возовъ въ двѣсти... Едва, едва отличишь его...

— Какая чудесная земля была здѣсь! вздыхаетъ кто-то.

— Да, испортили ее!

— Чѣмъ? спрашиваю я, оглядывая желтыя понизи.

— Да лѣтъ пятьдесятъ подъ рядъ подсолнечникъ сѣяли на ней; понятно, испортилась почва. Городская управа постановила ввести сюда трехпольное хозяйство, желая спасти что можно. На это возражали, что земля подъ Саратовомъ самимъ Богомъ для подсолнечника создана. Нашъ подсолнечникъ (масло) на питерской биржѣ извѣстенъ...

Желѣзная дорога проведена здѣсь удивительно странно. Прежде всего она—земская, а земцы на ней куда какъ скверно зарекомендовали себя. Почва почти ровная, прорѣзанная оврагами, сооруженіе мостовъ черезъ которые обошлось бы очень недорого. Тѣмъ не менѣе, подъ Саратовомъ рельсовый путь идетъ головокружительными загзагами; то впередъ ѣдешь, то назадъ опять, то въ бокъ, то ужъ самъ чортъ не разберетъ, куда направляется дорога. Такимъ образомъ, ее растянули на десять верстъ лишнихъ, что обошлось ни болѣе ни менѣе какъ въ милліонъ рублей. Молодцы ребята!.. О причинахъ и *выгодахъ* этого искусственнаго продленія дороги—чудеса разсказываютъ, замѣшивая въ это, по меньшей мѣрѣ странное, дѣло много громкихъ именъ.

Какъ хороша даль этой, на первый взглядъ, унылой степи... голубая, манящая... такъ бы и ушелъ туда... синими пятнами ложатся на ней чуть мерещущіяся рощи. Точно колоритъ дали только сгустился тамъ... Пробѣгутъ мимо поѣзда зеленыя раины какого нибудь сада, и опять равнина, налѣво ласково, словно выгибаясь, подступающая къ безлѣснымъ горамъ, что тянутся вплоть до Маріинской станціи. Зигзагами легли на степи трещины, словно глинистая почва раскололась тутъ отъ жара, глубоко прорѣзали ее овраги, гдѣ въ тѣни ольховыхъ порослей стоитъ прохлада, среди всесожигающаго зноя... Ольха изъ овраговъ только до уровня степи поднимается, выше лишь бѣлыя

метелки ковыля колышатся по вѣтру, точно обрывки чьей-то сѣдой бороды... И за цвѣтомъ-то этой степи не услѣдишь. То желтая, то сѣрая, то зеленая и не мѣстами, а такъ одно и то же мѣсто всѣми цвѣтами въ глаза вамъ бьетъ, а иногда по ней серебристая голубина пойдетъ, гдѣ чаще ковыль поросъ... И просторъ какой, радуется ему сердце, а глаза невольно все глубже да пристальнѣе разсмотрѣть хотятъ недоступныя дали...

Поѣздъ опять круто свернулъ въ сторону.

— Дорога! негодуетъ какой-то желчный господинъ.

— Самодѣльная! острить кто-то.

— Въ пять лѣтъ—пять ремонтовъ было ужъ.

— Дивно, какъ не пятнадцать, потому на авось да небось строена.

Вотъ по вѣтру рожь струится... Рѣдкая какая. Колосъ отъ колоса дальше бабьяго голоса... Качаютъ только головами землевладѣльцы степные въ красныхъ околышахъ съ кокардами, на нивы эти глядючи. Призадумываются «кадыки», воспѣтые Щедринымъ. Дѣло, видно, совсѣмъ дрянь выходитъ.

— А вѣдь самое это потное мѣсто! замѣчаетъ кто-то.

— Чего потнѣе!.. На другихъ еще хуже.

Всходы яровыхъ пропали. Морозъ да засуха сплошь убили его. Поля какими-то плѣшинами смотрятъ. Уныло бредетъ вдоль нихъ крестьянская лошаденка, еще унылѣе переступаетъ за нею великій кормилецъ земли русской, сумрачный мужикъ. Нѣтъ хлѣба въ поляхъ, нѣтъ травы въ лугахъ... Не только дождей, росъ ему не даетъ Господь... Тоска давитъ... и еще сумрачнѣе хмурится обожженное солнцемъ, да на диво скованное зимними морозами лице... И пѣсни не поются!... Цѣны на хлѣбъ съ 36 коп. за пудъ на 46 коп. поднялись. Требованія пока только на рожь; пшеницы не покупаютъ вовсе. Овса нѣтъ... Пошли ржи отъ Курдюма, тянутся благодатныя въ иное время поля... Нѣтъ имъ конца и края, только

теперь также стоятъ они захирѣлыя да болѣзныя... Красные околоши въ вагонѣ совсѣмъ помутились и осовѣли. Не приведется видно культурному человѣку съѣздить въ Питеръ для изученія Альфонсины, не удастся женѣ его Патти послушать да на Капуля полюбоваться... Впрочемъ, еще есть двѣ три заповѣдныя рощи—ихъ развѣ по боку? Кстати, купцы давно приторговываются?.. Мужикъ то видно останется безъ хлѣба и послѣднюю коровенку продастъ, а Капули да Жюдикъ безъ зрителей и слушателей не будутъ!..

Изумительно хороши овраги, по которымъ текутъ потоки... Да и рѣчки здѣсь очаровательны. Бѣжитъ, напримѣръ, по степи извилинами небольшая рѣченка Курдюмъ и не видать ее. Все лѣсками да рощицами заслонена. Только изрѣдка лучъ ударяетъ вкось и отразится золотыми искрами въ струяхъ сквозь нѣжную зелень ольхи... Сверху очень красиво. Вмѣсто рѣки видимъ только длинную, прихотливо изгибающуюся, зеленую линію пышныхъ деревъ. Небольшіе степные орлы черными точками повисли въ недосягаемой глубинѣ неба, надъ этими рѣченками. Знаютъ хищники, что степная жизнь ключемъ бьетъ подъ этими громадными сводами... Копошится тамъ дрохва, свистятъ коростели... Отъ ольхи, которая окоймила эти рѣчки, онѣ большею частью ольшанками называются.

— Какая эта рѣчка?

— Ольшанка.

— А тамъ вонъ?

— Малая Ольшанка.

Еще ѣдемъ. Опять рѣка. Оказывается Кривая Ольшанка. У ольшанокъ пестрѣютъ стада овецъ. Здѣсь, какъ и въ Новороссіи и на Украйнѣ, ихъ отарами называютъ. Овцеводство, впрочемъ, падаетъ сильно. Прежде оно было развито здѣсь повсемѣстно. Чистопсовые, ставъ культурными, точно способности хозяйственныя потеряли. Прежде чудесно было.

Трудъ обязательный, на что глазомъ не вскинулъ—все твое, а вотъ при свободномъ трудѣ, да за надѣлами никакъ устроиться не могутъ.

По баракамъ (оврагамъ) изъ-за верхушекъ заполонившаго ихъ лѣса изрѣдка какія-то кровли виднѣются. И завидуешь, право, тѣмъ, что ушли въ тихую и мирную пустынь этого прохладнаго уголка. Но ничего красивѣе не знаю я въ этой степи—прелестной свѣтловодной и узенькой рѣченки!—носящей поэтическое имя Идолги. Это сплошная свѣтло-прохладная аллея, гдѣ вмѣсто почвы зыблются внизу искристыя кристальныя воды... Сквозь изумрудные своды щедро льется полуденный блескъ и, радуясь ему, громко и задорно заливается въ чащѣ всякая мелкая пташка, меланхолически посвистываютъ умные дрозды и весело звонятъ и перекликаются въ воздухѣ полевые пѣвуны-жаворонки... Луга направо и налѣво отъ Идолги зеленѣе стали... Бѣлыя палатки на нихъ, гдѣ по одиночкѣ, гдѣ группами пять, шесть вмѣстѣ—глаза слѣпятъ. Спрашиваю—оказывается всю страду живетъ въ нихъ полевой работникъ. Онъ же гнѣздится въ черныхъ землянкахъ, словно норы зіяющихъ изрѣдка по сторонамъ...

Да, хороша эта степь. Хороша теперь, въ засуху, что же когда спрыснетъ ее дождичкомъ и пышно зеленымъ лугомъ разстелется она, невѣдомо откуда и невѣдомо куда катя подъ вѣтромъ свои зеленыя волны... Коли гдѣ холмы поднимутся, зыблется на нихъ дубовая чаща, внизъ опа березкою да осиною сползаетъ—и тутъ внизу уже царство степи невозбранное... Развѣ, что аллея свѣтлой рѣки ляжетъ... Осина и по оврагамъ вздрагиваетъ своими нервными и въ затишье колышущимися листьями... Вотъ вдали пыль стоитъ, навѣрное стада. Стадо, кажется, и недвижно—а все точно сѣрый дымокъ надъ нимъ... По этимъ сизымъ подъ вечеръ и сѣрымъ днемъ облачкамъ луговымъ легко издали отличить мѣстопребы-

ваніе овецъ. . А коли гдѣ на лугу темное пятно — такъ и знай, что кустарникъ бобовника островкомъ чуть приподнялся тамъ надъ низкорослою травою. Вглядитесь пристальнѣе, пусто, но весь словно цвѣтами бѣлыми усыпанъ, это рой бабочекъ-капустницъ такъ унизали его... И зыблются ихъ нѣжныя крылья по вѣтру, когда ему вздумается свѣять стоялую жару съ луговыхъ степей, пробѣжать радостною дрожью по ольшанкамъ и всколыхать тихимъ шелестомъ осинникъ по днищамъ овраговъ да по скатамъ прохладнаго барака.

Хороша эта степь днемъ, но еще лучше вечеромъ. Синіе сумерки расползаются на востокѣ, чуднымъ благоуханіемъ вѣетъ отовсюду, пѣніе жаворонка громче и задорнѣе. На каждомъ шагу вспыхиваютъ они изъ-подъ самыхъ ногъ у васъ и трепещутся въ высотѣ и на лету разливаютъ и разбрасываютъ на всю окрестность безконечные каскады серебристыхъ звуковъ. А тутъ вдругъ громко окликнулъ степи перепелъ, гдѣ-то откликнулся ему другой... Вонъ грустно посвистываетъ иволга... Какая-то пичуга точно въ маленькій рожокъ дудитъ въ зеленомъ кустѣ бобовника, вонъ и блеяніе стада, возвращающагося въ кошару, и громкій пронзительный крикъ жеребенка... А надъ всѣмъ этимъ попрежнему неотступно звенятъ и звенятъ безчисленные колокольчики жаворонковъ... А ночью? Развѣ что нибудь можетъ сравниться со степною ночью?.. Усадьба тонетъ въ лазуревыхъ сумеркахъ, на темной синевѣ неба вырѣзались крупныя звѣзды, за дальними холмами, точно громадное зарево, чуть показался полный мѣсяцъ... Гдѣ-то далеко, далеко, въ небѣ ли, въ степи ли, ужъ и не различить, мигаетъ огонекъ... Съ тихимъ мерцаніемъ плыветъ луна по воздуху, переполненному ароматами степныхъ цвѣтовъ, цѣломудренно раскрывшихъ свои вѣнчики во тмѣ, гдѣ никто не разглядитъ ихъ скромной полевой красоты. Громче поетъ ручей свою сказочную пѣсню, поетъ, переливаясь по камешкамъ и перебирая

ихъ, точно считаетъ свои завѣтныя сокровища... Синими тучками въ синевѣ ночи стали недвижимыя ольшанки... И несешься на конѣ по всему этому простору и выпѣваешь прямо въ лице ему свою безшабашную удалую пѣсню, и весело, если у самыхъ ногъ коня стрекнетъ въ сторону бѣлая тѣнь струсившаго зайца, или хищнымъ клокотомъ отзовется тебѣ потревоженный хищникъ-орелъ степной, заночевавшій надъ свѣжеизорванною добычею во мракѣ глубокаго барака... И такъ до разсвѣта, до тѣхъ поръ, пока подъ ольхами у небольшихъ разливовъ рѣки не закрякаетъ селезень, и не откликнутся ему отовсюду проснувшіяся утки... до тѣхъ поръ, пока солнце не сгонитъ со степей бѣлые туманы и въ царственной красотѣ своей встанетъ надъ земною гладью!... Это ли не жизнь, это ли не красота!... Устанешь—въ каждой бѣлой мазанкѣ, подъ соломенною золотою кровлею, открытъ тебѣ пріютъ, только пусти коня въ луга, небось не уйдетъ, дождется, какъ листъ передъ травою станетъ онъ, встряхивая ушами, передъ тобою на громкій посвистъ твой... Да, хороша степь саратовская!

V.

Плачущій крокодилъ и мужественный поросенокъ.

Пароходъ «Кауфманъ» отваливалъ отъ Саратова.

Волга здѣсь ложится еще раздольнѣе и шире. Уже немного отойдя, мы собрались на палубѣ полюбоваться на исчезавшій городъ. Далеко въ Волгу входила высокая гора полукругомъ, на ней растянулся Саратовъ, сверкая издали бѣлыми стѣнами домовъ и церквей, уже скучивавшихся въ одну сплошную массу... Ближе въ рѣку вдавался пологій полуостровъ противу-

положнаго берега... Скоро бѣлый городъ весь уже неопредѣленнымъ пятномъ мерещился на лиловомъ фонѣ нагорья... Обрубъ берега, съ Саратовомъ на его скатахъ, кажется особенно громаднымъ, благодаря низменностямъ, окружающимъ его отовсюду... Вотъ уже и бѣлое пятно пропало, только нѣсколько искръ точно вздрагиваютъ тамъ. Куполы соборовъ или такъ только кажется?... Отсюда пошли горы по правому берегу и все горбами. Въ лощинахъ схоронились деревушки. Саратовъ еще разъ бѣлымъ туманнымъ бликомъ показался издали, когда мы миновали одинъ изъ изгибовъ Волги... Волга тутъ похожа на озеро, позади, на самомъ высокомъ пунктѣ ея береговъ можно въ бинокль отличить красивый городъ.

На одной изъ станцій, къ пароходу привалила цѣлая семья ископаемыхъ. Толстый купчина съ подбритымъ затылкомъ и шеею, которой позавидовалъ бы хорошій англійскій быкъ, притомъ еще красной, какъ солонина. Крутой носъ на крутомъ скуластомъ лицѣ, расширяющемся къ низу... Волосы съ завивомъ, бородка подстрижена въ полуруніе... Сѣрою утицею переваливаетъ за нимъ фамилія, въ шали съ фруктами. Формы тоже на премію. «Сама бѣжитъ—земля дрожитъ», по волжской пословицѣ. Хозяинъ, видимо, не изъ чувствительныхъ: попадись любой мужиченко въ этотъ желѣзный кулакъ, сожметъ, обсосетъ на диво. Только и видѣли. Поди плачется передъ нимъ крестьянство въ голодовки да въ безвременье, а онъ и ухомъ не ведетъ... Провожала эта семья какого-то поросенка, видимо, самоновѣйшей формаціи. Лакированные ботинки на крупныхъ какъ лодки ногахъ, штаны «съ форсомъ», т. е. въ обтяжку сверху и колокольчиками внизу, визитка словно крылья летучей мыши—только лацканами на воздухѣ вздрагиваетъ. Даже усы точно для бабочки—въ ниточку. Ну, а физіономія, извините, такая же скуластая, такой же крутой носъ, столь же много обѣщающая шея...

— И на кого ты насъ, голубчикъ, покидаешь! взвыла вдругъ сѣрая утица въ шали съ фруктами.

— Не безобразьте, маменька...

— И на кого ты насъ, сиротъ, оставляешь! уже съ какимъ-то остервенѣніемъ, почти сладострастіемъ, взвизгнула она. Даже крокодилъ-хозяинъ, чтобъ соблюсти формальность, счелъ нужнымъ утереть кулаками почти съежившіеся глаза, если и способные что либо источать, такъ только сало, а ужъ никакъ не слезы.

— Крокодилы плачутъ! уже съ совершеннымъ изумленіемъ проговорилъ мой спутникъ.

— Родители? спрашиваетъ кто-то у поросенка, обѣщающаго сдѣлаться современемъ большою свиньею.

— Они самые.

— Далеко ѣдете?

— Нѣтъ... До Сомовки, да и назадъ сейчасъ.

— Чего же они утруждаютъ себя? недоумѣваетъ вопрошающій, глядя на воющую птицу.

— Ихъ женское дѣло... Только имъ и радость, что въ баню сходить, да поплакать.

И всего-то отсутствія два дня, а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего: «на кого ты насъ, сиротъ горькіихъ, покидаешь...» Да вѣдь какъ пронзительно, такъ и сѣло въ ушахъ...

Зато какъ только пароходъ отвалилъ, сирота сейчасъ же въ буфетъ и, спустя полчаса, мужественно барахтался уже въ рукахъ лакеевъ, тщетно силившихся спровадить его въ каюту...

— У насъ этого нельзя! убѣждали его.

— Мои деньги плачены... Сколько хошь? Сто?... Два ста?...

— Пожалуйте въ каюту, отдохните.

— Будетъ... Наотдыхался у родителей, благодареніе Создателю—доволенъ... Эй вы, дѣвки, пляши—въ мою голову,

за все плачу... Баринъ, а баринъ! уставился онъ на какого-то франта. Можно мнѣ тебя поцѣловать... въ сахрныя губы... Ско-къ стóитъ... За все плачу... У насъ денегъ нѣтъ?! вдругъ удивлялся онъ, точно кто-нибудь увѣрялъ его въ этомъ. Пароходъ куплю съ господами вмѣстѣ. У насъ денегъ нѣтъ! уже звѣрски вращалъ онъ глазами, увлекаемый внизъ...

Что за пестрая толпа встрѣтила насъ на берегу Сосновки, большой нѣмецкой колоніи! Тутъ и колонисты въ разстегнутыхъ жилетахъ и какого-то страннаго фасона рубахахъ съ начисто выбритыми лицами, и притомъ какими деревянными, неподвижными! Тутъ и татары съ неизбѣжными апельсинами, и русскіе—единственный лучъ свѣта въ этой толпѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите вы веселаго, бойкаго парня среди этихъ, точно остолбенѣвшихъ, нѣмцевъ—развѣ это не лучъ, не свѣтъ? Къ каменнымъ лицамъ колонистовъ, удивительно подходятъ каменныя физіономіи татаръ; послѣдніе, впрочемъ, хотя болтать любятъ, а первые такъ себѣ стоятъ неподвижно, молча покуривая свои коротенькія трубочки. Сейчасъ видно, что здѣсь не Русью пахнетъ. Самое село—не наше. У насъ оно разбросалось бы во всѣ концы, правильности, симметріи не было бы, зато вышло бы красиво. У нѣмцевъ все вытянуто въ струнку, вездѣ прямыя линіи, безпорядка ни въ чемъ, зато ужасно скучно и ничего живописнаго нѣтъ. Въ русскомъ поволжскомъ селѣ соломенныхъ кровель вездѣ вдосталь, у колонистовъ—ни одной, крыши тесовыя, но зато ничто не золотится подъ солнцемъ, все мертво, точно рядами гробы разставлены по ранжиру. Противно даже. Отсюда сплошь все «Колонки» налѣво встрѣчаются, и всѣ онѣ на одинъ покрой. Всѣ точно фельдфебелемъ строены. Торгуютъ хлѣбомъ, свои суда имѣютъ, отъ рѣки заслоняются большими амбарами для склада пшеницы, подумаешь, что въ факторію какую-нибудь попалъ. Только на однѣхъ церквахъ отразился русскій вкусъ.

Замѣчательно, что въ большинствѣ Колонокъ нѣмецкія церкви выстроены какъ и наши. Та же самая архитектура. Издали въ тупикъ станешь: православное село или иное. Въ Сосновкѣ первый разъ мы встрѣтили темныя кучи кизяка на берегу, отсюда онѣ уже въ каждомъ селѣ есть. Лѣсъ дорогъ, да и добыть его иногда затруднительно, а кизякъ подъ рукою. Прежде чѣмъ подъѣхать къ селу, иногда его видишь цѣлыми массами...

Правый берегъ едва горбится полушаріями, куполами. Скаты ихъ покрыты чахлою, отъ засухи, зеленью, и чуть чуть сѣрѣютъ; сѣрые холмы увѣнчиваются бѣлыми лысинами обнаженныхъ мѣловыхъ верхушекъ. Въ лугахъ, а зачастую у самой воды, пестрѣютъ стада колонистовъ... картина полна оживленія. Но уже подъ Ровнымъ берегъ опять дѣлается круче, и повсюду тянутся точно правильно срѣзанныя осыпи, часто онѣ валами входятъ въ воду, и всетаки эти валы—ровно обрѣзаны поперегъ. Встрѣчаются мѣста удивительныя; въ одномъ вода выточила массу колонокъ, куполовъ и сахарныхъ головъ изъ мѣла. Очень напоминаетъ Святыя горы на р. Донцѣ, только тамъ мѣловыя скалы, разумѣется, гораздо крупнѣе. Низменный берегъ весь усѣянъ деревнями; однѣ за другими идутъ безъ перерыва.

V.

Ровное.—Латрыгъ рѣка—столица мельничныхъ бароновъ.—Золотое.

Вотъ и село Ровное высыпало. Ровное торгуетъ хлѣбомъ, скупаемымъ здѣсь для коммисіонера Сухотина нѣкоторымъ колонистомъ Губертомъ на большую сумму. Напротивъ, на низменностяхъ, плантаціи табаку и картофеля.

— Куда Ровное хлѣбъ отпускаетъ?

— Въ Саратовъ, а кубанка (высшій сортъ) на Ростовъ идетъ. Средній сортъ—гирка на Петербургъ, туда же третій сортъ пшеницы — русскій. Ячмень и овесъ исключительно въ Питеръ возятъ отсюда. Ячменемъ торгуютъ больше всего Хоперскій, Усть-Медвѣдевскій и Нижнечирскій округи Войска Донскаго. Въ одномъ Михайловскомъ селѣ около девяти конторъ для торговли однимъ ячменемъ. Отъ Ровнаго на Ростовъ идетъ хлѣбъ черезъ Качалинскую станицу. Главные воротилы здѣсь по этому дѣлу Губертъ, Вакуровъ, Кекинъ, Недошивинъ и др. Несмотря на то, что Ровное село русское — въ немъ принялись уже и табакъ сѣять для Саратова, разумѣется простой—махорку. Русскихъ упрекаютъ въ косности, а вѣдь колонисты-нѣмцы не лучше. Бахчевое хозяйство здѣсь выгодно, русскіе на немъ наживаются, а нѣмцы и не думаютъ разводить бахчей, на томъ основаніи, что для нихъ это дѣло новое, неизвѣстное. Пристанное село и другія, по примѣру нѣмцевъ, и картофель разводятъ чуть ли не со времени основанія колонокъ. Свой же картофель нѣмцы сплавляютъ по всей Волгѣ и шибко торгуютъ имъ. Они же повсюду скупаютъ хлѣбъ, но не иначе, какъ зерномъ. Въ этомъ видѣ его доставляютъ на громадныя колонистскія мельницы, изъ которыхъ самыя большія принадлежатъ Рейнеке, Шмидту, Зейферту, Безсонова — сыновьямъ. Столицею мельницъ можетъ назваться Латрыгъ рѣка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ нее перешагнуть можно; тѣмъ не менѣе, тутъ «сидитъ» двѣсти мельницъ, причемъ нѣкоторыя громадны. Вся рѣка изъ родниковъ состоящая, потому, запрудятъ ее въ одномъ мѣстѣ— достаточно остается для запруды и въ другомъ. Нѣкоторыя изъ мельницъ здѣсь выведены въ три, четыре этажа. Русскихъ мельницъ мало, да и тѣ арендуются нѣмцами, сплошь забравшими это дѣло въ свои руки.

— Они не любятъ насъ... Какія побоища бываютъ, замѣчаетъ рядомъ крестьянинъ. У нихъ нашимъ житье плохое, да и по сосѣдству съ ними бѣда.

Всѣ повторяютъ, что нѣмцы-колонисты къ русскимъ относятся презрительно, именно потому, что русскіе не отличаются такимъ же благосостояніемъ. У каждыхъ четырехъ нѣмецкихъ колонокъ—непремѣнно свой ссудный банкъ есть, а въ большихъ и по одному на каждую. Сверхъ того, представителей нѣмецкихъ колонистовъ довольно всюду. Куда бы колонистъ ни попалъ—ему вездѣ дорога. У него на биржѣ—свои люди въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Саратовѣ, въ обществѣ взаимнаго кредита есть одинъ изъ нихъ, который, разумѣется, тянетъ имъ на руку. Русскому иной разъ и по солиднымъ векселямъ выдачи нѣтъ, а нѣмцу и подъ плохенькій дадутъ.

Замѣчательно, что въ нѣмецкихъ колоніяхъ, между Саратовомъ и Камышиномъ, нѣтъ вовсе зелени, ни садовъ, ни цвѣтниковъ. Колонистъ цѣнитъ только то, что приноситъ ему большой доходъ. За садомъ требуется не малый уходъ; то же время съ значительнѣйшею выгодою можно употребить на табачную плантацію, на мельницу. Ну, а эстетическихъ потребностей для него, разумѣется, не существуетъ, и въ этомъ отношеніи русскій крестьянинъ неизмѣримо выше. Впрочемъ, и наши, попадая въ колонію, совершенно преображаются, усвоивая себѣ костюмъ, а иногда даже и языкъ нѣмцевъ, и отличаясь отъ нихъ только усами и бородою. Солдатчина пришлась не по нраву колонистамъ. Только изъ двухъ-трехъ колоній выселилось пятьсотъ семей въ Америку. Между ними были и владѣвшіе крупными участками земли, тысячъ въ шесть десятинъ. Земля при этомъ закладывалась въ банкахъ въ высокой цѣнѣ, потому что—свои люди. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ передавалъ знатокъ этого края. Не одна солдатчина, впрочемъ, выселяетъ такимъ образомъ. Выселяются и совер-

шенно свободныя отъ нея семья, гдѣ нѣтъ подростковъ. У колониста—нѣтъ отечества, ему на Руси хорошо, но прошелъ отъ своихъ слухъ, что въ Америкѣ еще лучше, онъ распродалъ все по хорошей цѣнѣ и уѣхалъ туда, потому что ему не больно, не трудно разставаться съ своею колоніею, съ людьми. Вообще, и по виду, да и на дѣлѣ несимпатичный народъ!

Вотъ, наконецъ, настоящее русское село, противъ Ровнаго на нагорномъ берегу—Золотое. Точно насыпаны избы по горѣ, а кругомъ-то такая глушь садовъ, такая чаща зеленая, что сразу становится и хорошо и весело на душѣ. Это, по мѣстному названію, волжскій рай земной. Хлѣбопашества нѣтъ совсѣмъ, зато сады вездѣ. Верстахъ въ пяти отъ села рѣчка Золотуха течетъ, извилистая, красивая, сплошь до вершины ея—сады пошли. Сверхъ того, пчельникамъ числа нѣтъ.

— Куда же отсюда яблоко везутъ?

— Золотовское яблоко, родимый, на край свѣта идетъ. Какъ его снимутъ, сейчасъ же народъ весь изъ села прочь—яблоко развозятъ. Ты золотовца съ яблоками по всей Волгѣ встрѣтишь, въ Вяткѣ его найдешь, въ Перми увидишь. Сказываютъ, нынѣ вонъ до Тюмени дошли... Что ужъ,—народъ безстрашный!

Мы еще были далеко отъ Золотаго, а уже пахло на встрѣчу садами. Не то запахъ розъ, не то какой-то другой ароматъ, но одуряющій, густой. Не рощею, не лѣсомъ, а именно густо осыпаннымъ цвѣтами садомъ. Ближе къ Золотому—запахъ еще гуще. Даже не цвѣтами, а цвѣточнымъ масломъ пахнетъ. Какая разница здѣсь вѣтеръ съ моря, знойный, душный и вѣтеръ съ зеленаго берега изъ ущелій, гдѣ стѣною лѣса густые стали. Въ первомъ случаѣ чувствуешь только, что горячій воздухъ мимо ушей стремится и только, изъ лѣсу — прохлада освѣжающая. Сразу человѣкъ оживаетъ, воскресаетъ

совсѣмъ. Село на выступѣ берега. Кровли сплошь тесовыя— хлѣбопашества мало и соломы нѣтъ. Пропасть косоушекъ у берега, отражаются и въ зеркальной плоскости рѣки, вмѣстѣ съ горбинами осыпаннаго постройками берега. Улицы разбиты правильно, хотя и безъ нѣмецкой вытянутости и казарменности. Видно, что пожаръ былъ недавно: гдѣ краснаго пѣтуха не видали, тамъ и до сихъ поръ село все въ разбродъ поставлено.

VI.

Мѣловыя горы. — Легенды о Стенькѣ Разинѣ.

Отъ Золотаго по берегу опять мѣловой рухлякъ пошелъ. Одинъ выступъ точно шахматная доска прорѣзанъ вдоль и поперегъ правильными линіями, у устья Золотухи. Яблочная рѣка питается вся родниками и извилиста до невозможности слѣдовать за ея теченіемъ. За устьемъ все береговый мѣлъ слой на слоѣ—пластами ложится. И какая это громадная, въ небо уходящая бѣлая лѣстница! Внизу у самой воды пятеро бурлаковъ (рѣдкая по Волгѣ картина) бичевою небольшое суденышко противъ воды тащутъ. Перегнулись впередъ всѣ и руки свѣсили. Воображаю, съ какимъ хрипѣніемъ эти бронзовыя груди выносятъ опоясавшую ихъ лямку! Косоушка микроскопическая—и то тяжело. Что же было, когда они цѣлыя расшивы такъ тащили къ верху. Солнце бьетъ прямо въ гору этихъ мѣловыхъ лѣстницъ, должно быть, жжетъ страшно, а бурлаки все лѣпятся да лѣпятся дальше, точно насѣкомыя ползутъ они подъ выступами колоссальныхъ ступеней, то спускаются къ самой водѣ, то на камни взбираются—и каждая фигура съ сумрачнымъ лицемъ своимъ отражается, накло-

ненная, въ рѣкѣ, на голубомъ зеркалѣ своемъ изящно воспроизведшей и эти бѣлыя безъ клочка зелени горы, и эти черныя косоушки, что, поскрипывая, подвигались къ верху. Вонъ орелъ мимо взвился—и на стѣнѣ береговой отразился, точно два хищника пронеслись рядомъ. Красота! пустынная, но поразительная, какъ и все на этой великой рѣкѣ!

Когда пароходъ совсѣмъ близко подошелъ къ берегу, къ намъ донеслась пѣсня бурлаковъ... Точно бѣлыя скалы эти стонутъ, придавленныя грузною массою насѣвшей на нихъ горы... Вымученная болѣзненная пѣсня, отъ которой пропадаетъ улыбка на лицѣ и тяжело дѣлается на сердцѣ... Стрижи стаями снуютъ у самой воды, вверху у горныхъ гребней разыгрались ласточки... Горы все отвѣснѣе и отвѣснѣе... Правильной формы каждая, вмѣстѣ съ отраженіемъ ихъ въ водѣ, онѣ кажутся рядомъ поставленныхъ шестиугольниковъ. «Гробы» зоветъ ихъ народъ... Ущелья правильной формы между ними, по дну ихъ гремятъ ручьи; видно отсюда, какъ они просочили себѣ дорогу сквозь песокъ и камень. У самыхъ устьевъ изрѣдка чернѣетъ лодка одинокаго рыболова, обсушивающаяся на отмели килемъ вверхъ. На другихъ выступахъ точно ребра выдѣлились гребни кремня сквозь мѣловую породу... Гористые берега кажутся близки, а между тѣмъ, землянка, вырытая въ бѣлой массѣ, чудится норою ласточки, а человѣкъ около — жалкою и едва замѣтною мошкою.—Издали, если оглянуться назадъ, весь этотъ берегъ кажется громаднымъ валомъ, потому что ущелья, прорвавшія его, заслоняются выступами, сливающимися въ одну грандіозную полосу. Особенно красива она тамъ, гдѣ зеленые кусты и деревья лѣпятся на мѣлу. Вездѣ сырыя полоски родниковъ, просочившихъ скаты. И чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе и лучше окрестность. Иногда изъ узкой щели—точно волны прольются—высыпаетъ громадное стадо барановъ. Козы нарочно взбираются на самые

крутые откосы и позванивают тамъ колокольчиками и бубенцами... Мѣловыя скалы стали принимать самыя фантастическія формы. То выступитъ правильный пьедесталъ, то вдругъ обрисуется колоссальная ниша, откуда, кажется, только что унесли грандіозную статую. На одномъ бѣломъ пьедесталѣ, изящномъ и далеко выдавшемся, такая же бѣлая изящная колонна. Всѣ эти пьедесталы—въ одной плоскости—видно, что вода выѣла почву подъ ними. Деревушки уже не на припекѣ, а по ущельямъ ютятся. Баржа за пароходомъ ползетъ вдоль берега—и едва видно ее... Всюду черныя норы, сѣрыя ямы, зѣвы изумительно красивыхъ пещеръ, внутри которыхъ точно зубы торчатъ огрызки скалъ.

Вонъ, вдали, подвигается пароходъ Александръ II. Намъ на встрѣчу идетъ. Какой онъ красивый. Эти бѣлыя суда американскаго типа—издали, точно изящная мраморная вилла, плывущая къ вамъ со всѣми своими балконами и карнизами...

Тутъ опять начинается царство легендъ... Быстро бѣгутъ голубыя струи, одна за другою выдвигаются передъ вами береговыя горы, и о каждой разскажетъ вамъ что-нибудь гребецъ, лѣниво пошевеливая весла, и глубоко вздыхая о стародавнихъ быляхъ, о привольи понизоваго разгула...

По одному преданію, приведенному кажется газетою «Волга», шелъ какъ-то разъ мужикъ здѣсь по горному лѣсу и попалъ онъ къ болоту. Кишмя кишатъ въ немъ змѣи лютые, зеленыя да сѣрыя лягушки грудами сидятъ въ трясинѣ, шевелятся тамъ гады всякіе и имянъ не прибрать имъ! Кинулся бѣднякъ бѣжать, самъ бѣжитъ, а ноги позади остаются. Дорвался до избы на встрѣчу—мужикъ.

— Не знаешь, какъ бы мнѣ изъ этого самаго лѣсу выйдти?

— Знаю, да поздно. Заночуй у меня въ избѣ, а утромъ провожу на дорогу.

Вошли въ избу.

— Стелись, да спать ложись, а меня не жди. Ко мнѣ еще гости придутъ.

— Что за гости?

— Слыхалъ ты о Стенькѣ Разинѣ?

— Слыхалъ.

— Ну такъ я Стенька и есть... Ты меня не бойся, я тебѣ зла никакого не сдѣлаю.

Въ полночь подулъ вѣтеръ, расхлябянилъ дверь—и начало въ эту дверь ползти все, что въ болотѣ есть. И змѣи, и ужи, и лягушки и гадина всякая. Приползли, и ну этого старика—хозяина сосать. Сидѣлъ онъ спервоначалу, а тамъ упалъ и стонать сталъ. Такъ до пѣтуховъ ѣло его болото, а съ пѣтухами вся эта нечисть прочь ушла. Стенька лежитъ, какъ мертвый, не ворохнется. Заснулъ и мужичекъ. Только взошло солнце—будитъ его Стенька. Лица на немъ нѣтъ.

— Умаяли тебя сердечнаго?

— Это что! Допрежь не то еще было. И рукою махнулъ.

Пошли. Стенька и говоритъ дорогой.

— Скажи православнымъ, коль не по правдѣ жить будутъ, опять приду. И приду я нежданно, негаданно.

Вывелъ его Стенька изъ лѣсу на дорогу и сгинулъ, точно и не бывало его вовсе.

На эту легенду еще два варіанта есть; по одному: старушенка съ богомолья шла, и въ чудный заколдованный лѣсъ попала. Стоятъ въ немъ мертвыя деревья да темнѣютъ поляны такія громадныя, что черезъ каждую изъ нихъ и въ день не перейдешь. Заночевала она здѣсь, да ночью стонъ по лѣсу пошелъ. Отъ стона этого мать сыра земля всколебалась. Съ испугу старушенка-то прямо на стонъ пошла—на одну поляну и привело ее. Лежитъ на полянѣ мужикъ въ косую сажень, ясныя очи у него поклеваны, бѣла грудь попорота, всѣ бока ободраны. Разметалъ онъ руки могучія, разбросалъ онъ ноги

ходучія, и вопитъ, и стонетъ въ истошный голосъ, и молитъ, и проситъ онъ милости. А сидитъ на немъ орелъ-птица; она поретъ, рветъ ему бѣлу грудь, точитъ кровь во сыру землю. Въ куски рветъ его тѣло, клюетъ ему въ очи, а очей давно и званья нѣтъ.

Въ концѣ концевъ мученикъ оказался Стенькою Разинымъ, который опять таки посылаетъ старушонку сказать народу православному, что коли не по правдѣ жить будутъ — такъ опять придетъ онъ, «какъ встарь ходилъ, а и будетъ тогда горше прежняго». Въ другомъ разсказѣ, дѣвка по ягоду пошла, и зайди она въ такое чернолѣсье, гдѣ свѣту божьяго не видать. Ночью шумъ пошелъ по лѣсу: заговорилъ дремучій, да все разными голосами. Дубъ аль береза большая—толстымъ голосомъ, орѣшникъ да калина—тонкимъ голосомъ, чапыжникъ, малинникъ—попискиваютъ, сушнякъ да наряжникъ—поскрипываютъ. Запричитала тутъ дѣвка—и вдругъ слышитъ стонъ идетъ по лѣсу. Послѣ разныхъ приключеній, вышла она на поляну—и видитъ ту же картину, что и старушенка. Взмолилась дѣвка орлу, чтобъ оставилъ рвать тѣло бѣлое. Но отвѣчаетъ ей орелъ, что мучитъ онъ «по божьему велѣнію».

— Не сама собою я орелъ-птица. По волюшкѣ, по охотушкѣ не была бы я орелъ-птицею, а была бы соловейкою, по охотушкѣ—голосистымъ, и т. д.

На другой день разклеванный орломъ старикъ—Стенькою Разинымъ оказался.

— Степанъ Тимоѳеевичъ, спрашиваетъ дѣвка, какъ же ты ночью маешься, а днемъ и знаку нѣтъ?

— Такъ, говоритъ, Господь велѣлъ. Я опять приду на святую Русь, я приду опять на Волгу матушку. Расплодился грѣхъ на святой Руси, правды—нѣтъ нигдѣ, только кривда. Я приду не своею вольною волею, а божіимъ повелѣніемъ,

православнымъ—въ наказаніе. Кто неправдою жилъ, пусть теперь помретъ; легче ему будетъ въ воду съ камнемъ кинуться...

И куда ни взглянешь—все кругомъ Стеньку Разина поминаетъ. И сумрачныя горы праваго берега, и безпредѣльныя степи лѣваго—полны имъ...

И колоссально выростаетъ передъ вами этотъ народный вождь, точно богатырь стародавній, застольникъ Володиміра—краснаго солнышка; и выше лѣса стоячаго, выше этихъ мѣловыхъ скалъ рисуется его грандіозный образъ...

ЦАРСТВО БѢШЕНКИ И ВОБЛЫ.

I.

Свайныя постройки на Волгѣ. — Петербургскій чиновникъ и Разинъ бугоръ.

Что это такое?.. Неужели я попалъ въ эпоху свайныхъ построекъ?.. Въ Волгу вдвинулась деревня, избы которой — на платформахъ, подпираемыхъ столбами. Внизу бьются струи, облизывая заплеснѣвшія бревна, вездѣ снуютъ лодки, сплошь выдолбленныя изъ одного толстаго ствола. Собаки лаютъ на насъ съ платформъ. На платформахъ даже горделивые абдулъ-азисы пѣтухи, удостоиваютъ насъ своимъ величавымъ вниманіемъ...

— Что это такое?

— Село—Нижняя Банновка.

Уже потомъ мы разсмотрѣли, что избы здѣсь не на одной только водѣ построены, онѣ вверху и внизу, и на гребнѣ высокаго берега, и въ сочнозеленыхъ логахъ. Только передняя къ Волгѣ половина села вдвинулась въ рѣку. Въ промежуткахъ между избами и на пристани — яркое, пестрое пятно. Ради праздника, народъ весь въ красномъ кумачѣ, изъ котораго еще рѣзче выдѣляются желтые сарафаны бабъ. Яркіе разводы на платкахъ, какіе-то необыкновенные ситцы,

съ громадными, баснословными фруктами, еще болѣе необыкновенная великанша съ совершенно калмыцкимъ типомъ лица. Бабы щелкаютъ сѣмячки, парни топчутся подъ звуки гармоники. Какой-то толстый, краснорожій кулакъ во всю грудь вывѣсилъ мѣдную цѣпь, способную удержать на привязи самаго лютаго замоскворѣцкаго пса, и бахвалится, проходя въ рядахъ дѣвокъ... Но народъ-то, народъ. Парни точно на подборъ, одинъ выше другаго. Право, кажется, будь въ Патагоніи король и понадобься ему гвардія, то нижне-банновцы съ честью заняли бы мѣсто между гвардейцами его патагонскаго величества. И на лицахъ—удаль... Видно, что тутъ еще всецѣло живетъ легендарная понизовая старина съ своими разбойничьими преданіями и смѣлыми пѣснями разинской вольницы!

Берега Банновки укрѣплены плотиною, видно лютѣйшій врагъ здѣсь—вода. Просто вдоль берега тянется плетень, къ которому привалена земля. Первобытное сооруженіе, вполнѣ достойное эпохи свайныхъ построекъ, придавлено громадными известковыми каменьями. Плетни эти вездѣ. Чуть мѣловаго обрыва нѣтъ, чуть понизь — плетневый валъ тутъ какъ тутъ, защищаетъ отъ напора воды и массы чернаго кизяка, сложенныя пирамидами у черныхъ избъ, и черныя избы, окруженныя не менѣе черными дворами. Въ общемъ красиво, оригинально, но не порусски. Не русью пахнетъ!

Народъ рыбу ловитъ, торгуетъ, гдѣ приведется, хлѣбъ сѣетъ, да неохотно. Нижне-банновцы любятъ добычливое торговое дѣло; чуть лишній десятокъ рублей — смотришь, запрегъ телѣжку и поѣхалъ продавать да покупать, что приведется.

Незамѣтно, по тихому разливу Волги, пробѣгаетъ пароходъ еще пятнадцать верстъ.

— Вонъ Разинъ-бугоръ.

— Гдѣ, гдѣ? суетится чиновникъ, изучающій, по пору-

ченію какого-то департамента, промышленность края... съ палубы парохода.

— Вонъ! ехидно указываю я ему на противоположный берегъ, гдѣ не только бугра, но и камешка выдающагося нѣтъ, все—ровно...

— Да!.. Скажите, пожалуйста!.. Разинъ-бугоръ... Историческая достопримѣчательность... Это, знаете, все равно, что скалы Роланда въ Ронсевальской долинѣ. Тогда буграми, значитъ, назывались — равнины. Какъ измѣняются народныя понятія! И, вынувъ записную книжку, канцелярскій комильфо добросовѣстно вноситъ: «При Разинѣ, волжское населеніе называло буграми совершенно плоскія, заливаемыя водою, пространства». Отмѣтка на поляхъ: «доложить особо».

А между тѣмъ, Разиновскій бугоръ стоитъ себѣ тамъ, гдѣ онъ и стоялъ. Отдѣленъ онъ отъ ближайшихъ обрывистыхъ береговъ широкими провалами. По словамъ очевидцевъ, на немъ и теперь есть яма, въ которой содержались плѣнные. Сказываютъ еще, что живалъ здѣсь Степанъ Тимоѳеевичъ въ пещерѣ, обитой бархатомъ, изукрашенной чистымъ золотомъ и парчами драгоцѣнными. Творилъ онъ тутъ судъ и расправу, и глубоко, въ самое сердце народа, западали его дѣянія. Разбойничьи подвиги — въ ореолѣ героизма представляются волжскому люду, твердо помнящему, что, во времена воеводчины да злаго рабства, былъ Степанъ Тимоѳеевичъ, «государственный воръ и убійца», его заступникомъ и мстителемъ... «Эхъ, кабы Степанъ-то Тимоѳеевичъ объявился, онъ бы показалъ тебѣ!» укоряютъ они кулака-купца... «Онъ бы тебѣ живота-то поубавилъ пузатому. Ты бы у яво поплясалъ подъ плетьми-самобитками».

А то вотъ еще преданіе о Разиновомъ бугрѣ. Стояло на немъ кресло съ слоновою насѣчкою, и сидѣлъ на томъ креслѣ самъ Разинъ, караулилъ, значитъ, суда купецкія. Какъ под-

ходитъ которое, такъ и манитъ онъ платкомъ и кричитъ зычнымъ голосомъ, чтобъ дань везли къ берегу. Не послушаютъ: свиснетъ, гаркнетъ, и отколь невозмется двѣнадцать лодокъ съ удалыми молодцами. Съ гикомъ, крикомъ налетятъ добры молодцы, и прощайся купецъ съ добромъ, да и съ головою своею...

II.

Многобашенный берегъ. — Село Никольское. — Камышинъ.

Скоро мы увидѣли вдали устье Большаго Еруслана...

Отсюда уже начинается царство воблы и бѣшенки... Астраханскій край пошелъ, богатый да раздольный, на рыбу добычливый, чужою не русскою рѣчью обильный. Для всѣхъ то ты понизовье прикаспійское таровато, отъѣдается на тебѣ, персъ съ евреемъ, кормишь ты армянина да калмыка, только русскому челавѣку ты земля ордынская — не мать, а мачиха злющая, на покоры щедрая, на работу гонливая, а на ласку да на кормы скуповатая!..

На берегу опять круглыя полуразрушенныя башни пошли. Цѣлыми рядами стоятъ эти точно изъ бѣлаго кирпича сложенные выступы известковой породы. Надъ ними словно холмы насыпаны, будто надъ безчисленными башнями купола, зеленые стоятъ, какъ на незыблемыхъ фундаментахъ... Поросли на холмахъ этихъ дубы вѣтвистые, дубовая поросль и, сквозь каменную кладку башенъ, прорывается цѣпкими побѣгами и перекидывается съ одной на другую... Мелькаютъ мимо какія-то большія хищныя птицы, свившія себѣ гнѣзда въ бойницахъ этихъ башенъ, пониже у самой воды стрижи возятся тысячами. Точно имъ тутъ царство невозбранное! А

тамъ башнямъ конецъ, зато какія-то колонады невиданныя. Не разбросаны они вмѣстѣ, а скучиваются, образуя въ профилѣ цѣлую лѣстницу гигантскую изъ своихъ верхушекъ.. Смотрятся эти сказочныя колонады въ покойную Волгу и тамъ, въ ней, опять внизъ опускаются, такіе же столпы... Колонады кончились—прямо изъ воды зеленыя шапки деревьевъ зыблются. Сами подъ водою еще — а верхушка вся надъ струями стоитъ цвѣтущая, свѣжая, солнцу божьему радуется...

— Вотъ видите надъ башнями, да колонадами деревья раскидистыя!

— Вижу. Навѣсились, точно въ воду сбѣжать хотятъ.

— Точно. Это—яблонь, карагуча и другія, только отсюда на югъ начинающіяся. Выше мы ихъ не встрѣчали.

Красивыя деревья, точно зеленыя облака приникли къ этимъ бѣлымъ скаламъ и отдыхаютъ на нихъ. Именно, облачныя деревья. Вотъ на высотѣ воздушной пещеры пошли... черныя норы какія! А пойди по этой норѣ въ глубь—конца ей нѣтъ, хоть недѣлю шляйся, если не заплутаешься по боковымъ жиламъ, да волоснымъ сосудамъ этой колоссальной системы норъ и подземныхъ ходовъ.

Вотъ опять человѣкъ оказался. Все безлюдье было, а тутъ сразу налѣво большая слобода Николаевская съ пристанью соляной, а на право, на крутомъ берегу, въ противоположной сторонѣ—Камышинъ, городъ понизовой вольницы, гнѣздо разбойнаго разгула. Весь онъ на крутой берегъ взобрался и разсыпался на немъ, точно до самой маковки дорваться захотѣлось этимъ небольшимъ домикамъ. Съ проведеніемъ грязе-царицынской желѣзной дороги, Камышинъ разомъ упалъ съ высоты своего величія недавняго. А прежде онъ милліона на полтора торговалъ солью, лубками, бичевой, дегтемъ, короче, всѣми крестьянскими товарами. Хлѣбомъ онъ такіе обороты тогда дѣлывалъ, что купечеству его надолго еще хватитъ де-

негъ тысячепудовые колокола отливать, да храмы божьи, безъ священниковъ, устроять. Правда, купечество это именитое, наживку почуявъ, расползлось по другимъ мѣстамъ, но городъ еще кажется очень красивымъ и богатымъ, хотя это и умирающее богатство. Здѣсь же бурливо вливается въ Волгу славная разбойничья рѣка Камышинка. Черезъ нее Петръ хотѣлъ соединить рр. Волгу и Донъ. Дѣло это окончилось ничѣмъ. Начальникъ работъ, человѣкъ и по нынѣшнему времени умный и себѣ не врагъ, казенныя денежки прикарманивалъ, притомъ вполнѣ благонамѣренно, «поморилъ много солдатъ». Повальный моръ «христолюбиваго воинства» еще бы ничего, да на несчастіе этого канальныхъ дѣлъ мастера, потребовалось отчетъ дать, отчетъ строгій и мздою не сопровождаемый. Что оставалось ему дѣлать?

Заложилъ онъ
Тройку борзыхъ
Развадчайныхъ лошадей *)

и разогнавъ ее, бросился съ крутаго берега въ Волгу. Такъ и мысль о каналѣ была оставлена «безъ послѣдствій». Въ Камышинѣ хотѣлось достать мнѣ донскихъ винъ, благо Донъ подъ бокомъ.

— Есть у васъ цимлянское?

— Есть-съ.

— Настоящее?

— Помилуйте, оскорбляется моимъ вопросомъ зоркій прикащикъ. Въ Москвѣ-съ дѣлали! Расхохотался я и въ другой магазинъ пошелъ.

— Есть-съ. Изъ Москвы.

Оказалось, что донское вино сюда дѣйствительно возятъ изъ Москвы, какъ нѣкогда изъ Москвы же въ Саратовъ возили Астраханскую икру!...

*) Изъ фабричной пѣсни.

Около Камышина начинается царство знаменитыхъ камышинскихъ арбузовъ, которыми въ iюлѣ и августѣ грузятся здѣсь многочисленные досчанники и косоушки. Больше всего растетъ ихъ около Быковыхъ хуторовъ, мимо которыхъ мы проходили вечеромъ, уже плохо различая ихъ домы въ синихъ сумеркахъ.

III.

Разиновское становье. — Дубовскiе укротители своенравы.

На бланжевомъ фонѣ запада черными силуетами рѣзко выдѣлись избы какого-то села, точно это было продолженiемъ горы, на которой оно стояло. Стальная лента, уходившей вдаль родниковой балки, тускло блестѣла среди черныхъ горъ. Сумерокъ почти не было, день разомъ смѣнился ночью... Отсюда по Волгѣ пошли станицы астраханскихъ казаковъ, сформированныхъ въ 1730 г. изъ трехсотъ мѣстныхъ калмыковъ, окрестившихся. Черезъ двадцать лѣтъ къ нему присоединился разный сбродъ, при Екатеринѣ—нѣсколько городскихъ командъ повелѣно считать тоже астраханскими казаками, наконецъ, въ 1804 году въ число ихъ включили остатки волжскихъ казаковъ, переселенныхъ на кавказскую линiю. Теперь уже считается четырнадцать войсковыхъ казацкихъ станицъ.

Между Камышиномъ и Царицыномъ находится «укрѣпленный лагерь» Разина. Расположенъ онъ на ужасно крутомъ холмѣ, между двумя высокими горами, въ 600 футовъ каждая. Холмъ этотъ отдѣленъ отъ нихъ оврагами, позади его прорыто три рва, защищавшiе лагерь съ нагорной стороны. Волга у Разинова становища становится глубока чрезвычайно,

она доходитъ здѣсь до 50-ти саженъ. На вершинахъ холмовъ были расположены пикеты Степана Тимоѳеевича.

Ночью прошли мы мимо Дубовки, которая, уже на обратномъ пути, развернулась передъ нами съ своими храмами и затѣйливыми домиками мѣстныхъ купцовъ-богачей. Еще недавно Дубовка гремѣла, но значеніе ея сталъ сильно подрывать Царицынъ. Замѣчательно, что посада не могла поддержать конножелѣзная дорога отсюда на донскую станицу Качалинскую. Несмотря на ея удобства, грузы все-таки перевозились на волахъ. Теперь Дубовка замѣтно падаетъ и скоро будетъ извѣстна только красотою своихъ женщинъ, единственнымъ продуктомъ, который не измѣняетъ данному пункту, съ паденіемъ его торговаго значенія. Впрочемъ, дубовскимъ красавицамъ выпала тяжелая участь. Большинство ихъ кончаетъ пансіоны, женскія гимназіи, институты, для того, чтобы выйдти за невѣжественныхъ и полуграмотныхъ мужей и попасть, такимъ образомъ, всецѣло въ темное царство вѣтхозавѣтной купеческой ломки. Мужья не только не считаютъ ихъ за людей, они запираютъ женъ на замки уѣзжая, а возвратясь пьяными, тѣшутся надъ ними во всю ширь своей животной натуры.

— Жена!.. Супруга!.. Реветъ Китъ Китычъ, являясь послѣ двухъ или трехдневнаго отсутствія, въ 4 часа ночи.

Перепуганная и поблѣднѣвшая женщина показывается въ дверяхъ.

— Зови дочку.

Является та.

— Садись за фортепьяно. Даромъ я вамъ его покупалъ, что ли. Играй. А я спать буду... До утра музыкань!.. Проснусь, да не играете—оглушу.

Толстый купецъ ложится, жена и дочь принимаются за фортепьяно убаюкивать «его благолѣпіе». Сладко спится ку-

пецкой душѣ подъ музыку, за то несчастные чуть съ ногъ не валятся, когда самодуръ проснется и снова принимается запивать уже съ похмѣлья.

Говорятъ, и теперь положеніе дѣла не измѣнилось. Дубовская красавица—раба и раба безотвѣтная.

IV.

Царицынъ и Сарепта.

Ночью мы прошли мимо большой рѣки Золотой орды, Ахтубы... Теперь течетъ она, молчаливая, черезъ Царевскую и Красноярскую степь, на 300 верстъ. Это, собственно, протокъ Волги, но его почему-то принято называть отдѣльною рѣкою. За то нѣкогда здѣсь кипѣла ключемъ полудикая жизнь, вокругъ ханскихъ ставокъ толпились представители вассальныхъ монголамъ народовъ, крики и шумъ оглашали безжизненныя нынѣ пустыни... Теперь только чайка-мартышка пронзительно кричитъ надъ этимъ безлюдьемъ, да баба-птица цѣлыми стаями осѣла на темныхъ берегахъ, ловя рыбку, промышляя, по мѣстнымъ выраженіямъ.

Еще шире и привольнѣе становится Волга, еще роскошнѣе ея разливы... На гребнѣ нагорнаго берега цѣлая масса домовъ, бѣлыя колокольни церквей... Шумъ и движеніе всюду... Тысячи судовъ у берега, свистки пароходовъ, пересѣкающихъ Волгу, и куда ни взглянешь, вездѣ лодки рыболововъ... Толпы народа работаютъ на пристаняхъ, еще многочисленнѣйшія копошатся дальше, надсаждаясь надъ какимъ-то, повидимому, тяжелымъ трудомъ. Все это подъ солнцемъ. Жара, несмотря на то, что еще утро—ужасная. Видно, что Астрахань близка... Это—богатѣйшій городъ-купецъ, Царицынъ. Старая часть города, что лежитъ подальше—совершен-

ная противоположность, тамъ все вѣетъ давнею былью. Дома стоятъ молчаливые и неподвижно глядятъ изъ нихъ какія-то старческія лица; стѣны облѣпились; словно развалины—дряхлые храмы. Точно рядомъ съ толпою смѣлыхъ и сильныхъ юношей, еще держится подслѣповатый старикъ, немощно опираясь на клюку... Тѣмъ задорнѣе и неудержимѣе кажется дѣятельность новаго города, гдѣ, что ни окно, то лавочка, что ни домъ, то кабакъ. Надъ нѣкоторыми кабаками развѣваются флаги. Неужели здѣсь они пользуются правами самостоятельныхъ державъ. Надъ однимъ я видѣлъ даже бразильскій флагъ.

Берега Волги отъ Царицына измѣняются значительно. Горы сглаживаются, точно къ водѣ прилечь хотятъ, скоро и совсѣмъ пропадаютъ; на низменностяхъ и островкахъ, избушки изъ плетня съ плетеными же воротищами. Это даже не избушка, а такъ, какое-то логовище. Ютятся здѣсь одиночки рыболовы, все лѣто коротая на добромъ промыслѣ. Лѣвый берегъ еще зеленъ, за то правый становится глинисто-песчанымъ. Лѣса въ водѣ плаваютъ. Разливъ еще во всей своей силѣ, и ериками да озерками разбросалъ вездѣ свои голубыя глади, на которыхъ то лодочка вырѣжется, то плотикъ покажется съ рыболовомъ на немъ. Но всего красивѣе осокорь, только раинами своими полощущаяся въ водѣ... Вотъ, напримѣръ, широкій разливъ Волги—а по самой серединѣ серебристые тополи и всѣ въ одинъ рядъ... Въ межень, значитъ, здѣсь узкій мысокъ ляжетъ. Вообще, куда ни взглянешь—затопленный лѣсъ стоитъ, куда ни оглянешься—чуть высвободился отъ разлива клочекъ зеленаго пролѣска—плетневая, ничѣмъ не мазаная, избушка ютится.

И не вѣришь, что это Волга... Гдѣ ея крутыя яры, гдѣ ея лѣсистыя горы, бѣлыя скалы?.. Гдѣ села, что надъ ярами словно поволжскую даль высматривать, выбѣгаютъ... Все

гладко... Зелено, пустынно. Въ межень здѣсь скверно. Всюду длинными языками, пролетами, да островками песчаными лежатъ желтыя мели. Въ другомъ мѣстѣ—вода желтѣетъ,—мелко. Только и слышится: «стой!.. тихій ходъ... задній ходъ...» и медленно идутъ здѣсь пароходы, мѣряя передъ носомъ капризное и опасное дно Волги...

Цвѣтами пахнуло до того, что и не надышешься... Эко ароматъ благодатный; розы это что ли курятся по вѣтру точно зажженныя кадилы...

— Сарепта близка, сказывается! Замѣчаютъ гдѣ-то.

Вся даль отсюда заставлена шапками и облачными округлинами деревьевъ. Сарепты не видно вовсе, она въ сторонѣ, съ парохода, пожалуй, только сады ея различишь, да виноградники, которые мѣстными колонистами начинаютъ разводиться все больше и больше. У пристани—толпа нѣмцевъ. Все это выбрито, всѣ въ жилеткахъ съ металлическими пуговицами, въ какихъ-то синихъ узкихъ штанахъ. Не русское, чуждое... Кому нужно, тотъ запасается здѣсь сарептскимъ бальзамомъ и сарептскими пряниками!... Изъ-за низменныхъ островов выплываютъ паруса и мачты рѣчныхъ судовъ, проходящихъ рукавами Волги въ сторонѣ отъ насъ... Тутъ уже Каспій чувствуется. Хотя и далеко, а нѣтъ—нѣтъ и пахнетъ морскимъ вѣтромъ, запахомъ моря и водорослей... Рѣчныя волны тутъ до того бываютъ сильны, что качка въ бурю не уступаетъ морской. Когда вѣтеръ разводитъ волненіе, даже большія суда уходятъ къ берегу отстаиваться. Особенно трусятъ этого большіе пароходы американскаго типа, къ крайнему удовольствію пассажировъ, потому что гораздо лучше простоять нѣсколько часовъ, чѣмъ испытывать на Волгѣ—морскую болѣзнь. Мелькаютъ далекіе низменные берега; пустынно и глухо становится, но эта пустыня и глушь еще ближе говоритъ сердцу, чѣмъ оживленіе и суета, только что пройден-

ныхъ населенныхъ береговъ Волги. Изрѣдка только, словно крыло ласточки, заполощется вдали парусъ одинокой косоушки или пароходъ пробѣжитъ, оставивъ длинную полоску сѣраго дыма...

Я не буду останавливаться теперь на очеркѣ Сарепты и другихъ гернгутерскихъ колоній этой части Волги. Въ особой книгѣ и въ свое ввемя имъ будетъ отведено мѣсто, точно также, какъ и бытъ калмыковъ послужитъ матеріаломъ для послѣдующихъ очерковъ, гдѣ будутъ описаны мои поѣздки въ калмыцкіе хурулы и монастыри. Теперь же только ограничусь замѣчаніемъ, что, начиная уже отсюда, русскій элементъ на Волгѣ мало по малу уступаетъ инородческому. Иногда на одной и той же пристани толпятся и нѣмцы-колонисты, и калмыки, и киргизы, и случайно попавшіе казаки, и армяне, и персы, въ своихъ высокихъ шапкахъ. Не знаешь куда смотрѣть, на чемъ остановиться,—точно на этнографическую выставку попалъ. Прибавьте къ этому оригинальную пестроту костюмовъ и лицъ, между которыми только изрѣдка мелькаетъ русая бородка и открытое сѣроглазое лицо здороваго и бойкаго нижегороoца, попавшаго сюда по торговому дѣлу... Говоръ, въ которомъ голову потеряешь, и нѣмецкая шипящая фраза, и гортанный калмыцкій выкликъ, и мягкая пѣвучесть перса, и рѣзкій, но звучный армянскій языкъ... Все это мѣшается въ одну толчею, на которой точно пузыри на водѣ, вскакиваютъ и лопаются трех-этажныя, весьма непочтительныя, выраженія, точно знаменуя, что не все же здѣсь инородцы, что и русскіе тутъ чувствуютъ себя какъ нельзя лучше.

— Эй вы, азія! оретъ мужичекъ на солидныхъ персовъ.

— Самый небразованный народъ! Неодобрительно отодвигаетъ онъ зазѣвавшагося армянина.

— Астраханское царство пошло!..

Тутъ уже не цвѣтами запахнетъ, нѣтъ нѣтъ да и потянетъ ароматами воблы, точно кто-то ворвань разлилъ на воздухѣ. Сначала и противно, а потомъ ничего. Обтерпишся и даже пріятенъ становится этотъ, если такъ можно назвать щекочущій нервы запахъ соленой и сушеной рыбы. Знаешь, что попалъ въ край бѣшенки и воблы и миришься съ этимъ поневолѣ. Деревня выдвинется вдали, впередъ убѣжденъ, что только поближе подойдемъ къ ней, сейчасъ вобла дастъ знать себя. Вотъ, напримѣръ, село показалось надъ курганомъ. Издали точно кто-то пальцы на горизонтѣ растопырилъ — нѣсколько мельницъ, а дамы уже въ каюту бѣгутъ. Вобла, видите ли, обижаетъ. А чего ей и не пахнуть?

— Самая духовитая рыбка, восхищается крестьянинъ около. Рыбка, будемъ такъ говорить, самая откровенная, потому издали сама себя объявляетъ, и скусная же!..

Мнѣ, разумѣется, какъ человѣку привыкшему къ архангельской трескѣ и мурманскимъ жиротопеннымъ заводамъ, никакіе запахи не рѣдкость, потому и «духовитая» рыбка согнать меня въ каюту не могла.

Къ пароходу не подошла, а подлинно подлетѣла, словно ее крылья несли, длинная остроносая лодка, по фигурѣ своей ужасно напоминающая стерлядь. Швырнули канатъ гребцамъ, на лету тѣ перехватили его, хотя волны лодку стоймя ставятъ и съ гребня на гребень швыряютъ, точно играя. Иной разъ конецъ каната летитъ прямо въ лицо гребцу, тотъ и не посторонится. Не успѣетъ долетѣть, какъ перехватитъ его и моментально причалитъ къ пароходу. И гребутъ чудно, не по воложски. Только и видно блескъ веселъ да брызги воды. Самая разбойничья гребля, должно отъ Стенькиныхъ временъ осталась, свидѣтельствуя о старой поволжской удали. Взяли пассажира на лодку. Моментально блеснула въ воздухѣ, окованное желѣзомъ, рулевое весло, еще мигъ—и лодка уже какъ

птица, что надъ самою водою разыгралась, по верхушкамъ волнъ, съ одной на другую, далеко перескакиваетъ.

V.

Жрецы искусства.

— Изъ Франціи мы переѣхали въ Бельгію! Слышится чей-то басовой голосъ.

— Какъ это въ Бельгію? недоумѣваетъ другой.

— А такъ просто, черезъ границу.

— Не можетъ этого быть?

— Почему?

— Помилуйте, ужлижъ мы не знаемъ. Теперь изъ Пермской губерніи въ Нижній попасть, нужно сколько губерній проѣхать и Вятскую-то, по Камѣ, и Уфимскую, и Казанскую, а вы такъ разомъ изъ Франціи да прямо въ Бельгію, никакъ это невозможно!

Смотрю, это мой уржумецъ недоумѣваетъ... Такъ и не повѣрилъ, что изъ Франціи прямо въ Бельгію попасть можно.

— Тутъ у насъ долго театръ былъ! разсказываетъ другой. Изъ Камышина въ Царицынъ, изъ Царицына въ Камышинъ, то и дѣло переѣзжалъ. При буфетахъ-то театръ. Для торговли значитъ. Даже мѣстовъ, чтобы садиться, не было, усталъ — въ буфетъ, а тамъ пить или закусывать надо было. Такъ и стояли!...

— Чтожъ у васъ за труппа была такая?

— А кто съ борку, кто съ сосенки. Антрепренеръ артистамъ жалованья не платилъ. За кормы только играли. Имъ изъ буфета водка да бутенброды съ бекштесами отпускались. Ну и этимъ довольны были. Какъ придетъ пароходъ, антрепренеръ сейчасъ же на пристань: нѣтъ ли артистовъ? Коли есть какой прогорѣлый, беретъ его, деньги обѣщаетъ, квар-

тиру, только бы пароходъ ушелъ. Ну, а уйдетъ—волей неволей за водку да за буттерброды играй — дѣлать нечего... Такъ даже до того дошло, что актеры въ театральныхъ костюмахъ по улицамъ ходили. Нечѣмъ было наготу свою прикрыть, поневолѣ въ коронахъ да зеленыхъ мантіяхъ и штанахъ съ бахромкою, коротенькихъ, щеголяли... Случалось и даровитые между ними попадались, ну тѣмъ одна дорога была: или безпросыпное пьянство, или съ яра крутаго да въ Волгу. Никуда больше не уйдешь. Потому ради буфета — публика пьяная, оретъ въ театрѣ, ругается!... Актрисамъ—тѣмъ лучше. Господа офицеры великодушествовали, ну одѣвали, обували ихъ... Которой и деньгами помогали.

— Да неужели это возможно?

У меня даже сердце защемило.

— Помилуйте, да антрепренеръ до сихъ поръ живъ. Только онъ нынѣ кабаки да трактиръ держитъ. А тогда буфетомъ занимался. Мнѣ, говоритъ, на актеровъ наплевать. Пусть, что хотятъ играютъ, мнѣ главное, чтобъ за буфетомъ торговля была!... Помилуйте, одну актрису изъ петли вынули. Жить было нечѣмъ, да и съ господами офицерами знакомиться не хотѣла!...

Бродячій театръ этотъ существовалъ еще недавно. Разсказываютъ, что изъ Царицына въ Камышинъ и обратно обдержавшуюся труппу перевозили иногда въ театральныхъ костюмахъ, въ третьемъ классѣ, на палубѣ парохода! Представляю себѣ это зрѣлище голодныхъ королей и маркизовъ, Гамлетовъ и Парисовъ, вмѣстѣ съ дебелыми, къ великодушію гг. офицеровъ прибѣгавшими, прекрасными Еленами...

За Каменнымъ яромъ удивительно хороши волошки волжскіе, мелкіе, между лѣсистыми островами затерялись они. Часто надъ ними ива и осокорь переплетаются густыми сводами. Плывешь по нимъ въ лодкѣ, точно по зеленому корридору.

Сквозь листву изумрудные сыплются лучи на воду, рои птицъ поютъ вверху, черные выводки баклановъ возятся внизу, пересѣкая подъ носомъ лодки, спокойныя, золотистыя струи тихаго и пустыннаго волошка. А выплывешь оттуда—даль передъ тобою безконечная развернется и не нарадуешься ей. На концахъ мысковъ, далеко вдвинувшихся въ воду, сидятъ бакланы стаями, бабы птицы красивыя, какъ лебеди издали, окаймили желтыя отмели... Иногда присутствуешь при артельной охотѣ баклановъ. Оцѣпятъ они небольшую бухту и давай нырять, гоня рыбу въ ея вершину до устья. Случается, что въ такой артели птицъ-рыболововъ насчитываютъ 200 или 300 штукъ ихъ, и ни одна не останется безъ добычи. Кончутъ, загонятъ рыбу, поѣдятъ ее и отдыхать, на песчаныя мели садятся. Во время такой облавы баклановъ всѣмъ волжскимъ хищникамъ любо. Тутъ и баба-птица пользуется, и крикливая чайка-мартышка не упуститъ своего, изъ самой воды выхватитъ... Точно облако стоитъ тогда надъ бухточкою—все это бѣлыя крылья чаекъ... Бакланъ только на водѣ и чувствуетъ себя хорошо. За бабою-птицею по землѣ ему не угнаться. Ноги у него въ заду самомъ—ходитъ точно калѣка. За то на водѣ первый пловецъ, первый ныряльщикъ.

— Онъ тебѣ до самаго дна *тырнетъ*, птица ловкая, нашъ братъ ловецъ, промышленникъ, указываютъ на него волжскіе рыбаки...

Идешь все островами и потому кругомъ зелень и зелень разстилается. Иногда за лѣсомъ—село казачье, а за нимъ вдругъ блеснетъ степь песчаная, и чудятся по ней ставки да улусы кочевниковъ, съ ихъ полудикою жизнью, вольнолюбивыми табунами... Такъ и тянетъ, такъ и зоветъ туда.

Настоящій берегъ Волги здѣсь безлюденъ. Все по островамъ ютится. Тутъ и зимовейныя плетневыя избушки, куда въ холодъ скотъ загоняютъ, тутъ и изъ ивняка, кое-какъ сложенное,

становище рыболововъ, тутъ, пожалуй, и ставка калмыцкая... А по затончикамъ, малымъ волошкамъ въ бродъ идутъ калмычата съ бреднями, рыбу, какъ есть, вычерпываютъ...

VI.

Гроза на Волгѣ. — Владимiровка. — Соль.

Вдали, точно сѣрая пыль стала... Яркiя краски весенняго дня поблекли... Не успѣли мы выйдти изъ каютъ, какъ вверху по палубѣ загрохотали крупныя капли ливня, и громъ прокатился надъ Волгою... Куда ушла эта ясная лазурь рѣки?.. Куда дѣлись эти манящiя дали?.. Какъ будто и не было и не бывало ихъ. Напротивъ, окрестность все съуживается и съуживается. Скоро передъ глазами только ближайшiе берега, да и тѣ подъ сѣрою дымкою ливня.

— Слава тебѣ Господи! радостно вздыхаетъ землевладѣлецъ, все жаловавшiйся на засуху. Теперь хлѣба поправятся!..

— А можетъ дождь-то полосою пройдетъ.

— Нѣтъ, это только первый, а за нимъ второй, хорошiй... Я знаю Понизовье, теперь каждый день въ это время дождикомъ станетъ прыскать. Да и пора. Въ лугахъ трава посохла, рожь чуть отъ земли, пшеница тоже плоха... Правда, и при урожаѣ намъ не въ радость, потому что хлѣба на корнѣ уже проданы евреямъ, и за безцѣнокъ притомъ...

— А развѣ племя израилево и тутъ уже верховодствуетъ?

— Вона! Давно уже... Какъ весна ранняя, евреи уже по разнымъ направленiямъ въ Самарскую и Саратовскую губернiи стягиваются... Стаями... Ну, а деньги намъ нужны... И отдаешь хлѣбъ по такой цѣнѣ, что потомъ самому совѣстно разсказывать объ этомъ.

Какъ быстро полился, такъ же быстро и кончился дождь. Солнце косыми лучами ударило въ зеленые берега, которые здѣсь очаровательны въ полномъ смыслѣ слова. Деревья еще въ водѣ стоятъ, и только зеленыя раины ихъ колышатся надъ ея голубою зыбью. Въ высыхающихъ разливахъ — полояхъ накренились до осени оставленныя суда и траурно чернѣютъ въ общемъ праздникѣ весны и жизни. Иной разъ за зелеными понизями заливныхъ острововъ блеснетъ серебряный ерикъ на солнцѣ и слѣпитъ глаза вамъ, словно затерянное далеко, далеко озерко... Въ воздухѣ съ громкими криками вьются чайки... Изъ-за деревъ, на уже обнажившихся отъ воды холмикахъ, иногда выбѣжитъ и опять спрячется плетневая избушка и плетневый сарайчикъ, въ которыхъ зимуютъ калмыки со скотомъ... Въ одномъ мѣстѣ деревья изъ воды поднимаются цѣлыми рощами, и надъ ними то и дѣло вспыхиваютъ пѣвучія стаи разной мелкой птицы; въ другомъ — одиночкою стоитъ могучій дубъ или длинною полоскою протянулись верхушки густаго кустарника. Широко раскинувъ зубчатыя на концахъ крылья, плаваютъ въ воздухѣ ястреба, заносясь все выше и выше и издалека высматривая добычу... Вотъ только черная точка мерещится въ ясной лазури... И она пропала, ушла отъ глазъ... Хищный клекотъ беркута, камнемъ падающаго на намѣченную мелкую пташку въ зеленую чащу берега, покрывается свистками и пыхтѣніемъ парохода, уходящаго все дальше и дальше отъ этихъ прелестныхъ береговъ, чтобъ тамъ встрѣтить ихъ еще прелестнѣе. Луговины вонъ изъ-подъ воды вышли. На ихъ сочной зелени — кучками стоятъ кулички, не сторонясь отъ замершей тутъ же, въ одномъ выраженіи глубокаго равнодушія ко всему, цапли... Гдѣ то изъ воды торчатъ черныя кровли. Всматриваемся—залитыя разливомъ калмыцкія зимовки... Воздухъ послѣ дождя переполненъ озономъ, дышется легко, живется весело...

Такимъ образомъ, мы подходимъ все ближе и ближе къ Владиміровкѣ, населенной хохлами и составляющей, такъ сказать, отпускную гавань для Баскучанскаго солянаго озера. Начиная отъ Сарепты, внизъ всѣ села вообще точно на глиняныхъ пьедесталахъ стоятъ. Одна только соломеннокровельная Владиміровка растянулась и разбросалась по отмелямъ, безпорядочно взобралась на пологіе холмы, перебросилась черезъ крутые яры. Еще издали вы замѣчаете на берегу что-то необычное. Кромѣ избъ вездѣ какіе-то бугры, пирамиды, одни буровато сѣрые, другіе бѣлые какъ снѣгъ.

— Это что? спрашиваю.

— Баскучанка. Какъ бурые горбы — это прошлогодняя соль, а бѣлые новая. Отъ дождей на нихъ сверху образуется кора, она-то и придаетъ имъ такой непріятный цвѣтъ. Подальше тамъ совсѣмъ коричневые есть...

Губонинъ, Аносовъ и Ліанозовъ особенно торгуютъ здѣсь солью. Остальные — мало. Подвозъ соли отъ Баскучанскаго озера къ селу главный промыселъ хохловъ, заселившихъ Владиміровку. Они его любятъ, потому что онъ напоминаетъ имъ чумачество. Соль везутъ на волахъ. Складываніе соли «буграми» здѣсь обязательно. Акцизное вѣдомство измѣряетъ ихъ геометрически, опредѣляетъ вѣсъ, и уже потомъ ее грузятъ въ баржи. Понятно, какая потеря времени происходитъ отъ выкладки бугровъ, ожиданія акцизнаго чиновника и т. д., когда бы можно было прямо нагрузить ее въ баржи, извѣстной емкости, и вести по назначенію.

VII.

Петербургское вранье объ Астрахани.

Баскучанская соль идетъ преимущественно въ Астрахань. Когда я былъ уже въ этомъ городѣ, я сталъ разспрашивать

объ елтонской соли, которая, какъ я слышалъ во время преній въ обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, во множествѣ идетъ на каспійскіе рыбные промыслы. Представьте мое удивленіе, когда гг. Орѣховъ, Платоновъ, Бремзенъ, Ягубовъ, Хлѣбниковъ и всѣ вообще крупные рыбопромышленники съ улыбкою заявили, что елтонская соль для Астрахани ни малѣйшаго значенія не имѣетъ, что всѣ росказни непризнанныхъ экономистовъ объясняются только нашимъ питерскимъ невѣжествомъ, не знающимъ самыхъ обыденныхъ вещей. Елтонскую соль пришлось бы сплавлять изъ Камышина, на разстояніи 600 верстъ, до слободы Николаевской, еще при 160 верстахъ аробнаго пути, на мѣсто сплава. Соль близкихъ къ Астрахани озеръ обходится гораздо дешевле, и ею то преимущественно продовольствуется мѣстное рыболовство. Главная нужда въ соли для астраханскихъ промысловъ—весною, когда Елтонское озеро еще покрыто льдомъ. Съ мѣстныхъ озеръ соль оплачивается акцизомъ черезъ 12 мѣсяцевъ, по ея поступленіи на промыслы. Акцизное вѣдомство заручается только залогами въ исправности платежа. Чтобъ пользоваться елтонскою солью на весну, ее нужно вывезти съ осени, она даромъ пролежитъ, да еще теряются мѣсяцевъ 7 кредита на акцизъ. Все, что говорятъ объ Елтонѣ въ Питерѣ — все это чепуха, не заслуживающая даже опроверженія, какіе бы многомудрые старцы ее ни проводили. Баскучанская соль здѣсь лучшая, она идетъ на посолъ высшихъ сортовъ рыбы и на икру, за исключеніемъ очень немногихъ, которые должны солиться пермскою солью, потому что та еще нѣжнѣе и отъ нея не деревенѣетъ рыба. Низшіе сорты рыбы солятся каменною чипчачинскою солью, которая вырабатывается съ пониженнымъ акцизомъ, что дало ей возможность конкуррировать съ пермскою солью, не только на отдаленныхъ рынкахъ, но и въ районѣ произ-

водства послѣдней, по р. Камѣ. Такимъ образомъ, слагая акцизъ съ соли въ одномъ мѣстѣ и оставляя его въ прежнихъ размѣрахъ въ другомъ, правительство добилось очень печальнаго результата — подрыва солянаго производства. Впрочемъ объ этомъ—въ очеркахъ Усолья и Соликамска. Баскучанской соли добывается всего 4,000,000 пудовъ; изъ нихъ въ Астрахань привозится 800,000 пудовъ, чипчачинской каменной соли вырабатывается въ ломкѣ 2,000,000 пудовъ; изъ нихъ въ Астрахань на потребности рыболовства идетъ 1,200,000 пудовъ. Баскучанская соль въ количествѣ 3,200,000 пудовъ направляется отъ Владимірской пристани на Орелъ, къ сѣверо-западнымъ губерніямъ, и потомъ на Курскъ, въ Воронежскую губернію, кромѣ того, ее много идетъ въ Тамбовъ и Смоленскъ. Сверхъ того, около Астрахани есть такъ называемыя соляныя озера, откуда добывается 4,000,000 пудовъ соли, отправляемой въ Царицынъ, Саратовъ, Казань и Нижній. Всего на рыбопромышленность идетъ до 4,000,000 пудовъ соли, слѣдовательно, одно рыбное дѣло доставляетъ здѣсь казнѣ 1,200,000 рублей—акцизу. Самая чистая соль — чипчачинская, она химическая, баскунчанская — 98%, а астраханская низшаго качества, въ ней встрѣчается даже глауберова соль. Вообще, когда мнѣ привелось провѣрять на мѣстѣ выводы и сообщенія питерскихъ досужихъ людей объ Астрахани, а также и литераторовъ, посѣщавшихъ ее, то я не зналъ, чему мнѣ удивляться, ихъ наглости или терпѣнію астраханцевъ, не протестовавшихъ ни единымъ словомъ противъ такого невѣжественнаго отношенія къ ихъ кровному дѣлу. Вообще, какой только глупости не проповѣдывали объ этомъ несчастномъ краѣ. Досужіе публицисты говорили о нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ пудъ мяса воблы и сельдей (бѣшенки), выбрасываемыхъ по дороговизнѣ соли и, сверхъ того, о вытопкѣ жира изъ этой рыбы, по той же причинѣ. Насколько это вѣрно, видно

изъ слѣдующаго: воблы и сельди идетъ въ посолъ по 200,000,000 штукъ каждой. Вобла приготовляется холодною (копченкою) и карбовкою; на каждыя 1,000 рыбъ употребляется 2 пуда соли. Первоначально воблу кладутъ въ оставшіеся отъ прошлаго года тузлуки, и затѣмъ, по мѣрѣ ослабленія, ихъ подкрѣпляютъ новою солью, причемъ нѣкоторые опредѣляютъ крѣпость соли по ареометру, а другіе просто на вкусъ; въ первомъ случаѣ, крѣпость раствора должна быть отъ 23 до до 25%. Тузлукъ употребляется потому, что онъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ посола, и когда тузлука не имѣется—приходится дѣлать нарочно, теряя время и трудъ. Чтобъ опредѣлить значеніе акциза, удорожающаго производство настолько, будто бы, что рыбу нужно выбрасывать въ воду, надобно взять слѣдующія цифры: сырую воблу покупаютъ отъ 80 к. до 1 р. за тысячу, съ доставкою на мѣсто, соли на это количество идетъ 2 пуда—90 к., рѣзка и другіе расходы доходятъ до 50 к., всего же—2 р. 40 к.; при средней продажной цѣнѣ, вобла, на астраханскомъ рынкѣ готовою сбывается отъ 4 р. 50 к.—5 р. за тысячу штукъ. Иногда, при слишкомъ обильномъ ловѣ, цѣна сильно понижается, но тогда понижается и стоимость сырой рыбы, иногда же первая повышается до 8 и даже 9 р. за тысячу. То же самое должно сказать и о сельдяхъ; сырая сельдь съ доставкою на мѣсто покупается въ Астрахани по 3 р. за тысячу, помѣщеніе — лари обходятся по 70 к., укладка и таска — 60 коп., соли на каждую тысячу 8 пуд.—3 р. 60 коп. Такимъ образомъ, стоимость приготовленной сельди—8 р. за тысячу, на промыслахъ же, при другихъ сортахъ рыбы, готовомъ тузлукѣ и т. д., она не превыситъ 5 р. 50 к. Посоленная же, готовая сельдь, продается въ Астрахани отъ 10 до 12 руб. за тысячу, бываютъ годы, когда цѣна эта понижается (при обильномъ ловѣ въ Норвегіи) до 6 р. за тысячу; за то, при

благопріятныхъ для продавца условіяхъ, восходитъ до 15 и даже до 18 руб. Какая же тутъ нужда топить жиръ или бросать ее прямо въ море?... Ну не досужіе ли люди! Правда жиръ топятъ изъ сельди, это случается, но только тогда, когда сельдь идетъ очень густо, а помѣщеній для посола мало. Что же касается до выраженія «жиръ топятъ, а мясо выбрасываютъ», то оно уже и совсѣмъ непонятно, ибо мясо сельди и даетъ жиръ, а въ котлахъ, по *переваркѣ*, ничего не остается. Кстати будетъ сказать и о значеніи соли и для другихъ сортовъ рыбы: на бѣлугу, осетра и севрюгу употребляется соли на 15—20 коп. на пудъ, при цѣнѣ коренной красной рыбы въ 4 р. 50 к. пудъ. Цѣна рыбы вообще зависитъ отъ разстоянія потребляющаго рынка отъ рынка производящаго—астраханскаго и отъ того, сухимъ или воднымъ путемъ грузъ доставляется. Такъ, напримѣръ, доставка сельдей въ Кіевъ обходится до 10 руб. за каждую тысячу сельдей; тогда какъ въ ближайшіе пункты—50 коп. за тысячу штукъ. Въ Питерѣ досужіе люди еще недавно предлагали очень невѣроятныя средства для развитія мѣстной соляной и рыбной промышленности. Одно изъ нихъ особенно меня интересовало: акцизъ взимать не съ соли, а съ рыбы, устроивъ, гдѣ-нибудь на Волгѣ, внутреннюю заставу. Это вѣрнѣйшій способъ убить рыбопромышленность. Въ своемъ замѣчательномъ произведеніи «На горахъ», г. Печерскій разсказываетъ, между прочимъ, что каждое судно рыбопромышленника, направляемое въ Нижній, грузится спеціально однимъ только родомъ рыбы... Еслибъ это было такъ, повѣрка груза не представляла бы особенныхъ затрудненій. Но, въ дѣйствительности, авторъ превосходныхъ очерковъ Волги и Керженца ошибается. Въ баржѣ, вмѣщающей 50—60,000 пуд. рыбы, находятся разные сорта чистиковой и красной рыбы; повѣрка каждой баржи заняла бы у надсмотрщика нѣсколько дней, а

суда являлись бы на ярмарку къ заморозкамъ. Толковали въ Питерѣ и о самоловныхъ снарядахъ между устьями Волги и до Царицына. Досужіе люди могутъ успокоиться: все это имъ съ вѣтру кажется. Въ этомъ районѣ нѣтъ ни одного крючка самоловной снасти. Въ черняхъ же и морскихъ полосахъ пока нѣтъ другаго способа лова рыбы, и если досужіе люди ихъ изобрѣтутъ, то волжскіе и каспійскіе рыболовы поклонятся имъ въ ножки за это. Количество соли, употребляемой для посола рыбы, здѣсь также показывалось невѣрно. Не 2,650,000 пуд. шло на это дѣло, а 4,000,000 пуд. Рядомъ съ пониженіемъ солянаго расхода на рыбопромышленность, уже совершенно не кстати повышались въ рефератахъ и размѣры лова. Такъ, на Божьемъ промыслѣ вовсе никогда не ловилось въ одинъ день по 30,000 штукъ красной рыбы. Бывали дни, во время весенняго бѣляка, когда приводилось къ плоту 12,000 штукъ рыбы. Вообще, довѣряя петербургскимъ референтамъ, я, на каждомъ шагу, попадалъ въ просакъ въ Астрахани. Я помню, какъ возмущались наши плакальщики, признавъ за нѣчто доказанное подмѣсь мышьяку въ рыбій тузлукъ. Это оказалось такою чудовищною нелѣпостью, что даже враги каспійскаго рыболовства хохотали мнѣ въ лице, когда я сообщилъ имъ объ этомъ. Случаются здѣсь отравы щучьею икрою, но это объясняется происходящими въ ней химическими процессами. Еще бы вы попробовали, напримѣръ, рыбу спеціально приготовляемую для мордвы! Мордва ѣстъ исключительно испорченную рыбу, съ плавуномъ, т. е. такъ разложившуюся, что ее можно ложкою хлебать. Для этого идетъ залежавшаяся бѣлуга.

— Что, мордовская рыба есть? спрашиваетъ мордва на базарахъ съ пренебреженіемъ сторонясь отъ свѣжей.

— Человѣкъ не собака, все съѣстъ! говорятъ поэтому волжскіе рыбопромышленники.

А то еще я помню гореваніе одной вовсе ужъ не сердо-

больной газеты о томъ, будто бы астраханскіе купцы, желая подорвать благосостояніе рабочихъ и заполучить ихъ дешевле, выжигаютъ камыши по берегамъ Волги и ея рукавамъ, и тѣмъ лишаютъ людей топлива. Я самъ не другъ монополіи и кулачества, я самъ возмущался, слушая это, и вдругъ оказывается, что камыши ежегодно выжигаются калмыками и рыболовами, чтобъ на этомъ мѣстѣ выросъ новый, потому что если его оставить сгнить, то на томъ мѣстѣ и черезъ двадцать лѣтъ новаго камыша не дождешься!

VIII.

Татары и pour les купецъ.

Стая коршуновъ носилась надъ пароходомъ... То въ одинъ клубокъ собьются, то разсыплются и повиснутъ черными точками въ голубой выси. Вонъ громадный орелъ величаво поднялся надъ зеленою понизью, и солнечный лучь придаетъ серебристый блескъ сѣдинѣ его широко раскинутыхъ крыльевъ... Изрѣдка чайка мелькнетъ, и въ воздухѣ точно повиснетъ рѣзкій, пронзительный крикъ ея... Но какая разница съ водами сѣвера. Тамъ чайки цѣлыми облаками носятся надъ вспѣненною волною Бѣлаго Моря, унизываютъ карнизы скалъ сѣверо-океанскихъ береговъ; сквозь ихъ отчаянное оранье, съ трудомъ слышишь грохотъ бури, а тутъ рѣдко, рѣдко, въ одиночку покажется эта красивая птица... Только разъ онѣ попались мнѣ стаею, да и то очень скромною...

Какая смѣсь одеждъ и лицъ встрѣтила насъ на пристани Владиміровки! Калмычки въ красныхъ платьяхъ, гелюнгъ въ желтой рясѣ. Грязная юрта въ сторонкѣ, изъ нея выглядываютъ дѣти въ костюмѣ невинности, даже безъ винограднаго

листка. Какой-то скуластый и громадный монголъ, обнаженный до пояса, равнодушно поглядываетъ на насъ, любующихся его рѣзко обрисованными мускулами, могучею, высокою грудью, тѣломъ, по цвѣту и крѣпости почти выкованнымъ изъ бронзы. Вотъ кучка собакъ, облѣзлыхъ, пестрыхъ бѣжитъ за калмычкою, у которой на шеѣ побрякиваютъ золотыя монеты, а на головѣ, не смотря на палящій жаръ, красуется шапка изъ лисьяго мѣха, съ околышемъ изъ позумента. На пристани, смиренные потомки завоевателей Россіи — татары, торгующіе лимонами. Начиная отъ Астрахани, вверхъ по Волгѣ до Казани, затѣмъ по Камѣ до Саликамска, включая самыя пустынныя и глухія мѣста Пермской губерніи — вездѣ на пристаняхъ, въ лавкахъ, на улицахъ встрѣтишь татаръ, торгующихъ фруктами. Въ одинокомъ, затерянномъ среди трехсотверстнаго пустыннаго безлюдья, селѣ, въ горахъ Уральскихъ, за Растесомъ, я встрѣтилъ торговца татарина съ разнымъ краснымъ товаромъ. Въ Чермозѣ, между этимъ заводомъ и Устькосьвою, мнѣ показали мѣсто, гдѣ зарыты, убитые грабителями, татарскіе коробейники, и тутъ же на лужкѣ, возвращаясь назадъ, я встрѣтилъ такихъ же татаръ. Около щипала траву пѣгая лошаденка, скрипѣла телѣжка съ какими-то свертками, а правовѣрные безпечно спали, подставивъ тюбетейки свои палящему солнцу... Между татарами и калмыками — солидные, медлительные хохлы, не измѣнившіе на чужбинѣ ни своему костюму, ни своему типу. На нѣкоторыхъ рабочихъ съ шапокъ висятъ сѣтки отъ комаровъ и мошки. Нѣкоторыя сѣтки у бабъ отдѣланы лентами и пестрыми шнурками. Сѣтка, какъ мелкоячейный неводъ, плетется изъ тонкихъ волосяныхъ или пеньковыхъ нитокъ... На одной хорошенькой владиміровской сандрильонѣ сѣтка была даже цвѣтами расшита; открывая лице, она вся собиралась на макушкѣ и оттуда уже красивыми складками

падала на плечи и на шею... Большая часть сѣтокъ пропитаны скипидаромъ.

— Неужели у васъ комара такъ много?

— У насъ, братъ, его сколько хошь!.. А какъ ты думалъ, коли бы они на какое дѣло шли, мы бы ихъ пудами поставляли. Въ глушь зайдешь — царство комаровъ. Птица малая, а тучею стоитъ... Иные охотники, случалось, въ воду отъ нее бросались, тонули. Опять же у насъ слѣпень, оводъ живетъ...

— Да развѣ они кусаютъ человѣка?

— Нѣтъ, нюхаютъ! Ты попробуй самъ-ко.

Увы, теперь, когда пишу это, я только что воротился съ безлюдной и пустынной рѣки Косвы. По всему пути меня безпощадно жалили слѣпни и кусали оводы. На дѣлѣ пришлось самому убѣдиться въ неблагонамѣренности этихъ мучителей не одного лошадинаго, но и человѣческаго рода...

— Эко у васъ грязно калмыки живутъ? замѣтилъ я, глядя на ужасающія кошмы ихъ кибитокъ.

— Любятъ грязь. Съ него хотя ножемъ скобли—въ семи водахъ не вымоешь.

У насъ появился новый пассажиръ — бока звонки, ноги тонки, хвостикъ закорючкой. Поджарый, животъ подобранъ и вогнутъ, ноги въ обтяжечку спичками, пиджакъ выше сѣвернаго полярнаго круга, такъ что глобусъ весь наружу, зато на лицѣ — пренебреженіе ко всему сущему, манеры — томныя, въ глазу—монокль.

— Скажите пожалуйста, глотая цѣлые слоги, обратился онъ ко мнѣ, кто это такіе ces cochons-la! взмахнулъ онъ на смиренно трапезовавшее купецкое семейство. Тѣ даже оглянулись, а дамы покраснѣли.

— Милліонеры! Одинъ въ двадцати милліонахъ, другой

въ пятидесяти! солгалъ я, желая посмотрѣть, что сдѣлаетъ этотъ поросенокъ.

Боже мой, какъ его обожгло! Онъ подавился даже. Видно, что ему въ первый разъ приходилось être le dindon de la farce, и людскаго коварства сей гомункулюсъ еще не изведалъ...

— Се... семейные?.. уже костенѣя, спросилъ онъ.

— Какъ же, дочери есть...

— Не... не замужнія? И носъ, шельма, на вѣтру поднялъ и животъ еще болѣе въ себя подобралъ... Видно, купецкой начинки захотѣлось... Потроха почуялъ!

— Жениха ищутъ...

— Графъ ***! ринулся онъ рекомендоваться къ офраппированнымъ было сначала купцамъ, называя нѣмецкую фамилію, споткнулся о стулъ, уронилъ его, выронилъ и опять взбросилъ монокль и, вдругъ, развалясь на всѣ четыре стороны свѣта въ креслѣ и не ожидая вопросовъ, началъ разсказывать имъ про свою петербургскую родню, про генералъ-адъютанта такого-то, генералъ-лейтенанта такого-то... и т. д.

У одного купца даже котлетка во рту остановилась. Такъ уголкомъ и торчитъ. Видно, почтенный Китъ Китычъ и сообразить-то не можетъ, что такое случилось, и проглотить-то ему некогда, въ виду столь неожиданнаго казуса...

Вечеромъ уже я встрѣтилъ графа ***, но уже сильно разочарованнымъ... «Купецкая» дама, видно, понаходчивѣе была и отдѣлала юнаго поросенка по достоинству, такъ что тому пришлось prendre ses jambes à son cou... Теперь онъ уже проходитъ мимо ихъ, топорщась и надуваясь. На головѣ вмѣсто цилиндра—фуражка съ кокардою на красномъ околышѣ.

— Это вы для кого же? поинтересовался спросить я, указывая на кокарду.

— Pour les купецъ!.. величественно отвѣтилъ онъ... И еще старательнѣе сталъ расправлять свои журавлиныя ноги.

Чернаго кобеля не вымоешь до бѣла, и поэтому мы скоро оставили его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что пароходъ уже подходилъ къ Черному-Яру.

Волга здѣсь разливается широко, какъ море... противоположный берегъ и замѣтить трудно, какая-то зеленая черточка мерещится... На крутомъ ярѣ—жалкія деревянныя постройки города, принадлежащаго къ числу такихъ, въ которыхъ самыми монументальными сооруженіями являются острогъ и казначейство. На берегу, въ ожиданіи парохода, нѣсколько десятковъ торговокъ. Однѣ продаютъ разное вязанье, другія въ черныхъ горшкахъ — зернистую икру, превосходную и хорошо обработанную. Самая дорогая здѣсь 60 коп. фунтъ. Хотѣлъ я было взобраться на гребень, да оказалось, что «восхожденіе» къ городу по варварской дорогѣ можетъ быть сдѣлано только въ теченіе двухъ часовъ... Чернаго-Яра нельзя и разсмотрѣть было. Калмыцкій городенко этотъ только пѣтушки своихъ кровель показывалъ намъ, да и солнце прямо въ глаза било.

Зато кругомъ какое оживленіе. Стаи цапель проносятся на сѣверъ, словно отбросивъ назадъ при полетѣ свои длинныя ноги. Бѣлые пеликаны на отмеляхъ высматриваютъ рыбу, цѣлыя ватаги черныхъ баклановъ гонятъ, должно быть, юровья бѣшенки вверхъ, въ сжатой со всѣхъ сторонъ низовыми берегами бухтѣ... Стонъ стоитъ отъ птицы въ воздухѣ, гвалтъ отъ всякаго пришлаго народа на берегу... Рѣчная ширь вся зыблется солнечными бликами. Больно смотрѣть туда...

— Видали вы нашего астраханскаго соловья?

— Какого это?

— А вонъ, глядите, цѣлая туча карги собралась.

Смотрю—весь гребень глинисто-песчанаго вала буквально

осыпанъ воронами, которыхъ здѣсь называютъ каргою... Все тихо сидѣли эти пернатыя черницы, да коршунъ, пролетая, клюнулъ одного вороненка. Боже, какой гомонъ поднялся! Туча поднялась на воздухъ за гордымъ хищникомъ, уже рѣявшимъ въ яркомъ блескѣ розоваго заката...

VX.

Черный Яръ и Енотаевскъ—два Аякса.—Вобла и бѣшенка.—Мученики и страстотерпцы статистики.

Черноярцы занимаются преимущественно рыболовствомъ. Оттого здѣсь такой ощутительный запахъ воблы и бѣшенки. Вобла—плотва. Ея въ годъ вылавливается здѣсь сотни милліоновъ штукъ, по словамъ г. Ольдекопа; случается, что одинъ и тотъ же промышленникъ, въ одну весну, налавливаетъ ее отъ 8 до 9,000,000 штукъ. Это вкусная, хотя и костлявая рыба. Ее весною здѣсь вы встрѣтите вездѣ. На улицахъ и рынкахъ, въ домахъ, на пристаняхъ, жареною, копченою, сушеною и соленою. Запахъ ея преслѣдуетъ васъ всюду, какъ въ Архангельскѣ и на Мурманѣ специфическая вонь соленой трески. Въ оптовую продажу вобла поступаетъ только соленою и сушеною. Длина этой рыбы 5 — 8 вершковъ, вѣсъ отъ $^1/_2$—2 фунтовъ. Уже раздѣланная вобла вѣситъ гораздо менѣе. Тысяча штукъ цѣлой воблы=31 п. 10 ф., раздѣланной=28 п. 16 ф., соленой=14 п. 7 ф., сушеной=8 п. 37 ф. Бѣшенкою здѣсь называютъ седедь двухъ видовъ: черноморскую и каспійскую. Онѣ не различаются и солятся вмѣстѣ. Лѣтъ двадцать назадъ, бѣшенка не имѣла значенія ни для мѣстныхъ жителей, ни для торговцевъ. Изъ нея добывали только жиръ, что и ввело въ заблужденіе нашихъ «спеціалистовъ» по

рыболовству. По указаніямъ академика Бэра, астраханцы стали солить бѣшенку, составляющую для нихъ теперь предметъ первой важности, такъ какъ требованія на нее съ каждымъ годомъ увеличиваются, а цѣны ростутъ. Съ 1871 года жиръ изъ нея уже перестали вытапливать вовсе. Среднiй годичный уловъ бѣшенки доходитъ до 200,000,000 шт. по офиціальнымъ свѣдѣніямъ. Г. Ольдекопъ убѣжденъ, впрочемъ, что, въ дѣйствительности, цифра улова гораздо больше. На каждый пудъ сельди идетъ ея 59 штукъ, слѣдовательно, теперь вылавливается, принимаю «канцелярскую» цифру, болѣе 3,000,000 пудовъ. Мясо бѣшенки отличается нѣжностью и, черезъ нѣсколько часовъ послѣ посола, отдаетъ тузлукъ. Длина рыбы— между 4½ и 8-ми вершками; при соленіи уменьшается не только вѣсъ, но и длина ея. Солятъ ее крѣпко на крѣпко, «такъ, чтобъ можно было за хвостъ держать горизонтально». Отъ этого она теряетъ много въ нѣжности, что, впрочемъ, и не нужно потребителямъ, требующимъ, чтобъ бѣшенка была *жестка*.

Чтобъ понять всю важность бѣшенки для этого района, нужно быть здѣсь во время ея хода. Тогда вездѣ: на пристаняхъ, на улицахъ, въ гостинныхъ, въ кабакахъ, въ деревняхъ и селахъ—толки о бѣшенкѣ. Бѣшенка на языкѣ у чиновника, у купца, у промышленника. Ею интересуются и дамы и духовные. Короче, она играетъ ту же роль здѣсь, какую Жюдикъ играла въ Петербургѣ во время папуасскихъ сатурналій, устраивавшихся въ честь ея петербургскою золотою молодежью изъ семейства малоголовыхъ и головоногихъ. Я слышалъ самъ свѣдѣнія о ходѣ бѣшенки изъ устъ купчика «современной формаціи», познавшаго прелесть французскихъ камелій, и изъ хорошенькихъ губокъ барыни, въ остальное время непрестанно помышляющей о привлекательныхъ герояхъ Понсонъ дю-Терайля.

Способы лова бѣшенки и воблы и приготовленія ихъ будутъ описаны потомъ; теперь только упомяну, что въ Астраханской губерніи, также какъ и въ Архангельской, офиціальная статистика наталкивается на препятствія, едва-ли понятныя намъ. Отсюда и невѣрность цифръ и гадательность выводовъ. Членъ правленія рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, г. Соколовъ, говорилъ, что одинъ изъ зажиточнѣйшихъ рыбопромышленниковъ близъ Дубовки, на затребованныя свѣдѣнія отвѣтилъ:

— Какъ человѣкъ одинокій и сирота, на уловъ въ моихъ водахъ книгъ не веду.

— Свѣдѣній не записывалъ и припомнить не могу, и сколько ловлю, не знаю! отвѣчалъ сосѣдъ «сироты одинокаго».

О такихъ ватагахъ приходится разузнавать, чуть не у хлѣбныхъ торговцевъ.

Что толковать о невѣжественныхъ рыболовахъ. Управлявшій десять лѣтъ дѣлами богатаго рыбопромышленника, при организованной конторѣ съ бухгалтерами, кассирами, столоначальниками, далъ такого рода свѣдѣнія:

— Подробнаго описанія мѣстоположенія ватаги (извѣстной всѣмъ и расположенной на пароходномъ трактѣ), въ конторѣ не имѣется, и гдѣ она—не знаю.

Онъ же, вмѣсто 84 чаньевъ и лабазовъ, показалъ 36, о длинѣ и глубинѣ ихъ отвѣчалъ: «разныя», между тѣмъ, какъ всѣ они оказались одной мѣры. На такой большой ватагѣ, по показанію управляющаго, никакихъ лодокъ не имѣется, и сухопутнаго сообщенія ни съ какой ватагой или населеніемъ нѣтъ.

Астраханцы въ этомъ отношеніи остались вѣрны себѣ. При Петрѣ, во время переписи народной, всѣ дѣвушки здѣсь повыскакали замужъ за кого попало, опасаясь продажи бусурманамъ, а недавно, когда переписывался домашній скотъ, то

«онаго въ нѣкоторыхъ городахъ и вовсе не оказалось». Скотовладѣльцы, видите ли, опасались пошлины на лошадей, овецъ и коровъ. Это мнѣ напоминаетъ дальній сѣверный городъ. Тамъ затребовали у городничаго свѣдѣній о «прирученныхъ животныхъ»; не понимая вопроса, онъ храбро отвѣтилъ:

— Изъ прирученныхъ животныхъ, во ввѣренномъ мнѣ городѣ, проживаютъ лопари, на работахъ у русскихъ, и корелы, торгующіе разнымъ мелкимъ товаромъ...

Не вспомните-ли вы при этомъ другаго градоначальника, который, на вопросъ о количествѣ пчелъ всего уѣзда, со слѣдующею же почтою (уѣздъ—чуть ли не 1,000 квадратныхъ верстъ) отвѣтилъ:

— 57,875,351 пчела мужескаго, 3,732,253 пчелы женскаго пола...

— Экъ вы врете, замѣтили ему.

— Подите, провѣрьте! хладнокровно отвѣчалъ онъ офиціальной статистикѣ... Сочтите, сдѣлайте одолженіе.

Было уже темно, когда намъ приходилось подойдти къ другому жалкому уѣздному городку Енотаевску... Въ сумракѣ виднѣлись кровли изъ воды, затопившей побережья. Точно гробы какіе-то плавали въ этой свинцовой влагѣ...

— Что это?

— А постоялые дворы. Зимою здѣсь останавливается пропасть обозовъ съ рыбою, а весною затопляется все.

Самый городъ, какъ и Черный Яръ, прячется за яромъ. Жители занимаются рыболовствомъ — и только... Скучно блѣдно живется тутъ. Къ намъ сѣлъ изъ Енотаевска молодой человѣкъ.

— Что вы дѣлаете, обыкновенно? допрашиваемся у него.

— Въ карты дуемся.

— А если надоѣстъ?

— Тогда напиваемся.

— Потомъ?

— Выспимся и опять за карты... А тамъ опять вино!... Я вамъ скажу—образъ человѣческій потеряешь, потому что, кромѣ калмыка, да чиновника уѣзднаго, никого не встрѣтишь. Одичаешь. Я еще когда пріѣхалъ, хотя книги читалъ, а теперь и читаю только по писанному, право, скоро, кажется, печатное и разбирать перестану. Вотъ, она жизнь наша! Дамы енотаевскія сплетничаютъ и тоже въ карты дуются. Ну еще бѣшенка пойдетъ, такъ оживятся. Есть о чемъ поговорить хотя!... Недавно у насъ бѣшеную собаку разстрѣливали: повѣрите-ли—точно въ театръ весь городъ собрался. Дамы одѣлись по послѣдней картинкѣ и долго еще по тому мѣсту гуляли... Что вашъ Екатерингофъ вышелъ...

Да и въ окрестностяхъ у кочевниковъ живется не лучше.

Калмыки съ голоду мрутъ «косяками», по цинической фразеологіи одного промышленника. А вотъ, напримѣръ, какъ живется въ юртѣ у кочевника весною, по словамъ «Астраханскаго Листка».

Въ кибиткѣ холодно, скудно, ѣсть нечего... Сидитъ вся семья вокругъ огня, повѣся носъ, и всѣ молчатъ. Не до разговоровъ, когда пустъ желудокъ. Зарѣзать барана—но на немъ только шкура да кости! Да и то хорошо, если онъ не околѣлъ уже давно. Продать его и купить муки? Но за него не даютъ теперь болѣе 40 копеекъ, а на эти деньги много-ли муки запасешь? Прежде продавали по 2 и по 3 рубля... Бѣдные инородцы лишены возможности наѣдаться даже буданомъ (жидкою болтушкою), не говоря уже о хлѣбѣ... Нѣкоторые ходятъ точно полумертвые...

Вотъ вамъ и степное приволье.

X.

Серебряная ночь.

Чудно хорошъ яркій день на Волгѣ, прелестенъ ея тихій, сумрачный вечеръ, но что можетъ быть очаровательнѣе, серебряной ночи на этомъ дивномъ просторѣ! Сидишь на палубѣ: смотришь или грезишь — и самъ не даешь себѣ отчета. Сидишь и чувствуешь, что кругомъ совершается что-то торжественно-прекрасное, присутствуешь при какомъ-то таинствѣ природы... Мѣсяцъ серебряными струями разливаетъ свой блескъ по недвижному приволью рѣки, серебряныя струи эти зыблются и за вершинами затопленныхъ деревьевъ... Словно темныя тучи, стали на водѣ эти вершины,—и вдругъ, тамъ далеко за ними, на зеркалѣ покойнаго разлива, мерцаетъ чудное сіянье; черточками, бликами, щитами разбросано оно между пролѣсками... Сидишь и смотришь, и боишься, что вотъ, вотъ уйдетъ изъ глазъ вся эта красота богоданная, глядишься въ нее, какъ въ очи любимой женщины; точно милая грудь, призывно и страстно дышетъ передъ тобою, эта серебряная рѣка... Какая-то большая рыба плеснула въ сторонѣ—цѣлый дождь бриллiантовыхъ искръ, и серебряный кругъ все ширится и ширится оттуда по серебряной зыби... Далеко скрипятъ коростели. Чуть чуть доходитъ сюда меланхолическое посвистыванiе бекаса... Еще полчаса—и новый эффектъ, новые оттѣнки. Лунный свѣтъ ложится на воду уже не сплошнымъ сiянiемъ, нѣтъ—безчисленныя серебряныя сѣти зыблются на ней, точно разосланныя... Это вѣтерокъ подернулъ рябью спокойный просторъ, обдавъ насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ароматомъ луговыхъ цвѣтовъ, свѣжимъ дыханiемъ цвѣтущаго южнаго лѣса... Точно проснувшійся лѣнивецъ, медлительно потягивается вѣтеръ и еще медлитель-

нѣе плывутъ по водѣ серебряныя сѣти... И опять заснулъ онъ, улеглись бѣгучія морщинки и серебряный разливъ луннаго блеска, какъ прежде, зыблется по привольному разливу великой рѣки... Очаровательная ночь! Въ рубкѣ 1-го класса кто-то разсѣянно перебираетъ клавиши... То грустное ноктюрно, то какой-то величавый гимнъ — и все обрывками, все—смутно... ничего опредѣленнаго!... Конца нѣтъ эффектамъ луннаго блеска. Давно ли сѣтями плылъ онъ по теченію потомъ сплошною массою, залилъ его; а теперь уже по всему протяженію Волги легъ какими-то фантастическими извивами, зигзагами, и каждую секунду мѣняетъ ихъ узоры, точно играя съ веселыми волжскими русалками, или выманивая ихъ наверхъ изъ хрустальныхъ дворцовъ и невиданныхъ цвѣточныхъ гнѣздъ рѣчнаго дна... Да не русалка ли это плеснула на водѣ, не она ли взбросила кверху бриллiантовыя брызги?...

Такъ и просидѣлъ на палубѣ до зари!... И досадно было на эту розовую красавицу, хотѣлось, чтобъ конца не было лазурно-серебряной ночи...

XI.

Ордынское вино.

Отсюда начинается уже область винодѣлія астраханскаго. Первая лоза здѣсь была посажена въ началѣ XVII столѣтія плѣннымъ австрійцемъ, который, принявъ православіе, постригся и близъ монастыря сталъ сажать персидскій виноградъ. Всходы получились отличные, и царь Алексѣй Михайловичъ купилъ сады для «обихода великаго осударя». Въ 1659 г. было даже запрещено продавать кому либо астраханскій виноградъ «безъ указа государева», а ослушникамъ было обѣщано «быти въ жестокомъ наказаньѣ безо всякія пощады».

Виноградъ и арбузы въ Москву отсюда доставлялись къ царскому двору въ есаульныхъ легкихъ стругахъ. Особенное вниманіе на развитіе винограднаго производства обратилъ Петръ Великій. Онъ повелѣлъ «стараться о разведеніи винограда, арбузовъ и дынь и тутовыхъ деревъ, и чтобъ шелковаго дѣла больше было, учинитъ заказъ крѣпкій, подъ смертною казнею, чтобъ того тутоваго дерева отнюдь никто не сѣкъ и не пустошилъ». Учреждена въ Астрахани садовая контора, подъ управленіемъ француза Посіета, присланъ изъ Москвы аптекарь для приготовленія французской воды, наконецъ, уже черезъ Астрахань, близъ Кизляра, устроенъ плантажный заводъ, заселенный астраханскими ссыльными, битыми плетьми и кнутомъ. Только въ январѣ 1788 года окончилось въ Астрахани казенное садоводство, и данъ былъ просторъ частной производительности. Мѣстное винодѣліе требуетъ большого ухода и поливокъ, потому что, при жарѣ и засухахъ астраханскихъ, здѣсь безъ этого ничего не растетъ. Хорошій садъ, будучи запущенъ, погибаетъ въ самое короткое время и черезъ нѣсколько лѣтъ представляетъ голую степь. Виноградныя лозы сажаются вмѣстѣ съ фруктовыми деревьями, занимая отдѣльную мѣстность въ садахъ, по покатостямъ бугровъ при запрудахъ, гдѣ задерживается вода послѣ разлива рѣки. Мѣсто, занятое извѣстнымъ числомъ виноградныхъ кустовъ, называется солмакомъ, величиною отъ 10 до 80 кв. саженъ. Въ солмакѣ, напримѣръ, въ 40 кв. саженъ дѣлается десять бороздъ и въ каждой бороздѣ садится по 10 кустовъ винограда. Около Благовѣщенія отрываютъ лозу изъ борозды, куда она зарывалась на зиму, прикрытая снѣгомъ, чаканомъ и землею. Затѣмъ подвязываютъ лозы къ шестамъ, соединеннымъ между собою продольными жердями. Новыя лозы сажаются въ удобренныя суглинкомъ ямы. Черезъ нѣсколько лѣтъ старые кусты подвертываются и опять обсыпаются удобреннымъ

суглинкомъ. Осенью виноградъ отводится однолѣтними лозами-чебуками, часто просто отводится прутъ, сгибается колѣнцемъ, зарывается верхушкою въ удобренную землю и только отрѣзывается на слѣдующій годъ. Лоза принимается въ то же лѣто и черезъ четыре года приноситъ уже плодъ. Прежде всего цвѣтетъ скороспѣлый виноградъ, въ концѣ мая, потомъ дербентскій бѣлый, кишмишь, круглый толстокорый, «козьи титьки», сафьяновый и, наконецъ, осенній. По окончаніи цвѣтенія, въ іюнѣ и началѣ іюля, листья прищипываются, чтобъ солнечные лучи прямо ударяли на кисти, отчего они скорѣе созрѣваютъ. Зрѣлый виноградъ укладывается въ боченки, отъ 10-ти до 20-ти фунтовъ вѣсомъ, пересыпается просомъ и въ такомъ видѣ отправляется на продажу. По словамъ г. Головашенко, сообщавшаго эти интересныя свѣдѣнія, въ Астрахани разводится до 30 сортовъ винограду, которому сильно вредятъ осенніе морозы. При сильныхъ дождяхъ, виноградъ очень наливается, давая худшее вино, чѣмъ то, которое бываетъ добыто изъ винограда, собраннаго въ сухое время. Всего больше вредятъ плантаціямъ птицы. Тутъ вполнѣ сказалась изобрѣтательность садоводовъ. Пернатыхъ хищниковъ отгоняютъ стрѣльбою, пугалами, трещетками и, особенно, глиняными пульками, пустыми внутри, которые бросаются пращею съ вышки, высотою въ три сажени надъ виноградникомъ. Всего винограда, за мѣстнымъ употребленіемъ, отсылается въ верхнія губерніи на 35,000 руб., причемъ изъ первыхъ рукъ онъ продается отъ 50 к. до 2 р. 50 к. за пудъ, а съ укладкою въ ящикъ и засыпкою просомъ—4 руб. пудъ. Садъ, около 2-хъ десятинъ величиною, съ 6,000 кустами, двумя поливальными машинами, двухэтажнымъ жилымъ домомъ (деревяннымъ) и со всѣми усадебными службами, можно купить за 9,000 р.; тотъ же садъ съ меньшимъ числомъ построекъ отъ 3—4,000 рублей.

Астраханское виноделіе изъ рукъ иностранцевъ, занимавшихся имъ въ прошломъ столѣтіи, перешло къ армянамъ, которые, сверхъ мѣстнаго винограда, употребляютъ въ дѣло и привозный изъ Кизляра. При значительности сбора гроздьевъ и низкихъ цѣнахъ на виноградъ, нѣкоторые садоводы давятъ вино для мѣстнаго потребленія ручнымъ способомъ, безъ всякихъ научныхъ приспособленій. Сборъ производится въ теченіе сентября, кисти по сортамъ укладываются въ лукошки, въ заведеніяхъ уже попадаютъ въ чаны, гдѣ и прессуютъ ихъ ветхозавѣтно. Большею частью, обмявъ виноградъ въ кадушкахъ, ему даютъ время выпрѣть въ садахъ. Для полученія лучшаго вина (изъ вяленыхъ ягодъ) кисти, уложенныя на веревочныя рѣшета, трое сутокъ подвергаются вліянію солнца, вытягивающаго сырость. Полученное вино иногда въ бутылкахъ зарывается еще въ песокъ на годъ. Изъ одного пуда кишмиша и венгерскихъ породъ получается до 1-го ведра вина, изъ остальныхъ 3/4 ведра, а изъ вяленыхъ 1/2 ведра. Въ сыромъ видѣ вино продается отъ 2 руб. до 2 р. 50 к. ведро, а бутылками отъ 15 до 60 коп. Самый лучшій мѣстный винодѣлъ—Н. Зварыкинъ. Въ 1872 г. онъ приготовилъ 2,700 ведеръ вина и 3,000 бутылокъ шампанскаго, въ 1873 г.—26,000 бутылокъ вина и 3,200 бутылокъ шампанскаго...

У КАСПІЯ.

I.

Астраханскіе Невроды. — Весна и лѣто на низовьяхъ Волги.—Зимнія промысла.—Охота по ильменямъ. — Красная утка. — Влюбленный лебедь. -- Посреди озера. — Пеликанъ. — Фазанъ и его враги.—Кабанья травля.—Степная дичь.—На сайгаковъ.—Камыши.

Перваго низоваго Немврода я встрѣтилъ у Енотаевска.

Громадная голова съ щетинистыми бровями, усы—какъ у ежа, борода—копромъ. Глаза зоркіе, плечи богатырскія, лапища такая, что въ чужѣ страхъ беретъ. Косыя ноги—колесомъ.

— А вы охотникъ? Проревѣлъ онъ мнѣ, на вопросъ объ астраханской охотѣ.

— Нѣтъ.

— И на стрепета не можете?

— Не могу.

— А въ убійствѣ рябчиковъ мужества своего не изощряли?

— Не случалось.

— По нашему дѣлу вы человѣкъ самый негодящій. Птичьей охоты я самъ, признаться, не люблю. Чортъ знаетъ, съ псами да съ дреколіями на бекаса какого-нибудь идти. Ну а на сайгака, или кабана—первое удовольствіе; мое дѣло! Я на своемъ вѣку сорокъ кабановъ затравилъ, а этой сволочи — волка и считать не стоитъ... Безъ числа. Изъ птицъ — одного фазана

признаю. Больно ужъ вкусная шельма. Зато и бью. А это вотъ, рекомендую, благопріятель мнѣ будетъ, — Иванъ Ивановичъ.

Громадный песъ, носившій христіанское имя, холоднымъ мокрымъ носомъ ткнулся мнѣ руку, стукнулъ по ногамъ толстымъ, какъ обрубокъ хвостомъ и, лизнувъ мимоходомъ мою бороду, солидно развалился на палубѣ, рѣшившись, повидимому; ни на что болѣе ни обращать своего вниманія; только ужъ очень разнѣживаясь, Иванъ Ивановичъ похлопывалъ своимъ обрубкомъ по доскамъ, точно молоткомъ...

Главная охота въ Астраханской губерніи по лѣвому берегу Волги. Цѣлый лабиринтъ отмелей и косъ, протоковъ, ериковъ и ильменей, кишмя кишитъ всякою дичью. Песчаныя понизи у воды, сначала голыя и пустынныя, мало-по-малу, посѣщаются перелетною птицею, бакланами, пеликанами, чайками... Потомъ на нихъ показывается трава и, наконецъ, между первыми порослями камыша и тальника заводится всякая вкусная дичь, въ свою очередь привлекающая къ себѣ охотника.

Весеннее солнце здѣсь быстро сгоняетъ снѣгъ съ полей и луговъ. Не успѣла весна улыбнуться—глядишь, въ котловины и лиманы уже набѣжала талая вода, на черныя и желтыя прогалины, видимо невидимо, налетѣло всякой птицы. Не ждетъ она зелени, ей не въ кустахъ пока гнѣзда вить — по окраинамъ льда рыбка ловится чудесно, чего-жъ еще пернатому промышленнику... Ярче да синѣе высокое небо, выше да шире— разливы Волги, гульливѣе да криклівѣе дичь по ильменямъ и ерикамъ. Воложки еще подо льдомъ — тамъ только черная карга суетится, да бѣлоголовый беркутъ высматриваетъ въ проталинахъ добычу... Но охотникъ уже подымается, тянетъ его вонъ изъ города скучнаго, въ воскресающія степи, не въ моготу ему — душныя стѣны, да ржавыя улицы. Кто цѣлою ватагою, а кто и самъ другъ съ «Иванъ Ивановичемъ» забирается подальше въ самую глушь, гдѣ никакихъ слѣдовъ еще

не намѣчено, гдѣ рѣже голосъ человѣческій слышенъ, гдѣ по голубому разливу не вспѣниваетъ серебристаго слѣдка челнокъ рыболова... И бить-то вѣдь еще нечего. Нырки да гагары по зимовщинамъ хоронятся, а это что за дичь! Мясо — ворванью пахнетъ да и жесткое. Походитъ, походитъ, бродяга охотникъ, видитъ еще рано—и домой направится. При возвращеніи три времени года онъ встрѣтитъ пожалуй. «Арба двухколесная скрипитъ благимъ матомъ по ухабистой дорожкѣ, пробираясь невысокимъ берегомъ, около котораго осторожно карабкается по ледянымъ окраинамъ лошадь, запряженная въ сани, а немного въ сторону, гдѣ льда и помину нѣтъ — рыбакъ на челнокѣ своемъ орудуетъ—ставитъ сѣти въ очистившійся воложокъ.»

Утренники и тѣ потеплѣли. Вчера черезъ ледъ на саняхъ ѣздили, а сегодня въ полдень, глядишь, промоины, да прососины пошли... Зелени еще и помину нѣтъ—хворостомъ стоитъ черный тальникъ. Со взморья дымомъ тянетъ, а ночью тамъ зарево стоитъ багровое, — камышъ жгутъ, чтобъ новый на пожарищѣ росъ... Тучи клубятся по небу, теплымъ дождемъ опрыскивая землю, туманъ стоитъ въ понизьѣ, сыростью пахнетъ... Вотъ и море надвинулось, прибыло; подымая ледъ, уноситъ его въ синія дали; а слѣдомъ, за моремъ, видимо невидимо всякой птицы налетѣло стаями: и сѣрая утица, и лебедь бѣлая, и гуси крикливые по зорямъ...

Широко льются мутныя воды въ обмелѣвшіе ерики, переполняютъ ихъ черезъ край и тихіе ильмени запружаютъ. Стаями снимается птица—одна на полуночь тянется, оглашая рыданіемъ недосягаемыя выси, другая въ камышахъ пріюта ищетъ для теплыхъ гнѣздъ да птенцовъ безперыхъ. Тутъ охотнику бездѣлье — по разливамъ дороги нѣтъ, а на челнокѣ, что за сласть! Любо съ собакою пѣшкомъ бродить, весло—не охотничій снарядъ.... Такъ и скучаютъ до половины іюня, когда

воды спадать начнутъ и по берегамъ ильменей станицы безчисленныхъ утокъ, куликовъ, караваекъ да колпиковъ осядутъ. Въ августѣ — поля высохли, берега проросли травой и стада молодой птицы по вечерамъ присаживаются на сухія поля. Но только съ сентября дичь — жирна и заманчива. Только въ это время да въ теплый понизовый октябрь возвращается съ сѣвера перелетная птица, «хорошо питавшаяся тамъ на засѣянныхъ поляхъ и по лѣснымъ трущобамъ».

Въ половинѣ ноября уже птица на отлетъ идетъ, въ осенніе холода и слякоть охотники только по нуждѣ въ поляхъ да лугахъ живутъ до зимы, когда приспѣетъ время на зайца, да на куропатку съ фазаномъ. Тогда же и кабаньей травлѣ настоящій водъ. Лѣтняя охота съ 15-го іюля, разумѣется, заманчивѣе, только и она далеко уже не такъ обильна, какъ прежде. Теперь Немвроду нужно за нею въ приморскіе крѣпи идти, гдѣ берега заросли гущиною трехсаженною, въ чащу камыша, между которымъ тростникъ чапанъ сплошною стѣною сталъ... Гораздо лучше въ степь идти, или въ займища, гдѣ можно встрѣтить охотниковъ безъ ружей, «съ одною короткою, но полновѣсною палкою, съ собакою безъ ружей, съ ружьемъ безъ собаки» и т. д. Такимъ образомъ, охота здѣсь дѣлится на приморскую, степную и займищевую Въ приморской—охотникъ бьетъ красную утку, мартынъ-чайку (очень рѣдко), лебедя, стереха, корхаля, пеликана фазана, волка, лисицу и кабана; въ степной и займищевой онъ беретъ стрепета, драхву, при случаѣ, но не охотно—журавля, кроншнера, бульдурука, куропатку, гуся, казару, утку, каравайку, колпика, кулика, бекаса, дупеля, гаршнепа, коростеля, перепелку, вальдшнепа, сайгака и зайца. Охотники дѣлятся тоже на разныя подраздѣленія.

— Это — кашкалдачникъ! презрительно отзываются они о новичкѣ.

— Эхъ, ты! Утятникъ! Обзываютъ стрѣляющихъ крупную дичь.

Аристократія астраханской охоты — бекасинники знаютъ только болѣе избранную птицу и пренебрежительно относятся къ остальной...

Весною и осенью здѣсь охотятся «по водѣ», для чего употребляется плоскодонный трубяной челнокъ. Изъ липоваго дерева выдалбливается труба, ее долго размачиваютъ въ горячей водѣ и потомъ даютъ ей желаемую килевую форму. Подъ створкой изъ доски бережется въ ней порохъ. Облаченный въ халатъ верблюжьяго сукна, охотникъ помѣщается въ лодкѣ рѣдко съ пуделемъ, чаще совсѣмъ безъ собаки. Мѣстные Немвроды находятъ болѣе привлекательнымъ бродить за дичью по горло въ водѣ, получая въ концѣ концовъ ревматизмы. Три или четыре охотника уговариваются вмѣстѣ, и высмоливъ хорошенько лодку-бударку, выходятъ въ ней на Волгу. Подорогѣ попадается въ рѣкѣ неводъ. Охотники приворачиваютъ къ нему.

— Богъ въ помощь!

— Спасибо! отвѣчаетъ неводчикъ.

— Ловится ли рыбка?

— Плохо, сухмень... Морянки бы надо.

— Одолжите-ко что-нибудь на котелокъ.

Отказа нѣтъ. Въ челнокъ бросаютъ пару, другую судаковъ, бершей, нѣсколько лещиковъ, иной разъ и стерлядка перепадетъ. Приваливаютъ къ ильменю и тутъ уже ожидаютъ дичи. Спятъ на открытомъ воздухѣ, подъ ропотъ монотонныхъ волнъ, только крѣпче заворачиваясь въ одѣяло, когда съ востока потянетъ холоднымъ вѣтромъ. Ярче и ярче загораются звѣзды надъ ними, громче поетъ свою вѣчную пѣсню неугомонная рѣка, изрѣдка звонкій крикъ лебедя будитъ, словно замершую въ дремѣ, окрестность, скрипнетъ коростель и потухаетъ... Чу, утки закрякали встревоженно въ тихомъ

затонникѣ... Итакъ — пока не поблѣднѣютъ яркія созвѣздія, пока бѣлый туманъ не заклубится надъ спокойною поверхностію воложка и еще болѣе недвижнымъ просторомъ ильменя. Охотники уже встрепенулись. Въ котелкѣ варится калмыцкій чай, и розовое зарево еще не разбросило по небу свои золотые лучи, а Немвроды уже разбрелись въ разныя стороны за добычей... Черезъ нѣсколько часовъ всѣ вернутся на мѣсто стоянки...

— Хорошо, поди, въ это время! Лучше не надо.

— Ладно бы, одна бѣда — комаръ ѣстъ. И сѣткой иной разъ не спасешься.

Зимою промышленники отправляются на охоту «въ крошечныхъ саняхъ, которыя быстро везутъ три собаки по взморью». Подъ лошадями рухнулъ бы тонкій ледъ—а собаки выносятъ чудесно...

Въ февральскіе утренники, первымъ вѣстникомъ весны, съ сухихъ бугорковъ или оттаявшихъ ильменей, знай себѣ выкрикиваетъ красная утка, которая всѣмъ намъ могла бы служить примѣромъ супружеской вѣрности. Самка съ самцемъ—неразлучны. Выводятъ дѣтей въ дуплахъ, или запросто кладутъ яйцы въ старыя лисьи и барсучьи норы. Впрочемъ, какъ и всѣ очень уже вѣрные супруги, утки этого вида отличаются недальновидностью, чтобъ не сказать болѣе. Они подпускаютъ охотника на ружейный выстрѣлъ и ближе, поднимаясь летятъ низко и даже кружатся надъ охотникомъ, напрашиваясь такимъ образомъ на вертелъ. Впрочемъ, красная утка изъ чадолюбія способна и на хитрость. Замѣтя опасность, она отводитъ охотника отъ выводка въ противоположную сторону... За красною уткою, наиболѣе раннею птицею въ Астраханскомъ краѣ, является чайка-мартышка. Надъ лодкою охотника—цѣлою тучею вьются сизокрылые, черноголовые мартышки, съ громкимъ хохотомъ встрѣчая человѣка.

Убьешь одну—еще болѣе суеты: еще назойливѣе они носятся передъ вами и громче хохочутъ на весь этотъ сырой и безграничный просторъ. Сила крыльевъ у чаекъ изумительна. Сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ въ одинъ день—для нихъ пустое дѣло. На пустынныхъ островахъ Каспія такъ много яицъ этой чайки, что «буквально ступить некуда». Мартышка чрезвычайно находчива, рыбу ловитъ она облавою. Вся ватага дѣлится на два отряда, одинъ загоняетъ рыбу въ бухту или просто къ берегу, другой пожираетъ добычу. Потомъ роли мѣняются и голодные хищники насыщаются въ свою очередь. Только что вскроются ильмени—миріадами слетаются на нихъ лебеди—жировать. Держится лебедь по серединѣ озеръ, такъ что добудешь его только хорошимъ ружьемъ, да и то умѣючи. Далеко по вѣтру слышенъ отсюда «его звонкій мелодическій голосъ съ особеннымъ гиканьемъ». Лебедь умѣетъ любить и ласкать свою подругу. Это примѣрный сластолюбецъ. Онъ то обвиваетъ ее своею шеею, то прикладываетъ къ ней голову, ни на минуту ее не оставляя. Онъ постоянно цѣлуется съ нею, милуется и вообще, ведетъ себя такъ джентльменски, выражаетъ такую полноту, доступнаго птицѣ счастья, что и убивать-то ее не хочется. Охотники дѣлаютъ вблизи ильменей засаду изъ сѣна, хвороста и, залегая за нее, поджидаютъ лебедей. Иначе ихъ не добудешь. Въ это же лѣто по пустынной р. Косьвѣ, впадающей въ Каму, я встрѣтилъ уже на сѣверѣ, астраханскихъ знакомцевъ—лебедей. Но населеніе пермскихъ заводовъ и выселковъ, даже бродячіе охотники уральскіе не бьютъ эту красавицу-птицу, твердо вѣру, что за смерть лебедя судьба всегда наказываетъ убійцу какимъ-нибудь ужаснымъ несчастіемъ. Удивительно хороши весною волжскіе ильмени. Среди спокойныхъ гладей, окаймленныхъ зеленою стѣною камыша — граціозно плаваетъ стая бѣлыхъ лебедей, въ голубомъ небѣ искрами сверкаютъ чайки, на отмеляхъ и пес-

чанныхъ мыскахъ недвижно, словно часовые, стоятъ бѣлые, какъ снѣгъ, съ черными маховыми крыльями журавли—стерехи, оглашающіе окрестности звуками, похожими на пастушескую свирѣль. Цѣлыми выводками чертятъ воду—монотонно крякающія утки, а съ недосягаемыхъ высей, едва замѣтный невооруженному глазу бѣлоголовый орелъ-беркутъ, зорко высматриваетъ себѣ добычу, гдѣ бы она ни показалась — все равно, въ спокойной лазури ильменя или въ густой чащѣ береговаго камыша... а къ вечеру-то!... по зарѣ, когда начнутъ посвистывать кулички, противъ вѣтра потянутся стаи баклановъ, зачиликаетъ всякая мелкая пташка, радуясь теплой южной ночи... Точно вздрагиваютъ метелки камыша, мало по малу окутываемыя синими мглистыми сумерками, и, будто громкая струна, на весь просторъ, гармонично выкрикиваетъ бѣлый лебедь свое «прости» отходящему солнцу... Едвали не самая затруднительная охота здѣсь на пеликановъ. До нихъ не доберешься съ отмелей—спугнешь только. Нужно протискиваться сквозь камышевыя крѣпи, путаясь въ осокѣ, погружаясь до пояса въ воду или утопая въ илистой грязи. Такимъ образомъ, подкрадываются къ песчанымъ или поросшимъ тальникомъ побережьямъ, гдѣ, среди веселой суеты баклановъ, стоятъ неподвижные, точно въ землю водруженные, пеликаны. Заставъ въ расплохъ бабу-птицу, можно разсчитывать съ увѣренностью не только убить нѣсколькихъ, но и захватить другихъ руками, прежде чѣмъ остальныя опомнятся и улетятъ отъ неожиданнаго врага.

Самая красивая прикаспійская птица и самая вкусная — фазанъ. Зимою на него ходятъ по слѣду, лѣтомъ—съ полотномъ ловятъ. Фазанъ, увидя охотника бѣжитъ, но замѣтивъ бѣлое квадратное полотно, движущееся къ нему, спокойно кормится и попадаетъ подъ дуло. Его ловятъ также и партіями. Собаки спугиваютъ птицу, въ которую стрѣляютъ по оче-

реди, гуськомъ подвигающіеся впередъ, охотники, пока не улетитъ. У меня изъ подъ-ногъ выскочилъ фазанъ, прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться—и блеснувъ золотистыми перьями подъ яркимъ блескомъ солнца — вбился въ такую сплошную чащу камыша, передъ которой, несомнѣнно, отступилъ бы и болѣе опытный охотникъ.

Еще замѣчательнѣе охота на кабана. Звѣрь, обыкновенно, шатается у самаго взморья, въ камышахъ и по сырымъ низинамъ. Къ нему подходятъ противъ вѣтра съ собаками, иначе кабанъ уйдетъ. По громкому лаю ищейки впереди, остальная свора моментально окружаетъ животное и держитъ его въ замкнутомъ кругѣ, выжидая сигнальнаго выстрѣла. Еще не успѣютъ отзвучать отголоски его, какъ собаки бросаются на звѣря и впиваются въ такія мѣста, гдѣ клыки его безопасны. Есть такіе ловкіе псы, которые, схвативъ кабана за ухо, перекидываются ему за спину, и плотно прижавшись къ животному, избѣгаютъ клыковъ. Зимою его стараются сбить на ледъ, гдѣ, скользя, кабанъ быстро теряетъ силы. При неудачной охотѣ, онъ часто распарываетъ клыкомъ ноги охотнику, не говоря уже о разорванныхъ собакахъ. Лучше всего ловить самцовъ, когда они бьются между собою на жизнь и на смерть за какую-нибудь толстокожую красавицу. Мужественные донъ-жуаны не слышатъ даже выстрѣла на этомъ любовномъ турнирѣ и гибнутъ жертвами своего рыцарства. Астраханцы, впрочемъ, до того привыкли къ этой охотѣ, что часто, догоняя кабана на лошади, наносятъ ему нагайкою удары по переносицѣ, отъ которыхъ звѣрь падаетъ на мѣстѣ. Способы охоты бываютъ одинаково опасны и для охотника. Кабана, напримѣръ, бьютъ на струну: на тропѣ, гдѣ ходитъ онъ, «привязываютъ къ двумъ кольямъ ружье, въ ростъ кабана отъ земли. По тропѣ укрѣпляется тонкая бичевка, одинъ конецъ которой приспособливается къ собачкѣ замка. Такихъ запад-

ней ставится нѣсколько въ рядъ. Задѣвъ ногою или грудью за бичевку, звѣрь падаетъ подъ выстрѣлами»; но случалось, что, иногда вмѣсто звѣря, находили на тропинкѣ убитаго калмыка или русскаго промышленника. Охоту этого рода слѣдовало бы строго запретить. Кабаны здѣсь достигаютъ 12 пуд. вѣса.

Степная и займищевая охота у Каспія имѣетъ свою прелесть. Тутъ птицу бьютъ въ самое счастливое для нея время. Возьмите, напримѣръ, стрепета; только что онъ начинаетъ взбираться на холмики, подпрыгивать и выпѣвать пѣсни любви передъ избранницей своего сердца, какъ лукавый охотникъ на тѣхъ же бугоркахъ разставляетъ силки, куда, въ параксизмахъ страсти, и попадаются пернатые кавалеры. Драхву или дудака подстерегаютъ къ осени, во время перелета съ востока къ югозападу. Куропатокъ здѣсь ловятъ какъ рыбу, въ ставныя сѣти. Осенью, когда птица эта перелетаетъ изъ степей въ займище, вдоль берега Волги, надъ обрывомъ ставятъ сѣти; по вечерамъ стаи цѣликомъ на лету попадаютъ въ сѣти, причемъ, охотники сейчасъ же свертываютъ имъ шеи, вынимаютъ изъ петель и опять расправляютъ сѣть для слѣдующей стаи. Добываютъ ихъ также и въ вентерь изъ обручей, обтянутыхъ сѣткой. Сюда охотникъ загоняетъ дичь, посредствомъ холщеваго щита, за которымъ не видно человѣка. Гуся тоже ловятъ мошеннически. «Въ ростъ человѣка дѣлается плетенка, гдѣ оставляются отверстія для глазъ и для ружья. Надѣвъ ее на себя, охотникъ приближается къ стаѣ и убиваетъ гусей. Послѣ выстрѣла птицы подымаются, но ничего не видя садятся снова. Выстрѣлъ повторяется съ тѣми же послѣдствіями. Итакъ, по нѣскольку разъ. Нельзя не отмѣтить, между прочимъ, неразумнаго уничтоженія яицъ утокъ различныхъ породъ». Хуторяне запрягаютъ быковъ и ѣдутъ на возахъ за яйцами, другіе отправ-

ляются за ними въ лодкахъ, переполняемыхъ до верху добычею этого истребительнаго промысла.

Остается сказать нѣсколько словъ о степной охотѣ на сайгака.

Лучше всего ловить его въ жары на берегахъ Волги, куда ихъ гонитъ мошка и комары. Партіи охотниковъ раздѣляются на двѣ половины; одна залегаетъ въ траву, а другая гонитъ стадо сайгаковъ на засаду. Подстерегаютъ сайгаковъ, и на водопоѣ, при этомъ, если охотника не видно, онъ можетъ повторить нѣсколько разъ свой выстрѣлъ. Промышленники берутъ съ собою кадки съ солью, потому что при множествѣ убитыхъ животныхъ, мясо ихъ солятъ. Зимою бураны загоняютъ сайгаковъ въ села или сбрасываютъ ихъ на ледъ, гдѣ крестьяне захватываютъ ихъ живьемъ, или бьютъ палками. На зайцевъ здѣсь до сихъ поръ охотятся съ собаками и соколами. Сверхъ того, во время разлива воды, ихъ во множествѣ избиваютъ на небольшихъ бугоркахъ и клочкахъ, оставшейся незатопленною, земли.

Но довольно объ истребленіи и истребителяхъ!...

Астрахань была уже близка.

Мы шли камышами. Зеленая стѣна направо, зеленая стѣна налѣво... Тихо колышутся метелки тростника, словно кивая намъ; еще тише, еще лѣнивѣе движутся весла на челнокѣ, пробѣгающемъ стороною. Бѣлый парусъ чуть колышется... Точно и гребцы, и рѣка, и даже зеленыя стѣны, дремлютъ подъ знойнымъ солнцемъ... Вотъ на встрѣчу быстро пересѣкаетъ Волгу узкая лодка. На ней шестеро гребцовъ и какое-то красное, яркое пятно.

— Гелюнга везутъ?

— Что такое гелюнгъ?

— Калмыцкій попъ... Тутъ около калмыцкій базаръ есть. Вы навѣрное поѣдете туда.

А жарко, дѣйствительно. Несмотря на то, что по рѣкѣ полземъ—паритъ. Что же будетъ въ полдень, если теперь и восьми часовъ утра нѣтъ. И зной-то сухъ, просто мысль замираетъ, руки опускаются, ничего не хочется дѣлать.

— Тутъ голову беречь надо—это край солнечныхъ ударовъ и солнечныхъ обжоговъ. Видите, вонъ, персовъ? Тѣ невозмутимо сидятъ себѣ въ своихъ бараньихъ шапкахъ, неподвижные, какъ какія-то черныя изваянія...

II.

Разсказъ о дьячкѣ. — Персидскіе аристократы.

— У васъ что, у васъ дьячки кволые, леккіе!...

— Ну тоже... Вызваниваютъ мотри какъ... разсуждаютъ на палубѣ.

— Да развѣ дьячково дѣло—звонъ. Дьячекъ далжо́нъ хвалу Создателю воспѣвать.

— И воспѣваютъ.

— А то звонъ!

— Ну тоже и безъ звона—куда?

— На то—звонарь, коли церква полная.

— Нашъ дьячокъ кволый, а только святости въ немъ этой сколько хошь...

— И въ этомъ мы завсегда вамъ стать поперегъ дороги можемъ. У насъ дьячекъ былъ, трехъ дѣвицъ соблюлъ и не единою мздою не попользовался.

— Нну!?

— Вѣрно... Чего тутъ. Съ офицеромъ-то и дѣло все было. Три дѣвицы жили у насъ—три сестрицы. По всему селу краше не было... Тятенька у нихъ на промыслахъ рыбку ловилъ съ братаномъ, а мать въ городу жила—тоже торговлюшка завелась, вишь, малая. Только пригнали къ намъ на постой

солдатиковъ, и офицеръ съ ними. И такой ли пронзительный офицеръ! Вотъ онъ-то у дѣвокъ этихъ на постоѣ и стоялъ. Да все за ними, что кабель!...

— Ихъ взять на это. Первые мастера. Паекъ имъ идетъ хорошій, дѣла мало, ну и балуются...

— Пьянъ былъ, вишь, дьячекъ этотъ разъ, и угораздило его забраться въ дѣвичью избу, на кровлю. И какъ онъ попалъ туда, не помнитъ, и что дѣлалъ тамъ, не знаетъ. Только ночесь слышу я, говоритъ, нѣкій шумъ и многоглаголаніе сицевое. А крыша-то съ изъянцемъ была, онъ сквозь дыру-то и посмотри. Чтожъ бы ты думалъ, аки лютый звѣрь, офицеръ-то этотъ самой, черезъ горницу пробирается... яко тать въ нощи, а самъ словесами ихъ улещаетъ да охаживаетъ; дѣвка извѣстно глупа, что перепелъ на разговоръ идетъ! Ну, дьячекъ, не будь дуракъ и заори... Батюшки, что тутъ сраму одного было! Дѣвки-то въ чемъ попало на улицу, а молодца-то этого въ горницѣ приперли. Сбѣжались сосѣди—думали что тамъ: отворили дверь, а оттуда на нихъ какъ шаркнетъ офицеръ-то, да турманомъ черезъ сѣни въ свою горницу. Ну, посрамили его маленько и ушли, чтожъ съ съ нимъ сдѣлаешь.

— А дьячка-то?

— Про него братъ позабыли. Такъ онъ и доспалъ до утра на кровлѣ. Извѣстно, человѣкъ пьяный, что ему. Опосля отъ вина сгорѣлъ совсѣмъ... А дѣвицъ соблюлъ!..

— Зачтется ему это.

— Какъ ни зачесть. За Богомъ братъ не пропадетъ... Отъ него завсегда награда будетъ... Теперь дьячкова дочь-то и пононѣ съ волостнымъ по селу путается...

Астрахань была уже близка.

Направо и налѣво низменною зеленою стѣною стоятъ камыши, волнуясь по вѣтру своими серебристыми метелками. Ка-

мыши далеко входятъ въ воду... Часто густая щетина ихъ раздавалась, и узконосый челнокъ показывался оттуда, чтобъ изъ стоялыхъ водъ какого-нибудь, совсѣмъ уже проросшаго ерика выплыть на широкій просторъ Волги, привольнѣе и величавѣе катившей здѣсь свои волны, въ близкомъ сосѣдствѣ теплаго Каспія...

И пахло уже моремъ...

На палубѣ чаще и чаще стали попадаться сумрачные, черными головешками выглядывавшіе, персы. Удивительный это народъ. То онъ сидитъ недвижно и жмурится на солнце, поджавъ подъ себя пятки, то юрко шныряетъ въ толпѣ, каждому предлагая дрянную выцвѣтшую бирюзу, сомнительный янтарь и грубо обработанные сердолики. Божиться и клясться онъ будетъ передъ вами за трехъ евреевъ и за пару цыганъ; во что бы то ни стало, а навяжетъ вамъ какую-нибудь мерзость. Не успѣешь оглянуться—смотришь опять онъ замеръ. Разъ я видѣлъ, какъ шестеро персовъ неподвижно высидѣли часа два, глядя на спящую бабу изъ Дубовки, у которой во снѣ рубаха на груди поспустилась. Такъ въ рядъ и сидятъ. Только развѣ взглянутъ другъ на друга, причмокнутъ, помотаютъ головою и опять уставятся на то, что одинъ ихъ же персидскій поэтъ назвалъ двумя лепестками одной и той же розы. Другой разъ къ нимъ мой бинокль попалъ. Давай по очереди другъ друга разглядывать, и все это молча, серьезно, невозмутимо, точно и впрямь дѣло дѣлаютъ... Разъ по пяти каждый посмотрѣлъ. А то пѣсню курнычутъ про себя. На возвратномъ пути, въ каютѣ 1-го класса ѣхало съ нами пятеро «знатныхъ» персіянъ. Боже мой, что это за невозможныя свиньи были! Сидѣть около оказывалось невозможнымъ. Именитые юноши во время нашего обѣда вдругъ вздумали снять туфли и освободить свои ноги отъ чулокъ. И вѣдь видятъ, что другимъ противно, а сами ни съ мѣста, точно и впрямь нужно

разглядывать имъ свои голыя ноги... Они сошли въ Царицынѣ — и мы только тогда свободно вздохнули. Право мнѣ кажется, что эти знатные и образованные персы, гораздо грязнѣе несчастнаго труженика сѣверныхъ пустынь самоѣда, а лопарь, сравнительно съ ними, былъ бы идеаломъ опрятности и приличія. Изъ знакомства своего съ персами я могъ заключить, что они поголовно страдаютъ водобоязнью, по крайней мѣрѣ, я никогда не видѣлъ ихъ умывающимися. О персахъ пасажирахъ 3-го класса и толковать нечего. Мадамъ Гебгардъ у каждаго изъ нихъ могла бы благопріобрѣсть баранью шапку въ качествѣ полнаго звѣринца и сдѣлала бы при томъ выгодный гешефтъ. А посмотрите, какъ именитый персъ относится къ неименитому. Одинъ несчастный выходецъ изъ Тавриза подошелъ къ намъ, вымаливая дать ему хоть что-нибудь, такъ какъ денегъ у него нѣтъ, послѣднія заплатилъ за билетъ, а ѣсть хочется, день цѣлый не ѣлъ. По худобѣ и выраженію крайняго голода въ лицѣ видно было, что это не проходимецъ. Каждый изъ насъ далъ ему что могъ.

— Вонъ ваши сидятъ—поди къ нимъ, присовѣтовали ему.

— Ой!.. И онъ покачалъ головою.

— Иди, богатые.

Пошелъ несчастный. Посмотрѣли бы вы, съ какимъ величественнымъ презрѣніемъ эти прохвосты швырнули его ногою, какъ паршивую собаку. Даже мастодонтъ уржумецъ и тотъ озлился.

— Ты давать, не давай, твоя воля, а зачѣмъ пынять-то... Голова твоя баранья!..

На палубѣ другой персъ объяснялъ кому-то прелести Ленкорани.

— Гхарошій городъ, га, гхароши городъ...

Точно у него въ горлѣ клокотало и хрипѣло что-то.

— Театръ есть?

— Нэтъ... Тыатру нэтъ—бана іестъ!..

ВЪ ПЕКЛѢ.

Жара. — Ватаги.—Саратовское чудовище и коньякъ изъ шпанскихъ мушекъ.—Персидскій шахъ въ роли разбойника. — Дровяной вопросъ. — Калмыцкій попъ. — Калмыки-работники. — Промысловыя лодки и рыболовная кипѣнь. — Станья по ерикамъ. — Астрахань.—Рѣчная суета.—Армянскій рай.

Жара невыносимая, съ ума сойдти можно. Всѣ въ поту, всѣ томительно оглядываютъ окрестности, не потянетъ ли откуда-нибудь прохладой: но, увы! Горные берега съ лѣсистыми холодными ущельями, посылавшими намъ на встрѣчу свой освѣжающій вѣтеръ, отошли далеко назадъ.... Второй день, направо и налѣво, мерещится чуть-чуть замѣтная зеленая полоска низменныхъ степей астраханскихъ... Нигдѣ она не всхолмится, нигдѣ не выпятится куполомъ или горбиною. Всюду однообразный камышъ. Недвижно замерли въ знойномъ воздухѣ ослѣпительно яркаго дня его метелки.... Дрогнутъ развѣ тамъ, гдѣ сквозь эту зеленую чащу, поближе къ водѣ, кабанъ подбирается, или сквозь крѣпь проталкивается жалкій челнокъ рыболова, не глядя на неуказанное время, промышляющаго себѣ по захолустьямъ пустыннаго берега.... Отъ жара—дали въ золотистой пыли какой-то... Изрѣдка, въ би-

покль разсмотришь на берегу ватагу, вблизи затоновъ, тамъ, гдѣ въ Волгу какой-нибудь свѣтловодный протокъ вливается или при «ухвостьѣ острова». Кучка сѣроватыхъ построекъ коегдѣ еще подъ водою, только до половины видны дома... И не только весною, въ уловистую осеннюю пору полою водою тоже заливаетъ ватагу, да промышленнику не до того, прихотничать некогда, рыба не ждетъ! Каждая ватажка изъ девяти построекъ ставлена. Въ рѣку вдвигается плотъ, гдѣ принимаютъ и раздѣлываютъ рыбу, приготовляютъ икру, сушатъ визигу. Надъ плотомъ, точно бѣлое облачко, въ рыболовную пору чайки возятся. Птица добычливая, ловкая. Нѣтъ, нѣтъ, да и попадетъ что отъ промышленника. А и въ воду выкинетъ—изъ воды выхватитъ порхатый хищникъ... Гомонъ тутъ. Особенно послѣ лова. Мало ли лодокъ пристанутъ: крики, шумъ, веселая кипѣнь рѣчнаго урожая! За плотомъ, на берегу—выхода̀ тянутся съ ледниками, ларями, колодами, чаньями, амбарами для соли. Тутъ сумракъ и прохлада. Вотъ бы съ парахода туда, сразу бы ожили. Хотя и воняетъ тузлукомъ, да прогорьклой рыбой, а все лучше, чѣмъ въ этомъ пеклѣ, которое развѣ только по силамъ страдающему водобоязнью персу, да армянину, фіолетовый носъ котораго, подобно аметисту темнаго колера, отражаетъ солнечные лучи... Съ выходами мы въ Астрахани познакомимся, тамъ я ихъ нѣсколько оглядѣлъ, и громадные, въ родѣ выхода милліонщика Орѣхова, и маленькіе. Все равно по одному образу и подобію ставлены. Сверхъ выходовъ на ватагахъ еще и лабазы есть. Тутъ—чаньи, небольшіе лари, да ванны. Часто, гдѣ постояннаго плота нѣтъ, или нельзя его поставить, потому что ледоходомъ берега срѣзываетъ, выходъ и лабазъ служатъ мѣстомъ очистки и приготовленія рыбы. Только издали, съ палубы парохода кажется, что выходъ у самаго берега примостился. Въ дѣйствительности, онъ иногда саженъ на 200 ото-

двинутъ, иначе полой водой весь ледъ смоетъ... Выходъ—собственно ледники, для посола рыбы. Издали, какъ и выхода норвежскихъ колонистовъ на Мурманѣ, онъ зеленымъ бугромъ иногда кажется. Дѣло въ томъ, что къ сосновому скелету выхода земли приваливаютъ, а поверхъ трава выростаетъ, да треплется былье разное по его откосамъ. Освѣщеніе здѣсь сверху. Вдѣлываются окна «изъ двухстворчатой, наклонной подъ угломъ рамы со ставнями». Начнется работа—откроютъ ставни. Сумракъ не такъ густъ. А въ прохладное время и вовсе окна растворятъ, чтобы въ выходѣ, внутри, воздухъ освѣжить — не тузлукомъ же дышать натомившейся рабочей груди!... Въ лабазахъ солятъ воблу, бѣшенку и другую чистиковую рыбу. Тутъ, сверхъ лѣса, на постройку иногда и камышъ гожъ. Лабазъ издали видѣнъ, надъ всѣмъ становьемъ ватаги; его нарочно на буграхъ ставятъ, чтобы подъ колоды не проникла смѣшавшаяся съ тузлукомъ подпочвенная вода. Г. Соколовъ свидѣтельствовалъ, что такая вода нерѣдко выпираетъ врытыя въ землю порожнія чанья: совершенно вонъ выпираетъ! Тамъ, гдѣ промыселъ организованъ не крупнымъ предпринимателемъ, а такъ по дѣдовскому стародавнему свычаю самимъ рыболовомъ ведется на малыя средства, выхода при жилыхъ избахъ устраиваются. Вроютъ въ землю ларь, сбоку въ яму наложатъ льду, закроютъ землею да кошмами— и дѣло готово. Ходятъ въ него сквозь отверстіе, вырытое въ землѣ со стороны противоположной ямѣ со льдомъ. Издали, между выходами да лабазами можно различить въ ватагахъ— вѣшала, тоже самое что палтухи на дальнемъ сѣверѣ, у предѣловъ обитаемаго міра. Вѣшалы, для сушки рыбы весною, ставятся тамъ, гдѣ мѣсто пооткрытѣе и для солнца, и для сторожеваго глаза, иначе видимо невидимо налетитъ всякой вороватой, да на чужое добро тароватой птицы и расклюютъ запасы. Часто на двухстахъ квадратныхъ саженяхъ такихъ

вѣшалъ—шестовъ семьсотъ стоитъ, составляя одинъ салмакъ. Шесты или вертикальныя стойки поддерживаютъ горизонтальныя жерди, на которыхъ связками развѣшивается рыба. Русскіе рыболовы у Ледовитаго океана почти также сушатъ весною треску, для отвоза въ Питеръ съ одной, и Архангельскъ съ другой стороны. Остальная часть ватаги, матеріальный амбаръ для склада сѣтей и разныхъ промысловыхъ снарядовъ, приказчичій домъ да казармы для рабочихъ. Грязно и скудно живется въ такихъ казармахъ, благо еще что лѣтомъ хорошо и на открытомъ воздухѣ спится, къ комару да къ мошкѣ рабочій людъ притерпѣлся. Да пожалуй, кожу иного рыболова и уральскій комаръ (начто ужь зловредный звѣрь!) не прокуситъ... Говорятъ, что зачастую въ казармахъ на каждаго человѣка приходится 1/3 кубич. сажени воздуха, т. е. втрое менѣе того, что нужно для дыханія. А чуть еще окна заперты, печь кизякомъ воняетъ да чадитъ, рыба сушится на верху, да отъ промокшаго въ выходахъ платья, разлагающагося тузлука запахомъ обноситъ... Непривычному — смерть, астраханцу—шутка. При нѣкоторыхъ ватагахъ—живорыбные садки. Плавучіе рѣшетчатые ящики, или огороженные кольями съ сѣткою полукружія у берега. По словамъ г. Соколова, въ лѣтнее время, на лѣвой сторонѣ Волги помѣщаютъ живую рыбу, на короткое время въ ильмени, наливающіеся весною полою водою, а лѣтомъ нагонные вѣтры освѣжаютъ запасы прибылой водою. Есть и превосходные естественные садки для рыбы. Въ 28 верстахъ отъ Царицына, на холмѣ, вышиною въ 150 футъ надъ уровнемъ Волги, озерко, наполняемое желѣзною водою изъ горныхъ ключей. Это превосходное хранилище для рыбы, какъ по низкой температурѣ, такъ и по желѣзистой водѣ, благотворно вліяющей на рыбу.

Нѣкогда, впрочемъ, и присмотрѣться ко всему этому. Только что въ сѣровато-золотистой дымкѣ знойнаго воздуха, развер-

нется передъ тобою, груда красивыхъ издали построекъ такой ватаги, только что начнешь различать пестрыя рубахи рыболововъ, только что замѣтишь на ослѣпительно сверкающемъ просторѣ рѣки бударку, за которой должно быть тянется плавная сѣть,—какъ въ вискахъ застучитъ кровь, даже перехватитъ дыханье и, едва переступая, ползешь опять въ рубку, гдѣ въ еще болѣе безпомощномъ состояніи не то спитъ, не то просто безчувствуетъ какая-то толстая барыня изъ Саратова. Лице ея стало совершенно ноздреватымъ, руки красныя, мокрыя...

— Ну что какъ? съ участіемъ спрашиваютъ ее?

— Ахъ... Что ужъ... Смерть моя приходитъ... И понесло меня въ это пекло... Дама я сырая, полная... Долго ли до грѣха...

— Кваску бы?

— Пробовала... И чай пила горячій.. и кофе... говорятъ помогаетъ...

— Водка дѣйствительно помогаетъ—густымъ басомъ отзывается Немвродъ, о которомъ я говорилъ въ прошлой главѣ...

— Дамѣ-то?... съ ужасомъ, выходитъ изъ своего безчувствія саратовское чудовище.

— А хотя бы... Лекарственно... Нынче и дамы; только одно слово, что прекрасный полъ!...

Разговоръ не вяжется. Жарко. Всѣ опять погружаются въ безмолвіе. «Иванъ Ивановичъ» тяжело дышетъ, высунувъ языкъ и постукивая обрубкомъ хвоста по полу. То онъ подъ диванъ заберется, то на серединѣ рубки раскинется, то въ уголъ ляжетъ... Наконецъ, цивилизованный песъ, позабывъ всѣ приличія, перевернулся на спину и лапы вверхъ поднялъ... Во всѣхъ окнахъ рубки жалузи спущены... Начинаешь дре-

мать и разбаливается голова, очнешься, оглянешся—всѣ словно въ водѣ распустились...

— Знаете, эта жара свою хорошую сторону имѣетъ.... обращается ко мнѣ Немвродъ.

— Какую это?

— На этомъ свѣтѣ грѣшники уже приуготовляются къ тому, что будетъ на томъ;—это, знаете, предостереженіе... Пьете? рѣзко переходитъ онъ въ другой тонъ.

— Нѣтъ...

— Неблагонадежный человѣкъ значитъ. А у меня коньякъ, я вамъ скажу, настоящій, французскій. Въ Царицынѣ Иванъ Епифановъ дѣлаетъ. Вотъ бы дамѣ-то...

Два стаканчика одинъ за другимъ опрокидываются ему въ глотку; лице принимаетъ испуганное выраженіе, глаза округляются, ротъ такъ и остается разинутымъ. Видно, что дыханіе захватило...

— Ну, звѣрь! приходитъ онъ въ себя. Должно быть на шпанскихъ мушкахъ настоенъ. И плетеная бутылка отправляется обратно въ карманъ...

— Стерлядки бы... выходитъ изъ оцѣпенѣнія «дама».

Я спускаюсь внизъ въ каюту, раздѣваюсь, какъ Гассанъ въ поэмѣ Альфреда де-Мюссе «Намуна», и уже въ костюмѣ прародителя Адама кидаюсь на диванъ... Сонъ безъ грезъ, но тяжелый, мучительный... Кровь бьетъ въ голову, точно огонь разливается по жиламъ. Пароходъ пристаетъ куда-то; я слышу въ дремѣ, какъ наверху завозились, окно моей каюты пришлось прямо въ балки пристани, бортъ трется о нихъ, скрипитъ... Трещитъ что-то... Кто-то тонкимъ дискантомъ ругается на берегу... А головы поднять не могу, выйдти не въ силахъ... Вонъ грохотъ пошелъ—дрова грузятъ должно быть... Каждый звукъ съ болью отдается. Точно въ кошмарѣ, ни рукою двинуть, ни слова

вымолвить... Жарко... Душно!... Часа два такъ промаялся, пока отошло!...

Когда я вышелъ наверхъ, въ рубкѣ только капитанъ одиночествовалъ. Оказалось, что всѣ пассажиры внизъ ушли. Жаромъ смело.

— Тутъ только однимъ персамъ да армянамъ — рай! А намъ—пекло истинное! У меня въ прошломъ году на палубѣ два случая солнечныхъ ударовъ было. Иногда такъ накаливаетъ, что металлическія части на палубѣ точно изъ огня выхвачены. Брызнешь водою—зашипитъ и испарится сейчасъ... А ему вонъ—все равно! взмахнулъ капитанъ на перса, бочкомъ, съ цѣлымъ запасомъ сквернаго янтаря, пробиравшагося въ рубку. Ты чего...

— Янтаръ іестъ, бируза самы гхарошій...

— И не надоѣло тебѣ по жарѣ путаться, все равно ничего не купятъ.

— Это не жарка... У насъ, Мешхедъ—жарка... Тавризъ завсѣмъ тыпло будытъ... Наши шапка надѣвай, канаусовый рубахъ, чуха...

— Не въ шубу ли еще?

— А! лѣтомъ Мешхедъ шуба гхарошо... Солнце не бьетъ...

Пальцы у этого джентльмена были сплошь усажены бирюзовыми кольцами; блѣдноголубыя бородавки бирюзы и вкось и вкривь сидѣли на грязныхъ рукахъ, съ красными крашеными ногтями. Борода, по персидскому обычаю, выкрашена тоже въ красное...

— И зачѣмъ вы только сюда ѣздите?... лѣниво выспрашивалъ капитанъ, отъ нечего дѣлать.

— Какъ зачѣмъ... У насъ, Мешхедъ — вай-вай — не гхарошо... Начални у насъ балшой разбойныкъ... Что іестъ, всо вазмотъ. Денга вазмотъ, жена вазмотъ, малчыкъ вазмотъ...

— То-то вы къ намъ и лѣзете.

— Даволна разъ Астраханъ попасть. Дамой — Персіа, не пайдошъ! Ай, гхарашо у васъ... Слабодна у васъ...

— Вы бы шаху на свое начальство жаловались? еще лѣнивѣе тянетъ капитанъ.

— Пха!... Нашъ шахъ завсѣмъ балшой разбойныкъ... Башка рубилъ, денга бралъ. Одынъ судъ у ево...

— Ну, однако, ступай отсюда... Будетъ...

— Тутъ у васъ дама іестъ... Такой гхароши, толсты...

— Ну?...

— Бируза хотѣлъ купитъ... Такой гхароши, толсты дама, и персъ даже причмокнулъ, вспомнивъ саратовское чудовище.

— Какое хорошая... Старая вѣдь.

— Что же стары... Толсты зато!... Такой баба у насъ нэтъ... Можетъ, у шахъ іестъ...

— Ты бы ее, значитъ, въ жены взялъ себѣ?

У перса даже глаза подъ лобъ закатились, то того ему это бабище полюбилось.

Мы разговорились съ капитаномъ все о томъ же жгучемъ вопросѣ, о топливѣ, который для волжскаго пароходства имѣетъ громадную важность. На южныхъ пристаняхъ на Волгѣ, въ послѣднее время цѣны на дрова дошли до абсурда. Лѣсоистребленіе отозвалось-таки — и отозвалось очень тяжело. Цифръ этихъ я не приводилъ ранѣе, чтобъ разомъ представить ихъ во всей полнотѣ... А цифры, дѣйствительно, ужасныя! Между Рыбинскомъ и Ярославлемъ, по Волгѣ пятериковая сажень дровъ съ погрузкою обходится въ 20 р. Отъ Костромы до села Краснаго — 19 руб. Въ Плесѣ, Кинешмѣ, Юрьевцѣ и Сокольскѣ цѣна падаетъ до 18 руб., въ Пучежѣ повышается до 19 р., во столько же обходится въ Василевѣ и Городцѣ, въ Катункахъ и Балахнѣ опять понижается на 1 р. и, доходя до Нижняго, обходится опять въ 20 р. Въ Исадахъ, Козмодемьянскѣ, Чебоксарахъ, Сундырѣ и Козловкѣ

цѣна опять спускается до 18 р. На этомъ пространствѣ только въ Васильсурскѣ платятъ за нее 19 р. Въ Казани и Богородскомъ — 20 р. Цѣны ростутъ, начиная отъ Тетюшъ — 21 р.; въ Симбирскѣ, Сенгилеѣ, Новодѣвичьемъ, Ставрополѣ, Самарѣ и Екатериновкѣ платятъ уже 22 р. Цѣна эта въ Сызрани разомъ поднимается до 25 р. и таковою остается въ Хвалынскѣ. Въ Балаковѣ уже платятъ по 28 р., въ Вольскѣ тоже, въ Баронскѣ двумя рублями дороже, а въ Саратовѣ, Сосновомъ и Привольномъ, слава Богу, если добудешь и по 32 р. Еще южнѣе—цѣны ростутъ ужасно. Въ Золотомъ, Щербаковкѣ и Камышинѣ доходятъ до 33 р., въ Дубовкѣ и Царицынѣ по 35 р., а въ Астрахани платятъ за пятерикъ съ погрузкою по 40 р.! И не по одной Волгѣ такъ. Славившаяся своими лѣсами Кама также обездолѣла. Еще въ 1869 г., здѣсь цѣна пятерика съ погрузкою отъ 5 руб. доходила до 12 р., а теперь отъ 11 р. она уже доходитъ до 16 р. Для полноты картины всего бассейна Волги, въ этомъ отношеніи, приведу и камскія цѣны. Въ самыхъ верхнихъ, доступныхъ небольшимъ пароходамъ, пристаняхъ, каково Усолье, пятерикъ дровъ стоитъ 11 р. (въ 1869 г. — 6 р.), въ Ершовкѣ цѣна поднимается до 12 р., въ Перми и Нытвѣ (лѣсной и горнозаводскій край) разомъ достигаетъ 14 р. Въ Оханскѣ, Осѣ, Ножевкѣ и Усть-рѣчкѣ падаетъ до 12 р., благодаря истребляемымъ весьма старательно башкирскимъ лѣсамъ; въ Сарапулѣ разомъ возвышается до 15 р., а въ Елабугѣ, Соколкахъ, Чистополѣ, Рыбной слободѣ и Лаишевѣ,—дай Богъ за 16 р. купить!... Картина, какъ видите, очень непривлекательная. Но пароходству еще съ полгоря. Оно всетаки можетъ платить такія цѣны, развиваясь съ каждымъ годомъ шире и шире. Что дѣлать соляной и горной промышленности—вотъ роковой вопросъ для всего сѣверовостока Россіи?... Прибавлять что либо къ этому столь краснорѣчивому перечню цѣнъ—излишне. Онѣ сами говорятъ за себя!...

Съ моря потянуло вѣтромъ, но вовсе не освѣжающимъ. Точно зноемъ опахнуло.... Матросы едва пошевеливаются. Семья русскихъ переселенцевъ-костромичей сидитъ вокругъ чашки съ квасомъ и хлѣбнымъ крошевомъ. Едва-едва опускаются ложки; баба совсѣмъ замерла и, не донеся до рта, разлила квасъ по синему, домашней пестряди, сарафану. Гелюнгъ, въ красномъ, снялъ обувь и выставилъ голыя пятки на солнце.

— Ишь, калмыцкій попъ!.. Ему любо!

— Они всегда такъ, голову подъ что-нибудь спрячутъ, а ноги на солнышко.

Калмыченокъ, въ одной рубахѣ, сталъ было ему угодливо чесать пятку, но гелюнгъ пребольно толкнулъ его ногою въ бокъ, такъ что мальченко чуть не полетѣлъ за бортъ. Ничего!.. Подобострастно склонилъ голову и лицемъ къ нему, не поворачиваясь, отошелъ подальше, пока не наткнулся спиною на пароходную снасть.

— Они, эти калмыцкіе попы, страсть злые!

— Что жъ ихъ слушаютъ-то?

— Какъ не слушать. Онъ на своего, на калмыка-то всякую болѣзнь напустить можетъ и отъ всякой болѣзни вызволитъ....

Калмыченокъ, совершенно по собачьи, смотрѣлъ въ сомкнувшіеся глаза гелюнга. Пошевельнетъ тотъ рукою, мальчикъ тутъ, какъ тутъ. Обругается тотъ — опять отойдетъ задомъ, пятясь. И сѣсть на корточки не смѣетъ, только порою сгибаетъ колѣни, видно не въ терпежъ, усталъ. Я думалъ сначала, что калмыченокъ служитъ у голоногаго гелюнга, нѣтъ, оказывается. Калмыченокъ, самъ по себѣ, ѣдетъ на Бирючью косу, гдѣ, въ хурулѣ, живетъ его отецъ. Такъ ужъ, «изъ усердія», какъ говорятъ у насъ, сталъ онъ прислуживать гелюнгу, награждавшему его за это пинками и бранью... Вотъ

гелюнгъ, что-то, не то шепнулъ, не то свиснулъ, не раскрывая глазъ, мальчикъ тутъ, какъ тутъ. Повернулъ къ нему голову попъ калмыцкій, мальчуга давай слегка ее почесывать... А солнце такъ и жжетъ его, прямо въ ничѣмъ не прикрытое темя... Сталъ какъ-то ѣсть гелюнгъ, мальчикъ ему все подалъ, и чашку ему вымылъ, и своего хлѣба далъ гелюнгу. А тотъ хоть бы что! Самъ началъ чай пить и только въ насмѣшку выплеснулъ на мальчугана нѣсколько капель кипятка. Тотъ, впрочемъ и крикнуть не посмѣлъ. Взрослые калмыки, рабочіе на пароходѣ, обращались съ гелюнгомъ столь же почтительно. Они имѣли свою темную, какъ душа грѣшника, каюту, въ носу парохода; просто щель какая-то, но какъ явился гелюнгъ, тотчасъ же вычистили и опростали эту келью. Истомившись на тяжелой работѣ, они кое-какъ кидались на палубу, на канаты, и спали подъ солнцемъ, въ то время, какъ гелюнгъ безцеремонно спалъ въ каютѣ на ихъ подушкахъ и матрацахъ. Ни одинъ не осмѣлился сойдти туда. Впрочемъ, въ знакъ благодарности, калмыцкій попъ и ихъ точно также выругалъ, какъ и мальчика, а одному рабочему влетѣла въ затылокъ такая затрещина, что я думалъ: не треснула ли бортовая обшивка парохода...

— А ты бы его назадъ, на отмашь! присовѣтывалъ ему матросъ.

— Нельзя, что ты!...

— Отчего нельзя; ты къ нему всей душою, а онъ....

— Онъ святой человѣкъ. Его обидишь — Бога обидишь, болѣзнь пошлетъ.... Скотъ подохнетъ, удачи на промыслѣ не будетъ.

— Экъ они васъ изморомъ доняли! И, проходя мимо, матросъ нарочно такъ толкнулъ гелюнга, что тотъ самъ чуть съ носа не попалъ въ воду. Только ощетинился и съ ненавистью посмотрѣлъ на насъ.

Нѣтъ ничего старательнѣе, честнѣе, способнѣе калмыка на работѣ. Какъ неохотно здѣсь берутъ на промыслы татаръ и русскихъ, пришедшихъ на заработки «сверху», такъ на перерывъ хватаютъ калмыковъ, славящихся своею неустанною дѣятельностью и силою, что тоже не послѣднее достоинство на промыслѣ. Даже баба-калмычка въ рыболовной артели сдѣлаетъ гораздо больше татарина-ногайца, лѣниваго и слабаго да еще притомъ и лукаваго за троихъ русскихъ. Калмыкамъ здѣсь ввѣряются безусловно и не имѣютъ поводовъ раскаяваться въ этомъ. «Ужъ очень народъ хорошій». На пароходахъ они тоже неоцѣнимы. Въ жару, когда русскій, высунувъ языкъ, ходитъ, когда астраханскій соловей — карга (ворона) въ изнеможеніи опускается на мачту и сидитъ на ней, раскрывъ клювъ противъ вѣтра и цѣлые часы не смыкая его, когда все живое только и думаетъ, куда бы въ тѣнь уйти отъ палящаго солнца, бодро и бойко работаетъ калмыкъ, таскаетъ громадныя связки дровъ, грузитъ трюмъ, возится съ снастью и при этомъ ни малѣйшей жалобы, ни одного упрека. Онъ веселъ и доволенъ, потому что дома ему ѣсть нечего, а здѣсь хотя хлѣбъ да щи ему даютъ. На рыболовныхъ ватагахъ калмыковъ любятъ еще и за то, что они не привередничаютъ. Часто однимъ хлѣбомъ сытъ, и то кланяется, благодаритъ. А если кромѣ хлѣба есть у него кирпичный чай, такъ онъ себя богачемъ и счастливцемъ считаетъ...

Направо отъ парохода мелькнуло опять нѣсколько промысловыхъ лодокъ.

— Ишь, шельмы, не боятся вѣдь!..

— Чего?

— Да вѣдь въ это время ловы запрещены, а ловятъ. Ишь позади бударки плавная сѣть въ воду погружена. Ее и не видать... А рыба въ наростѣ изводится...

Для промысловъ рѣчныхъ употребляются, вообще, до 8-ми

самыхъ разнообразныхъ лодокъ, начиная отъ малой ловецкой *бударки*, съ которой прежде и крючковою снастью красную рыбу ловили, до *кусовой* или *свойской*, т. е. лодки съ палубою. Между этими двумя противоположностями, карликомъ и великаномъ мѣстнаго рыболовства, еще есть *неводники*—лодки для выметыванія невода, *завозни* тоже самое только въ маломъ видѣ; *рыбницы*, куда складываютъ добытую неводами чистиковую рыбу, *прорѣзи*, на которыхъ къ ватагамъ подвозится живая рыба, *досчаники*, доставляющіе къ тѣмъ же ватагамъ строительный матеріалъ; *косныя* отъ четырехъ до восьми веселъ; на этихъ разъѣзжаютъ по уловищамъ приказчики, наблюдая за артелью. Каждая изъ этихъ лодокъ служитъ по нѣскольку лѣтъ. Членъ правленія рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, Д. Соколовъ, такъ опредѣляетъ стоимость и срокъ службы этихъ лодокъ:

	Стоитъ.		Служитъ.	
Бударка	10— 35	р.	3— 8	лѣтъ.
Неводникъ	30—120	»	4—10	»
Завозня	20— 50	»	5— 8	»
Рыбница	50—220	»	3— 7	»
Прорѣзь	60—200	»	4— 9	»
Досчаникъ	15—100	»	3— 8	»
Косная	30—160	»	4— 8	»
Кусовая	100—260	»	5— 8	»

На дальнемъ сѣверѣ устройство промысла обходится гораздо дешевле. Самая дорогая ловецкая лодка съ снастью, у кандалакшскихъ сельдяныхъ добычниковъ, стоитъ рублей 100 и ея достаточно на все. На Мурманѣ, самая лучшая шняка стоитъ рублей полтораста. По этому и вольный трудъ рыболовныхъ артелей гораздо успѣшнѣе можетъ быть организованъ тамъ, чѣмъ здѣсь подъ Астраханью, съ ея дорогими промыслами.

Весь рыболовный флотъ въ низовьяхъ Волги состоитъ изъ 2,580 судовъ, изъ нихъ 718 бударокъ, 544 неводника, 40 завозней, 850 рыбницъ, 220 прорѣзней, 104 досчаника, 93 косныхъ, и 11 кусовыхъ лодокъ; сверхъ того, у астраханскихъ рыбопромышленниковъ есть до 19 пароходовъ, которые весною и, вообще, передъ ярмаркою, перевозятъ рыбу отъ Астрахани до Царицына, Саратова и Нижняго-Новгорода. Эти же пароходы, въ досужее время, буксируютъ заштилѣвшія суда.

Въ бойкое промысловое время волошки кишмя кишатъ промысловыми лодками. Особенно когда идетъ сельдь. Тогда кипень здѣсь самая, развалъ. Все оживаетъ, вездѣ гремятъ пѣсни, надъ водою носятся крики чаекъ, смѣшиваясь съ голосами рыболововъ, а изъ прибрежныхъ камышей изъ тихихъ ильменей доносятся, порою, выстрѣлы охотниковъ на водяную дичь... Тогда здѣсь хорошо и весело... А спустятся на землю голубыя сумерки, зажгутся въ безоблачныхъ ночныхъ небесахъ крупныя золотыя звѣзды, яркими бликами разсыплется сіяніе мѣсяца по медленно струящейся рѣкѣ. Народъ долго не спитъ на ватагахъ и несутся оттуда во весь волжскій просторъ гремучія, веселыя пѣсни, замрутъ онѣ — все опять тихо; только стерехъ стонетъ въ чащѣ камыша, да пронзительное пѣніе лебедя будитъ дремлющія зеленыя пустыни.

Далеко впереди рѣка точно ощетинилась. Цѣлый лѣсъ мачтъ... Теченіе Волги тутъ было прямо, поэтому дали не пропадали за излучинами. Направо мелькнула какая то кучка деревянныхъ построекъ, нѣсколько юртъ и храмъ китайской архитектуры. Оказался калмыцкій базаръ, налѣво татарскія деревни, худыя, чахлыя какія-то... Попадется русское село— городомъ между ними кажется. Въ иную пору по Волгѣ и нѣсколько станьевъ замѣтишь при тоняхъ. Это дѣлается въ

тѣхъ случаяхъ, когда ватага далеко. Тутъ на берегу курится дымокъ, у тони, въ покойныхъ весеннихъ водахъ, колышутся челноки, ночью огоньки сверкаютъ по сторонамъ. Варитъ на нихъ уху неприхотливый ловецъ, тутъ-же дубитъ онъ снасти и забирается спать подъ парусъ въ знойные дни, когда и ему уроженцу жаркаго юга, станетъ не въ терпежъ. На Волгѣ такихъ станьевъ, впрочемъ, попадается очень мало. Всѣ они по рр. Ахтубѣ, Берекету, Кичачу, Алгарѣ, Альчѣ, и по дальнимъ ерикамъ хоронятся, поближе къ морскимъ проранамъ... На глаза попадутся они развѣ одному бродягѣ охотнику; иной разъ, когда лодки на промыселъ разойдутся, мимо пройдешь не замѣтивъ ихъ. Пара шалашей, чаньи, врытые въ землю для посолки рыбы, да котелъ, гдѣ дубятъ снасть. Случается впрочемъ, и этого нѣтъ... Все равно, послѣ долгаго трудоваго дня крѣпко спится на этихъ песчаныхъ берегахъ подъ ропотъ рѣки и тихій шелестъ камышей по сторонамъ. Когда еще тутъ кирпичныя печи складывать! Время не терпитъ, каждый день свой барышъ несетъ. А вдоволь наработавшемуся человѣку и простая уха изъ костра вкусна... Да и народу на станьяхъ не много. Большая партія все больше къ ватагѣ льнетъ. Только бѣдный ловецъ на станьяхъ промышляетъ да и то до поры до времени...

Щетина мачтъ впереди все растетъ и растетъ, за ними чуть чуть мерещатся какіе-то бѣлые силуэты и нѣсколько искръ теплятся въ знойномъ воздухѣ. Такимъ образомъ, еще едва различаемая, выступаетъ изъ сѣроватой дымки горизонта Астрахань, съ ея бѣлымъ кремлемъ и куполами соборовъ и церквей. Точно снѣжная кайма за черными черточками судовъ. Кайма все опредѣляется, контуры ея дѣлаются рѣзче и рѣзче. Вотъ масса кремля уже вся видна, заслоняя собою однообразное марево маленькихъ домовъ, усѣявшихъ берегъ... Вотъ громадный соборъ выступилъ и, несмотря на массив-

ность свою, легко рисуется надъ темнымъ мѣсивомъ судовъ и пароходовъ... Искры куполовъ сверкаютъ ярче и крупнѣе, точно звѣзды ночныя опустились на дремлящій городъ, да такъ и остались на его красивыхъ колокольняхъ. Въ бѣломъ маревѣ домовъ, зеленыя пятна чахлыхъ бульваровъ и садовъ. А кремль все ростетъ и ростетъ. Скоро только его да соборъ и видно... Все остальное заслонили мачты. И сколько ихъ тутъ, Боже мой. Тысячи самыхъ разнообразныхъ судовъ кишмя кишатъ повсюду. Тутъ пыхтитъ пароходъ американскаго типа, точно цѣлый городъ на водѣ, тамъ какая-то каша изъ рыбницъ, свойскихъ лодокъ, маленькихъ шкунъ. Вонъ грузные морскіе пароходы привалили и замерли у пристаней кавказо-меркурьевскаго порта, а тамъ за ними персидскія, ленкоранскія суда, лодки морскія съ устьевъ Куры, изъ Божьяго промысла. Проходимъ мимо нихъ медлено, еще чего добраго, наткнешся на какую-нибудь обитаемую щепку и ко дну ее пустишь. Ухо улавливаетъ смутный шелестъ безчисленныхъ флаговъ, говоръ разноязычной толпы, глазъ любопытно останавливается на экипажахъ этихъ судовъ. И все это обугленное, солнцемъ спаленное, рваное. Черныя лица, черные глаза, черные волосы, руки точно сажей выпачканы. Иной разъ на матросѣ только штаны одни, ничего больше, а на головѣ—непремѣнно громадная баранья шапка красуется. Съ одной стороны долгая раскатистая пѣсня слышна, съ другой, какъ ракеты, такъ и взвиваются и лопаются въ воздухѣ трехэтажныя слова, видно загулялъ удалой поволжанинъ-хозяинъ и пробираетъ свою безотвѣтную артель. Далѣе, на противоположномъ берегу, замерещились какіе-то громадные срубы. Это выходы астраханскихъ богачей, ихъ промысловыя факторіи. Туда привалило пропасть рѣчныхъ судовъ. Иныя уже до половины мачты разною рыбою нагружены—точно бѣлыя массы какія-то. Вонь отъ рыбы стоитъ въ воздухѣ. Мимо

снуютъ буксирные пароходы, за ними — десятками баржи. Всмотришься—на палубахъ та же самая сухая рыба—штабелями наложена. Гулъ какой-то кругомъ. Такъ ново все это, такъ интересно, что и зноя не чувствуешь, хоть солнце безпощадно палитъ тебя, жжетъ щеки, окрашиваетъ въ радужныя цвѣта кончикъ носа, а голову повернешь—жгучимъ лучемъ високъ полоснетъ... А на рѣкѣ-то суматоха какая. Лодки такъ и черпаютъ воду. Калмыки-гребцы молчатъ. Изрѣдка мимо проплыветъ длинная лодка съ двѣнадцатью гребцами. На серединѣ красное пятно. Это неподвижный гелюнгъ, въ своей красной рясѣ подъ краснымъ зонтикомъ, желтая шапочка тарелочкой, такъ и притиснулась къ круглой головѣ его. Вонъ, на палубѣ одного изъ пароходовъ собирающагося въ море—цѣлая группа армянокъ, въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ, всматриваешься — ни одного красиваго лица. Все это черное, глазастое, грубоватое... А позади бѣлый городъ—стоитъ точно мертвый надъ этою суетою и движеніемъ. На улицахъ пусто... тихо... Пара извозчиковъ у пристани... Въ дверяхъ лавокъ, точно каменные, стоятъ персы и армяне.

— Вотъ наша Астрахань! горделиво указываетъ туда армянинъ.

— Отчего ваша?

— Нашъ городъ! Ленкорань нашъ, Астрахань наша. Тутъ мы торгуемъ...

— И хорошо здѣсь живется?

— Еще бы не хорошо... Свое мѣсто. Я въ Москвѣ зиму живу, каждое лѣто сюда ѣзжу, потому что скучно. Наша Астрахань—рая не надо.

— А жара?

— Это ничего, мы привыкли. Да развѣ это жара!

А я думаю, подними онъ шапку—паръ отъ головы пойдетъ.

Пароходъ присталъ, на берегу насъ встрѣтилъ обязательный и любезный полковникъ Эльфсбергъ, представитель общества «Кавказъ и Меркурій».

— Гдѣ здѣсь остановиться?

— Въ Астрахани не гостинницы,—а кабаки. Я вамъ совѣтую остаться жить на пароходѣ, это самое лучшее.

Мы такъ и сдѣлали.

СЛАВЯНСКОЕ ДѢЛО И РУССКАЯ ГЛУШЬ.*)

Вы хотите знать, что думаетъ наша область о славянскомъ движенiи, вы спрашиваете какъ относится русское захолустье къ безпримѣрнымъ ужасамъ этой повальной рѣзни, залившей кровью всю Болгарiю и вмѣстѣ съ необузданными сворами турецкихъ Каиновъ готовящейся ворваться въ плодоносныя долины Сербiи? Я радъ, что могу отвѣтить вамъ на это ясно и опредѣленно. Я скажу больше—въ моихъ словахъ вы найдете отголосокъ не одной губернiи, а всего востока Европейской Россiи. Все лѣто я провелъ въ поѣздахъ по Волгѣ, Каспiю, Камѣ и глухимъ закоулкамъ горнозаводскаго Урала. Около восьми большихъ губернiй поочередно развертывали передо мною свои затерянные по бездорожьямъ поселки, и только потому я могу передать вамъ, что думаетъ русскiй народъ селъ и деревень, морской рыболовъ, волжскiй судорабочiй, самарскiй и саратовскiй пахатники, уральскiй заводскiй и рудничный батракъ о своихъ братьяхъ по крови и вѣрѣ, распятыхъ на крестѣ и героически умирающихъ за право свободно дышать и молиться; что думаетъ

---

*) Прежде чѣмъ перейти къ другимъ очеркамъ «Волги», авторъ считаетъ небезъинтереснымъ очертить отношенiе ея населенiя къ самому близкому и кровному намъ дѣлу. Настоящiй очеркъ — письмо въ редакцiю С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

этотъ темный, неграмотный людъ о мученикахъ, тщетно до сихъ поръ простиравшихъ свои трепетныя руки ко всѣмъ народамъ цивилизованной Европы съ костровъ и висѣлицъ, изъ подъ ножей и изъ тюремъ злодѣевъ, сильныхъ ея бездѣйствіемъ.

— Вы ѣдете въ глушь, въ народъ. Я очень радъ, что вы на мѣстѣ убѣдитесь въ отсутствіи того сочувствія славянскому дѣлу въ русскомъ народѣ, которое такъ раздуто нашею прессою. Народъ боится войны, боится солдатчины, купецъ дрожитъ передъ нею, предвидя свое раззореніе, заводчику — война смерть... Возвратясь, вы внесете трезвый взглядъ въ среду нашихъ «шовинистовъ».

Такъ меня напутствовали изъ столицы.

Сколько разъ, говоря съ народомъ и прислушиваясь къ къ нему, я горько сожалѣлъ, что со мною нѣтъ этого Мидаса. Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ всѣ эти глубокомысленные проповѣдники народнаго бездѣйствія и политическаго невмѣшательства вмѣстѣ со мною прошли бы «сквозь строй» народнаго энтузіазма, больнѣе шпицрутеновъ бичующаго нашу нерѣшительность. Цѣломудріе непризнанныхъ политическихъ весталокъ перешло бы, можетъ быть, въ иное чувство.

Обращусь къ своимъ воспоминаніямъ. Факты придется мнѣ выхватывать на удачу, безъ разбора. Ихъ такъ много, они мѣшаются въ такое яркое марево, что приводить ихъ въ систему и трудно и некогда.

Пароходъ приваливаетъ къ одной изъ волжскихъ пристаней. Только что положены сходни—толпа бурлаковъ двинулась туда и уже торопливо стала было перебираться на пристань, какъ вдалекѣ показались дама и какой-то господинъ. У обоихъ перевязки «краснаго креста», у нея въ рукахъ тарелка для сбора денегъ. Минута недоумѣнія въ толпѣ...

— Братцы, за убіенныхъ братій о Христѣ!..

— Православные, на помочь...

— Назадъ робя, вали!

И вся эта дорожащая временемъ, слѣпо валившая минуту назадъ толпа, отхлынула на пароходъ и выждала, пока съ тарелочкою не обошли каждаго изъ нихъ. *Ни одна рука* не оказалась оскудѣвшею, мѣдные пятаки, трешники, копейки валились туда, все это потомъ добытое, на страдной лѣтней работѣ!.. Опуская лепту свою, крестьяне кланялись и крестились. И посмотрѣли бы вы тогда на эти, до тѣхъ поръ точно закостѣнѣвшія лица, посмотрѣли бы вы на это осіявшее ихъ разомъ оживленіе... Пусть меня упрекаютъ въ слащавости, но я не могу же умолчать о слезахъ, замѣченныхъ мною на суровыхъ лицахъ, не женъ, не стариковъ — а тружениковъ, присмотрѣвшихся ко всякому бѣдствію, умѣющихъ молчаливо нести свою тяготу.

— Господи, помоги имъ!

— Богъ правду видитъ.. Погоди, кликнутъ—вся Волга подымется!..

— Вѣрно! Всѣ пойдемъ!.. За такое дѣло да не пойдти...

— Все равно, что за Христа помереть...

Вотъ что говорилъ народъ, который, по словамъ питерскаго оратора, «боится войны и ненавидитъ солдатчину!»

Въ другой разъ сборщики пожертвованій посѣтили I и II классы и не заглянули въ третій. Народъ всполошился.

— Ужлижъ наша копейка не гожа...

— Ради и мы... Не одни господа могутъ... Кто сколько, по силѣ возможности.

— Тамъ купцы рубли жертвуютъ...

— А мы съ молитвой...

— Вали братцы въ шапку... Ну-ко-ся, трудовые!..

— Иная копейка рубля стоитъ...

Грошами собрали нѣсколько цѣлковыхъ и отдали ихъ капитану парохода...

Есть городенко Черный-Яръ. Жалкій, хуже села средней руки. Пароходъ останавливается тамъ на часъ. Я вышелъ.

Стоитъ толпа, глазѣетъ видимо на пассажировъ. Началъ и я приглядываться къ этимъ рыболовамъ, улавливая въ ихъ типѣ сходства и различія съ такими же промышленниками дальняго Сѣвера.

— Поштенный, протискивается ко мнѣ одинъ изъ нихъ. Откуда ты будешь?

— Изъ Питера.

— Ну вотъ!.. И слава Богу!.. Скоро ли поведутъ воевать?

— Съ кѣмъ?

— Съ туркой?..

— Должно быть и вовсе войны не будетъ...

— Какъ не будетъ... За всѣ то лихія злодѣйства, да не будетъ...

Я сталъ было объяснять высокомудрыя начала международныхъ отношеній, пресловутую политику невмѣшательства и т. д.

Слушалъ, слушалъ народъ...

— Да ты русскій ли? спрашиваютъ.

— Русскій...

— А говоришь не порусски!.. Экъ тебя отуманило. За крестъ Христовъ, да за *нацыю русскую* людей во крови-слезахъ топятъ, дѣтей давятъ да рѣжутъ, а ты—не наше дѣло... Чье же дѣло то?.. Чье—о!

— Божье.

— Божье?.. А Богъ черезъ кого силу то свою да правду оказываетъ. Черезъ кого—о?.. Черезъ нѣмца что ли?.. Эхъ вы!..

— Что-жъ вы сами пойдете?..

— Сегодня созови—всѣмъ миромъ тронемся, благословясь, за правду да за волю—стоять...

Разговоръ съ купцами въ Астрахани:

— Денегъ у насъ нѣтъ... заявляетъ кто-то.

— Денегъ нѣтъ... Врешь. Полсостоянія своего кладу сейчасъ на это дѣло, въ случаѣ войны... Бери! И ты отдашь?

— И я отдамъ, отзывается другой купецъ. Да и всѣ отдадутъ.

— А я вотъ закрою все дѣло, распродамъ суда свои, заведенія, что выручу—пусть на святое дѣло!

— У насъ денегъ нѣтъ?!.. Такая ли пора, чтобы говорить это?.. Въ казнѣ денегъ нѣтъ, а въ 1812 году были деньги? Нѣтъ! Народъ собралъ. И теперь соберетъ. Послѣднее отдадимъ. Старъ я самъ идти — а сыновей своихъ пошлю и все добро свое принесу!.. Ты думаешь у нашего купечества мало денегъ?

Разговоръ на астраханской пристани «Кавказа и Меркурія» съ отставнымъ солдатомъ:

— Скоро ли турку усмирять будемъ!

— А что?

— Да вотъ одинъ сынъ у меня въ солдатахъ, такъ я въ случаѣ войны и другаго отдать хочу, да и самъ пойду.

— Старъ ты?

— Старъ?.. Курокъ-тъ спустить съумѣю. Можетъ Господь пошлетъ хоть одного злодѣя убить! Да и помереть воиномъ за братьевъ нашихъ—хорошо. Прямо въ царствіе небесное!..

— А тебѣ не жаль дѣтей на смерть посылать, молоды вѣдь еще, жить хотятъ!

— Ты бы посмотрѣлъ, обидѣлся солдатъ, какъ лавочники плачутъ, читая, про злодѣевъ этихъ, да тогда и говорилъ бы солдату!.. Я не лавочникъ, я престолъ-отечеству двадцать

пять лѣтъ служилъ, не деньгами, кровью жертвовалъ, да и дѣтей своихъ научилъ тому же!..

— Вы, какъ думаете, продолжалъ онъ нѣсколько успокоившись, одинъ я съ дѣтьми уйду отсюда? Укажите дорогу, да будь война — цѣлымъ городомъ подымемся! Тутъ бумагу одну, про враговъ христовыхъ этихъ, читали — ревъ пошелъ по народу!.. Мужики, что бабы плакали... У всѣхъ у насъ накипѣло... Годъ цѣлый слышимъ про звѣрей лютыхъ, да про убіенныхъ братій...

Въ саратовскомъ селѣ—на площади:

— Сказываютъ скоро на турку войной идемъ. Ослобождать!

— Такъ ли?

— Вѣрно!..

— Слава-те Господи!.. Пойти своихъ оповѣстить... Экое ли радостное слово сказалъ ты!.. Спосибо тебѣ, другъ!

— Правда ли, питерецъ? Спрашиваютъ у меня.

— Ничего не знаю.

— Молчи да помалкивай; знамо дѣло—говорить не велѣно. Да ты не бось, мы не выдадимъ... Мы сами ждемъ... Только царскій указъ—всѣ въ ополченіе... Полно *имъ* лютовать, полно *имъ* души неповинныя губитъ!.. Доколѣ терпѣть это?.. Знамо—скоро войнѣ быть!

И вездѣ одно и то же, по всей Волгѣ. Не хотятъ и слышать о томъ, что мы, какъ думаетъ интелигенція, останемся непричастны, что мы, раскланиваясь съ старческимъ безсиліемъ западной Европы, не пошлемъ своихъ войскъ отстаивать славянское дѣло и свободу родныхъ племенъ на Балканскомъ полуостровѣ. Недавній рабъ самъ стремится уже сокрушить чужія цѣпи. Освобожденные уже хотятъ освобождать.

— У насъ-то давно наболѣло. Попъ газету получаетъ; читалъ намъ на міру про лихихъ супостатовъ. Не мало мірскихъ слезъ пролилось!.. говорилъ мнѣ грамотный кре-

стьянинъ большаго волжскаго села. Прежде невдомекъ было, а нынѣ, какъ пришлютъ газету, весь народъ къ попу. Словно милостн просятъ—прочти, Христа ради, про братьевъ нашихъ. Мы, парень, говорить не можемъ, а душа у насъ тоже тоскуетъ за нихъ... Пошли имъ Господи!.. Собрали бы и денегъ, да становаго боимся, какъ бы чего не слютовалъ!..

— А если будетъ война объявлена?..

— За свѣтлый праздникъ зачтемъ. Такая война — на радость!.. Говорю тебѣ—*душа тоскуетъ!..*

Въ одномъ прикамскомъ селеніи стали собирать на помощь славянамъ: смотрю сквозь толпу пробивается заскорузлая сморщенная нищенка.

— Батюшка, кланяется она въ ноги попу, благослови и мой сиротскій грошъ за убіенныхъ отдать...

— Отдай, отдай, дѣло доброе!..

— Я ужъ и то за нихъ за сердечныхъ молюсь... Торопливо принялась она развязывать какую-то суму. Выглянули оттуда на свѣтъ Божій куски черстваго хлѣба, собранные подъ окнами убогаго села.

— А хлѣбомъ, батюшка, не принимаютъ? Сиротамъ хлѣбушка?

— Нѣтъ, старушка, далеко разсылать.

— Да вѣдь голодные они, дѣтушки, имъ и хлѣбецъ бы понадобился!..

Еще торопливѣе она вытащила изъ угла сумы своей нѣсколь когрошей и заплакавъ, крестясь, отдала ихъ священнику.

— Вотъ, батюшка, сиротскіе мои... Мірское даяніе, имъ... Прости ты меня, Христа ради!..

Плыву черезъ р. Каму на лодкѣ.

— Этотъ самый турка, сказываютъ, напослѣдяхъ такъ куражится. Потому чуетъ онъ грозу надъ собою, ну и бахвалится, все одно помирать ему.

— Какъ такъ?

— Чего ты, точно самъ не знаешь. Быть скоро манифесту, всю Рассею на лютыихъ злодѣевъ сзовутъ... То есть, у насъ по селамъ народъ этого манифеста ждетъ, какъ лонысь воли ждали... Всѣмъ заводомъ тронемся *ослобождать*. Тутъ, братъ, не одни солдатушки, тутъ *весь народъ пойдетъ*. Доколѣ убивства ихъ терпѣть-то...

— О войнѣ не слыхать еще.

— Ладно, разговаривай—не разговоришь. Мы, братъ, народъ темный, а знаемъ, что слѣдуетъ... У насъ волость одна приговоръ составить хотѣла, что всѣ де идемъ на войну, да писарь писать не сталъ, ушелъ. Все одно и такъ, безъ приговору пойдутъ... Мірская воля, братъ, и безъ приговора сильна...

И это—шовинизмъ петербургской печати! И это квасной патріотизмъ! Извольте, послѣ этого, разглагольствовать о народномъ опасеніи войны. Ее ждутъ, ея хотятъ. Вы видѣли, какъ за рабовъ «душа тоскуетъ», какъ «сердце болитъ», у этихъ людей, за это, не чужое имъ, и именно имъ, бывшимъ рабамъ, дѣло...

— Это братъ, наше, мірское! *Насъ* бьютъ, *насъ* обижаютъ, говорили мнѣ въ волжскомъ селѣ, Золотомъ. Это не сербъ, а русскій. Какой такой—болгаринъ? послѣ того и владимірецъ не русскій? А за свое мірское дѣло мы цѣлымъ міромъ и станемъ.

Еслибы вы видѣли, какъ внутри Россіи читаются «миролюбивыя» измышленія нашихъ передовиковъ. Просто самъ поддаешься, видя эти разомъ блѣднѣющія лица и сверкающіе глаза...

— Господи! Руси не стало вовсе! ожесточился одинъ старикъ-чиновникъ, прочитавъ многорѣчивую статью о необходимости сдерживаться...

Повторяю, я изъ сотенъ фактовъ выхватываю одинъ, много-много два. Еслибъ мнѣ привелось разсказать все видѣнное, все слышанное по этому поводу—не хватило бы газетныхъ столбцовъ.

На одномъ сходѣ подъ конецъ деньги сорвали «съ виновнаго».

Народъ съ ними было къ кабаку уже двинулся, а въ горнозаводскомъ Уралѣ пьютъ сильно и любятъ пить.

— Ребятушки!.. Стой!..

Міръ остановился.

— Турки-то дѣтокъ рѣжутъ, женокъ, да дѣвокъ насильничаютъ, лучше же пусть мірскія деньги сиротамъ. Пущай онѣ имъ.

Зачесались затылки, но ни одного протеста не было. Молча разошелся народъ по домамъ, а двѣнадцать цѣлковыхъ такъ и пошли «сиротамъ».

Другое село сплошь все на господскихъ лугахъ два дня проработало въ пользу славянъ. Сколько приговоровъ составлено было «брать съ души такую-то сумму на славянское дѣло». И вѣдь движеніе это не заказное. Не извнѣ толчокъ данъ. Не вы создали его, мастера газетнаго цѣха, не вы въ освобожденномъ пробудили ненависть къ утѣснителямъ. Оно родилось въ самомъ народѣ. Посредники да земская полиція, напротивъ, старались умалить размѣры его. Священники не вездѣ оказались достойными своего сана, а иногда даже мѣшали высказываться народу.

— Какой ты іерей, приставалъ къ попу одинъ старикъ при мнѣ. Въ церкви народъ на братій своихъ хотѣлъ деньги собрать, да за убіенныхъ панихиду сослужить, а ты что— храмъ Божій заперъ, да и былъ таковъ.

— Намъ отъ епархіальнаго начальства не указано.

— Эхъ ты, а за свадьбы четвертныя брать указано?..

Что дивнаго въ оживленіи большихъ центровъ! Странно было бы, еслибъ панихиды не служились въ Москвѣ и губернскихъ городахъ. Дивно то, что самъ народъ вездѣ служитъ эти панихиды. По глухимъ селамъ Зауралья, въ бойкихъ и промысловыхъ мѣстахъ Поволжья, всюду, гдѣ слышится русская рѣчь, въ богатыхъ храмахъ и убогихъ часовенькахъ служились и служатся эти панихиды. Въ раскольничьихъ скитахъ и молельняхъ вездѣ молятся за замученныхъ и убіенныхъ братій. Въ одной глухой деревушкѣ по сибирскому тракту, смотрю—народъ у часовни. Попа здѣсь и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать.

— Что, братцы, собрались?

— Да вотъ молебенъ о здравіи нашихъ воиновъ въ Сербіи читаемъ, хотя и безъ попа, Богу все одно — молитва.

— Даруй имъ Господь побѣду и на враговъ одолѣніе!...

— А вчера за убитыхъ молились всѣмъ селомъ.

Вдоль глухой несудоходной рѣчонки горнозаводскаго Урала пѣшкомъ добрался я до затеряннаго среди бездорожья села. Темный народъ живетъ тамъ. Чужаго обличья, пожалуй, до меня не видали. Окружили сплошною стѣною. Все промышленники-кедровники. Орѣхи собираютъ, тѣмъ и живутъ.

— Правда ли, что турокъ нашихъ бьетъ, дѣтей губитъ, дѣвокъ силой беретъ.

— Не нашихъ, а славянъ, сербовъ.

— А мы кто же?... Однимъ крестомъ молимся... И рѣчь у насъ одна. Тутъ былъ одинъ — бумагу читалъ, что тамъ дѣется; силушки не стало; такъ бы и пошли туда... За братій!...

— Благословясь, міромъ бы двинулись!

Подъ вечеръ въ часовнѣ колоколъ ударилъ.

— Что такое?

— А молебенъ служить.

Оказалось, что народъ каждый вечеръ собирается молиться за убіенныхъ и за побѣду славянства.

Въ нижегородскомъ городскомъ театрѣ. Антрактъ кончается. Уже позвонили. Посѣтители, тѣмъ не менѣе, не трогаются съ мѣстъ и стоятъ въ буфетѣ. Оказывается, что по фойе ходитъ дама, собирая пожертвованія на славянъ. Ни одинъ не ушелъ, каждый положилъ что-нибудь, и тогда уже занималъ мѣсто въ театрѣ.

Вообще возбужденіе достигло крайняго предѣла. Между Екатеринбургомъ и Нижнимъ Тагилемъ — только что остановился въ селѣ, спустя нѣсколько минутъ, улица запружена народомъ. «Скоро ли война!» И видно, что народъ спрашиваетъ не изъ боязни войны, не изъ страха передъ необходимыми жертвами, а просто потому, что война съ Турціею, въ данный моментъ составляетъ предметъ самыхъ страстныхъ его ожиданій, просто потому, что сердце у него наболѣло, что изстрадался онъ, слыша про тысячи и десятки тысячъ замученныхъ братій. И будь такая война дѣйствительно, она была бы въ высшей степени популярна. Народъ пошелъ бы стѣною, міромъ поднялся бы. Энтузіазмъ повсюду. Судя по описаніямъ настроенія народа въ 1812 году—настоящій моментъ поразительно близко напоминаетъ его. Воодушевлены всѣ. Цѣловальники и тѣ сбираются волонтерами идти. Изъ Пермской губерніи нѣсколько волостныхъ писарей ушло — а ужъ начто народъ деморализованный! О тѣхъ же, кто хотя немного понюхалъ пороху, и говорить нечего. Спятъ и видятъ войну. Въ Екатеринбургѣ техникъ по дорожнымъ сооруженіямъ отъ земства, получающій большое содержаніе, готовится бросить все и ѣхать; мелкія желѣзнодорожныя сошки уже ушли изъ Пермской губерніи. Много избѣгаютъ говорить о славянскомъ дѣлѣ, потому что равнодушно относиться къ нему не могутъ. Кипитъ все внутри, отъ гнѣва голосъ перехватываетъ.

Въ селѣ Ключахъ, во время чтенія одной изъ корреспонденцій «Русскаго Міра» съ театра войны, народъ остервенѣлъ до того, что малѣйшее противорѣчіе ему—и не сдобровать бы человѣку. Люди стонали отъ гнѣва.

— Доколѣ терпѣть!... только и слышалось.

Точно взбѣсившіеся ходили почти всю ночь люди и всюду были толки о замученныхъ жертвахъ турецкаго варварства и мусульманской злобы.

Тѣмъ не менѣе народъ справедливъ.

Въ Пермской, Вятской и Казанской губерніяхъ есть смѣшанное населеніе. Татарское населеніе среди русскаго, русское вкрапленное между татарскими селами. Народъ выдѣляетъ татаръ.

— Эти смирные, они ничего... Они неповинны въ злодѣйствахъ.

Въ каютѣ 1-го класса парохода «Сибирякъ» ѣхалъ мулла изъ Красноуфимска.

Поднялся разговоръ о жестокостяхъ турокъ. Одинъ господинъ подъ живымъ впечатлѣніемъ пригласилъ къ пожертвованіямъ. Мулла безпрекословно отдалъ и свою долю. Ни однимъ словомъ не попробовалъ онъ отстаивать турокъ, хотя народъ ѣхалъ все сдержанный, спокойный. Отказался дать деньги только сарапульскій молодой купчикъ, какое-то безцвѣтное, водянистое созданіе, амфибія, равнодушная ко всему, кромѣ своего собственнаго прибытка.

Между башкирами появились турецкіе муллы—агитаторы. Заговорили объ этомъ на Камѣ.

— Ничего, пущай, отозвались крестьяне. Башкиры народъ смирный, робкій народъ. Ну, а ежели эти самые муллы намъ попадутся—справимся. Къ становому не сведемъ. Какъ они у себя съ нашими, такъ и мы здѣсь съ ихними!...

Воображаю, накъ на эту возбужденную массу должны были подѣйствовать слухи о мученической смерти русскихъ волонтеровъ, взятыхъ въ плѣнъ турками!...

Говорятъ, что невѣжественный русскій крестьянинъ — не гражданинъ, а рабъ. Какая чепуха! Еслибы «знатоки народа» видѣли этого «раба!» Какъ чувствовала обиду темная масса, какъ глубоко затрогивалась она!...

— Такъ и простить!.,. Аль у насъ народу мало!... Постоять за себя не можемъ?

— Что же, и противъ двоихъ пойдемъ... Съ нами Богъ!.. Мы за правое дѣло.

Слухи о приготовленіяхъ къ войнѣ встрѣчались съ восторгомъ. «Наконецъ-то», «пора» слышалось повсюду. «За все перевѣдаемся и *правду найдемъ!*» говорилъ народъ.

Какой-то генералъ въ Сибирь проѣхалъ.

— Скоро значитъ! толковалъ народъ по тракту между Екатеринбургомъ и Тюменью.

— Изъ самаго Питенбурха енерала послали народъ на турокъ подымать.

— Изъ Сибири казаковъ поведетъ онъ должно.

Народъ, вообще, со дня на день ждетъ войны.

Меня очень интересовало: почему именно народъ сочувствуетъ славянамъ, потому ли, что они христіане, или потому, что племенное родство съ ними чувствуетъ. Сначала меня сбивали съ толку фразы: «За Христа страдаютъ», «Христовы ратники», «идемъ хрестьянъ выручать». Сколько я ни добивался по этому предмету, ни до чего не договорился. Ясно одно, что народъ самъ не даетъ себѣ отчета, почему именно онъ сочувствуетъ. Скорѣе всего это инстинктивное братство, какая-то племенная врожденная связь и главное—безотчетное сочувствіе бывшаго раба къ рабу нынѣшнему. А это — очень знаменательно. Народу даже странно дать себѣ отчетъ въ

своихъ чувствахъ. Любитъ, болитъ за нихъ сердцемъ, злобствуетъ на супостатовъ, готовъ міромъ пойдти за мучениковъ. Что-то стихійное есть въ этомъ разомъ всплывшемъ волненіи. Не думая, не гадая, не пускаясь въ теологическія тонкости, не зная этнографическихъ данныхъ, народъ чувствуетъ, что тамъ своихъ душатъ и рѣжутъ, что тамъ свои исходятъ кровью подъ ножами злодѣевъ. Русскій народъ не выдѣляетъ славянъ изъ своей среды; каждое сообщеніе о новомъ злодѣяніи надъ ними онъ встрѣчаетъ, какъ нѣчто личное, какъ обиду, нанесенную ему, а не чужому племени—и мститъ онъ станетъ за себя. И кто же осмѣлится сказать, что такое возмездіе не будетъ справедливымъ, даже если оно будетъ жестоко?

При настоящемъ настроеніи народа, мнѣ кажется пораженіе на войнѣ такъ не надломило бы его, какъ сознаніе своего безсилія помочь близкому и дорогому ему племени.

Изъ Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, отецъ, крестьянинъ, съ сыномъ тайкомъ ушли, пробираясь въ Турцію по пустырямъ и бездорожьямъ.

— Куда вы?

— За братій пострадать хотимъ.

— А паспорты взяли?

— Не дали бы... Мы такъ пройдемъ. Полиція назадъ не вернетъ.

— Да вѣдь разъ уйдя самовольно, вы ужь не вернетесь, васъ судить будутъ.

— Да мы и не думаемъ вернуться... Враговъ много — и сами ляжемъ тамъ... Кто оттуда вернется?.. А такая смерть и Богу угодна, и людямъ красна.

— А къ военному дѣлу привычны ли вы?

— Изстари родъ нашъ—охотникомъ былъ. Птицу въ летъ бьемъ.

Далъ я имъ письмо въ славянскій комитетъ, давалъ и денегъ — не приняли! Можетъ быть, два эти героя, идущіе «умереть за братій», скоро воочію явятся здѣсь, коли по дорогѣ ихъ не перехватятъ и не «водворятъ на мѣсто жительства».

Въ Екатеринбургѣ одна монашенка подошла ко мнѣ на улицѣ.

— Вы должно быть читаете газеты... Какъ проѣхать въ Сербію мнѣ? Есть у меня пятьдесятъ рублей, собрала коекакъ... Довольно ли будетъ? Примутъ ли меня тамъ?

Оказалось, что она хочетъ пробраться туда сестрою милосердія.

А вотъ и другой фактъ, разсказанный мнѣ достовѣрнымъ человѣкомъ.

Ѣхалъ онъ по Шадринскому уѣзду—большой дорогѣ сибирскихъ бѣглыхъ и бродягъ. Ночью остановили его трое какихъ-то оборванцевъ. Малый былъ не изъ храбраго десятка, струсилъ и началъ имъ деньги совать: «Пустите-де душу на покаяніе».

— Спрячь-ко деньги!.. Не бось, не тронемъ. Не надо намъ денегъ твоихъ, а ты лучше скажи, на какіе города нужно идти, чтобъ въ Ерцеговину попасть...

— Да вы, братцы, откуда?

— Не изъ близкаго мѣста...

— Бѣглые?

— Они самые.

— Зачѣмъ же вамъ туда?

— Да коли Богъ поможетъ дойти, такъ сложимъ за святое дѣло свои головушки буйныя... Тамъ можетъ и мы нужны...

Народное движеніе это застало насъ совершенно неподготовленными. Въ то время, какъ одни губернаторы сами становились во главѣ его, другіе запрещали сборы, а на энтузіазмъ крестьянскихъ обществъ смотрѣли чуть ли не какъ на бунтъ. Третьи, очевидно, колебались, не зная, что имъ начать. Во время ярмарки, артисты нижегородскаго театра предположили прочесть со сцены «Клермонтскій соборъ» А. Н. Майкова и затѣмъ отправиться собирать пожертвованія. Мѣстная администрація запретила это, считая, повидимому, сборъ пожертвованій привиллегіей губернской аристократіи. Такимъ образомъ, у славянскаго дѣла было отнято нѣсколько лишнихъ сотенъ рублей, которыя несомнѣнно дало бы купечество, бывшее въ театрѣ. Одинъ администраторъ, въ порывѣ усердія, говорятъ, предписалъ даже полиціи объявить крестьянскимъ обществамъ, что всѣ слухи о войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ распространяются неблагонамѣренными людьми, а что въ дѣйствительности тамъ все обстоитъ благополучно. Трудно повѣрить этому: уже слишкомъ не умно выходитъ! Но если такой фактъ и случился, ничего необыкновеннаго въ немъ нѣтъ. Вѣдь на народъ до сихъ поръ многіе какъ на дѣтей смотрятъ. «Уйди, дескать, душечка, уйди.... Здѣсь большіе, нечего тебѣ слушать о чемъ они говорятъ». Въ другихъ мѣстахъ само начальство устраивало, въ томъ или другомъ видѣ, сборъ пожертвованій и очень удачно. Даже на заводѣ Нижній Тагилъ какъ-то устроили народный праздникъ въ саду и за входные билеты въ пользу славянъ было собрано 600 руб., а населеніе тамъ далеко не богато...

Пожертвованія принимаютъ очень оригинальную форму.

Въ кружки «въ пользу славянъ» бросаютъ сдачу, выигрышныя деньги, извѣстный процентъ съ каждой покупки. При мнѣ на пароходѣ два дня шла карточная игра — выигрышъ въ пользу славянъ. Въ одномъ изъ вертеповъ Нижняго, въ

самый разгаръ ярмарки, двое какихъ-то посѣтителей заговорили о злодѣйствахъ турокъ въ Болгаріи. Рядомъ сидѣлъ съ арфистками какой-то, уже зело упившійся, сибирякъ.

— Дѣтей рѣжутъ? вдругъ обращается онъ къ говорившимъ.

— Тысячами...

— Вотъ идолы... А война скоро?

— Ничего не слыхать. Только пожертвованія собираютъ. Можетъ быть до войны дѣло и не дойдетъ.

Минута молчанія.

— Ахъ, вы, злодѣи!... Дѣтей!... Думалъ я сегодня сотню прогулять — не хочу! Пущай же лучше на доброе дѣло идутъ. Жертвую... Кому отдать-то надо ихъ?

— А тутъ особый комитетъ есть, или въ кружку опустите.

— Спасибо, голубчики! Пошли вамъ Богъ!...

— Куда вы, купецъ... запищали было арфистки.

— А во — видали! Показалъ онъ имъ кулакъ, довольно внушительныхъ размѣровъ.

Одно лице, сбиравшее пожертвованія повсюду, разсказывало мнѣ, что, зачастую, въ самыхъ дикихъ вертепахъ, закутившаяся молодежь отдавала все, что было ею ассигновано пропить или прогулять и, видимо, стыдясь уже окружающей обстановки, уходила вонъ...

Будь помощь славянамъ организована лучше, имѣй возможность отозваться на нее отдаленныя захолустья Россіи, цифра пожертвованій удесятерилась бы несомнѣнно. Большая часть населенія не знаетъ, куда ему сунуться съ своими грошами и доброхотными копѣйками.

— Ходимъ мы, ходимъ во тмѣ, собрали семнадцать рублевъ, куда отдать ихъ—не знаемъ. Ладились было попу—не беретъ: съ вами еще влетишь, говоритъ; становой былъ—ему хотѣли: не указано, рычитъ, вонъ пошли; такъ мы съ ними и маемся; укажи, добрый человѣкъ, какъ быть намъ.

Это объясняли мнѣ въ сѣверной половинѣ Пермской губерніи.

Еще оригинальнѣе относились къ сбору крестьяне около К—го завода.

— Подь-ко сюда... таинственно заманиваетъ меня за избу высокій, весь обожженный у доменной печи рабочій. Скажи ты намъ — какъ быть съ турскими деньгами?

— Съ какими турскими?

— Да, вишь, положили мы по силѣ собрать на турскихъ славянъ деньги, на помочь имъ значитъ, да слухъ идетъ— строго за это... Какъ бы чего ни было, мы промежь себя, тайнымъ дѣломъ и собираемъ, только хоронимся баско!..

И собираютъ всетаки, даже подъ страхомъ острога.

Разсказывать еще, значитъ повторять уже сообщенное выше. Всюду, гдѣ я ни былъ, народъ находится въ крайнемъ возбужденіи. Войны онъ не боится; напротивъ, она была бы попсулярна, и вѣсть о ней примется восторженно въ самыхъ дальнихъ закоулкахъ Россіи. Не завоевателями явились бы мы, а освободителями, спасителями братій; такъ на это смотритъ и хмурый пермякъ, и бойкій волжанинъ, и предпріимчивый каспійскій рыболовъ. Понадобится народное ополченіе—крестьянство не отступитъ отъ него, а понесетъ свои головы за святое дѣло. Не хватитъ денегъ въ казнѣ, пусть она обратится къ народу—и хотя его собственное положеніе далеко не блестящее, но масса великодушно отдастъ свои доброхотные гроши на это мірское дѣло. Отчего насъ забыли? говорилъ одинъ астраханскій богачъ, развѣ оскудѣло купечество съ 1812 года любовью къ родинѣ: послѣднее отдадимъ въ годину бѣдствій.

Пусть идутъ англичане, пусть измѣнятъ намъ австрійцы— имъ приведется имѣть дѣло не съ однимъ войскомъ, а съ народомъ. Россія стѣною станетъ на своихъ границахъ! Если пришла пора бороться за жизнь и смерть славянства, то смѣ-

лѣе впередъ! Съ нами Богъ, за насъ—право, за насъ—наша молодость, за насъ — исторія. Самая пораженіе наше будетъ смертью для побѣдителей. Но пораженія и ждать нельзя. Нѣтъ его тамъ, гдѣ каждый крестьянинъ—солдатъ, гдѣ войско весь народъ. Краше и сильнѣе встанетъ Россія послѣ такой войны, встанетъ матерью всего славянства, освободительницею милліоновъ христіанскихъ мучениковъ Турціи. Эта задача — выше и обаятельнѣе завоевательныхъ стремленій. Западной Европѣ не понятны наши цѣли. Великодушіе — не для ея дипломатовъ. Не она ли злобно называла насъ народомъ соціалистовъ и демагоговъ только потому, что освобожденіе крѣпостныхъ, всеобщая воинская повинность не встрѣтили у насъ протеста со стороны имущихъ и привилегированныхъ классовъ? Нечего значитъ удивляться, если она не вѣритъ честности русскаго правительства и русскаго народа въ восточномъ вопросѣ. Маленькая Герцеговина умѣла болѣе двухъ лѣтъ устоять противъ Турецкой имперіи, неужели же сильная, молодая, великодушная Россія не устоитъ противъ себялюбивыхъ государствъ запада. Съ нашей стороны и власть и народъ идутъ за одну великую идею, и народъ и власть дружно стремятся разбить вѣковыя цѣпи славянскихъ братій; тамъ же народы за славянъ, правительства ихъ противъ, а вѣдь только и сильна власть тогда, когда она опирается на народъ. Единеніе у насъ—рознь у нихъ, право у насъ—своекорыстіе, несправедливость у нихъ, молодость у насъ—старчество у нихъ. Бояться ли такой войны, трепетать ли отъ такихъ враговъ? Не они ли должны преклониться передъ властнымъ словомъ Россіи?

Вотъ что, разумѣется, не въ такихъ выраженіяхъ, не въ такихъ формахъ, думаетъ русскій народъ и русское общество. Оно не хочетъ, не жаждетъ крови, но если честь Россіи и интересы славянства потребуютъ долгой войны — народъ не отступитъ отъ нея — и отдастъ лучшую свою кровь возрож-

денію и свободѣ родныхъ намъ племенъ. Народъ вѣритъ въ то, что достоинство Россіи будетъ охранено, что сверху не поколеблются въ минуту опасности... До тѣхъ поръ народъ молчитъ и ждетъ, но пусть только кличъ грянетъ—и передъ изумленною Европою милліоны встанутъ за него, милліоны пойдутъ на смерть и на побѣду! И поймутъ наши враги, что тутъ война будетъ войною не обычнаго разбора, это будетъ война безпощадная, *народная*, война за свободу и право!

Россія всегда честно держала свои обязательства. У насъ и теперь нѣтъ и не можетъ быть завоевательныхъ цѣлей. Нѣтъ основанія не вѣрить ей, такъ долго отстаивавшей интересы мира и спокойствія.

ХАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ.

I.

Столица ногайскихъ хановъ.—Изъ тысячи и одной ночи. — Морское плаванiе изъ Питера въ Кострому или матросъ на мачтѣ.

— Не завидуемъ мы вамъ! Напутствовали меня на пароходѣ туристы, отправлявшiеся прямо въ Каспiйское море.

— Отчего?

— Погодите. Столица ногайскихъ хановъ покажетъ вамъ себя. Изжаритесь на солнцѣ и съ голоду умрете.

Картина крайне непривлекательная. Жариться на солнцѣ я началъ, еще съ утра, обѣдать разсчитывалъ на пароходѣ, гдѣ и остались мои вещи. Вездѣ гдѣ я не былъ, заранѣе можно было узнать, гдѣ остановиться, что дѣлать. Астрахань въ этомъ отношенiи оказалась очень непривѣтлива.

— Есть здѣсь отели?

— Чего-съ? Отелей?... Вы бы еще про итальянскую оперу спросили. Кабаки есть, грязные трактиры...

— Гдѣ же останавливаются проѣзжiе?

— Да тутъ, батюшка, и проѣзжихъ, почти, не бываетъ. Есть знакомые—у знакомыхъ прiютятся. На этотъ счетъ здѣсь просто!.. А то ступай въ трактиръ на съѣденiе клопамъ и прочей нечисти. Да кому здѣсь и прiѣзжать-то! персы, армяне, татарва разная, бухарцы, а этому люду кормить насѣкомыхъ грѣшнымъ тѣломъ своимъ и Господь повелѣлъ. Они такъ вѣдь

по десяти человѣкъ въ одну каморку набиваются, и разчудесно! Оттого мы и зовемъ Астрахань—ногайскимъ городищемъ.

Такимъ образомъ, Астрахань совершенно лишена тѣхъ удобствъ, которыми легко на всей Волгѣ пользуется путешественникъ. Въ Нижнемъ онъ найдетъ отличное помѣщеніе и прекрасный столъ у Лопашева, въ «Hôtel de Poste», у Соболева, въ Казани — отель Коммонена, по опрятности своей, напоминаетъ германскія гостиницы, въ Саратовѣ—Вакуровъ, онъ хоть и ощиплетъ васъ, да за то доставитъ всевозможный комфортъ, а въ Астрахани, въ этомъ конечномъ пунктѣ Волги, и пріютится некуда. Сожалѣть объ этомъ я не могъ разумѣется. Во мнѣ достаточно сильны бродяжническіе инстинкты и чѣмъ больше мѣстнаго колорита имѣетъ моя жизнь въ томъ или другомъ пунктѣ, тѣмъ лучше. На Кавказѣ я, минуя гостиницы, нарочно останавливался въ армянскихъ духанахъ, въ горахъ — съ наслажденіемъ цѣлыя недѣли проводилъ въ саклѣ. На сѣверѣ, мнѣ были знакомы и вѣжа лопаря и дымная землянка финна колониста и просто горное ущелье, гдѣ приходилось проводить холодныя и сырыя ночи. Въ горнозаводскомъ Уралѣ, въ такихъ пустыняхъ, какъ при-косвинскія окрестности, чадная крестьянская изба дворцомъ казалась. Въ Поти, какъ-то переполненномъ путешественниками, я двѣ ночи на бильярдѣ ночевалъ и то за баснословную цѣну. Въ Аджарѣ мнѣ приводилось коротать ночи въ развалинахъ сырыхъ домовъ, гдѣ подъ массами камней шуршали ящерицы и змѣи: — могли ли меня испугать послѣ того астраханскіе трактиры—съ безчисленными арміями клоповъ и блохъ!

Когда я сошелъ на пристань, мнѣ показалось, что кругомъ совершается одна изъ сценъ царствованія Гарунъ-аль-Рашида. Толпа валила со всѣхъ сторонъ, и какая толпа! Зеленые халаты и пестрыя чалмы бухарцевъ, черныя чухи разшитыхъ по-

зументами армянъ, высокіе конусы персидскихъ бараньихъ шапокъ, голыя груди и лохмотья калмыковъ, сѣрые кафтаны ногайскихъ татаръ... лица — одно оригинальнѣе другаго, совершенно намъ чуждыя, то скуластыя, мѣднокрасныя, съ остросверкающими изъ косыхъ щелокъ глазами, безбородые; то правильныя, красныя физіономіи персовъ съ длинными красными бородами и черными, но совершенно безжизненными глазами; сухія словно внизъ вытянутыя ногайскія лица, съ которыхъ точно Доре рисовалъ своего Донъ-Кихота, и тѣ же толстые, раскормленные, лукавые бухарцы, точь въ точь такіе, какими нашъ Верещагинъ изобразилъ ихъ въ своей картинѣ «батча». Въ толпѣ порою мелькаютъ длинныя бѣлыя чадры армянокъ; вся въ красномъ, гремя серебряными монетами безчисленныхъ своихъ подвѣсокъ, пробирается богатая калмычка; а тамъ, въ сѣромъ мѣсивѣ бѣдняковъ ногайцевъ, въ ихъ сѣрыхъ валеныхъ шляпахъ, желтое пятно гелюнга съ желтымъ суконнымъ блиномъ на головѣ. А вонъ и красныя рубахи русскихъ поволжанъ словно маковъ цвѣтъ вспыхнули. Вся эта восточная толпа молча дѣлаетъ свое дѣло, только русскіе горланятъ во всю мочь, переругиваясь съ казаками астраханскими, между которыми тоже не мало скуластыхъ калмыцкихъ лицъ.

— Эй, ты, Азія! расталкиваетъ толпу уже успѣвшій невѣдомо когда напиться матросикъ съ нашего парохода.

Калмыки разступаются. Бухарцы начинаютъ огрызаться.

— Молчи! Кажется довольно хорошо мы раскостили васъ, татарва некрещеная! ругается матросикъ.

— Ты чтоль костилъ? огорошиваетъ его старикъ-солдатъ, увѣшанный медалями.

— Хоша бы и мы? И матросъ фертомъ становится передъ нимъ.

— Эхъ, ты, труба пароходная! Какъ мы съ генералъ Черняевымъ Ташкенту брали — вашего брата и не пахло.

Воины! Ступай котлы чисти, да въ дудку свисти—твое дѣло...

— Ташкентъ! Говори кто съ адмираломъ Голопузой подъ Карштадтъ ходилъ, кто-о? скороговоркою зачастилъ матросъ... Фокъ-мачту знаешь? зѣвалъ онъ на всю пристань.

— Ну.

— Лазилъ на нее? Бывалъ на фокъ-мачтѣ?..

Солдатъ только сплюнулъ въ сторону.

— А я сколько разовъ довольно хорошо сидѣлъ на ней. Ташкентъ! Нѣтъ, ты взлѣзь да посиди... А то—тоже!

— То-то ты съ сидѣнья съ этого, вижу я, одурѣлъ совсѣмъ...

— По нашей службѣ съ легкимъ сердцемъ сдурѣть можно. Ты какъ полагаешь? Нашу службу съ вашею никакъ не приробняешь. Тебя теперь розгами пороли—а у насъ линьки! съ гордостью аргументировалъ матросъ. Вамъ щи да кашу—а у насъ горохъ. Насъ, моряковъ, довольно хорошо самъ царь знаетъ, чего тутъ... Теперь, правда, слабко стало, линька этого нѣтъ, ну а въ морду влетаетъ, и даже съ полнымъ удовольствіемъ... А то тоже — Ташкентъ... Нѣтъ, ты на мачтѣ побывай... Да подъ нордъ-остомъ...

— Съ тобой, съ дуракомъ, старому солдату и разговаривать-то зазорно.

— Нѣтъ, ты постой. Я можетъ сколько морей и океановъ видалъ—а ты, что, крупа!

— Гдѣ видалъ-то?

— Гдѣ?.. А какъ изъ Питера въ Кострому на фрегатъ «Олегѣ» ходилъ?.. Ты походи-ко по морю.

— А теперь-то, что же не ходишь.

— Въ безсрочномъ... Не все же на мачтѣ сидѣть... Слава Господу насидѣлись, довольно!..

II.

Кремль и пристани. — Портъ. — Пять націй за одной игрою въ дураки.

Вонъ кучка ногайскихъ носильщиковъ въ сторонѣ. Чахлые, худые... Лица истомленныя, просто смотрѣть жаль на этихъ прежнихъ властителей Астрахани. Городъ самый построенъ или въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Сначала Астрахань была жалкою татарскою деревнюшкою, но скоро волжскіе и среднеазіятскіе торговцы оцѣнили выгоды ея положенія и создали здѣсь мѣновый рынокъ. Деревня разрослась, сюда стали стекаться окрестные татары, и немного спустя сдѣлалась она большимъ городомъ Годжи-Тархани, вскорѣ занятымъ ногайцами. Ногаи устроили здѣсь свою станицу и, какъ вездѣ, обагрили почву массами крови, обильно лившейся въ междоусобныхъ войнахъ разныхъ хановъ. Этою усобицею воспользовались русскіе. Вмѣшательства московскихъ князей въ дѣла астраханскаго царства учащались, пока, въ 1554 г., 2-го іюля, небольшая дружина Іоанна Грознаго, предводительствуемая Головинымъ, Шемякинымъ и Пронскимъ, не разгромила Астрахани совсѣмъ, присоединивъ самое царство къ раздвигавшей уже свои границы великой землѣ русской. Триста двадцать лѣтъ живутъ здѣсь наши. Выстроили они большой кремль, начатый при Іоаннѣ и законченный при Василіи Шуйскомъ, матеріалы таскали они для него съ массивныхъ развалинъ древняго татарскаго города, разграбливая такимъ образомъ остатки старины у рѣки Ахтубы, воздвигли соборы, церкви, въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ пять монастырей поставили—а все не русскою смотритъ Астрахань, все какою-то бусурманскою украйною кажется она туристу, привыкшему къ великорусскому населенію нашей Оки и Волги... Чужой говоръ, обличье чужое... Гостями мы здѣсь до сихъ поръ сидимъ и, право, любой

персъ или армянинъ гораздо лучше чувствуетъ себя въ этомъ ханскомъ городищѣ, чѣмъ заѣзжій русскій, которому все здѣсь въ диковину, начиная отъ зеленыхъ халатовъ бухарцевъ до скуластыхъ богатырей, отъ полукитайскаго хурула гелюнговъ до ивяной, въ ростопель заливаемой водою мазанки несчастнаго ногая... И не удивительно поэтому, что здѣсь нашелся мудрый губернаторъ, который, считая Астрахань не Россіею, а Азіею, исходатайствовалъ себѣ, для пущей помпы, полувосточный залитый золотомъ мундиръ, вѣроятно, внушавшій большое уваженіе пріѣзжавшимъ сюда персіанамъ и бухарцамъ! Вообще, характеръ мѣстной администраціи и управленія только въ послѣднее время нѣсколько приближается къ русскому. Прежде здѣсь были какіе-то паши, а мелкое начальство, особенно относительно калмыковъ, скорѣе напоминало среднеазіатскихъ аксакаловъ. Я уже не вспоминаю о временахъ капитанъ-исправниковъ, по всѣмъ нашимъ окраинамъ являвшихся баши-бузуками самаго неудержимаго свойства.

Пристань «Кавказа и Меркурія», сплошь залитая народомъ, составляетъ часть бывшаго астраханскаго порта, который на 15 лѣтъ переданъ въ пользованіе обществу. Каспійская флотилія здѣсь была основана еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1722 году, Петръ лично намѣтилъ пунктъ для порта, на мѣстѣ сліянія р. Кутума съ Волгою, гдѣ неподалеку была прежде Осударева пристань мореходныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе, черезъ четыре года, портъ начали устроивать, но въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ онъ находится и теперь. Въ то время здѣсь былъ срѣтенскій монастырь Долбило, около котораго въ Волгу впадала р. Скаржинка, омывавшая стѣны кремля. Теперь отъ Скаржинки остался только мелководный заливчикъ. Портъ составляетъ единственно прохладное мѣсто среди астраханскаго пекла. Тутъ массы зелени, тѣнистыя аллеи, канавки... дышать можно! Здѣсь же чуть не

единственная на всю Астрахань купальня. Направо и налѣво большія зданія, амбары, мастерскія. Вездѣ видно крупное и кипучее дѣло. Изъ конторы въ контору снуетъ дѣловой людъ. Тутъ, словно налитый матрасинскимъ виномъ, бурдюкообразный армянинъ сдаетъ свой грузъ судовому приказчику, юлою охаживающему неповоротливаго мастодонта; тамъ бойкій саратовскій мѣщанинъ, разсыпая тысячи остротъ и прибаутокъ, приторговывается къ лещу, судаку. Капитаны пароходовъ озабоченно суетятся между пристанями; кучка зачѣмъ-то попавшихъ сюда съ живодновскаго судна эмбенскихъ рыболововъ разлеглась въ тѣни громадныхъ вязовъ и спитъ себѣ спокойно среди общей суеты и страшнаго зноя.

Но вотъ картина, которую, пожалуй, только въ Астрахани и увидишь. Черезъ часъ должна отвалить пароходная баржа «Арагва» въ море; до Бирючьей косы доведетъ ее пароходъ «Поспѣшный», а тамъ пассажировъ приметъ большой морской пароходъ «Михаилъ». Въ ожиданіи отплытія, подъ тѣми же вязами расположилась кучка народу и азартно играетъ въ дураки. Всѣхъ ихъ пять человѣкъ и всѣ пятеро принадлежатъ къ разнымъ племенамъ рода человѣческаго. Молодой, красивый лезгинъ, возвращающійся черезъ Петровскъ въ Дагестанъ, худощавый, съ масляными глазками, армянинъ, толстый еврей, обуглившійся ленкоранскій персіанинъ и русскій. Какъ они сошлись вмѣстѣ, «въ одну артель», чтобъ сыграться въ дураки, что ихъ свело — Господь вѣдаетъ. И какъ разныя національности сказываются здѣсь. Персіанинъ, точно каменный, сдаетъ и покрываетъ, не смѣя вступаться въ споры. Еврей норовитъ заглянуть въ карты къ сосѣду, русскій, сохраняя полнѣйшее хладнокровіе, подваливаетъ невозможныя тройки, въ родѣ шестерки, семерки и восьмерки одной и той же масти, армянинъ кипятится и азартно хохочетъ при каждомъ удачномъ ходѣ, и только лезгинъ оказывается добро-

душнѣе всѣхъ. Его не выигрышъ или проигрышъ, а самъ процессъ игры занимаетъ. Подъ конецъ остался онъ съ персіаниномъ. У лезгина козырный тузъ и простая карта. Его ходъ. Смотримъ, съ простой пошелъ. Персіанинъ спасся.

— Чтожъ ты его не оставилъ? сокрушается русскій.

— А гхарошій человѣкъ, абидна дуракомъ оставаться!.. гортаннымъ голосомъ объяснилъ дагестанецъ и улыбнулся, показавъ намъ ровные и удивительно красивые бѣлые зубы.

III.

Царство пыли.—Улицы.—Персидскіе базары.—Торговля Астрахани.

Я оставилъ пароходъ позднѣе другихъ пассажировъ, да къ тому же еще купаться вздумалъ. Благодаря этому обстоятельству, извозчиковъ я уже не нашелъ. Мнѣ предстоялъ не малый путь по улицамъ Астрахани подъ жгучимъ солнцемъ. На каждой я высматривалъ извозчика — нѣтъ какъ нѣтъ, и только черезъ пять или шесть улицъ, въ конецъ утомленный и испеченный, наткнулся на возницу столь несчастнаго и разстерзаннаго вида, что передъ нимъ самый затрапезный, желтоглазый ванька съ Выборгской стороны явился бы британскимъ лордомъ, поразилъ бы его своимъ великолѣпіемъ. Улицы, по которымъ я пробирался, сплошь застроены небольшими, много много двухэтажными каменными домами. Внизу— родъ складовъ. Или вовсе нѣтъ оконъ, или узенькія бойницы какія-то съ тюремными рѣшетками, вверху жилыя комнаты должно быть, но тоже съ очень маленьками окошечками. Впечатлѣніе монументальности производитъ только кремль, бѣлыя стѣны котораго безпощадно слѣпятъ вамъ глаза и отражаютъ на васъ жгучіе солнечные лучи, когда вы проходите мимо. Тѣмъ не менѣе, ихъ облупившіяся массы, старинныя, при

Борисѣ Годуновѣ доконченныя башни, производятъ на васъ, среди всей этой татарщины, странное впечатлѣніе. Точно въ какое-то сказочное царство попалъ!.. На карнизахъ ихъ полуобваливающихся стѣнъ черными точками усѣлись карги-вороны. По дорогѣ тоже неподвижно торчатъ онѣ, не уходя отъ васъ и широко раскрывъ рты. Видно и имъ жара не по силамъ. Изрѣдка попадется вамъ по всей этой громадной площади живая душа, да и та окажется несчастнымъ ногайцемъ, или наткнетесь вы на безпечно спящаго въ бѣломъ, точно мѣловомъ пескѣ, калмыка. Въ тѣни одной стѣны расположилось что-то въ родѣ базара. Видимо городскія мѣщанки—штукъ двадцать сидятъ, какъ вороны, въ рядъ и неподвижно... Передъ ними разное старье, но кто его покупаетъ—вопросъ. Минутъ пятнадцать я отдыхалъ въ тѣни этой стѣны и не видѣлъ ни одного покупщика. Бабы дремлютъ, такимъ образомъ, чуть не до вечера и потомъ уходятъ домой, точно и впрямь онѣ не вѣсть сколько дѣла передѣлали сегодня! А бѣлая пыль по улицамъ—что это за пытка для пѣшехода! Нечего и говорить, что какова бы ни была погода, хотя вѣтра и нѣтъ — вы черезъ нѣсколько минутъ оказываетесь осыпаннымъ мукою мельникомъ. Проѣдетъ ли извозчикъ, взбудоражитъ эту мельчайшую пыль и—она часъ стоитъ въ воздухѣ, не осѣдаетъ. Вы ею дышете, она засоряетъ вамъ глаза, въ ротъ лѣзетъ, въ носъ, въ уши—хоть водолазную маску надѣвай въ Астрахани! А чуть вѣтерокъ въ этомъ пеклѣ поднимется — нисколько не легче. Васъ только овѣиваетъ новыми волнами зноя, при этомъ пыль буквально заполоняетъ все, и какая-то ѣдкая, возбуждающая постоянный кашель. Мертвыя улицы, мертвые дома... На улицахъ никого; дома точно очки зеленые надѣли—вездѣ жалузи спущены, а въ армянскихъ и татарскихъ попросту ставни закрыты. Зато какъ сыро и прохладно должно быть за этими ставнями и какъ вы—несчастнѣйшій изъ пѣшеходовъ,

завидуете тѣмъ счастливцамъ, которые совершаютъ тамъ, въ этой тмѣ, внутри этихъ домовъ, за ставнями, свой dolce far niente!.. Мощенныхъ улицъ почти нѣтъ. Двѣ или три дума пробовала было замостить, да вскорѣ бросила это нововведеніе — и безъ того скверно! Нужно замѣтить, между тѣмъ, что доходы города очень велики. Такъ, напр., въ 1873 г. поступило на приходъ 375,078 р., а израсходовано 316,836 р. Ѣдешь по этимъ улицамъ на извозчикѣ, точно по подушкамъ. Надо полагать тутъ на аршинъ пыли—не меньше! Вотъ персидскій дворъ и базаръ—громады бѣлокаменныя съ колонами. Сидя на ступеняхъ своихъ лавокъ, сладко дремлютъ, точно кучи головешекъ, обугленные соотечественники Фирдуси и Гафиза. Позади ихъ цѣлые ворохи фруктовъ и дешевыхъ мануфактуръ. Тамъ же склады желѣза, мѣди, посуды, бумаги писчей и оберточной, бумажныхъ и другихъ тканей, отсюда повезутъ все это на рынки Астрабада, Мешхеда, Тавриза, Испагани и т. д., чуть не вплоть до Герата, за которымъ уже начинается царство англійской промышленности. Рядомъ съ этими складами, хранимыми столь же неподвижными головешками въ бараньихъ шапкахъ, этими неподкупными краснобородыми церберами,—другіе; тамъ сложены грузы, получаемые въ замѣнъ поименованныхъ мною товаровъ изъ Персіи и Средней Азіи; тутъ хлопчатая бумага цѣлыми горами, шелковыя пестрыя ткани, древесный клей, кунжутъ столь полезный и столь отвратительный, пшено, фрукты и чернильные орѣшки. Вотъ цѣлый рядъ бурдюковъ, ногами кверху. Видно матрасинскаго вина навезли!.. Запахъ его далеко преслѣдуетъ васъ: около снуютъ армяне въ своихъ чухахъ и фуражкахъ, несмотря на жару, они уже напробовались до пьяна. Между ними слышны шутки, смѣхъ и тоскливая пѣсня съ какими-то рѣжущими ухо дикими выкриками. Астраханскіе армяне большіе щеголи, такъ и эти—сплошь позументами обшиты... Лавки въ этомъ гости-

номъ дворѣ точно черныя пещеры. Проходишь мимо и опять-таки завидуешь въ этотъ зной, какъ тамъ должно быть свѣжо и прохладно!..

Для интересующихся внѣшнею торгевлею Астрахани, вотъ достовѣрныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ товарахъ, вывезенныхъ въ Персію и Среднею Азію черезъ астраханскую таможню въ 1873 году: бумажныхъ издѣлій на 276,191 р. (еще въ 1860 году ихъ вывозилось только на 2,860 руб., въ 1865 году на 41,248 р., въ 1870 г. на 174,758 р.), шерстяныхъ издѣлій на 174,794 р. (въ 1860 г. на 21,153 руб., въ 1870 году на 249,909 р.), желѣза разнаго на 79,002 руб. (въ 1860 г. на 183,937 руб., въ 1864 г. на 217,743 руб., въ 1870 г. на 154,647 р.; въ вывозѣ желѣза отсюда громадныя колебанія; такъ, въ 1864 г. на 217,743 р., а въ слѣдующемъ 1865 г. на 18,220 р., зато въ 1866 г. сразу на 249.487 р.!), желѣзныхъ издѣлій на 26,352 р. (въ 1863 г. на 76,300 р., зато черезъ годъ—20,742 руб.), шелковыхъ издѣлій русскихъ на 47,225 руб. Этотъ вывозъ повышается постоянно. Мнѣ говорили, напримѣръ, что въ Персію вывозятся «персидскія матеріи», приготовляемыя на русскихъ фабрикахъ (шелковыхъ русскихъ матерій въ 1861 г. было вывезено только на 176 р.!). Посуды стеклянной и хрустальной на 34,523 р,, а въ 1861 году было только на 912 р., посуды глиняной и фарфоровой на 32,930 руб. (въ 1865 г. на 52,776 р.), бумаги писчей и оберточной на 31,812 р. (въ 1862 г. на 49,454 р.), золотой русской монеты на 27,824 р. (въ 1863 г. на 188 598 р., въ 1864 г. на 160,909 р.), красокъ разныхъ на 26,981 р., тогда какъ за годъ раньше ихъ вывозилось почти на 50,000 р., а въ 1870 г. на 77,900 р.! Весь же вывозъ опредѣляется въ 984,863 р., при ввозѣ изъ Персіи и Средней Азіи въ Астрахань на 1,593,433 рубля. Такимъ образомъ, даже Персія гораздо больше ввозитъ къ намъ, чѣмъ сама отъ насъ полу-

чаетъ. Вотъ главные предметы ввоза изъ Персіи и Средней Азіи черезъ Астрахань: хлопчатой бумаги на 505,533 р. (въ 1864 г. на 1,465,695 р.), сухихъ фруктовъ на 263,329 р. (въ 1863 г. на 2.312,000 р.), рыбы соленой на 193,522 р. Какое сходство съ сѣверомъ! Тамъ, при нашихъ собственныхъ неистощимыхъ богатствахъ рыбы, мы платимъ ежегодно норвежцамъ за ихъ рыбу 200,000 р. Здѣсь почти ту же сумму мы выплачиваемъ персіянамъ, несмотря на то, что Каспійское море—естественный садокъ съ безчисленными массами рыбы, доступной вполнѣ русскимъ промышленникамъ. Получая много нашего золота, Персія, въ свою очередь, только въ прошломъ году ввезла свое, собственнаго чекана, и то на 600 руб., а до тѣхъ поръ и этого не дѣлала. Получая нашихъ красокъ на 26,000 р., она ввозитъ къ намъ своихъ на 54,290 руб.

IV.

Мартирологъ туриста, отъискивающаго номеръ въ гостинницѣ.—Радушіе промышленниковъ. — Опять заѣзжіе литераторы. — Ночь.

Долго оставаться на пароходѣ нельзя было. На другой день «Кауфманъ» отваливалъ назадъ, въ Нижній. Поэтому, переночевавъ на пароходѣ, я долженъ былъ пріискать себѣ нумеръ въ гостинницѣ. Опять началось скитальчество по улицамъ въ пыли и въ жару. Въ этотъ злочастный день я осмотрѣлъ, по крайней мѣрѣ, до десяти «отелей».

— Естъ у васъ нумера? спрашиваю внизу. Передъ мною грязнѣйшая лѣстница.

— Есть-съ.

— Покажите.

— Всѣ заняты. Если угодно въ столовый залъ.

— Какъ же это... А вещи.

— Да, вѣдь, у насъ, по утрамъ, мало народу. Ну, а соберется народъ—въ контору сдадите.

— А спать?

— На столѣ можно постлать... У насъ одинъ полковникъ останавливался—на столѣ спалъ.

— Ну, голубчикъ, на билліардахъ мнѣ случалось спать, а на столахъ — слуга покорный.

Въ слѣдующую гостинницу,—еще грязнѣе. Тутъ стучишь, звонишь, никто и не показывается. А въ воротахъ стоитъ какой-то армянинъ и хладнокровно посвистываетъ.

— Да, вамъ чего? спрашиваетъ онъ, наконецъ, когда вы устали и стучать и кричать чуть не на всю улицу.

— Есть нумера здѣсь?

— Всѣ заняты. Даже въ столовыхъ остановились, а одинъ пріѣзжій въ буфетѣ живетъ.

Хладнокровный наблюдатель вашихъ томленій оказывается нумернымъ!

Въ третью гостиницу—та же исторія, въ четвертой—вамъ въ утѣшеніе сообщаютъ, что въ прошломъ году еще хуже было. Доходило до того, что пріѣзжіе въ баняхъ останавливались. Еще нѣсколько отелей омерзительно грязныхъ—и нигдѣ мѣста, все занято отъ чердаковъ до подваловъ. Приходится уже подумать о томъ, что лучше, во всякомъ случаѣ, на столѣ расположиться спать, подобно покойнику, чѣмъ остаться съ чемоданомъ и подушкою на улицѣ. Наконецъ, уже въ седьмой гостиницѣ, на предложенный безнадежнымъ тономъ вопросъ: «есть нумера?», неожиданно слышится—есть! Я чуть не кинулся на шею заспанному половому, столь грязнаго вида, что отъ него съ омерзѣніемъ отступилъ бы даже самоѣдъ карачайскій.

— И хорошій нумеръ?

— Чего лучше. Купцы стоятъ, а года два назадъ генералъ переночевалъ.

Отправляюсь я въ генеральскій нумеръ и съ ужасомъ отступаю назадъ. Каморка, вопервыхъ, съ окномъ, которое выходитъ въ какую-то кухню. Темно, какъ въ кладовой. Всматриваюсь—единственная мебель—кроватъ безъ матраца.

— А постель?

— Постелей не полагается.

— А сидѣть на чемъ, мебель будетъ ли какая?

— Для сидѣнья — во! И половой хлопаетъ ладонью по подоконнику.

— А писать, работать у васъ тоже не полагается?

— Тутъ больше персидскіе купцы останавливаются. Они на полу все... Да на этой кровати и спать нельзя — развалится.

— А грязь эта...

— Вамъ эта грязь въ диковину! А у насъ иначе нельзя. Развѣ можно очистить горницу, гдѣ персы стоятъ... Они, какъ свиньи, все запакостятъ... Мы такъ и не очищаемъ. Имъ еще повадливѣе, потому на хорошее мѣсто онъ не идетъ, боится, подешевле выглядываетъ. А ему все одно—спать да чесаться гдѣ... У насъ и этотъ нумеръ по рублю въ сутки ходитъ.

— Да, вѣдь, тутъ блохъ, клоповъ...

— У него, у перса, въ шапкѣ-то блохъ побольше, чѣмъ во всей этой комнатѣ...

«Хоть на улицѣ останусь, а сюда ни за что», рѣшилъ я и вышелъ. Опять пришлось изъ улицы въ улицу шататься; наконецъ, черезъ часъ добрался я до гостинницы «Тифлисъ».

— Нѣтъ нумеровъ? Какъ видите, я даже измѣнилъ редакцію вопросовъ.

— Есть-съ одинъ, великолѣпный!... обрадовалъ меня армянинъ въ бѣломъ сюртукѣ, надѣтомъ прямо на голое тѣло.

Нумеръ во всякомъ случаѣ оказался сноснѣе того, который мы только что видѣли. Положимъ, что всѣ стѣны его сплошь заплеваны, такъ что обоевъ не различишь; положимъ, что пола не видно подъ грязью, но зато три окна, хотя свѣта Божьяго въ волю.

— Что стоитъ?

— Три рубля въ сутки. Прислуга и самоваръ отдѣльно!

Я возрадовался и, такимъ образомъ, мнѣ не пришлось оставаться на жертву стихій, подъ кровомъ неба, на стогнахъ полуперсидской полуармянской Астрахани...

— Какъ, при такомъ наплывѣ проѣзжихъ, хорошей гостиницы не выстроятъ?

— Нельзя-съ—все персы запакостятъ, отвѣчали мнѣ вездѣ.

Впрочемъ, говорятъ, что и здѣсь есть гостиницы получше, но онѣ всегда заняты.

Положеніе заѣзжаго нѣсколько облегчается изумительнымъ радушіемъ мѣстныхъ русскихъ. Стоитъ вамъ только познакомиться съ ними, какъ вамъ готовъ и столъ, и домъ. Для туриста очищаются лучшія комнаты, о немъ заботятся, какъ объ родномъ. Въ Астрахани я замѣтилъ еще одну черту, весьма интересную. На сколько во внутреннихъ губерніяхъ Россіи мѣстные мастодонты и плезіозавры, а также и хищники позднѣйшей формаціи боятся прессы и отъ представителей ея бѣгутъ, какъ отъ чумы, на столько въ Астрахани все вамъ открыто и доступно. Начиная отъ губернатора до послѣдняго промышленника, всякій охотно дѣлится съ вами свѣдѣніями, открываютъ вамъ свои торговыя книги, разсказываютъ о своемъ дѣлѣ и т. д. Вотъ образчикъ подобнаго отношенія къ прессѣ. Сижу я какъ-то у моего добраго знакомаго, П—ва. Говоримъ о морскихъ промыслахъ... Входитъ высокій нѣмецъ. Поднимается разговоръ о неизбѣжныхъ лещахъ, сазанахъ, осетрахъ.

— Вотъ, указываетъ хозяинъ на меня, хочетъ познакомиться съ каспійскимъ рыбнымъ промысломъ.

— Это сдѣлать легко; завтра я ѣду и довезу васъ до Бирючьей косы, гдѣ моя факторія, а тамъ и покажу вамъ все. Остановитесь вы у меня.

И, дѣйствительно, я поѣхалъ на Бирючью косу и о гостепріимствѣ г. фонъ-Бремзена сохранилъ до сихъ поръ самое пріятное впечатлѣніе. А между тѣмъ, всѣ эти господа имѣли полное право относится не совсѣмъ довѣрчиво къ печати, которая объ Астрахани распространяла самыя неподходящія свѣдѣнія. Одинъ изъ мѣстныхъ армянскихъ купцовъ даже горько печаловался на заѣзжаго литератора.

— Иной посовѣстился бы врать такъ и на покойника; ничего подобнаго я ему не разсказывалъ. Даже въ статистическихъ свѣдѣніяхъ объ Астрахани онъ говоритъ неправду. Въ губернской гимназіи пансіонъ на 32 воспитанника, а у него эта цифра до 242 выросла; въ женской гимназіи полагается 40 пансіонеровъ, а у него на 203! Изъ двухъ католическихъ церквей три выкроены, изъ пяти армянскихъ— шесть вышло. А какъ, напримѣръ, онъ наше невѣжество характеризуетъ. На меня указываетъ, что я двухъ сыновей съ школьной скамьи за прилавокъ взялъ. А у меня при себѣ только одинъ сынъ, трое другихъ и до сихъ поръ въ Москвѣ учатся. А мѣстные обычаи рисуетъ онъ какъ. Жены богатыхъ армянъ у него самовары вносятъ въ комнату, богатые персіяне варили сами шербетъ для него. Эти-то важные восточные люди, которые, когда принимали у себя насъ съ этимъ писателемъ, то садились всегда выше, не поступаясь своимъ достоинствомъ ни въ чемъ! Да и въ этомъ ли одномъ промахнулся онъ. Одинъ изъ нашихъ купцовъ, соблазнившись будущими торговыми предпріятіями путешественника, дѣла бросилъ и поѣхалъ съ нимъ, потерявъ время и деньги даромъ. Мы смотрѣли на него, какъ

на чрезвычайно важную особу, мы думали, что онъ командированъ правительствомъ для учрежденія громадныхъ торговыхъ конторъ, ну а онъ, съ своей стороны, ни однимъ словомъ не постарался разубѣдить насъ въ этомъ.

Все время, пока я былъ въ Астрахани, я имѣлъ случаи постоянно убѣждаться въ томъ глубокомъ сочувствіи, какое народъ питаетъ къ славянскому дѣлу. Грубоватый эмбенскій рыболовъ, казакъ, щеголеватый купецъ, загнанный провинціальный чиновникъ—всѣ живо интересовались этимъ вопросомъ. На пристаняхъ, въ гостиныхъ, въ театрѣ, на улицахъ—вездѣ толки о туркѣ, о сербѣ, о черногорцахъ. Въ своемъ очеркѣ «Славянское движеніе и русская глушь», вызвавшемъ столько клеветы, лжи и инсинуацій со стороны людей, во что бы то ни стало не желающихъ замѣчать народнаго возбужденія и понять его глубину и стихійную силу, я уже говорилъ объ этомъ. Здѣсь же считаю нужнымъ только прибавить, что когда я былъ въ Астрахани, движеніе это только еще начиналось, но и тогда уже оказывались симптомы, по которымъ можно было заключать о его мощи. За веселыми обѣдами, стоило кому-нибудь только вспомнить о нашихъ братьяхъ, умирающихъ тамъ, на дальнемъ югѣ, за святое дѣло свободы, ложки выпадали изъ рукъ, лица блѣднѣли, глаза сверкали истиннымъ воодушевленіемъ. Кстати при этомъ возразить моимъ оппонентамъ, что не только преувеличеній не было въ моемъ очеркѣ, но объ очень и очень многомъ я молчалъ, многое не договаривалъ изъ чувства весьма понятной осторожности. Потомъ, въ корреспонденціяхъ «Недѣли», «Новаго Времени», «Петербургскихъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ очеркахъ г. Каразина, въ рѣчи Аксакова и въ массахъ другихъ статей, писемъ, заявленій вполнѣ подтвердилось все сказанное мною и подтвердилось почти буквально. Но вѣдь нашихъ питерскихъ литературныхъ чиновниковъ не прошибешь ничѣмъ. Для этихъ

господъ не народъ важенъ, не его интересы святы. У нихъ свои цѣли, свое дѣло... *)

Я въ первый же день объѣхалъ здѣсь Варварціевъ каналъ, да Кутумъ; подъ страшнымъ зноемъ, на ихъ берегахъ спали толпы рабочихъ-калмыковъ, словно каменные сидѣли кучками ногаи, поджидая нанимателей. Только на пристаняхъ кипѣлъ трудъ, грузились суда и пароходы, да на противоположной сторонѣ Волги свершалась обычная суета рыбнаго промысла. На другой день, радушные промышленники астраханскіе, гг. Орѣховъ, Платоновъ и другіе приглашали меня осмотрѣть ихъ выходы и промысловыя заведенія, открывшія

*) Въ октябрской книжкѣ почтеннаго журнала «Отечественныя Записки», г. Н. М., въ статьѣ своей «Записки профана», ссылаясь на мой фельетонъ «Славянское движеніе и русская глушь», сопричисляетъ меня къ лику тѣхъ халдейскихъ мудрецовъ, которые въ великой борьбѣ южныхъ славянъ видятъ способы къ новымъ завоеваніямъ Россіи на счетъ Сербіи. Навязывать писателю то, чего онъ никогда не говорилъ—пріемъ теперь довольно распространенный, дѣлать не подходящіе выводы изъ словъ автора—тоже практикуется нынче очень часто, но трудно было ожидать этого отъ такого уважаемаго писателя, какъ г. Н. М., котораго нельзя ни подъ какимъ видомъ сопричислить къ синклиту подобныхъ безцеремонныхъ Вилмессановъ.

Вотъ что я говорилъ въ статьѣ «Передъ Грозою», (№ 226 Спб. Вѣдом.):

«Нечего толковать о цѣнѣ за наше великодушіе, мы вѣдь не пойдемъ продавать свою кровь, мы вѣдь не германскіе солдаты прошлаго столѣтія, которыми выгодно торговали всевозможные герцоги и курфирсты. Московскій періодъ подбиранія клочекъ за клочкомъ земель, создалъ великое государство Россійское, которое уже можетъ и должно преслѣдовать нравственные принципы, а не предпринимать войны съ затаенною мыслью заполучить и на свою долю клочекъ медвѣжьяго ушка», и т. д.

Я полагаю, что г. Н. М. самъ видитъ теперь, на сколько онъ правъ относительно меня и на сколько его безцеремонныя остроты о «Бѣлградской губерніи» приложимы ко мнѣ.

передо мною новый міръ труда, своеобразный и крайне любопытный. Ему будетъ посвященъ слѣдующій очеркъ.

Уже ночью я возращался назадъ въ мой заплеванный и загаженый уголокъ гостиницы «Тифлисъ» Луна ярко сіяла надъ бѣлыми домами. Теплыя, южныя звѣзды, мерцавшія желтымъ блескомъ, отражались въ покойномъ зеркалѣ Кутума... Бѣлыя зубчатыя стѣны Кремля рѣзко выдѣлялись на темносинемъ фонѣ ночнаго неба... Откуда-то такъ и обносило чуднымъ запахомъ розъ... Какая-то бѣлая чадра, словно тѣнь мелькнула мимо, стукнувъ въ калитку. Два горячихъ черныхъ глаза заглянули мнѣ въ лицо изъ-подъ бѣлаго покрывала... А вдали, точно изнывая, слышалось татарская пѣсня, печальная, монотонная... Такъ и хватала она за душу, такъ и тянула къ себѣ... А звѣзды разгарались все ярче и ярче, въ листвѣ деревъ слышался легкій шелестъ... Тише и тише дрожала рыдающая пѣсня... И не хотѣлось изъ-подъ этого чуднаго неба, изъ этого таинственнаго благоуханнаго царства южной, теплой ночи уходить въ грязный и душный нумеръ армянскаго трактира...

НА БОЙКОМЪ ПРОМЫСЛѢ.

I.

Мертвыя улицы. — Чѣмъ Богъ благословляетъ астраханцевъ или чиновникъ, одержимый мясами. — Отчего рыбы въ Волгѣ меньше стало.

Сквозь грязныя занавѣси армянскаго трактира яркій лучъ солнца билъ мнѣ прямо въ глаза, когда я проснулся. На часахъ было уже двѣнадцать, а къ половинѣ перваго — назначено сбираться къ П—ву, чтобъ отправиться оттуда на противоположный берегъ Волги: осматривать выхода̀ и промысловыя заведенія Орѣхова, Ананова и другихъ... Какъ и вчера, улицы пусты и пыльны. Жара неимовѣрная. Въ рѣдкомъ окнѣ не опущено жалузи и не закрыты ставни... На дворѣ никого... Даже собаки не лаютъ. Вытянули лапы впередъ, положили между ними морды и, въ полглаза, посматриваютъ на васъ, когда вы проходите мимо... Еще собаки счастливѣйшая часть населенія въ эту минуту. Онѣ хотя въ тѣни отъ солнца прячутся, а вотъ растянувшагося посереди улицы, въ пыль солдатика, изъ безсрочныхъ, насквозь пропекаетъ. Голый черепъ даже зарумянился, какъ корка пирога въ печкѣ у хорошей хозяйки. Носъ почернѣлъ совсѣмъ... Думаю, не мертвый ли... Нѣтъ, похрапываетъ. Какая при-

вычка нужна къ этому жару, чтобъ равнодушно спать себѣ въ лютый полдень на припекѣ... У самаго «Тифлиса», гостинницы, гдѣ я остановился на съѣденіе блохамъ и армянамъ-половымъ,—бульваръ, но какой жалкій, чахлый; листва вялая, блеклая... Впрочемъ, можетъ быть, и не блеклая, да ее не видно. Вся она сплошь пылью покрыта. На всемъ этомъ однообразно сѣрый колоритъ... Въ тѣни, — если это можно назвать тѣнью, сидитъ, утирая потъ, чиновникъ въ форменномъ вицмундирѣ и какихъ-то необычайныхъ ситцевыхъ, съ разводами, шароварахъ. На платкѣ изображенъ какой-то турокъ, обнимающій одалиску. Какъ ни ожесточенно третъ онъ себѣ лице этой одалиской—капля за каплей выступаетъ на губчатыхъ, словно разваренныхъ, щекахъ и жирномъ подбородкѣ.

— Тяжело-съ! ни съ того, ни съ сего привѣтствуетъ онъ меня.

— Что? пріостанавливаюсь я.

— Нѣтъ, я насчетъ природы!.. Самый египетскій климатъ у насъ... Особливо, ежели кого Господь Вседержитель мясами благословилъ... Вотъ съ одиннадцати часовъ все въ палату иду, а дойти не могу...

— Скажите, какъ пройдти тутъ на Кутумъ?..

— А вы пріѣзжій?

— Да...

— Одни будете или семейные?

Удовлетворилъ я и этотъ вопросъ...

— Что жъ это вы сюда по дѣлу или для легкаго воздуха? Изъ вашихъ краевъ все больше для легкаго воздуха пріѣзжаютъ... У насъ, я вамъ скажу, самая эта—край свѣта. Потому—что дальше? калмыкъ, персъ этотъ... Ну, однако, у насъ тоже двойные оклады и на службѣ положеніе особливое... Всѣмъ бы хорошо, да вотъ, какъ видите, мясами одержимъ...

— Да вы мнѣ скажите, какъ пройдти на Кутумъ?

— Ахъ, да, на Кутумъ, вы бы извозчика взяли... Ну, а что у васъ, въ Питерѣ, какъ про нашу Астрахань полагаютъ?

Едва отбился отъ словоохотливаго толстяка... Впрочемъ, до самаго дома П—ва мнѣ только и встрѣтились эти двое туземцевъ. Солдатикъ во всей своей неприкосновенности и чиновникъ «благословенный мясами»... Всю остальную дорогу я сдѣлалъ наугадъ. Шелъ, шелъ и дошелъ. Ни извозчиковъ, ни прохожихъ. Жизнь проклянешь, совсѣмъ мертвый городъ... Едва отдышался въ прохладныхъ комнатахъ у П—ва. Тамъ уже собрались кое-кто. Шелъ неизбѣжный разговоръ о рыбѣ. Вообще, въ эту пору, куда ни заглянешь въ Астрахани, вездѣ—неизбѣжная рыба. Или она мозолитъ вамъ глаза, или обдаетъ васъ своимъ специфическимъ запахомъ, или нескончаемые толки о ней.

Теперь какой-то промышленникъ жаловался П—ву на то, что рыбы меньше стало.

— Господь обижать насъ, ловцевъ, началъ... Рыбки не посылаетъ... Точно мы всю выловили... Совсѣмъ достатку нѣтъ.

— А зачѣмъ мелкоячейные невода держите...

— Какъ въ старину, такъ и теперь...

— Въ старину-то ловцевъ на половину противъ нынѣшняго было.

Дѣйствительно, слѣдовало бы здѣсь установить извѣстный размѣръ для ячей неводовъ на крупную рыбу. При настоящихъ условіяхъ рыболовство не можетъ быть названо правильнымъ. Мелкія породы расхищаются, и наростъ попадаетъ въ слишкомъ густую сѣть. Принимая въ соображеніе особенное развитіе промысловъ, которое, разумѣется, не остановится на настоящихъ своихъ размѣрахъ, а пойдетъ дальше, мѣст-

ному комитету рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, слѣдовало бы какъ можно скорѣе предупредить истощеніе рыбныхъ богатствъ на низовьяхъ Волги... Еще большій вредъ приносятъ здѣсь, такъ называемые, распорные невода. Они пугаютъ рыбу и съ особеннымъ размноженіемъ такихъ именно промысловыхъ орудій у ловцевъ, рыба вся отвалила къ устьямъ рѣки, оставивъ ильмени, поросшіе камышемъ, гдѣ ей прежде самый водъ былъ, гдѣ для икромета—лучшія мѣста.

На дворѣ цѣлая толпа калмыковъ расположилась въ тѣни сараевъ.

— А эти у васъ въ качествѣ чего?.. поинтересовался я.

— То же промышленники...Только не изъ доли, а наемные.

— Работники, значитъ.

— Да.

— Развѣ они и на рыбномъ промыслѣ хороши?

— Первый сортъ... Лучшій работникъ—калмыкъ. Хорошіе работники и русскіе, особенно, что съ верховьевъ Волги приходятъ, но все же хуже калмыковъ. Потомъ нужно считать татаръ. Этихъ беремъ, если нѣтъ калмыковъ и русскихъ, а всѣхъ сквернѣе—киргизы. Лѣнивый, слабосильный народъ. Стой надъ нимъ, тогда онъ что-нибудь сдѣлаетъ, а то съ мѣста его не сдвинешь. Лѣнь прежде нихъ на свѣтъ родилась!.. Все это я вамъ говорю о рѣчныхъ промыслахъ. На морскихъ ловляхъ въ Каспіѣ—самый надежный народъ—русскіе. Неводчиковъ мы всегда стараемся русскихъ ставить.

— Ну, а условія у васъ каковы?

— Калмыковъ мы нанимаемъ въ весеннюю путину, т. е. съ марта по 15-е мая, и въ жаркую путину, съ 15-го іюня по заморозки, за 27—30 р. каждый разъ, всего, значитъ, въ лѣто за 54—60 р. Сверхъ того идетъ имъ отъ хозяевъ харчь, бахилы (то же слово и на крайнемъ сѣверѣ), кожаны. Все это, разумѣется, при распорныхъ неводахъ. Ну, а свободные про-

мышленники, которые у насъ задатки берутъ и потомъ обязаны только намъ товаръ свой рыбный продать, тѣ въ лѣто, пожалуй, и всѣ 90 р. на брата заработаютъ.

II.

Чѣмъ и какъ ловятъ рыбу калмыки и киргизы.

Та же постепенность, которая замѣчена въ ходѣ рыбы на сѣверѣ, существуетъ и здѣсь. Сначала въ Волгу, для икромета, идетъ изъ моря вобла, за нею массами наваливаетъ преслѣдующая ее бѣлуга, наконецъ, щука, лещь и судакъ. Уже въ половинѣ апрѣля безчисленные косяки бѣшенки запруживаютъ рѣку, увлекая за собою севрюгу, сома, стерлядь и осетра. Первыя юровья рыбы вступаютъ въ Волгу въ началѣ апрѣля, въ другихъ же рѣкахъ Каспійскаго бассейна это случается и ранѣе. Такъ, въ Куру, Сефидъ-рудъ и Терекъ часто приваливаетъ рыба и въ мартѣ. Въ Уралъ—позже всего. Лососъ и шемая въ Терекъ идутъ въ сентябрѣ; въ декабрѣ и январѣ появляются въ Волгѣ минога и бѣлорыбица. Сомъ, лещъ и почти всѣ чистиковые мечутъ икру на ильменяхъ, только, какъ замѣчено, въ настоящее время они стали отваливать къ устьямъ Волги. Самое лучшее мѣсто для икромета — мелководья, поросшія травою, т. е. именно ильмени. Судакъ и лосось ищутъ для этого мѣста съ песчанымъ грунтомъ, красная же рыба мечетъ икру на подводныхъ грядахъ или вообще тамъ, гдѣ рѣчное дно твердо, каменисто, хрящевато. Выметавъ икру, красная рыба возвращается обратно въ море до осени, когда она опять поднимается въ рѣки на отдыхъ. Тамъ она залегаетъ въ глубо-

кія ямы — ятови, преимущественно на Уралѣ. Въ ятовяхъ, имѣющихъ нерѣдко до 7 саж. глубины, рыбы ложатся на зиму слоями, одинъ надъ другимъ. Обыкновенно одна порода отдѣляется отъ другой, иногда же встрѣчается синецъ и сопа между красною рыбою. Поставленные у ятовей сторожа наблюдаютъ, въ какую изъ нихъ залегла рыба. Они такъ опытны, что опредѣляютъ приблизительно, въ какой именно ятови уловъ рыбы будетъ обильнѣе. Ятовая рыба выпускаетъ изъ себя слизь, покрывающую слегка всю ея поверхность...

Прежде чѣмъ продолжать наши бѣглые очерки рыболовства астраханскаго, мы должны будемъ сдѣлать еще одно отступленіе. Въ каспійскихъ морскихъ и рѣчныхъ водахъ употребляются слѣдующія рыболовныя орудія. Для лова красной рыбы выставляютъ въ морѣ ставныя сѣти (длина 12 маховыхъ саженъ, въ ширину отъ 18—20 ячей въ 2—2½ вершка отъ узла до узла). *Балберы*, поплавки (сѣверные буи) изъ осокорьей бересты, прикрѣплены къ верхнему подбору на сажень одинъ отъ другаго. Къ обоимъ концамъ сѣти привязываются между верхней и нижней подборами жерди—*клячи*, къ каждой изъ которыхъ подвѣшивается камень. На глубинѣ 4-хъ и болѣе сажень выставляютъ отъ 80—150 сѣтей одну подлѣ другой, привязывая концы каждыхъ двухъ сѣтей къ одной длинной веревкѣ—сторожу или подкатовнику. Рядъ выставленныхъ такимъ образомъ сѣтей называется порядкомъ; иногда онъ тянется верстъ на пять. Для обозначенія начала и конца сѣтей, привязывается маякъ—длинная жердь съ пучкомъ мочалы или связка камыша, тоже самое, что въ Ледовитомъ океанѣ—махавки. Сѣть удерживается на мѣстѣ посредствомъ вбитыхъ въ морское дно чипчиковъ, т. е. мелкихъ, внизу заостренныхъ кольевъ... Рыбопромышленникъ, предпринимающій ловъ въ морскихъ вольныхъ водахъ, беретъ съ собою на небольшой парусной смоляной лодкѣ не менѣе 400 сѣтей, стоющихъ по

три рубля каждая. Рѣчныя ставныя сѣти употребляются для чистиковой рыбы. Ширина ячей у нихъ измѣняется, смотря потому, для какой рыбы онѣ предназначены. Къ нимъ относится вентеръ — сѣть, натянутая на рядъ постоянно уменьшающихся обручей, что все вмѣстѣ образуетъ родъ воронки. Это для лова подо льдомъ. Плавныя сѣти строго запрещенны въ морѣ, потому что, плывя между двумя парусными лодками на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, онѣ выгоняютъ или вылавливаютъ косяками красную рыбу, идущую лѣтомъ въ рѣки для икромета. Но въ рѣкахъ онѣ употребляются до сихъ поръ подъ видомъ: *погоняевъ* для лова бѣлуги, длиною отъ 100—150 саженъ; *самоплавовъ* для лова севрюги и осетра тотчасъ по вскрытіи Волги, (они въ длину—9 сажень); *рѣжаковъ* для лова осетра съ Петрова дня въ продолженіи одного мѣсяца, длина ихъ отъ 60 — 120 саженъ; *свинчатки* для осетра и севрюги длиною въ 100 саженъ. Плавня производится такъ: на каждой лодкѣ два человѣка и одна сѣть; веревка, прикрѣпленная къ одному концу сѣти, находится въ лодкѣ, къ другому же концу привязанъ поплавокъ, т. е. боченокъ или большой пучекъ чакана. Лодка пускается съ версту или около того по теченію, держась постоянно въ одной линіи съ растянутою сѣтью. Во время выборки сѣти лодка поддерживается на веслахъ, чтобъ ее не уносило теченіемъ. *Поѣздухи* для лова сома — мѣшко-образная сѣть; для лова поѣздухами нужны двѣ лодки. Невода употребляются для рѣчнаго и морскаго рыболовства. Распорные невода морскіе для лова лещей и судаковъ имѣютъ въ длину отъ 300 саженъ до версты. Для лова съ ними нужно двѣ лодки и 14-ть человѣкъ промышленниковъ. Въ одной лодкѣ неводникѣ 9-ть человѣкъ, а въ рыбницѣ 5-ть. Рѣчные волжскіе невода бываютъ длиной отъ 300 до 550 сажень. Кусовая снасть, называемая также наживною или живодною, употребляется исключительно для лова

бѣлуги въ морѣ на глубинѣ отъ 8—120 сажень. Это родъ сѣвернаго яруса, вполнѣ уже извѣстнаго. Крючки кусовой снасти наживляются живою таранью, которую для этого держатъ на живодновскихъ судахъ въ чанахъ; зимою подо льдомъ въ морѣ употребляется снасть тычковая. Это просто громадная уда въ родѣ акульей на Мурманѣ. На тычковую снасть ловится бѣлуга. Крючковая самоловная снасть употребляется исключительно въ морѣ, въ Волгѣ же ее перестали употреблять вовсе. Въ моряхъ снасть эта выставляется въ громадномъ количествѣ, такъ что рыба почти не можетъ избѣгнуть лабиринта крючковъ, разставленныхъ во всѣхъ направленiяхъ. Красная рыба, наткнувшись на порядокъ снасти, или случайно попадаетъ на крючокъ, или, стараясь проплыть между поводцами, задерживается ближайшими крючками. Она начинаетъ метаться, вслѣдствiе чего не только задѣвшiй ее кручекъ болѣе углубляется въ тѣло, но и сосѣднiе крючки вцѣпляются въ нее такъ, что она не имѣетъ никакой возможности освободиться. Стерлядь ловится на шашковую снасть съ 200 удочекъ; для лова сома идетъ большая клоковая уда толщиною въ гусиное перо и отклоненная въ сторону. Уду наживляютъ лягушкой и привязываютъ къ веревкѣ, другой конецъ которой прикрѣпленъ къ бударкѣ. Закинувъ уду, рыбакъ ударяетъ по водѣ клокушей—палкой, имѣющей воронкообразную пустоту. Этимъ производится крикъ въ родѣ лягушечьяго, на который и идетъ сомъ... Казаки ловятъ бѣлорыбицу на *сидебку;* главная часть ея *кармакъ*, т. е. уда съ оловянной рыбкой, на которую надѣта сазанья чешуя, приманивающая своимъ блескомъ добычу. Такiе же крючки съ оловянными рыбками употребляются на подледный ловъ окуней и щукъ и называются блесною. Тутъ еще, кромѣ оловянной рыбки, наживляются куски краснаго сукна. Въ половодье, на ильменяхъ бьютъ сазановъ и сомовъ, острогой или сандовьемъ.

— И на морду ловимъ! объяснили мнѣ.—Морда плетется изъ прутьевъ и имѣетъ форму конуса.

— Много ли въ морду попало? часто услышите отъ промышленниковъ. И кто не знаетъ нашихъ порядковъ, невѣсть что подумаетъ, а дѣло самое простое...

— Морда больше для стерляди ставится, и то у бережка, по самому край-воды.

Я скоро и самъ имѣлъ возможность понять всю разницу между киргизами и калмыками. Во дворъ вошло нѣсколько человѣкъ первыхъ. Калмыки передъ ними просто богатырями были. Въ плечахъ у послѣднихъ—косая сажень, грудь колесомъ, складъ тѣла атлетическій, на темныхъ силуэтахъ ихъ такъ и обрисовываются выпуклины и изгибы мускуловъ, тогда какъ киргизы — хилы, слабы, ходятъ понурившись, грудь впалая, ноги колесомъ и худые, мускуловъ на тонкихъ рукахъ и не замѣтишь.

— Что же вы этимъ платите?

— Они на 15% получаютъ менѣе калмыковъ, а сдѣлаютъ на 50% меньше. Къ тому же и плуты большіе.

Потомъ уже другіе мнѣ разсказывали, что часто киргизъ ухитряется наняться сразу къ пяти хозяевамъ, получить съ каждаго задатокъ и «здорово живешь» убраться во-время домой... Ихъ очень не любятъ русскіе ловцы, относящіеся въ то же время весьма благосклонно къ калмыкамъ.

— Вольными артелями киргизы почти и не ловятъ ничего.

— А что вы называете вольною артелью?

— Красная рыба ловится у насъ въ морѣ не отъ хозяевъ, не нанятыми рабочими. Рыбопромышленникъ, положимъ, устроилъ на берегу моря — выходъ — т. е. самый выходъ, лабазъ, чанье и т. д.—все промысловое обзаведеніе, завелъ надзирателя, коренника, клеевщика, рѣзальщика, солильщика, короче полный штатъ рыбнаго дѣла. Купилъ онъ соли, посуды....

1-го іюля, когда здѣсь начинается рыбный годъ, къ нему являются мѣстные ловцы, живущіе около выхода. Тутъ вѣдь цѣлые поселки стоятъ, преимущественно изъ выходцевъ — нижегородцевъ. Они условливаются съ хозяиномъ, по какой цѣнѣ онъ будетъ принимать отъ нихъ рыбу — на круглый годъ, т. е. до будущаго 1-го іюля. При этомъ хозяинъ раздаетъ артелямъ или партіямъ, если онѣ состоятъ изъ одного промышленника и нѣсколькихъ наемныхъ работниковъ, задатки отъ 200 руб. до 1,000 руб. на лодку. Сверхъ денегъ они берутъ у хозяина въ долгъ снасть, орудія промысла и т. д. Начинается ловъ. За всю упромышленную до 15-го февраля рыбу они получаютъ наличныя деньги, задатокъ же отрабатывается, «залавливается», съ 15-го февраля. Билеты на морскіе участки, на право лова, беретъ тоже хозяинъ и уже отъ себя даетъ ихъ ловцамъ — даромъ. Вотъ это именно и называется у насъ вольною артелью.

— Слѣдовательно существуютъ и наемныя?

— На морскихъ промыслахъ почти нѣтъ, а на рѣчныхъ въ свою очередь очень мало вольныхъ. На рѣчные промыслы—на каждую лодку нанимаютъ двухъ рабочихъ, въ томъ числѣ хозяинъ лодки; за путину они получаютъ 45—50 р. въ путину весеннюю, и жаркую, т. е. лѣтнюю. Зимою самый лучшій рабочій получаетъ 25 р. за путину. Сверхъ этихъ ловцовъ нанимается кебень или точильщикъ, исправляющій уды; онъ получаетъ 15 р. за все лѣто. Кебенями служатъ бабы или мальчики. Случается, что на рыбный ловъ и бабы ѣздятъ. Чаще бабы только снасть тащутъ, получая отъ 23 до 24 рублей въ лѣто. Средней руки хозяинъ на одной лодкѣ заработаетъ отъ 500 р. до 3,000 р. въ морскихъ ловахъ. Въ прошломъ году въ одну осень заработали хозяева по 2,000 р.

— А безъ задатковъ устроиться нельзя, т. е. совсѣмъ отдѣлаться отъ зависимости?

— Какая же тутъ зависимость! онъ мнѣ долженъ только сдать всю добычу по заранѣе условленной цѣнѣ. Впрочемъ, кто не пьетъ — легко безъ задатка обойдется. Тогда онъ рыбу продаетъ кому хочетъ... И разумѣется беретъ дороже, хотя на очень незначительный процентъ. Такъ, напримѣръ, на пудъ икры разница между цѣнами у первыхъ и послѣднихъ на 50 к. только. Къ сожалѣнію, теперь и калмыки пить начинаютъ, а на что ужъ трезвый народъ были... Къ тому же и прелести азартныхъ игръ познали... Но гораздо хуже пьянства и картежной игры раззоряютъ нашего калмыка работника — его гелюнги... Эдакой прожженный народъ, съ одного вола семь шкуръ содрать съумѣетъ. Болѣзнь калмыка влечетъ за собою вѣрнѣйшее раззореніе его самого и обогащеніе гелюнга.

III.

Пристань и верховые.—Живодновское судно.—Великомученичество воблы.

Большая лодка уже ожидала насъ у пристани.

Какъ нарочно, на краю мертваго и безлюднаго города — здѣсь у воды, не смотря на пекло, толпились массы часто совершенно празднаго люда. Кучами сидѣли на берегу, перебалтывались другъ съ другомъ, неопредѣленно поглядывая вдаль, или просто стали въ тѣнь, гдѣ хоть клочекъ ея былъ. Поминутно лодки съ противоположнаго берега подвозили рабочихъ или здѣшнія отчаливали туда. Нѣсколько пьяныхъ путалось... Но эта жизнь была похожа на оазисъ въ мертвой пустынѣ. Немножко подальше отъ берега и въ сторону все такъ же недвижно. Не шелохнется струя въ остеклѣвшей рѣкѣ, не дрогнетъ застоявшееся у берега судно, не шевельнется никто на его палубѣ. Все тихо, все точно заснуло. Разъ

только на палубѣ грязноватой морской шкунки показалась какая-то красавица въ аломъ канаусѣ. На одно мгновеніе прозвенѣли подвѣшанныя къ ея головному и шейному убору монеты и снова—никого... До одури дѣлается скучно!.. И опять уйдешь скорѣе на пристань. Тамъ хоть лице человѣческое увидишь.

— Эй ты, верховой! слышится въ сторонѣ на пристани.

— Я тебя за «верховаго» такъ вздую...

— Ладно, не своими ли боками.

— А ты не ругайся!..

— Что это еще за ругательство—*верховой*? спрашиваю я у своего спутника.

— Да каспійцы терпѣть не могутъ *верховыхъ*, т. е. рабочихъ, пришедшихъ съ верху, изъ волжскихъ губерній. Назвать каспійца верховымъ—значитъ кровно обидѣть его. Онъ никогда не оставитъ этого безъ равносильной ругани. Верховые рабочіе—трусы на морѣ, ну и обойдтись на промыслѣ ни съ чѣмъ не умѣютъ, отсюда понятно пренебреженіе къ нимъ со стороны приморскаго населенія. У верховыхъ и энергіи нѣтъ, въ такой степени, въ какой она развита у самаго завалящагося каспійца.

— Да вѣдь нѣкоторыя прикаспійскія села изъ верховыхъ же нижегородцевъ составились.

— То было во времена оны, когда по всей Волгѣ единственнымъ правомъ «сарынь на кичку» оказывалось. Тогда и народъ иной былъ, а теперь одрябъ, опустился...

Рѣка вся такъ и сверкала солнечными бликами. Астрахань мало по малу отходила отъ насъ. Пароходы, суда, лодки сливались въ одно пестрое марево, по мѣрѣ того, какъ передъ нами выростали массы факторій (не знаю, какъ и назвать ихъ иначе), загромоздившія противоположный берегъ... На сѣромъ фонѣ его выдѣлялись все отчетливѣе и отчетливѣе сотни про-

мысловыхъ судовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ только что разгрузились, нужно назадъ, да заштилѣло и сиди тутъ, ожидая у моря погоды. Мимо то и дѣло проскакивали, суетливо фыркая и попыхивая дымкомъ, буксирные пароходы съ массами пестрыхъ баржъ. Одни къ верху тащились, другіе ползли внизъ къ Бирючьей косѣ и еще дальше. Вотъ пробѣжалъ пароходикъ «Проворный». Весь съ кулачокъ, а семь громадныхъ карапузыхъ посудинъ за собою волочетъ...

Удивительно, какія каменныя лица у нашихъ гребцовъ-калмыковъ. Ни одинъ мускулъ на нихъ не шелохнется. Слышно только, какъ хрипятъ груди. Ни пѣсни, ни шутки. Губы сжаты, въ глазахъ какое-то недоумѣніе, точно разъ, когда то они удивились, да такъ на всю жизнь и остолбенѣли... Я пробовалъ и заговаривать—ничего, только промычитъ про себя, или головою киваетъ. Больше не дождешься... Вонъ нѣсколько кусовыхъ лодокъ въ сторонѣ; зачѣмъ сюда попали эти чисто морскія промысловыя суда? Одну мы обогнали даже. Саженъ коло четырехъ въ длину, на палубѣ масса боченковъ съ чѣмъ-то. На двухъ мачтахъ безсильно повисли и не шелохнутся флаги... Около кусовой, точно дѣти, замерли на водѣ подчалки...

— Кусовичи наши—первые мореходы! Это самое лучшее рыболовное судно!..

— А завести его дорого ли стоитъ?

— Смотря какое... Рублей четыреста нужно истратить. Да и хорошая же лодка. На ней вся ватага. Тутъ и харчь хранится, и цѣлые груды крючковой самоловки, снасти сложены и ставныя сѣти есть. Подчалки работаютъ, рыбу ловятъ, а кусовое стоитъ себѣ. Вечеромъ съѣдутся подчалки—народъ на кусовую. Распластываютъ рыбу, солятъ ее, икру обрабатываютъ... Тутъ и сѣти дубятъ, и крючки точатъ. Короче, это полное заведеніе. Кусовая съ подчалками—ни въ чемъ и

ни въ комъ не нуждаются. Другіе съ моря везутъ рыбу въ выхода или ватаги, чтобъ приготовить ее, а тутъ все на мѣстѣ есть.

Вонъ безпалубная, тупоносая, широкодонная рыбница. Что за неуклюжее созданіе! Точно какая-нибудь замоскворѣцкая купчиха средней руки, раздобрѣвшая на бѣломъ хлѣбѣ да на квасахъ своихъ до того, что самъ Китъ Китычъ Брусковъ обходитъ ее, чтобъ какъ-нибудь ненарокомъ не растрясти «экую махину».

— Потому растрясешь—тутъ ей и конецъ. Тутъ у ёй и духъ вонъ, дама она сырая, полная, долго ли до грѣха!..

Миновалъ и ее...

— Хотите пристать къ очень интересному судну нашего ловецкаго флота?

— Къ какому это?

— Къ живодновскому.

Это таже кусовая лодка только безпалубная.

— Эй, братцы, можно къ вамъ?..

— Ради гостямъ... Войдите...

Кое-какъ взобрались на нее. Смотрю, посрединѣ громадный чанъ, у бизань-мачты насосы, для переливки воды въ чанъ...

— Что это за чанъ такой?

— А для воблы... Мы крючья воблой живой наживляемъ. Такъ воблу въ чану и держимъ; тысячь по шести штукъ бываетъ. Насосы, что у бизань-мачты, новую воду въ чанъ проводятъ; а со дна чана сквозь бортъ судна кожаный рукавъ пропущенъ—черезъ него старая, испорченная вода уходитъ. Воблѣ-то и хорошо.

— Хорошо! засмѣялся мой спутникъ, вы спросите у нихъ. что они съ воблой-то дѣлаютъ.

— Извѣстная вобла—рыбка живучая.

— То-то живучая... Они ее живою насаживають на крюкъ и бросаютъ въ воду. Когда снасть вынута, воблу снимаютъ съ крюка и опять въ чанъ кидаютъ. Тамъ она оживаетъ. Ее въ слѣдующій день опять на крюкъ. Такъ по нѣскольку разъ повторяютъ... Дѣйствительно, живучая рыбка.

— Экое звѣрство!

— Промышленникамъ нѣкогда заниматься такими разсужденіями. Новой воблы не достанешь. Не бросать же промысла изъ-за этого!

Живодновскія суда идутъ обыкновенно на югъ и становятся на большой глубинѣ. На палубѣ у нихъ все обзаведеніе. Какъ и кусовая лодка, живодновское судно представляетъ собою полную ватагу.

— Воблѣ что! воблѣ — съ полъ горя, а вотъ намъ промышленникамъ иной разъ и хуже бываетъ.

— А что?

— А стоножка эта самая больно обижать начала.

— Опять ее много стало?

— Страсть Господня! Мы, обратился онъ ко мнѣ, у дербентскихъ береговъ свой ловъ производили. Опустимъ снасть въ воду: простоитъ она тамъ денекъ, вытащимъ—смотримъ, нѣсколько бѣлугъ сплошь стоножка поѣла. Только одни мѣшки отъ рыбины болтаются, а мясо все сплошь сожрано... Это ли еще не анаѳема. А и звѣрь-то малый!..

— Только у Дербента и водится стоножка?

— Какое! по всему Каспійскому поморью сколько хошь ее!...

— Тоже и на воблу часто чума нападаетъ. Ты ее сколько ни наживляешь—все одно, жива, диву иной разъ дашься. А то еще и на крюкъ не сажали—цѣла рыбка, смотришь—вся поколѣла до одной... Ну—опять бросай промыселъ, коли залишней нѣтъ, иди за воблой!.. Тоже и намъ не сладко!

Какой крупный народъ эти рыболовы; точно на диво сколочены изъ желѣза, да изъ дубоваго лѣса. Правда, и не складны ужъ очень. Да и къ чему имъ складъ? На свое дѣло ловки— и довольно. Подходящихъ къ этому типу ловцевъ можно найти въ Колѣ между мурманскими промышленниками, да и въ сѣверномъ Уралѣ около Павды и Растеса между кедровниками-охотниками. Простодушныя лица, добрые сѣрые, вдумчивые глаза, свалявшіяся войлокомъ бороды, голая грудь вся въ наружу, сильная, выпуклая... На промыслѣ эти люди—золото.

— Тутъ намъ скучно, въ Астрахани вашей.

— Такъ ли, поди пьете на убой? усумнился кто-то.

— Чтожъ что пьемъ? Оттого и пьемъ, что тоска. Дѣла нѣтъ. Въ море уйдешь — благодать... Рыбку ловишь, по зорямъ снасти выметываешь, поднимается непогодь — въ щель какую-нибудь лѣзешь, либо отъ вѣтра «на уру» посередь моря отстаиваешься... Въ снастяхъ свищетъ, судно скрипитъ да покряхтываетъ, что живой человѣкъ. И боязно, и весело... Потому за свою душу стоишь... А тутъ у васъ что—спи себѣ, да пьянствуй... Негоже рыболову къ вамъ приходить. У васъ и дѣвки-то нонѣ все къ верховымъ ловцамъ льнутъ... Тѣ имъ съ верху, извѣстно, разную дрянь тащутъ—лентъ тамъ, позументовъ... Совсѣмъ Астрахань ваша опостылѣла. Вотъ сдадимъ только рыбку—и домой восвояси.

IV.

Баржа съ рыбой.—Бабы въ штанахъ.—Какъ складываютъ рыбу.—Въ чемъ состоитъ интересъ бабы промышленницы.—Съ Богомъ супротивница.

— Прежде чѣмъ выйдемъ на берегъ, не хотите ли посмотрѣть погрузку рыбы въ баржу.

Мы взошли на это громадное буксирное судно, и первое, что меня поразило на палубѣ—бабы въ штанахъ.

— Это что такое?

— Гдѣ?.. П* очевидно не понималъ моего изумленія.

— Да вонъ... эти женщины...

— А! И онъ расхохотался. Пріѣзжіе прежде всего на этомъ останавливаются. Дѣйствительно, и ново и оригинально для васъ. Это—здѣшнія работницы.

На палубѣ штабелями были уложены чрезвычайно плотно лещь и сазанъ, правильными слоями, одна за другую бочками внизъ—«ребромъ», какъ называютъ здѣсь; бабы въ холщевыхъ рубахахъ и холщевыхъ штанахъ (рубаха видна только по поясъ) голыми пятками придавливаютъ массу сушеной рыбы, чтобы она занимала какъ можно менѣе мѣста, или просто сидятъ на рыбѣ поджавъ подъ себя ноги калачикомъ. Волосы подобраны; есть и красивыя лица. Будь это не грязный холстъ, можно было бы подумать, что видишь передъ собою парижскихъ дебардерокъ изъ Opera comique. Формы тѣла обрисовывались весьма пластично и рельефно, потому что многія нарочно на этой жарѣ обливаются водою. Вполнѣ достигается такимъ образомъ на астраханскихъ рыболовныхъ промыслахъ задача современной моды — насколько возможно от-

кровеннѣе обрисовать линіи и выпуклости грѣшнаго женскаго тѣла. Я нѣсколько сконфузился, а бабы ничего. Даже посмѣиваются.

— Аль такихъ не видали? Задираетъ одна.

— У насъ просто, на чистоту дѣло! Отзывается другая.

Болтаютъ точно сороки, до одури доведутъ хоть кого.

И какъ ловко распоряжаются съ укладкой! Слои рыбы выростаютъ быстро передъ вашими глазами. Одна швыряетъ рыбу изъ кучи, другая втискиваетъ ее въ промежутки нижняго слоя сухого сазана или леща. Запахъ отъ рыбы—не совсѣмъ непріятный, когда къ нему привыкнешь. Рыба оказывалась очень крупной.

— У насъ такъ и принаравливаютъ, чтобы въ одномъ мѣстѣ уложена была рыба подходящаго размѣра. Мѣряютъ даже для этого. Оттого и штабели выходятъ такія правильныя. Не считая поштучно, можно опредѣлить, сколько суши въ той или другой кучкѣ.

— Что это за сушь?

— А сушеный лапышъ, сазанъ, судакъ и т. д., если они просолены сверхъ того,—оттого на нихъ и слои соли.

— У васъ какъ рыба мѣряется,—отъ конца носа до конца хвоста?

— Нѣтъ, тутъ есть своя особенность. Мы ее беремъ отъ полъ-глаза по конецъ пера.

— На каждую баржу повидимому складывается разная рыба, а не то чтобы на одно судно лещь, на другое сазанъ и т. д.

— Разная. Вотъ на этой, вы видите и лапышъ, и судакъ, и лещь... Даже постоянно бываетъ такъ, что въ трюмъ какой-нибудь совершенно иной товаръ нагруженъ и тутъ же, разумѣется только приняты предосторожности — бѣлуга, севрюга соленая...

Попробовалъ я взять сухой судакъ въ руки — крѣпокъ какъ дерево.

— Посмотрите-ка подъ верхнее перо—есть соль?

— И много даже.

— Значитъ доброкачественнаго приготовленія рыба.

Складывать рыбу столбами, штабелями называется—складывать корнемъ.

— У насъ на все своя наука. Вмѣшалась въ разговоръ бойкая, голубоглазая астраханка съ удивительными округлостями торса. Теперича коли сушь—мы ее по брюху рѣжемъ, а малосольнаго судака, который въ сушку не идетъ, рѣжемъ по спинѣ.

— Чѣмъ же это объясняется?

— Да такъ отцы наши дѣлали, такъ и мы, свычай у насъ, у глупыхъ бабъ такой.

— Развѣ и вы на промыслахъ работаете тоже?

— Слава Богу—руки есть, отчего не робить — робимъ... Другая за двухъ мужиковъ постоитъ еще. Мы на мужнины хлѣба—не лакомы, сами въ домъ носимъ... Это верховскія бабы только хороводничать да гулять умѣютъ. Красный платъ на себя наденетъ да и величается, а деньгу нажить ей никакъ невозможно. Развѣ за грибами въ лѣсъ пойдетъ, да на семитку въ день наробитъ. У насъ другой свычай здѣсь. Съ испоконъ вѣку баба на промыселъ ходитъ, съ мужикомъ на работѣ дружитъ. Бываютъ эмбенскія бабы, что и въ морѣ промышлять охочи... Только возьми.

— И берутъ.

— Для ча не брать... Три бабы за двухъ мужиковъ потрафить могутъ, а платятъ ей за полъ-мужика...

— Такъ вѣдь это невыгодно...

— Мы свой антирецъ тоже имѣемъ.

Громоздкая и бойкая астраханка видно тоже городской цивилизаціи понюхала.

— Въ чемъ же интересъ этотъ?

— А отъ мужиковъ презентики идутъ. И расхохоталась.

Расхохотались и остальныя, да такъ откровенно, что одна отъ полноты души даже икнула на весь этотъ просторъ.

— Ишь у Матрены нутро-то, должно съ Митькиныхъ угощеній, такъ себя оказываетъ.

— Ладно... Тебѣ отъ Семена видно мало подарковъ-то идетъ, что другихъ обзавидовала...

— Брысь!.. У меня Семенъ во! и «дама» въ штанахъ плюнула.

— То-то... Аль позабыла, какъ онъ тебя хлѣбомъ ржанымъ да солью-владимiркой одаривалъ...

Главное все на чистоту. Сейчасъ видишь, что насчетъ прописной морали здѣсь очень слабо и «Митькины угощенія» дѣйствуютъ въ полной силѣ.

— Ты не смотри на насъ. Совѣтовала одна. Мы бойкія. Что рыба въ тепло.

— Зимой погляди рыбку. Въ холодной водѣ то она смирная, смирная, а какъ жаркàя пора придетъ—и сазанъ, на что ужъ глупъ, разгуляется...

— Бойка рыбка въ тепло-то... Бойка...

— Наша баба что съ Богомъ супротивница, всякаго охаживаетъ.

— Это еще что за терминъ «съ Богомъ супротивница»? Обратился я къ П*.

— Новыя шкуны строются у насъ, отъ вѣтра ходятъ $3^1/_2$ румба; ихъ и назвали такъ.

V.

Полиція изъ Лекоковской оперетки и Оффенбаховскіе революціонеры.

Между рабочими и промышленниками постоянно встрѣчаются калмыки, ногаи, киргизы. Между бабами, работающими на пристаняхъ, въ выходахъ, на баржахъ — нѣтъ ни одной русской. Все это астраханскія казачки или бабы изъ окрестныхъ селеній. Здѣсь онѣ кормятся, даже многочисленныя семьи свои содержатъ на бойкомъ развалѣ промысловаго обихода. Между ними находятъ себѣ занятіе и чуть не восьмилѣтнія дѣвочки, хотя подростковъ тутъ, говоря вообще, очень немного. Мать работаетъ — а молодому поколѣнію и дома по горло найдется дѣла.

Наконецъ по сходнямъ вышли на берегъ. Какая тутъ масса народа: тѣ же бабы въ штанахъ, промышленники—нѣкоторые точно въ гвардіи его патагонскаго величества состоятъ. Саженные, съ надиво-сколоченными лапищами. Эдакій ежели зашибетъ, бѣда. Въ толпѣ, ради вчерашняго праздника, и пьяные путаются.

— Чиво толкаешси... Чиво на человѣка лезешь... Визжитъ сбитая съ ногъ баба.

— Да развѣ ты человѣкъ... Баба!.. Оправдывается пьяный. Что штаны надѣла, такъ и человѣкомъ стала!

— Али глаза въ кабакѣ-то пропилъ... Дья—волъ!.. Ну и народъ... Чорта слопаетъ, да лѣшакомъ закуситъ и не поперхнется.

— Давако-сь я тебя слопаю.

— Ѣшь тебя чума... Отвяжись!

— Что, бабочка, аль трогаютъ. Ввязывается случайно попавшая на этотъ берегъ полицiя.

— А ты чего зенки-то таращишь. Бери его ежели пьяный.

— Ахъ и какая же ты бабочка строгая... Ужели жь въ часть...

— Безстыжая твоя рожа... Для порядка-то вѣдь васъ держатъ на семъ свѣтѣ.

— Это ты, бабочка, вѣрно, для порядку.

— Фараонъ, одно слово!

— А не желаете ли въ лодочкѣ на казенную фатеру прокатиться?

— Ладно, у меня и своя есть, проваливай.

— А позвольте узнать, гдѣ проживать изволите, мѣстожительство твое! Вдругъ принимаетъ оффицiальный тонъ полицiя.

— Не пужай, зѣваетъ баба на всю пристань, не пужлива я! У меня у самой мужъ-то въ сотскихъ былъ три года.

— Нну! радостно изумляется городовой.

— Три, вѣрно.

— Ежель супругъ твой три года при полицѣ—такъ ступай!... Только смотри!...

— А ты здѣсь бунтовать не смѣй! Оказываетъ онъ свою власть по отношенiю къ пьяному.

— Я-то?

— Ты самый, потому вашего брата за бунтовство, знаешь куда?

— Врешь. Я здѣсь завсегда бунтовать могу. Потому я бунтую по распредѣленiю... Пять денъ я у хозяина роблю—а два бунтую.

— А за это васъ въ сибирку прячутъ.

— Ладно... Ты, что рыбница дырявая безтолочь сыплешь... Въ сибирку, чего таково въ сибирку? Какой мой бунтъ?.. Ну?..

Я бунтую въ аккуратѣ, на тридцать копѣекъ выпилъ и бунтую... Коли бы я платье пропилъ, либо у кого стянулъ что, да въ кабакъ, ну тогда ты меня за бунты бери—твое счастье!.. А то бунтъ... У меня братъ и всего бунту на тридцать копѣекъ было!..

VI.

Выходъ купца Орѣхова.—Колоды и лари.—Царство тузлука. — Амфибіи, обмывающія рыбу швабрами. — Раздѣланная бѣлуга. — Апофеоза глупости—рыба сазанъ.

— Я вамъ покажу прежде всего самый громадный изъ нашихъ выходовъ. Это выходъ здѣшняго купца Орѣхова. И П* повелъ меня къ большимъ строеніямъ, обращеннымъ лицевымъ фасадомъ къ Волгѣ.

Я радъ былъ идти куда угодно, потому что жара донимала меня злѣйшимъ ѳбразомъ. Хорошо было бабамъ въ ихъ мокромъ холстѣ и моему спутнику въ его лѣтнемъ костюмѣ изъ какой-то паутины!.. А представьте себѣ, какое наслажденіе я долженъ былъ почувствовать, когда изъ этого ада попалъ прямо въ прохладный, хотя и неистово вонявшій соленой рыбой и тузлукомъ погребъ. Полутьма была кругомъ меня, глаза отдыхали отъ яркаго солнечнаго свѣта, ослѣпительнаго и въ бликахъ на рѣкѣ и въ отраженіи отъ бѣлаго камня...

Передъ нами длинная галлерея, посрединѣ опускающаяся на столбы, весьма почтенныхъ размѣровъ. Освѣщеніе сверху; скудное, но достаточное, когда къ нему приглядишься. Нога уходитъ въ какую-то слякоть, образовавшуюся отъ тузлука съ остатками рыбныхъ продуктовъ. Доски подъ ногами часто подаются и въ скважины, точно изъ-подъ опускающагося подъ вами льда весеннія воды, — выходитъ тотъ же рыжій воню-

чій тузлукъ. Внутри галлереи слышутся пѣсни и крики—рабочій людъ отводитъ свою страдную истому на громкой шуткѣ. И опять эти неизбѣжныя бабы въ штанахъ, засученныхъ здѣсь по колѣно.

Для постройки такого выхода нужно прежде всего вырыть въ землѣ очень глубокій паралелограмъ, утрамбовать дно его, залить известкой и настлать хорошими досками. Все это дѣлается у большихъ хозяевъ солидно, въ крупныхъ размѣрахъ, не жалѣя денегъ. Вырытое пространство представляется громаднымъ ящикомъ-ларемъ. Сверху на него настилается уже полъ, по которому вы ходите, попирая рыбныя богатства, сложенныя въ этомъ ящикѣ. Надъ ящикомъ строится галлерея три сажени въ ширину. Столько же и ящикъ имѣетъ глубины. Кругомъ галлереи двойныя стѣны, между которыми вдоволь набито льду. Такимъ образомъ, когда вы идете вдоль галлереи, то подъ вами массы рыбы, просаливаемой или хранящейся въ тузлукѣ, а по сторонамъ непрерывный слой льду, толщиною въ 13 четвертей, заложенный досками. Ящикъ подъ вами перегораживается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ помѣщеній. Изъ нихъ идущіе между столбами отъ входа къ выходу по длиннику, называются колодами, а боковые поперечные къ нимъ—ларями. Такимъ образомъ, въ одинъ громадный ящикъ вложено множество другихъ. Сверху надъ выходомъ дѣлается накатъ и густо засыпается землею, предохраняющею ледъ отъ дѣйствія солнечной теплоты. Въ самой галлереѣ, на этомъ полу, или, лучше, на платформѣ, прикрывающей колоды и лари, массы бочекъ громадныхъ размѣровъ для уральской рыбы, хранящейся внизу. Когда нужно отправлять ее вверхъ по Волгѣ, открываютъ колоды или лари, нагружаютъ бочки, доливаютъ разсоломъ-тузлукомъ и тутъ же забивъ плотно, выкатываютъ на берегъ, гдѣ уже предварительно приваливаютъ баржи буксирныхъ пароходовъ.

Все это въ выходѣ г. Орѣхова поражало массивностью, плотностью и прочностью, которымъ несомнѣнно позавидовалъ бы и Гоголевскій Собакевичъ. Хозяйство большое, умное.

Въ разныхъ мѣстахъ галлереи по длиннику возятся «дамы», уже описанныя мною.

Подхожу ближе.

Громадныя куски бѣлуги, въ каждомъ, пожалуй, пуда два, а то и всѣ три, обмываются дамами очень старательно, но и оригинально въ тоже время. Увѣсистый кусъ швыряютъ на полъ и затѣмъ начинаютъ его охаживать насыщенными тузлукомъ швабрами. Отполирутъ одну сторону—перевернутъ на другую. Потомъ швыряютъ его въ ларь. Такимъ образомъ очищается здѣсь раздѣланная ранѣе на куски бѣлужина, доставленная г. Орѣхову съ его ватагъ приморскихъ, или подряженными имъ ловецкими артелями. Бѣлужина какого-то бураго цвѣта и далеко не апетитнаго вида. Но потомъ когда я ее попробовалъ въ астраханскомъ приготовленіи, пришлось согласиться, что не всякое золото блеститъ. Вкусъ ея былъ очень хорошъ, хотя и не для брезгливыхъ людей...

Удивительна была быстрота и ловкость пріемовъ у этихъ своеобразныхъ амазонокъ. Груды рыбы очищались ими изумительно скоро Ворочать такія массы—нужна сила, а въ этихъ работницахъ даже и устали незамѣтно. Поютъ себѣ что-то подъ носъ, да справляютъ свое дѣло, не спрашивая: много ли сдѣлано и сколько осталось еще...

— Отчего бѣлугу солятъ рѣзаною на куски?

— Лучше соль принимаетъ. Такъ ее не проймешь, слишкомъ толстъ слой мяса. Откройте-ка ларь!

Двое промышленниковъ отошли и квадратъ пола, бывшій подъ ними, подняли.

Открылся громадный ларь четвертей пятнадцать въ глу-

бину, сверху до низу заваленный массивными кусками бѣлуги... Въ промежуткахъ между ними рыжѣетъ жидкая грязь тузлука. Куски бѣлуги здѣсь называютъ мѣстами, и матерую бѣлугу, имѣющую 15 четвертей въ длину, разрѣзаютъ на пять такихъ мѣстъ, именно: на два боковыя (*мякотныя*), тешу, хрящевикъ или спину и махалку отъ нароста. Изъ *башки* такой рыбы вырѣзывается *тумакъ*, т. е. языкъ съ небомъ. Раздѣлываютъ бѣлугу такимъ образомъ на плоту и уже потомъ свозятъ въ холодные выхода для посола въ ларяхъ; но прежде продержутъ ее часовъ шесть на ларяхъ, чтобы она приняла одинаковую температуру съ тузлукомъ. Затѣмъ дня на три бросаютъ ее въ тузлукъ (старый, отъ прежней рыбы) послѣ чего ее вымываютъ, сортируютъ и перекладываютъ рядами въ порожніе лари, покрывая каждый рядъ рыбы толстымъ слоемъ соли. Такимъ образомъ, рыбою наполняютъ $^2/_3$ ларя, оставляя треть его для тузлука уже новаго, образующагося изъ рыбы. На пудъ бѣлуги вообще уходитъ здѣсь около 15 фунтовъ соли.

— Во что обойдется поставка такого выхода какъ этотъ? заинтересовался я.

— Тысячъ въ шестьдесятъ...

Въ темнотѣ вдоль боковыхъ стѣнъ галлереи, я замѣтилъ какія-то массы. Подхожу, громадные штабели мокрыхъ, соленыхъ сазановъ. Тутъ было его я думаю нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ. Сазанъ — одна изъ чаще всего встрѣчающихся рыбъ въ сѣверной части Каспійскаго моря, въ заливахъ, ильменяхъ и на Волгѣ. Она вѣситъ отъ 10—17 фунтовъ, доходитъ до $5^1/_2$ фут. въ длину при вѣсѣ въ 1 п. 10 ф.— но это ужь исключеніе. Принимается же пойманная подрядными ловцами рыба этого рода хозяиномъ, какъ и всякая другая, опредѣленною величиною отъ полуглаза до краснаго пера. Такимъ образомъ оплачивается какъ цѣльный сазанъ, имѣющій

10 вершковъ длины. Сазана всегда распластываютъ по спинѣ, нанизываютъ попарно на мочальную веревку и послѣ соленія сушатъ на камышѣ или на хворостѣ. Его солятъ и въ мокромъ видѣ; въ такомъ случаѣ, его укладываютъ въ лари на пятнадцать дней.

Сазанъ почему-то здѣсь слыветъ ужасно глупой рыбой, и я слышалъ самъ слѣдующую брань.

— Сазанъ ты сазанъ, по уму ты выходишь настоящій сазанъ, что всякой рыбы глупѣй. Ужъ на что лещъ—дуракъ рыба, а и та надъ сазаномъ величается!..

Коренным сазаномъ (коренная рыба—приготовленная въ ларяхъ) питается по преимуществу Тверская губернія, сушенымъ сазаномъ кормятся владимірцы. Замѣчательно, что каждая изъ губерній Волжскаго бассейна имѣетъ свою излюбленную рыбу изъ астраханской заготовки. Они даже доходятъ въ этомъ отношеніи до нѣсколько странной исключительности. Такъ владимірецъ ни за что не станетъ ѣсть коренной, а тверитянинъ—сушеной рыбы. Что значитъ привычка! Вѣдь предпочитаетъ же мордва (человѣкъ не собака—все съѣстъ) рыбу, находящуюся въ послѣднемъ періодѣ разложенія. Насъ бы послѣ такого утонченнаго лакомства прямо на кладбище свезли, а мордва ѣстъ да похваливаетъ. И вѣдь какіе часто несообразности бываютъ. Лучшіе на всей Волгѣ раки—подъ Сызранью ловятся, но сызранецъ-ухорѣцъ ни за что не дотронется до нихъ.

Я поинтересовался емкостью ларей. Оказались громадны. Въ каждый помѣщается до 1,700 пудъ бѣлуги или севрюги. Разумѣется такія колосальныя сооруженія очень рѣдки. У большинства они гораздо меньше.

VII.

Ястычная икра.—Икряное дѣло вообще.

— А хотите видѣть еще одинъ рыбный продуктъ, получившій сбытъ только недавно?

Показали бочки съ какою-то красной, непріятной на вкусъ икрой.

— Прежде ее въ воду валили прямо. Это лещевая икра. А теперь при нашей безхлѣбицѣ и она получила сбытъ. Крестьяне ее скупаютъ для щей по 40 коп. за пудъ. Сверхъ того, она на заводы пошла, гдѣ изъ нее альбуминъ выдѣлываютъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, это не настоящій цвѣтъ ея?

— Мы окрашиваемъ селитрой. А вонъ такъ-называемая ястычная икра.

Въ корзинахъ, прямо въ соль были уложены какія-то кишки. Оказалось, что это самый низшій сортъ икры—ястычная. Она такъ мягка, что ее нельзя протирать черезъ грохотъ, почему ее берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ рыбѣ, ястыками, бросаютъ въ тузлукъ и когда она окрѣпнитъ, одеревенѣетъ тамъ, ее укладываютъ въ корзины съ солью, или въ дубовыя бочки. Часто и безъ тузлука обходятся, а просто въ соль и въ отправку потомъ. Такая ястычная икра приготовляется изъ судака, леща, воблы и тарани.

Попробовалъ—гадость.

— Кто же ѣстъ такую мерзость?

— Да болѣе двухсотъ тысячъ пудовъ мы ее отправляемъ изъ Астрахани въ Турцію, Грецію и Молдо-Валахію. Тамъ ее страсть любятъ. Не нахвалятся! За нею нарочно греки сюда ѣздятъ. Иные изъ нихъ прямо на промысла пробираются и тамъ

уже сами у ловцевъ берутъ эту по вашему «гадость». Въ такомъ случаѣ они забиваютъ ястыки въ колоды или бочки рядами. Каждый рядъ пересыпаютъ солью, а сверху плотно закладываютъ или досками, или слоемъ камыша. Черезъ три недѣли—ястычная икра готова, ее перекладываютъ въ боченки и увозятъ туда, «гдѣ море вѣчно плещетъ»... Помилуйте, у нихъ это первымъ лакомствомъ считается. Они готовы, ее ѣсть хоть каждый день; да и наши рабочіе иногда балуются—ѣдятъ...

Г. Орѣховъ держитъ для своего заведенія промысловаго и бондарный сарай, гдѣ во множествѣ изготовляются бочки. Въ остальные выхода—продаются бочки съ верху, т. е. съ волжскихъ губерній, причемъ для осестра, севрюги и вообще высшихъ сортовъ рыбы нужны дубовыя, обходящіяся по пяти рублей, для низшихъ сортовъ рыбы идутъ липовыя, стоющія по полтора рубля. Орѣхову при его двухмилліонномъ оборотѣ на одну «оболочку рыбью» т. е. на бочки приходится покупать дерева и оплачивать рабочихъ ежегодно семьюдесятью тысячами рублей.

— Рабочіе у васъ—мѣстные?

— Больше здѣшніе. Дубъ мы покупаемъ въ Нижегородской и Уфимской губерніяхъ, липа идетъ изъ Уфимской, черемуха на обручи изъ Пермской. Производство, какъ видите, очень сложное!..

Икряное дѣло въ Астраханской губерніи очень сложно. Такъ для приготовленія зернистой икры слегка протираютъ надъ чаномъ сквозь грохотъ (рама съ натянутой мелкоячейной сѣтью) рыбьи ястыки. Жиръ и оболочка остаются на грохотѣ, массу же ячеекъ въ чану посыпаютъ мелкой солью лучшаго качества и промѣшиваютъ деревянными широкими вилками. Чѣмъ менѣе солона икра, тѣмъ она выше качествомъ. Готовую зернистую икру вливаютъ въ липовыя бочки, вмѣщающія около 5 пудовъ каждая. Нѣсколько крѣпче солятъ икру, которая

идетъ за границу—въ Вѣну, Дрезденъ и Берлинъ (по словамъ г. Шульца, 15,000 пудовъ ежегодно). Лучшая икра—бѣлужья, за ней слѣдуетъ севрюжья, осетровая, и шиповая. Бѣлужью приготовляютъ всегда отдѣльно, а эти три смѣшиваютъ въ одну массу. Стерляжья, мелкозернистая, рѣдко идетъ отсюда въ продажу. Паюсная икра обрабатывается съ помощію тузлука въ 32°/₀ соленаго раствора. Тузлукъ для этого предварительно кипятятъ и сохраняютъ въ дубовымъ бочкахъ. Зерна икры, падающія сквозь грохотъ въ чанъ съ тузлукомъ, мѣшаются лопаткой, причемъ икряникъ безпрестанно беретъ ихъ горстью и сжимаетъ. Если икра перестала отдѣлять молоко, а отдаетъ одну воду, оставаясь при этомъ твердою—она поспѣла. Затѣмъ ее выкладываютъ на волосяное сито, даютъ тузлуку стечь, и набиваютъ ею рогожные кульки до трехъ пудъ въ каждый. Кульки обминаются прессомъ и уже потомъ ее перекладываютъ въ бочки, выстилаемыя салфеточнымъ холстомъ. Отсюда и названіе салфеточная. Кавказская паюсная икра для Кахетіи укладывается въ бурдюки, въ которыхъ ее обминаютъ ногами, чтобы плотно умялась. Затѣмъ есть жаркая икра, доставляемая въ жаркое время года. Рыба въ это время привозится на плотъ уже нѣсколько испорченною и ястыки ея сначала кладутся въ тузлукъ, потомъ протираются на грохотѣ. Пробойка отъ икры оставшаяся на грохотѣ тоже не пропадаетъ даромъ. Ее солятъ, также какъ и молоки. Матерая бѣлуга даетъ отъ 6 до 12 пуд. икры, мѣрная же—35 фунтовъ, мѣрный осетръ — 15 фунтовъ, полумѣрный—не имѣетъ икры вовсе... Мѣрная икряная севрюга—8 фунтовъ (Шульцъ).

VIII.

Храмъ музъ и армянскіе антиной.—Астраханскіе петиметры.—Ночь въ армянскомъ трактирѣ.

Оставалось уже осмотрѣть только тюленьи выхода, гдѣ обрабатываютъ продукты каспійскаго тюленьяго промысла, но было уже поздно. Мы отправились обратно. Я еще цѣлый вечеръ провелъ въ мѣстномъ лѣтнемъ театрѣ, гдѣ изумлялся нахальству бездарностей съ одной стороны и безмѣрной снисходительно астраханцевъ — съ другой. Говорятъ прежде было лучше, даже провинціальные сценическія знаменитости появлялись здѣсь. Но во время моего пребыванія въ Астрахани, театръ былъ—ужасенъ! Опереточные актеры больше брали необыкновеннымъ развитіемъ ляшекъ и остротами апраксинскаго пошиба, а актрисы старались оголиться до предѣловъ терпимыхъ полиціей. Въ антрактахъ публика уничтожала массы мороженаго и скучалавъ аллеяхъ сада, состоявшихъ изъ низенькихъ вѣтокъ винограда и жидкихъ деревьевъ, плохо принимающихся въ этомъ царствѣ зноя и пыли. Награждали апплодисментами все и всѣхъ, такъ что я былъ крейне изумленъ когда театральные бутафоры, ламповщики и труженики пожарной команды за сценой не были вызваны, чтобы получить и свою долю рукоплесканій. Пьесы драматическаго отдѣла все больше такія, гдѣ плакать и убивать приходится на каждомъ шагу, и непремѣнно съ торжествомъ добродѣтели. Женская часть астраханскаго населенія эту добродѣтель особенно любитъ, хотя какой-то путешественникъ и находилъ между прочимъ, что здѣшній армянскій типъ особенно улучшился послѣ того, какъ астраханскія армянки стали держать кучеровъ

изъ татаръ. Преобладаніе армянскаго типа—всюду. И въ партерѣ, и въ ложахъ, и въ аллеяхъ, и въ залѣ клуба все черные глаза на выкатъ, все громадные носы цвѣта адскаго пламени, точно стремящіеся во что бы то ни стало вырваться отъ пріютившаго ихъ лица; лбовъ при этомъ разумѣется не полагается вовсе, почему волоса начинаютъ рости прямо отъ бровей, захватывая въ свое потомственное владѣніе за одно и щеки. Чернота необыкновенная. Всѣ обуглены, точно послѣ пожара. Въ густомъ мракѣ бороды, только и алѣютъ круглыя, чувственныя губы. За то все это одѣтс безукоризненно. Панталоны небеснаго, палеваго и даже розоваго колеровъ встрѣчались хотя и не на каждомъ шагу. Страсть къ пестротѣ такая, что я, впрочемъ, только разъ, видѣлъ самъ сію нескромную часть мужскаго туалета голубаго сукна, по которому былъ пущенъ красный цвѣточекъ. А то вдругъ сія нескромная часть мужскаго туалета зеленая, по зеленому полю красные букеты, а на красныхъ букетахъ сидятъ и поютъ желтыя птицы. Галстухи—способны моментально привести въ бѣшенство самаго смиреннаго быка. Шляпы какъ то особенно на бекрень вздѣты, точно онѣ каждую секунду собираются взлетѣть въ горнія отъ густой щетины полуприкрытыхъ ими волосъ. Цѣпи отъ часовъ толстыя—хоть медвѣдя посади на нихъ не сбѣжитъ, перстней на рукахъ — цѣлые ювелирные магазины... Короче, джентльмены на подборъ и сапоги скрипятъ у всѣхъ, такъ что хоть сейчасъ ихъ на купецкую свадьбу польку «транблянъ» откалывать...

Долго мнѣ будетъ памятенъ номеръ армянскаго трактира въ эту ночь.

Не успѣлъ я еще улечься, какъ кто-то во всю мочь забарабанилъ ко мнѣ въ стѣну.

— Что тамъ?

— Двое блаародныхъ кавалеровъ ищутъ приличной ихъ

званію компаніи... Вуле? Уже въ дверяхъ моихъ приглашалъ кто-то.

— Ну?

— Не угодно ли пожаловать для собесѣдованія. Имѣются хереса и картишки.

— Пожалуйста, не мѣшайте спать.

— А вы не будьте столь горды, потому по нашимъ мѣстамъ это самое — свинствомъ называется. Вы, слава Богу, не архирей.

Кое-какъ удалось отъ него отдѣлаться. Перегородки съ обѣихъ сторонъ номера были очень тонки.

— Онъ губернскій секретарь, а я титулярный совѣтникъ... Я ему честь оказываю, сватаюсь за его дочь, а онъ мнѣ—шишь. Долженъ я его за такое непочтеніе сказнить! Слышалось изъ комнаты, куда меня приглашали. Или мнѣ ему ручку поцѣловать.

— А ты выпь... Во... Хересъ, братъ, такой, что оглохнешь.

— Нѣтъ... Ты скажи,—долженъ я свою амбицію поддержать, или мнѣ ужъ прямо рыломъ въ сѣно, въ конюшню идти...

— Милый... Будь другъ... Пей—во... Чего тутъ... Кто насъ нонче не обижаетъ... А ты выпь!..

И такъ до утра съ одной стороны. Съ другой совершенно иная сцена. Какіе-то поцѣлуи, полупьяный шопотъ, взвизгиванія...

— Покажи какъ ты меня любишь!.. Коснѣющимъ языкомъ умолялъ кто-то.

Съ варіаціями; все—на чистоту, откровенно главное.

Только что заснулъ—въ дверь опять забарабанили. Отворяю: что-то кудлатое, брадатое лезетъ прямо на меня.

— Маша, одѣвайся живымъ манеромъ!

— Вы съ ума сошли!.. Убирайтесь вонъ.

— Ахъ виноватъ, я думалъ вы дама... Тутъ вчера зна-

комая одна стояла... Должно быть въ сосѣднемъ номерѣ... Пожалуйста извините... Напредки будемъ знакомы, я тутъ черезъ три двери...

Опять было засыпать сталъ — цѣлая армія мужественныхъ клоповъ произвели на меня такое стройное и безпощадное наступленіе, что я чуть не закричалъ «караулъ!» Пришлось зажечь свѣчу и при огнѣ уже кое-какъ проспать до утра на своемъ пальто — посреди пола. Много грѣховъ простится мнѣ за это мученичество въ грязи астраханскаго трактира.

IX.

Юртовой надѣлъ. — Миноги вмѣсто свѣчей.

Волга, опять—пекло, опять—каменныя лица гребцовъ калмыковъ...

На этотъ разъ со мною ѣдетъ сумрачный донецъ... Все то ему не по нраву, все то ему тѣсно на этомъ просторѣ...

— Плохо намъ жить стало...

— Отчего.

— Сами себя обижаемъ. Сами съ собой справиться не можемъ... Глупы очень мы.

— И вездѣ не сладко живется!

— Нѣтъ, въ другихъ мѣстахъ напротивъ, хоть хлѣбъ насущный есть.

— Да неужели у васъ бѣднота?

— Какая еще бѣднота!.. А все отъ этого юртоваго раздѣла земли. Прежде у насъ община была—и чудесно. Жили—Бога хвалили. А теперь козачеству смертный часъ приходитъ. Русскимъ сдали мы земли за безцѣнокъ. За 14 десятинъ при-

мѣрно — 13 рублей берем, да еще условіе на семнадцать лѣтъ. Хорошо это?

Пришлось согласиться, что, напротивъ, очень скверно.

— Чего хуже... А все юртовой надѣлъ!..

— Да это, можетъ быть, исключительный случай.

— Помилуйте, гдѣ же! Посмотрите-ка, въ Фелоновской станицѣ, Хоперскаго округа, что съ землей стало? Да и съемщики тоже: возьметъ землю за безцѣнокъ и повинностей еще платить не хочетъ! У насъ они обидѣлись, когда станичное правленіе наложило на нихъ по копѣйкѣ на десятину. А какъ намъ понадобятся тѣ же земли, такъ мы ихъ обратно у съемщиковъ въ кортому беремъ, случается рублей по 6 за десятину... И торговля вся ушла въ русскія руки. Козаки сдаютъ и луга, и лѣса, какіе еще остались. Еслибы не казачьки наши, мы бы съ голоду всѣ поумирали!.. Вотъ онъ у насъ юртъ какой завелся!..

— У насъ, слава Богу, не земля кормилица, а вода, вмѣшался астраханецъ. У насъ урожаи—рыбка. Кабы въ пору сюда пріѣхали—насмотрѣлись бы на суету нашу промысловую. Подъ Астраханью на полтораста верстъ тридцать пять пароходовъ только и дѣла дѣлаютъ, что селедку подвозятъ въ рыбницахъ и прорѣзяхъ. Въ пятнадцать денъ, говорятъ, сельди у насъ ловятъ 200.000,000 штукъ. Въ этомъ году въ 2½ дня—130.000,000 добыли... Вотъ она наша нивка какая! и онъ махнулъ рукою на Волгу. И весело же тогда. По всему простору лодки *бѣгутъ*... Подойдетъ лодка къ ватагѣ, *нальютъ* лодку селедкой, и ступай, а за ней другія ждутъ; такъ и день и ночь кипенемъ работа! Не опомнишься.

— Казна стѣсняетъ, вмѣшался другой.

— Теперь у насъ миноги этой сколько! Жиръ изъ нея топить запрещено, а для продовольствія ловить несходно, дешева ужь очень.

Минога здѣшняя до того жирна, что топить изъ нея сало дѣйствительно оказывается выгодно. Г. Платоновъ дѣлалъ опытъ. Онъ зажигалъ засушенную куринскую миногу, и она горѣла какъ свѣча.

X.

Карбонары изъ ногайскихъ байгушей и астраханскіе помѣщицы Коробочки.

Миновали нѣсколько досчаниковъ съ солью. На палубѣ лѣниво посиживаютъ медлительные татары, осколки монголовъ, завоевателей Россіи. Тѣ же скуластыя лица, косые глаза. Только въ оны времена, когда они наводнили нашъ востокъ, сломавъ подъ собою хрупкія плотины удѣльнаго порядка, на этихъ лицахъ, разумѣется, было больше самоувѣренности и оживленія. Теперь это загнанный и забитый народъ. Сторонится отъ васъ, склоняетъ голову, когда вы съ нимъ заговариваете, молчитъ, когда его задѣваютъ, и развѣ только изъ подлобья окинетъ разгулявшагося русскаго промышленника злобнымъ и въ тоже время тоскливымъ взглядомъ, когда тотъ шпыняетъ его словно пса какого. Тутъ даже и до ненависти дѣло не доходитъ. Слишкомъ уже обтерпѣлись эти несчастные. Да и живется имъ къ тому же скверно. Бѣднота, голь!.. Хоть въ воду — такъ и то лучше. Какъ ни благодатенъ климатъ здѣсь для садоводства—а между астраханскими татарами случаются смертности отъ голодовки и вымираніе постепенное отъ лишеній!.. Все это, разумѣется, въ оффиціальные отчеты не заносится или попадаетъ въ многозначительную статью «скоропостижной смерти».

Забиты и загнаны эти татары до крайности. Лучше всего то, что мѣстные помѣщицы Коробочки и философы вродѣ

гоголевскаго почтмейстера, своимъ умомъ дошли до сознанія великой опасности, какая при настоящихъ обстоятельствахъ является для Россіи въ лицѣ сихъ самыхъ потомковъ Чингисхана и Батыя. Видите ли, существуетъ между ними (лицо оратора принимаетъ при этомъ глубокомысленное выраженіе, указательный перстъ мгновенно приростаетъ ко лбу)—*пропаганда!* Всѣ-де они условились перерѣзать русскихъ, и ждать этого не долго. Нужно принять мѣры! Хорошо, что политическія предсказанія этихъ Видоковъ остаются втунѣ. И волнуются же эти добровольные мученики! Имъ ли не жить спокойно, имъ ли не блаженствовать подъ сѣнью струй, а тоже на стѣны лезутъ. Da er kein Elend gat will, er sich Elend machen!.. Другіе не одними словами ограничиваются.

— Чего же ждать-то, свирѣпствуютъ они, чего ждать! Или чтобъ они на насъ съ ножами пошли?.. Вѣдь до одного всѣхъ перерѣжутъ, всѣхъ.

— Что же дѣлать-то?

— А взять да и переселить ихъ всѣхъ въ степь Красноводскую...

— Чудесно!..

И вѣдь ничѣмъ не убѣдите вы этихъ сыщиковъ!..

XI.

Нептунъ у купца Орѣхова. — Универсальное учрежденіе.

Вотъ и берегъ Волги, противоположный Астрахани.

Тюленій выходъ еще издали даетъ знать себя. Такъ и пахнуло жировымъ смрадомъ, точно лежалая и загнившая ворвань духъ отъ себя пускаетъ на всѣ четыре страны свѣта.

— Аль не нравится?

— Ничего...

— Пріѣзжіе, которые—господа,очень не одобряютъ. Чтожъ, вѣдь и то дѣло—духовитый звѣрь.

— Привыкъ я!

— Гдѣ же это?

— Объ ледовитомъ океанѣ слыхалъ?

— Это гдѣ конецъ свѣту будетъ, знаю. Тамъ тоже тюленя такого бьютъ ловко...

Пока еще мы добрались до духовитаго звѣря, пришлось опять пройти мимо цѣлаго ряда бабъ въ штанахъ. Этихъ дебардерокъ было здѣсь болѣе двухъ сотъ, всѣ онѣ вытянулись въ одну линію вдоль пристани; однѣ изъ нихъ моютъ мелкую рыбу веревочными швабрами и бросаютъ ее затѣмъ къ другому ряду столь же изящно костюмированныхъ бабъ, которыя прокалываютъ ее, сквозь глаза, и нанизываютъ на петли, по нѣскольку штукъ.

— Вотъ, напримѣръ, производствомъ веревокъ для этихъ петель у насъ сотни дѣвочекъ занимаются — и семьи свои кормятъ.

— Что и говорить, дѣло видимо большое.

— Милліонное, всѣмъ здѣсь хлѣбъ даетъ.

— Рыбка Божья, и хлѣбъ Божій, чего тутъ величаться! замѣчаетъ кто-то позади.

Оглядываюсь — самъ богъ Нептунъ вышелъ изъ нѣдръ морскихъ.

Громадный, борода во всю грудь разбросана, брови сумрачно нависли надъ зоркими глазами, сѣдина копромъ на головѣ стоитъ. И фигура какая атлетическая!.. Бѣда повстрѣчаться съ такимъ глазъ на глазъ, если у него разумѣется, недоброе на умѣ. Тутъ ужь не уйдешь никуда... Въ рукахъ у этого волжскаго Нептуна вмѣсто трезубца багоръ—длинная палка съ желѣзнымъ остріемъ и крюкомъ. Это—при-

кащикъ Орѣхова, а багоръ его жезлъ, скиптръ, знакъ его власти. Имъ онъ зацѣпляетъ бѣлужину, когда ее изъ ларя нужно вытащить на воздухъ.

Нептунъ вообще чрезвычайно представителенъ и съ большимъ достоинствомъ держится.

— Хвастать нечего. Богъ не дастъ хозяевамъ, и у работниковъ не будетъ... Все отъ Бога...

Нептунъ дѣлаетъ нѣкоторыя дополнительныя объясненія, причемъ держится солидно. Хозяевамъ не льститъ, въ глаза имъ по собачьи не заглядываетъ. Видимо человѣкъ съ выдержкой... Посмотрѣлъ я, какъ онъ шестипудовые куски бѣлужины багромъ вытаскиваетъ—подивился и силѣ и ловкости. Точно играетъ. Знай себѣ пошвыриваетъ, и устали нѣтъ... Лицо также спокойно...

— Эй вы, безхвостыя! покрикиваетъ онъ на разшумѣвшихся бабъ.

Сталъ пробовать бѣлугу, какова, дошла ли?... Ткнулъ ножемъ въ рыбину и понюхалъ остріе.

— Такъ и узнаете достоинство бѣлуги.

— Все узнаемъ такъ, потому мы привычны, постоянно съ этимъ обходимся. Наше это дѣло; самое разлюбезное. Всякая рыбка на ножѣ, какая у нея душа, себя окажетъ. Нужно только присноровиться къ нашему дѣлу, и вся недолга.

Въ сколькихъ рукахъ побываетъ рыба прежде, чѣмъ она попадетъ къ потребителю! Вотъ бы нашему талантливому знатоку народной жнзни и народныхъ промысловъ С. В. Максимову написатъ «Похожденія волжской бѣлуги», въ pendant къ его «Похожденіямъ куля хлѣба». А особенности быта рабочихъ здѣсь, картины морскаго и рѣчнаго промысловъ, развѣ это не цѣлая эпопея, полная красоты и поэзіи, прежде всего самобытной и оригинальной?

— Онъ когда-то самъ промыселъ держалъ, да раззорился

и хозяину долженъ остался, говорили мнѣ про встрѣченнаго мною Нептуна.

— Да развѣ у васъ не существуетъ круговой поруки?... вспомнилъ я разсказы объ астраханскомъ рыболовствѣ.

— И не слышно вовсе. И не бывало никогда.

Еще разъ пришлось подивиться питерскимъ досужимъ людямъ.

— Чѣмъ же ловцы обезпечиваютъ задатки?

— А ничѣмъ. Хозяинъ помолится съ ловцами по старому, кондовому обычаю нашему, ну и дѣло крѣпко стоитъ. На вѣки нерушимо.

— И рѣдко случаются обманы?

— Да, почти, и не бываетъ ихъ вовсе... Разъ только на моей памяти дрянной ловецъ попался: купилъ я ему рекрутскую квитанцію за 500 рублей, съ тѣмъ чтобы онъ заловилъ эту сумму. Начался промыселъ. Жаркая пора пришла—смотрю, другимъ рыбу продаетъ. Ты что же это, говорю? Смѣется: «Твои деньги, ты и кручинься!» отвѣчаетъ.

— У насъ промыселъ повадливый, веселый, все на міру. Неводчикъ теперь распоряжается ловами, заводитъ рыбницу съ неводомъ, пятчикъ держитъ другой конецъ невода на берегу; коли въ рѣкѣ дѣло, на мертвой точкѣ. У него колъ, къ которому конецъ невода прикрѣпленъ. Завозимъ мы на притонокъ, пятчикъ не выпускаетъ конца ни подъ какимъ видомъ. Станутъ притонять, тогда онъ къ притонку подходитъ, поддается, такъ что когда мѣстня (мѣшокъ, по серединѣ невода, куда собирается рыба) у притонка, то и пятная тоже должна быть тамъ. Рабочихъ трое, случается и больше впрочемъ. Это смотря по глубинѣ, т. е. какъ неводъ «великъ ногами». Иногда нужно 18 человѣкъ, иногда восемь. Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ невода мельче, чѣмъ дальше къ верху, тѣмъ они больше «ногами».

— На міру у насъ дѣла бойко идутъ. По всей Волгѣ перекликаются, пѣсни заведутъ — глушитъ. Народъ въ эту пору, который не на своей волѣ, а отъ хозяина, — сытый, хотя зимою ему и туго приведется!... Рыбы вдоволь, ѣшь, сколько хочешь, только, разумѣется, не матерыхъ осетровъ. А нѣтъ рыбы—пшено идетъ.

— Одно скверно, много намъ бѣдъ рыбное правленіе приноситъ, разсказывали мнѣ въ Астрахани. Штрафы оно налагаетъ безъ слѣдствій, а зачастую вмѣсто слѣдствія протоколъ собственнаго своего чиновника идетъ. Вотъ вамъ фактъ, рисующій наши порядки: членъ правленія Шевелевъ поймалъ лодку съ добычниками безъ билета. Хозяинъ заявилъ, что лодка принадлежитъ Хлѣбникову и К°, и что есть еще другая, ловящая рыбу тоже безъ билета Тотчасъ же рыбное правленіе наложило на Хлѣбникова, Платонова и К° штрафъ за двѣ лодки, изъ коихъ одной оно и вовсе не видѣло, а другая никогда отвѣтчикамъ не принадлежала. Фактъ этотъ далеко не исключительный. Въ самомъ дѣлѣ, что это за оригинальное учрежденіе — астраханское рыбное правленіе. Само оно и сыскомъ занимается, само и слѣдствіе должно производить, само и судитъ, само и рѣшенія свои въ исполненіе приводитъ, соединяя въ себѣ, такимъ образомъ, отправленія четырехъ совершенно различныхъ учрежденій. Какой же тутъ контроль возможенъ, и кому будутъ жаловаться рыбопромышленники? Можетъ быть, члены этого правленія безукоризненные, прекрасные, честные, благонамѣренные люди, можетъ быть, каждый изъ нихъ заслуживаетъ монтіоновскую премію за добродѣтель, но, право, вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ одному человѣку, если онъ не Пинетти или Каліостро, въ одно и то же время быть и сыщикомъ, и слѣдователемъ, и судьей, и судебнымъ приставомъ!... Производство слѣдствій и наложеніе наказаній за нарушеніе устава

объ астраханскомъ рыболовствѣ должно быть предоставлено непремѣнно общимъ судебнымъ учрежденіямъ, въ томъ же, напримѣръ, порядкѣ, въ какомъ установлено по нарушеніямъ устава о судоходствѣ. Вѣдь начальники водяныхъ дистанцій не являются же въ одно и тоже время и мировыми судьями, и полиціей? Правда, Астрахань, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще обходится безъ мировыхъ судей!...

XII.

Каспійскій тюлень.

Все гуще и гуще пахло тюленьимъ жиромъ. Вѣтромъ потянуло оттуда.

— Приготовьтесь къ очень неприглядной картинѣ промысловаго обихода, предупредили меня.

— А что?

— Въ выходахъ скверно, потому что вездѣ на полу тузлукъ просочился и стоитъ лужами, а тутъ еще хуже будетъ.

Здѣсь въ устьяхъ Волги и на Каспіѣ изъ тюленьихъ породъ водится только Phoca vitulina, котораго нѣкоторые называютъ каспійскимъ тюленемъ. Лѣтомъ онъ цѣлыми косяками уходитъ въ глубины моря, подальше отъ береговъ; съ первыми осенними холодами передвигается къ берегу восточнѣе Астрахани, гдѣ раньше образуются ледяные припаи *). Стада тюленей всегда можно предугадать по цѣлымъ тучамъ чаекъ, вьющихся надъ ними; дѣло въ томъ, что звѣрь этотъ, питаясь чистиковыми рыбами, объѣдаетъ одну только тешку, остальное бросаетъ, чѣмъ, разумѣется, пользуются пернатые про-

*) Припаи—сѣверное слово; припаями называется ледяная кайма, образующаяся у береговъ зимою.

мышленники. Весной, когда льды разносятся, тюлень слѣдуетъ за пловучими громадами ихъ и выходитъ на эти движущіеся и постоянно тающіе подъ знойнымъ солнцемъ юга острова, располагается на нихъ въ полномъ нѣги dolce far niente, пока уже окончательно не на чемъ будетъ нѣжиться. Зимою, попадая подъ ледъ, они дыханіемъ производятъ въ немъ воронки, отверстія—«продухи», сквозь которыя выходятъ на воздухъ или просто просовываютъ въ нихъ морды. Интересно, говоритъ очевидецъ, видѣть, какъ тюлени спятъ. Лежа спиною на водѣ, они укачиваются волненіемъ, какъ въ колыбели, и только водяныя брызги отъ дыханія летятъ сверкая во всѣ стороны. Опытный «тюленій смотритель» г. Хастатовъ сообщалъ очень интересныя свѣдѣнія объ этомъ добычномъ для здѣшнихъ ловцовъ животномъ. Первые косяки тюленей, являющіеся осенью, состоятъ изъ сгурьбившихся самокъ съ «выпорками», готовыми уже къ рожденію. Тюлени случаются въ январѣ, февралѣ и мартѣ, самка носитъ 11 мѣсяцевъ и обыкновенно производитъ только одного щенка, очень рѣдко двухъ. Въ концѣ декабря щенятся. Самки на это время выходятъ на ледъ и кормятъ грудью, поворачиваясь на спину и придерживая дѣтенышей лапами.

Чтобы поближе пріискать пищу, а въ случаѣ опасности укрыться самимъ, во льду самки дѣлаютъ продушины—лазки. Въ первую недѣлю щенки называются—бѣльками, дней черезъ десять линяютъ, мѣстами покрываются грубою шерстью и обращаются въ тулубковъ. Въ это время съ 3 — 7 фунтовъ вѣса, они достигаютъ до 25. Недѣли черезъ три бѣлекъ дѣлается сиваремъ, т. е. сѣрымъ и уже достигаетъ полутора пуда вѣсомъ. Тутъ онъ уже ловится для жира. Годовалый тюлень или концырь вѣситъ отъ 2—2½ пудовъ. Съ марта сиварь худѣетъ и къ апрѣлю теряетъ половину вѣса, а въ маѣ отъ него остается только кожа да кости; онъ вѣситъ въ

этотъ періодъ всего 10 фунтовъ. Рѣдко-рѣдко тюлени достигаютъ $5^1/_2$ пуд. Большіе самцы съ пестрою шерстью—пестряки; щенокъ, потерянный матерью, голодный—заморышъ, а выпоротый изъ внутренности убитой ловцами матери—выпорокъ... Добываютъ тюленей здѣсь или весною (весничи), или зимой (зимовичи). Весничи, какъ только погода и состояніе моря позволяютъ пуститься на промыслы, выходятъ на морскихъ лодкахъ, управляемыхъ хорошими кормщиками, къ Святому и Подгорному островамъ (у Мангышлакскаго полуострова). Тутъ, какъ только льда не стало, косяки тюленей залегаютъ и линяютъ. Окончивъ бой, промышленники сейчасъ же возвращаются въ Астрахань. Нѣкоторые промышленники уходятъ на круглый годъ, назначая зимовку на островѣ Кулалы, среди холодныхъ пустынь этого непригляднаго на Каспіи времени года. Съ 1-го февраля начинается зимній ловъ. Тутъ тюленя преслѣдуютъ, когда онъ выходитъ на плавучія льдины. Кормщики работаютъ изъ пая. Если онъ самъ-четвертъ, то лучаетъ $^1/_5$ промысла, если самъ-пять—$^1/_6$. Рабочіе—на жалованьѣ. Весною изъ нихъ каждый можетъ заработать отъ 25—35 р., а годовые отъ 60—100 р. Бываютъ случаи, но рѣдко, что рабочіе сверхъ жалованья получаютъ отъ хозяина пудовыя, т. е. по 10 или 15 к. съ каждаго пуда убитаго тюленя. Какъ видите, судьба южнаго — каспійскаго промышленника на этотъ разъ нисколько не лучше положенія нашего бѣдствующаго мурманщика, на другой окраинѣ Россіи—на берегахъ Ледовитаго Океана. Пожалуй, даже и хуже!.. хорошій кормщикъ можетъ правда при удачѣ заработать около 800 р., но такія удачи—легендарны!

XIII.

Цифры тюленьяго промысла.

Центръ тюленьяго промысла острова—Кулалы, Морской, Святой, Подгорный, Долгій, Круглый и Орловъ. Вся эта группа въ 250 верстахъ отъ Астрахани, на 25 верстъ сѣвернѣй Мангышлакскаго полуострова. Случалось во времена оны, что здѣсь въ одну весеннюю ночь убивали по 10,000 головъ тюленя. Теперь и пятой доли этого не добудешь. Море оскудѣло на горе промышленникамъ. Сѣвернаго нашего ловца упрекаютъ въ недостаткѣ предпріимчивости, ставятъ ему въ примѣръ добычливаго норвежанина. На Каспіѣ все это на чистоту выходитъ. Дѣло не въ недостаткѣ предпріимчивости, не въ лѣни. Оскудѣли промысла—тутъ хоть звѣзды съ неба хватай, ничего не сдѣлаешь! Теперь среднимъ числомъ убиваютъ здѣсь до 140,000 головъ тюленя въ годъ; цифра эта колеблется между 79,000 головъ (1871 г.) и 174,618 гол. (1873 г.). Разница въ цифрахъ такова, что приходится прежде всего заподозривать правильность показаній промышленниковъ о количествѣ добычи. Обездоленные обѣднѣніемъ моря, промышленники терпятъ еще отъ высокихъ пошлинъ на жиръ. Такъ, по вытопкѣ жира, съ каждаго пуда его, уплачивается въ казну 40 к. пошлины, а со шкуръ 30 к. съ пуда. При этомъ средняя цѣнность привозимаго въ Астрахань тюленя съ 1 р. 17 коп. (1869 г.) доходитъ до 1 р. 82 коп. (1870 г.) и даже до 2 р. 77 коп. (1872 г.). Среднимъ числомъ изъ Астрахани вывозится тюленьяго жира 92,008 пудъ, и 137,567 шкуръ въ годъ. Взимая столь высокія пошлины и такимъ образомъ насилуя астраханскіе промысла, фискъ добился того, что въ 1872 г. казна получила съ нихъ около 500,000 р.,—полмилліона, отнятые у ловцовъ, зашибающихъ въ годъ

не болѣе 100 р. на человѣка и притомъ за такую каторжную, непосильную работу!.. Всего же со всѣхъ каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ казна получаетъ отъ 847,000 руб. (1867 г.) до 921,670 р. (1871 г.). Если принять, что въ Астраханскомъ округѣ ловомъ рыбы и боемъ морскаго звѣря занимается около 10,000 человѣкъ, то въ случаѣ отказа казны отъ пошлинъ каждый изъ нихъ получитъ на 50 рублей или на 50% болѣе чѣмъ теперь. Такимъ образомъ (прямо или косвенно — другой вопросъ) промыселъ платитъ пошлины 50% — со всей стоимости рабочаго труда его. Едва ли какая либо другая промышленность въ Россіи несетъ столь крупный налогъ... Къ чему послѣ этого искать другихъ причинъ нищеты рабочаго класса на югѣ. Онѣ ясны изъ простаго соображенія этихъ немногихъ цифръ.

XIV.

Бой тюленя на островахъ и гонка въ ставныя сѣти.

Тюленій промыселъ производится тремя способами: звѣря бьютъ на островахъ, гоняютъ въ ставныя сѣти и добываютъ на льдинахъ.

Больше всего бьютъ тюленя на островахъ. На островѣ Кулалы—сборномъ пунктѣ промышленниковъ, устроены для этого казармы и домъ. Въ немъ помѣщается тюленій смотритель. На зиму здѣсь остается до трехсотъ ловцовъ. Всѣ охотники, по закону, должны начинать промыселъ непремѣнно вмѣстѣ въ одно время. Въ какой либо бухтѣ острова Кулалы они собираются и ждутъ условленнаго сигнала. Осенью и весной тюлень, какъ уже сказано выше, выходитъ на острова отдыхать. Промышленники подбираются на лодкахъ, стараясь быть подъ вѣтромъ, иначе звѣрь, обладающій чрезвычайно тонкимъ чутьемъ, не подпуститъ ихъ къ себѣ и на пу-

шечный выстрѣлъ. Когда съ сторожевыхъ лодокъ дано знать, что тюленя на островѣ много, ловцы высаживаются ночью на берегъ и подъ предводительствомъ забойщика или атамана, ползутъ къ юровьямъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы, охотникамъ, выровнявшись въ линію, занять позицію между тюленьими косяками и моремъ. Забойщикъ подаетъ условленный знакъ, и вся партія кидается на жирующаго звѣря. Бьютъ тюленя чекушами или колотушами (кротило на сѣверѣ) прямо въ морду. Одного удара, если промышленникъ лбвокъ, бываетъ вполнѣ достаточно. Багромъ добычу отбрасываютъ назадъ, чтобы не мѣшала, и бьютъ втораго, третьяго, четвертаго и т. д. Такимъ образомъ убиваютъ передовыхъ тюленей, изъ которыхъ составляется валъ. Остальные встревоженно мечутся въ западнѣ, но выбраться изъ нея не могутъ и по очереди падаютъ подъ колотушами ловцовъ. Все это совершается ночью. Съ разсвѣтомъ нужно освѣжевать звѣря, т. е. отрубить ему голову, распороть животъ и вынуть внутренности, которыя со всѣми непригодными остатками или выбрасываются въ море (вотъ сѣверныхъ акулъ-то нѣтъ!) или зарываютъ въ землю. Тюленья шкура вмѣстѣ съ толстымъ въ ладонь слоемъ сала отвозится съ поля битвы къ кусовымъ лодкамъ, складывается въ трюмъ и солится для отправки въ Астрахань. Весенній бой тюленя оканчивается по словамъ г. Шульца, къ 1-му іюня, осенній же начинается съ 15 августа.

Гонка тюленя въ ставныя сѣти принята въ той части волжскаго устья, которая, будучи извѣстна подъ именемъ Синяго Морца, образуетъ прѣсноводный заливъ. Промышленники собираются на лодкахъ, числомъ не менѣе 24, и избираютъ двухъ атамановъ, изъ коихъ одинъ называется черневымъ, или береговымъ, а другой морскимъ. Въ каждой гонной лодкѣ — два гребца и кормщикъ. При нихъ, сверхъ

съѣстныхъ припасовъ, по два ахана и шесты. Аханъ — ставная сѣть съ ячеями въ $4^1/_2$ вершка въ квадратѣ; она пятнадцати сажень въ длину и двѣ сажени въ высоту. Лодка черневаго атамана параллельно землѣ держится, лодка морскаго забойщика уходитъ въ море, другія же лодки располагаются между ними, въ разстояніи одна отъ другой не менѣе 150 саженъ. Морской атаманъ, замѣтивъ вынырнувшихъ тюленей и надъ ними цѣлую тучу чаекъ (вѣрный признакъ приближенія косяка), тотчасъ же поднимаетъ флагъ. Береговой атаманъ въ свою очередь уменьшаетъ ходъ своей лодки, тогда первый старается какъ можно скорѣе окружить мѣсто, гдѣ заключены тюлени, и соединиться съ черневымъ. Оба атамана составивъ такимъ образомъ полукругъ, съ шумомъ и крикомъ гонятъ тюленя отъ берега въ море, хлопая притомъ колотушками о борты лодокъ. Въ это время восемь среднихъ бударокъ—«замётныя», какъ ихъ называютъ здѣсь, спѣшатъ выставить аханы на встрѣчу плывущему тюленьему косяку. Устраиваютъ (довольно сложнымъ расположеніемъ сѣтей и гоньбой тюленя) такъ, что звѣрь, куда бы онъ ни кинулся, только путается въ сѣти, откуда его и выбагриваютъ, а всплывающихъ на верхъ бьютъ сандовьями. Это промыселъ—поздній, осенній. Онъ дурно вліяетъ на наростъ тюленьихъ косяковъ, потому что самки въ это время—«щенныя». При этомъ и производится онъ крайне звѣрски. Щенятъ выпарываютъ изъ брюха смки и выбрасываютъ въ море.

XV.

На льдинахъ.

Бой тюленя на льду, хотя и запрещенъ закономъ (уничтожаетъ молодыхъ дѣтенышей, — *бѣленькихъ* изъ за нѣжнаго и бѣлаго мѣха, легко принимающаго всякую окраску), прак-

тикуется однако часто, для чего промышленники подъ начальствомъ опытнаго хорошаго забойщика отправляются въ саняхъ къ окраинѣ льда, удаляясь иногда такимъ образомъ, отъ берега верстъ на семьдесятъ и болѣе. Попавъ на косяки, состоящіе изъ самокъ съ дѣтенышами—бѣльками, промышленники стараются перебить ихъ прежде, чѣмъ они доберутся до лазковъ. Въ этомъ случаѣ не только кротятъ ихъ чекушками, но и изъ ружей стрѣляютъ. Тутъ то именно и случаются на Каспійскомъ морѣ тѣ промысловыя драмы, которыми такъ богатъ сѣверный океанъ. Поднимается горный вѣтеръ отъ земли, отрываетъ льды отъ морскаго берега и уноситъ ихъ въ открытое море. Когда промышленники опомнятся — уже поздно. Десятки и сотни верстъ лежатъ между окраинами ихъ плавучаго острова и землею. Кругомъ негостепріимное холодное море. Царство зимы добиваетъ несчастныхъ стужей, голодомъ, если вѣтеръ не перемѣнится и не пригонитъ ихъ назадъ. Льды часто пробиваютъ и лодки промышленниковъ, которыя съ моря подбираются къ тюленьимъ косякамъ. Тутъ все же легче ловцамъ. Вытащилъ хотя бы и на плавучую льдину свою лодку, опрокинулъ ее дномъ вверхъ, законопатилъ и опять спускай въ море—и чудесно! На санкахъ такъ не обернешься, почему каспійскимъ тюленебоямъ и случается зачастую гибнуть. Еще хуже, если ихъ пригонитъ къ туркменскому берегу: тутъ или голодная смерть, или жестокая неволя!... Даже наши добрые сосѣди—Персы, случалось, убивали промышленниковъ, попадавшихъ къ нимъ, такимъ образомъ, въ лапы. Мнѣ самому показывали въ Астрахани одного старика, который двѣ недѣли съ артелью странствовалъ на льдинѣ, питаясь ворванью и мясомъ тюленей, пока ее не прибило къ кавказскому берегу. Этимъ впрочемъ не ограничились приключенія несчастныхъ промышленниковъ. Берегъ оказался—пустъ. Льды да буруны... Всползли кое-какъ на засыпанную снѣгами землю—зима въ ту пору жестокая была,

исключительная. Обыкновенно же дербентскій берегъ рѣдко видитъ снѣгъ, да и то на нѣсколько дней. Только что спасенные молиться собрались, какъ вдали померещились люди. Думали, свои—знаки подали, кричать стали, на холмы всползли—анъ горцы немирные оказались. Изъ артели оставалась половина—другая трупами передъ тѣмъ на льдинѣ легла; а изъ уцѣлѣвшей половины послѣ плѣна татарскаго назадъ вернулся только одинъ забойщикъ.

— Горько было! Хуже смерти! жаловался онъ мнѣ. Добрый народъ—а русскаго мучатъ, ка цѣпи держутъ... Такъ и я просидѣлъ, на подобіе пса, у нихъ три года. А потомъ вымѣняли на своего и пустили домой. Кормятъ, точно — хорошо, ѣшь сколько хочешь, только кормы у нихъ дурные. Пшено это даютъ, баранину. А рыбы нашей—бѣлужинки да осетринки и не пахнетъ. Совсѣмъ яманъ-дѣло выходитъ... Одно у нихъ первый сортъ — бабье; ну и онѣ къ намъ тоже привержены... Любятъ русскихъ. Ублажаютъ!

XVI.

Въ тюленьемъ выходѣ.—Южная ночь.

По мѣрѣ того, какъ мы подходили къ тюленьему выходу купца Орѣхова, кружокъ нашъ все рѣдѣлъ; одни за другими отставали отъ насъ даже мѣстные промышленники. Слишкомъ уже отвратительна была душина. Ворванью такъ и обносило насъ. Столько испареній отъ нея — что, кажется, глотаешь этотъ отвратительный жиръ вмѣстѣ съ воздухомъ. Сюда привозятъ добычу тюленьяго промысла тушами, т. е. кожу съ саломъ, которое соскабливаютъ ножами. Сало сваливаютъ въ чаны, гдѣ оно подвергается у менѣе состоятельныхъ хозяевъ просто дѣйствію общаго паровика земнаго—солнца, а у Орѣхова въ чаны эти проведены трубы изъ паровика механическаго. Самый лучшій жиръ—самотекъ, образовавшійся именно

отъ дѣйствія солнечныхъ лучей; посредствомъ пара добывается—второй сортъ, дешевле цѣнимый въ продажѣ.

Здѣсь все пропитано этимъ жиромъ. Имъ дышатъ, онъ осаживается на лицо, на платье. Жиръ внизу на полу, жиръ каплетъ съ потолка, жиръ на стѣнахъ, точно эти деревянные брусья потѣютъ ворванью. Куда ни сунешься—рыжевато черныя капли и лужи... Столбы, перекладины—покрыты жировыми осадками, захочешь облокотиться—пятно, рукой дотронешься—противное вонючее сало на ладони и пальцахъ. Какіе-то ящики—приглядываемся: оттуда еще сильнѣйшею вонью разитъ. Оказывается—жировые остатки. Только что сунешься куда-нибудь—попадаешь на горячій, обдающій васъ сальнымъ паромъ жиръ. Рабочіе—точно тюлени, съ которыхъ кожа ободрана, лицо жиромъ потѣетъ, съ рукъ каплетъ, сапоги ворванью покрыты, кажется, положи каждаго изъ нихъ подъ кранъ—такъ струей и потечетъ сало... А тутъ одинъ мастеръ пустился въ подробныя объясненія.

— Видите го-сотернъ.

Показываетъ пузырекъ съ желтоватою прозрачною жидкостью.

— Это самотекъ.

— А вотъ—портвейнъ.

Дѣйствительно, въ флаконѣ налито нѣчто подходящее. Красное, прозрачное.

— Это жиръ, добытый паровымъ способомъ. Не хотите ли вина нашего попробовать? остритъ онъ.

Самый большой выходъ тюленій на «Икряномъ» промыслѣ братьевъ Сапожниковыхъ, въ тридцати верстахъ ниже Астрахани. Тутъ тоже паровое устройство. Заводъ этотъ въ годъ можетъ приготовить около 100 т. пудовъ чистаго тюленьяго жира. Здѣсь пять огромныхъ, свинцовыми листами выстланныхъ чановъ, въ каждый изъ которыхъ можетъ помѣститься мало-мало до 7,000 пудовъ сала. Полъ выхода, понижающійся

къ чанамъ, способствуетъ тому, что жиръ, истекающій изъ тюленей, нагроможденныхъ по сторонамъ вплоть до потолка, самъ собою наполняетъ чаны. Такъ какъ сразу нельзя вытопить всю массу тюленьихъ тушъ, то 50,000 пудовъ ихъ обыкновенно солятся и складывается въ лари и колоды выхода. Техника доведена здѣсь до того, что хорошій рѣзальщикъ калмыкъ, отдѣляющій сало отъ кожи, успѣваетъ въ одинъ день очистить такимъ образомъ отъ 500 до 700 тюленей!

Тутъ же обробатываются и кожи тюленей; ихъ слегка солятъ и сушатъ. Изъ шкуръ мелкихъ бѣльковъ выдѣлываютъ мѣха. Изъ кожъ взрослыхъ—обивка на сундуки, ранцы и т. д. Жиръ отсылается на мыловаренные заводы въ Москву, Казань и другіе города.

Какъ я вздохнулъ свободно, когда намъ привелось оставить выходъ. Даже пекло астраханское показалось раемъ послѣ этого царства ворвани и смрадныхъ тюленьихъ шкуръ!

Какъ хороша была темная прохладная ночь, смѣнившая знойный день. Я ее почти всю провелъ на балконѣ. Ярко блистали крупныя, желтыя звѣзды, какими-то цвѣтами пахло, гдѣ-то пѣла рояль, и замирала скрипка... Въ черныхъ рамкахъ сада внизу мерещилось что-то бѣлое. Точно стройная женская фигура мелькала во тмѣ аллеи... Такъ и тянуло туда... А догорѣли послѣднія отзвучія мелодіи—стало такъ тихо, что шорохъ самаго вѣтра, дальній плескъ Волги въ низменные берега чутко схватывало ухо... И—еще ярче стали звѣзды, еще гуще былъ ароматъ незнакомыхъ цвѣтовъ...

КАЛМЫЦКІЙ БАЗАРЪ.

I.

Торжество отплытія.

— Завтра на калмыцкій базаръ.

— Что это такое?

— Становище калмыцкое, въ семи верстахъ выше Астрахани, на правомъ берегу Волги. Тамъ у нихъ храмъ, постоянныя жилья. Это собственно рынокъ для продажи ихняго скота русскимъ промышленникамъ. Здѣсь же они заключаютъ контракты на наемъ калмыковъ для разнаго рода работъ.

— Какъ контракты?

— Разумѣется, не нотаріальные. На словахъ больше... Условія, если хотите.

Оказалось, что деревушка съ храмомъ китайской архитектуры, видѣнная мною съ палубы парохода, именно и есть калмыцкій базаръ. Меня еще издали поражала тогда зеленая свѣжесть этого береговаго пятна среди песчаныхъ понизей волжскаго низовья. Убраться изъ Астрахани я радъ былъ хотя къ чорту въ лапы. У чорта въ аду—хоть и жара такая же, за то—этой бѣлой, разъѣдающей пыли нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, я выигрывалъ. Г. Орѣховъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ лодку съ своими гребцами и пообѣщалъ устроить тентъ. Условились ѣхать все люди веселые, простые. Дѣло шло на распашку.

Только что утромъ подъѣзжаю къ лодкѣ—смотрю грузятъ въ нее корзины съ виномъ и всякою снѣдью.

— Это зачѣмъ?

— Въ дальнее морское плаваніе, да безъ провизіи! Фрегатъ Медузу читали?

— Читалъ.

— Тото же. Неужели хотите испытать участь потерпѣвшихъ крушеніе?.. Вали больше.

Даже гребцы калмыки оживились. Оно и понятно. Къ своимъ ѣхали. Тѣмъ болѣе тамъ храмъ, въ храмѣ вѣрно для гостей служеніе устроятъ. Помолиться придется бѣдному номаду, лишенному въ Астрахани этого утѣшенія.

Скоро Астрахань спряталась за лѣсомъ мачтъ. Направо и налѣво понизи... Чуть-чуть мерещутся надъ ними кровли какихъ-то большихъ селъ... За низинами — воложки (рукава). Иной разъ проходитъ по нимъ судно—и мы за зеленою черточкой едва взгорбленнаго берега видимъ верхушку мачты непремѣнно съ какимъ-нибудь затѣйливымъ пѣтушкомъ и флагомъ, вытянувшимся по вѣтру назадъ... Дуетъ сегодня съ моря. Солоноватой влажностью обдаетъ, или такъ кажется намъ, потому что изъ царства пыли и песка выбрались.

— Господа, въ открытое море вышли.

— Ну?

— По этому случаю нужно выпить здравицу въ честь бога морей Нептуна.

Стали пить здравицы. Съ Нептуна перешли на другихъ олимпійцевъ, съ нихъ перескочили на Нина и Семирамиду. Выпили за ихъ здоровье, вспомнили Александра Македонскаго и ему честь сдѣлали. На Наполеонѣ было пошабашили.

— Господа! съ ужасомъ подымается одинъ.

— Чего?

— А Бисмарка-то и Мольтке забыли? Герои вѣдь тоже.

— Вотъ тебѣ и на!

Выпили за нѣмцевъ. Макъ-Магона не обидѣли — выпили.

Тьера почествовали и Гамбеттѣ — должное оказали. Кто-то предложилъ здравицу за Абдулъ-Керимъ-пашу, но оратора чуть самого «за дерзость такову» не выбросили за бортъ. Смиловались впрочемъ, ограничились тѣмъ, что заставили его три раза прокричать живіо Сербіи и всему славянству.

Историческія познанія на томъ и закончились.

II.

Какъ Москва распорядилась съ калмыками.—Пьявки калмыцкаго народа.

Нѣкогда на сѣверѣ китайской имперіи кочевали ойраты, занимая Чжунгарги или Зюнгарію. Ойраты, по словамъ г. Костенко, собственно было имя общаго союза, состоявшаго изъ племенъ монгольскихъ: чоросъ, хойтъ и хошотъ. Потомъ къ нимъ примкнули торгоуты, образовавъ дербенъ-ойратовъ (четырехсоюзіе). Образовавшійся такимъ образомъ народъ былъ очень воинственъ. Предводимые тайшами и нойонами, ойраты наводили ужасъ на Китай. Самый союзъ былъ проченъ до тѣхъ поръ, пока Тайша Хара-хула, желая еще крѣпче сплотить калмыковъ, не сталъ ковать ихъ въ одно цѣлое, по системѣ Іоанна Грознаго. Нѣкоторые улусы, не желая повиноваться этому калмыцкому тирану, снялись съ насиженныхъ мѣстъ и пошли, куда глаза глядятъ, стирая на пути все живое и оставляя за собою—пустыню. Такъ Хо-Урлюкъ съ торгоутовцами двинулся на сѣверъ лѣтъ двѣсти пятьдесятъ назадъ тому и разбросилъ свои кочевья по берегамъ Оби, Иртыша и Тобола. Еще ранѣе ойраты и даже самъ деспотическій Хара-хула, черезъ пословъ, просили русскихъ взять ихъ подъ свою руку и звали къ себѣ русскихъ купцовъ для торговли. Торгоутовцамъ не повезло на новыхъ мѣстахъ. Тайши монгольскіе тѣснили съ юга прежнихъ своихъ подданныхъ,

съ другой стороны на нихъ накидывались киргизы, кайсаки, назвавшіе ойратовъ калмакъ, калмы-клыкъ—отсталыми, отдѣлившимися. Ойратамъ, или элетамъ (недовольнымъ) пришлось искать другаго убѣжища. Степь между Ураломъ, Волгой и Дономъ была тогда безлюдной вполнѣ. Въ эту то зеленую пустыню и перекочевалъ Хо-Урлюкъ въ 1628 г. 50,000 кибитокъ разбросались сначала между Эмбой и Ураломъ, а почасть ихъ перевалила на привольное приволжье, а самъ начальникъ племени раскинулъ свою ставку у р. Ахтубы. Мы не могли положить предѣла такому захвату. Русь на Волгѣ, а тѣмъ болѣе на Уралѣ тогда была безсильна. Пришлось согласиться на такое переселеніе, въ надеждѣ, что калмыки защитятъ наши южныя границы отъ вторженія дикихъ ордъ изъ глубины Азіи. Но ойраты скоро показали, на что Россія можетъ разсчитывать. Они опрокинулись на наши пограничные поселки, опустошали села, раззоряли города, уводили въ плѣнъ всѣхъ, кто попался подъ руку. Привелось самимъ защищаться отъ такихъ союзниковъ, и противъ элетовъ было послано войско. Тайша Шукюръ-Дайчинъ, разбитый имъ, клялся грабежей болѣе не чинити, а сынъ его тайша Пунцукъ присягнулъ на вѣрное подданство Россіи, причемъ лизалъ свой ножъ и къ горлу прикладывалъ, призывая за нарушеніе присяги Божій на себя и на свое племя гнѣвъ и огненный мечъ. Лизаніе ножа впрочемъ не помогло, и послѣ новыхъ грабежей правительству пришлось требовать подтвержденія прежней присяги. До сихъ поръ калмыки сами свободно выбирали своихъ хановъ, или ихъ назначалъ далай-лама, но, ловко воспользовавшись распрями и несогласіями по этому предмету, Россія лишила калмыковъ выборнаго начала и сама силою оружія стала сажать имъ хановъ. Власти стараго покроя оставались вѣрны въ своей ненависти къ вѣчу, гдѣ бы оно ни являлось—въ Господинѣ Великомъ Новѣградѣ или кочевьяхъ убогихъ инородцевъ. Вездѣ они работали

ради централизаціи. Вездѣ Москва, слѣдуя примѣру Іоанна Калиты, какъ ловкій міроѣдъ, прибирала къ рукамъ, скопидомничала и хозяйски распоряжалась, не терпя иной власти и иного разума кромѣ своего. Тѣмъ не менѣе, приволья нетронутыхъ пустынь были такъ заманчивы, что не только ойраты не откочевывали обратно, но напротивъ къ нимъ изъ Чжунгарги переселилось еще 30,000 кибитокъ. До 1765 года жили они по прежнему на нашей землѣ, считаясь номинально русскими подданными и равнодушно терпя навязанныхъ имъ хановъ. Но Россія не могла остановиться на полъ-пути къ разъ поставленной себѣ государственной задачѣ. Она медленно, но вѣрно шла впередъ шагъ за шагомъ, прибирая въ свою калиту одно за другимъ права полудикихъ народовъ и племенъ, подчинившихся ея власти. Помимо стѣсненія калмыковъ въ ихъ прежнихъ обычаяхъ, стали водворять казачьи станицы на Волгѣ, увеличивать русское населеніе въ краѣ, заводить военныя линіи по Волгѣ, Уралу, Самарѣ и Тереку. А тутъ еще ловкіе люди подъ руками слухъ пустили, что хотятъ земли отнять у калмыковъ, а ихъ самихъ принудить къ осѣдлой жизни. Между ойратами явились претенденты на ханское достоинство. Завладѣть имъ въ Россіи невозможно. Стали подбивать кочевниковъ выбраться изъ нашихъ предѣловъ, чтобы на свободѣ забрать народную власть въ свои руки. Духовенство, т. е. гелюнги, помогало этимъ авантюристамъ, въ надеждѣ на великія и богатыя милости будущихъ хановъ, и скоро по всему степному простору пошло смятеніе, а одинъ изъ нойоновъ даже донесъ русскому правительству о томъ, что постепенно вездѣ готовится къ бѣгству вольнолюбивое племя калмыцкое. Власти какъ-то промахнулись и мѣръ не приняли, и въ 1771 г. луговые ойраты сняли кибитки и перекочевали за Уралъ къ китайскимъ предѣламъ. Этимъ воспользовались, киргизы и у несчастныхъ отбили скотъ. Въ Зюнгарію не пришло даже пятой части эми-

грантовъ. Четыре пятыхъ погибло въ дорогѣ отъ безкормицы и лишеній, убито врагами ойратовъ и другими хищниками степными, пало отъ истощенія, наконецъ порублено своими въ усобицахъ. Цѣлые роды—погибли. Калмыцкія пѣсни и сказанія говорятъ, что были долины, сравнявшіяся съ вершинами горъ отъ множества костей ихъ народа!.. Разумѣется, подъ этимъ преувеличеніемъ есть и частица истины. Женщины до мѣста почти вовсе не добрались, дѣти—тоже. Приплоду не было, и калмыки стали вымирать съ ужасающей быстротой. Въ Зюнгаріи обѣтованной земли не нашли странники. Пришлось пожалѣть о Хананеѣ. Чжунгарги, какъ оказалось, была уже захвачена китайцами, которые распредѣлили бѣглецовъ по разнымъ мѣстамъ Илійской области. Калмыки, пробовавшіе было перебраться куда-нибудь подальше, сжигались живьемъ, размалывались между жерновами и, въ случаѣ величайшей богдыханской милости, обезглавливались. Живыхъ пилили на нѣсколько частей, мертвыхъ выставляли на позорище. Варварства китайцевъ оказывались достойными современныхъ турокъ. Они вшивали живыхъ дѣтей въ нѣдра ихъ матерей и выпарывали оттуда еще не родившихся младенцевъ, кидая ихъ голоднымъ собакамъ. Калмыки подчинились и смирно сѣли въ отведенныхъ имъ кантонахъ. Въ Россіи осталось только 13,000 кибитокъ, которые не успѣли или не могли перекочевать черезъ не замерзавшее въ тотъ годъ низовье Волги. Разумѣется, тогдашніе администраторы воспользовались случаемъ сейчасъ же примѣнить къ дѣлу теоріи бараньихъ роговъ, ежовыхъ рукавицъ и другихъ прелестей, отъ которыхъ не было спасенія даже въ той сказочной странѣ, куда Макаръ не гонялъ своихъ телятъ. Ханы и намѣстники, какъ тѣнь прежней самостоятельности, автономіи, были уничтожены. Оставшіеся калмыки были раздѣлены между наличными нойонами. Дѣлежка производилась

такъ, что за одну голову баранью чиновники отдавали десять головъ калмыцкихъ, а за конскую башку и вся полсотня живаго товара шла. Вообще, «приведеніе въ порядокъ» производилось по всѣмъ правиламъ стараго административнаго искусства, причемъ урѣзаніе языка и ноздрей, батоги и прочія прелести были расточаемы съ истинно валтасаровскою щедростью. Нойоны явились вѣрнѣйшими исполнителями «попеченій» центральной власти и въ свою очередь стали такъ распоряжаться, что по улусамъ только стонъ пошелъ. Мнѣ передавали разсказъ, о томъ, как одинъ нойонъ, великій любитель прекраснаго пола, даже приказаніе отдалъ: невѣстъ наканунѣ брачной ночи приводить къ нему, вѣроятно, для отеческаго внушенія имъ обязанностей наступающаго супружества. Такимъ образомъ въ этихъ улусахъ было создалось даже никогда не существовавшее у вольнолюбивыхъ ойратовъ право сеньора, практиковавшееся какъ феодалами западной Европы, такъ и россійскими помѣщиками блаженной памяти. Не отказывались отъ этого же и россійскіе чиновники, приводившіе калмыковъ къ одному знаменателю. Они не брезгали узкоглазыми и скуластыми калмычками, преподносимыми имъ въ видѣ десерта нойонами. Бисмарки того времени совершенно вѣрно оцѣнивали сильный и красивый складъ калмыцкихъ красавицъ. Такимъ образомъ по соединеніи расъ появились въ степи калмыки средняго типа, впрочемъ рѣдко. Голодной канцелярской саранчѣ славно жилось въ улусахъ, когда случалось ей налетать на нихъ, но скверно приходилось калмыку, въ котораго кромѣ своихъ нойоновъ, словно піявки, впились еще закормленные и жирные гелюнги, пользовавшіеся, какъ духовенство, постояннымъ и безусловнымъ покровительствомъ власти.

— Піявка насосется и отпадетъ, а гелюнгъ никогда! го-

ворятъ здѣсь русскіе, ознакомившіеся съ нравами и обычаями сихъ пастырей и врачевателей калмыцкихъ душъ и тѣлесъ.

Разъ (очень давно) случилось (а можетъ быть, и часто бывало, да невѣдомо намъ осталось), что одинъ нойонъ, не имѣя чѣмъ удовлетворить требованія какого-то важнаго лица, продалъ киргизамъ нѣсколькихъ калмыковъ своего улуса. Несчастные были угнаны въ среднеазіятскія степи въ рабство, а чиновникъ получилъ желаемую сумму сполна. «Деньги не пахнутъ», вѣроятно, оправдывался онъ по примѣру римскаго императора.

III.

Калмыки теперь.

Смѣлые и вольнолюбивые калмыки обратились въ жалкихъ паріевъ, обобранныхъ нойонами, ограбленныхъ гелюнгами и раздавленныхъ, на сколько это возможно, русскими властями. Типъ калмыка теперь—это общій типъ приниженнаго раба. Говоря съ вами, онъ робко опускаетъ глаза, ежится какъ-то, словно старается и ростомъ стать ниже васъ. Онъ какъ бы постоянно чувствуетъ себя виноватымъ, воплощая въ себѣ такимъ образомъ излюбленный щедринскими администраторами типъ благонамѣреннаго гражданина. Отвѣчаетъ онъ вамъ короткими «да» и «нѣтъ», въ болѣе подробныя разскazни не пустится ни за что. На всякаго русскаго смотритъ какъ на власть и какой-нибудь плутоватый мѣщанинишко покрикиваетъ на него, точно на своего подневольнаго холопа. Понятно, что такія отношенія создали и экономическое рабство. Калмыковъ не обираютъ только лѣнивые. Его душатъ сверху, оглушаютъ справа и слѣва, разставляютъ капканы снизу, спереди ему рожонъ ставятъ, а иззади затрещинами кормятъ.

Какъ онъ еще цѣлъ при всемъ этомъ, одинъ Господь всемогущій вѣдаетъ. Ихъ стародавнее начальство... Но объ астраханскихъ начальствахъ я вообще молчу. Дѣло въ томъ, что власти этой полувосточной губерніи стяжали великую славу на судахъ, преслѣдуя всѣхъ, кто имѣетъ дерзость имѣть о нихъ свое убѣжденіе. Скажу только, что теперь калмыкъ можетъ быть синонимомъ человѣка голоднаго, забитаго, растеряннаго до того, что къ самой землѣ онъ чувствуетъ великую признательность за то, что она одна не разверзается и не поглощаетъ его, несчастнаго раба и нищаго. Ни стадъ у него не осталось, ни богачества прежняго. Счастливъ еще тотъ кто въ батраки къ астраханскимъ хозяевамъ попадетъ, хоть сытъ будетъ, а остальные сидятъ въ своихъ кибиткахъ да уныло другъ на друга посматриваютъ... Голодно! зарѣзали бы барановъ — но у нихъ только шерсть и кожа остались... Скверно, жутко...

— Чего ты все боишься, допрашивался я потомъ на Бирючьей косѣ у одного калмыка поразвитѣе.

— Какъ намъ не бояться, нельзя... Вездѣ начальство сидитъ... Куда не оглянешься, глянь—сторожатъ тебя...

Такимъ образомъ несчастные и пребываютъ въ состояніи злополучнаго зайца, со всѣхъ сторонъ окруженнаго обозленными псами. Звѣри заливаются, чуть не обрывая своры, руки опытныхъ охотниковъ едва удерживаютъ остервенѣлыя стаи, а несчастный заяцъ, прикурнувъ за кочкой, замеръ и каждую минуту умираетъ отъ ужаса. И это называютъ жизнью! Недостаетъ только, чтобы какой нибудь романтикъ старой школы пришолъ въ восхищеніе отъ привольной жизни этихъ счастливыхъ номадовъ и посвятилъ имъ цѣлый романъ во вкусѣ Густава Эмара!... А между тѣмъ калмыки племя преспособное, умное. Калмыцкіе мальчики далеко не послѣдними выходятъ изъ мѣстныхъ школъ.

Каждая группа близкихъ родственниковъ составляетъ хотонъ. Это у калмыковъ—административная ячейка. Болѣе близкіе хотоны образуютъ аймакъ, нѣсколько аймаковъ сливаются въ анги—роды, а эти въ свою очередь группируются въ улусы, которыхъ считается семь: хошоутовскій, яндыховскій, харахусо-эрденіевскій, малодербетевскій, икицохуровскій, багацокуровскій, эркетеневскій. Внѣ предѣловъ Астраханской губерніи, по выраженію одного изъ прежнихъ администраторовъ, «водятся» еще калмыки: больше-дербетовскіе, бозовые, или казаки, и моздокскіе. Управляются калмыки попечителями, на выборъ которыхъ только въ послѣднее время обращено болѣе строгое вниманіе. Прежде же должность эта считалась родомъ ссылки для ненадежныхъ чиновниковъ.

У калмыковъ есть свое дворянство — нойоны. Теперь они пользуются только сборомъ албана, т. е. по 7 р. 14 к. съ каждой кибитки въ свою пользу. Этотъ громадный для кочевника и во всякомъ случаѣ несправедливый налогъ давно бы слѣдовало отмѣнить. Теперь и всѣхъ-то нойоновъ оказывается 41, считая въ томъ числѣ и женщинъ, а всѣхъ кибитокъ 17,560, которыя имъ выплачиваютъ болѣе 150,000 руб. — гдѣ же тутъ логика? И за какія такія добродѣтели въ пользу этихъ нойоновъ сохранилась подать, въ сущности являющаяся оброчнымъ видомъ крѣпостной зависимости. Нойоны — дворяне. Одинъ изъ нихъ нѣкій Дондуковъ по принятіи крещенія получилъ даже княжескій титулъ и могилевскихъ крестьянъ, вмѣсто своихъ калмыковъ. За нойонами слѣдуютъ зайсанги аймачные и безъаймачные. Первые, по словамъ г. Костенко, управляютъ наслѣдственными аймаками, по праву первородства, и пользуются правами потомственныхъ почетныхъ гражданъ, вторые, не управляющіе аймаками—личные граждане. За зайсангами идетъ обнищавшее крестьянство калмыцкое, то самое, въ которое впились всѣ остальныя сословія и главнымъ образомъ духовенство: бахши,

гелюнги, манжики—представители ламаитскаго культа секты желто-шапошниковъ, основанной въ концѣ XIV столѣтія въ Тибетѣ. Въ настоящее время подъ кочевья калмыцкія оставлено громадное пространство степей въ 7.732,451 десятину, изъ коихъ десятая часть на луговой сторонѣ Волги, т. е. на лѣвомъ ея берагу, а $^9/_{10}$ на нагорной. Изъ этого пространства исключаются соленыя озера, лѣса и рыбныя ловли. Все остальное въ общемъ пользованіи калмыковъ. Соляныя озера и другія поименованныя угодья находятся въ частномъ пользованіи.

IV.

Калмыцкая земля.

— Много у васъ земли!

— Чтожь съ того. Да дѣваться некуда. Лугъ есть—а стада нѣтъ. Самъ травой кормиться не станешь. Вотъ, на что лучше земля, какъ эргени (высокая степь), а что толку. Народъ все бѣденъ, ничего у него нѣтъ. Какъ еще живемъ, не поколѣли—тому дивиться надо.

— Куда же скотъ дѣвался?

— Который нойонъ взялъ, который чиновникъ съѣлъ — давно это было, теперь скотомъ не берутъ! А который скотъ просто отъ язвы упалъ. Да и земля у насъ какая. Это лѣто хорошее, трава — что лѣсъ, а на другое засуха — ни одной былинки.

— Это вѣрно, пояснилъ русскій, онъ хорошій калмыкъ, обстоятельный, ловкій, не лопоухъ, а что птичка—на всякое дѣло ловокъ; а и у него двухъ барановъ не насчитаешь. На работу—гораздъ, а въ кибиткѣ все пусто...

Эргени, о которыхъ говорилъ калмыкъ, представляются спусками съ террасъ донской равнины въ низменную калмыцкую степень. Они тянутся болѣе чѣмъ на 300 верстъ отъ

праваго берега Волги, близъ колоніи Серепта, до Манычской долины. Это лучшая часть калмыцкихъ владѣній. Всѣ эргени состоятъ изъ небольшихъ возвышеній главнаго хребта, разбрасывающаго къ востоку и западу отроги, между которыми глубоко залегаютъ балки и овраги, богатые родниковыми водами. Воды эти наполняютъ котловины, образуя озера Сарпинскія и другія на востокъ отъ главнаго хребта, а на западъ онѣ въ видѣ притоковъ вливаются въ Донъ (Донская царица, Аксай, Салъ и проч.). Большинство рѣчекъ только весною стоятъ этого имени. Онѣ постоянно измѣняютъ свое теченіе и лѣтомъ являются только озерками или болотистыми просочинами съ горькосоленой водой.

— Тутъ и наши калмыки хлѣбъ сѣютъ.

— Малость только самую.

— Не свычное дѣло — потому. И то больше работаютъ, если ихъ русскіе наймутъ, тогда хорошо обходятся съ землей. Честно, рукъ не жалѣютъ. Ну а для себя плохо. Сѣютъ рожь, пшеницу — яровую.

— Что ужь и за степь! Озимую пшеницу побьетъ морозомъ въ зиму. У насъ всѣ зимы—снѣгу нѣтъ или мало его... Грѣчиха выгораетъ, ну а на ленъ и конопель угодій настоящихъ нѣтъ. Тоже и табакъ калмыки въ эргеняхъ сѣютъ, въ Сарепту посылаютъ, ну и сами пользуются.

— Главный промыселъ ихъ—горчица. На одинъ пудъ посѣва полтораста пудовъ горчицы урожаю. Калмыки ее продаютъ въ Сарепту.

— Значить, эти калмыки совершенно осѣдлы?

— Безусловно. Въ балкахъ ленъ, коноплю разводятъ,болѣе всего горчицы. Калмыки мастера воздѣлывать землю. Но горчица ихъ особенно цѣнится по своимъ достоинствамъ.

— Да вѣдь все же вѣрно мало высѣваютъ ее?

— Однако! тысячъ шестьдесятъ пудовъ снимаютъ ежегодно

Разсказываютъ, что калмыки на эргеняхъ владѣютъ каменоломнями. Потомъ уже я узналъ, что эти богатыя угодья они отдаютъ въ аренду русскимъ, а сами нанимаются къ къ нимъ въ работники! Хороша логика...

V.

Степь.—Степной пожаръ.—Мочаги.—Шурганы.

Эргени—лучшая часть калмыцкихъ земель. Уже нѣсколько похуже степи, тянущіяся отъ Эргеней и праваго берега рѣки Волги до Мочаговъ, какъ называется сѣверозападное каспійское поморье. Пространство это занимаетъ ни болѣе ни менѣе какъ 5,000,000 десятинъ! Но увлекаться громадностію цифру тутъ нечего. Когда-то эта низменность составляла дно моря. По изслѣдованіямъ Барбота де Морни, обсохла она въ весьма поздній геологическій періодъ, отчего здѣсь преобладаютъ солончаки. Соляныя озера и грязныя соляныя болота встрѣчаются на каждой верстѣ. По сообщенію г. Костенко, калмыцкая степь эта покрыта исключительно полынью. Только на рѣдкихъ возвышенностяхъ растительность становится нѣсколько лучше. Въ низинахъ же, насыщенныхъ солью, и полыни мало. Засухи такъ часты, зной такъ силенъ, что остатки старыхъ растеній, вмѣсто того, чтобы перегнивать, сжигаются солнцемъ, высыхаютъ, разсыпаются тонкою пылью, которую вѣтеръ разноситъ во всѣ стороны, такъ что слой собственно «растительной земли» тутъ очень тонокъ.

Красно-желтыя степи... Нѣтъ имъ конца и краю... Тянутся онѣ передъ вами и за вами... Кое-гдѣ пучки полыни серебрятся, склоняясь по вѣтру, да сухія былинки стелются, ни мало не разнообразя мрачное уныніе этого южнаго пейзажа. Въ безоблачныхъ небесахъ черными точками повисли орлы...

Буровато-сѣрою тучей клубится глинистый песокъ тамъ, гдѣ вѣтеръ свѣваетъ гребни разсыпчатыхъ бугровъ... Ближе и ближе эта туча... Скоро и солнца не видать подъ нею... Она слѣпитъ вамъ глаза, забивается въ уши, въ глаза лезетъ. Ни дышать — ни рта раскрыть нельзя. Стремглавъ несетесь все впередъ, не зная куда дѣваться... А выберетесь на чистый просторъ, и опять знойное небо вверху и та же красно-желтая степь внизу... Безъ конца, безъ краю!

На озеро наткнетесь — другая бѣда. Ни освѣжиться купаньемъ, ни напиться нельзя. Соль! Да кромѣ того камышъ и чаканъ такой щетиной стали по берегу, что пожалуй и до воды не добраться. Только кабану и водъ въ этой чащѣ. Тѣмъ не менѣе и этимъ дорожатъ убогіе калмыки. По близости раскидываютъ они ставки. Въ нѣкоторыхъ прѣсныхъ озерахъ ловится щука, окунь, линь, карась и красноперка. И рады бы вылавливать рыбу, да нельзя! Всѣ такіе природные садки отдаются въ оброчное содержаніе, при чемъ аренда назначается въ общій калмыцкій капиталъ. Такъ по крайней мѣрѣ было еще недавно. А какое употребленіе изъ этого капитала тогда дѣлалось—кому это извѣстно? Во всякомъ случаѣ—не калмыкамъ. По степи разбросаны худуки—искуственно вырытыя ямы, въ которыхъ скопляется почвенная вода. Часто это густая масса, стоялая, вонючая, но инородцы и тѣмъ счастливы. Благо хоть и это есть!.. Худуки—группами. Группа отъ группы обыкновенно на 15—20 верстъ и только въ южной части степи на 70 верстъ. Осенью еще хуже. До худука кочевникъ и не доходитъ.—За чѣмъ? Въ лужахъ довольно дождевой воды, хотя въ ней гораздо больше всякихъ органическихъ остатковъ, чѣмъ влаги.

Тамъ, гдѣ по больше растительности, но все же сухой—часто случаются страшные степные пожары. Отъ малѣйшей искры сухая зелень вспыхиваетъ какъ порохъ. Сильный вѣтеръ жарко

раздуваетъ пламя... Издали пожаръ кажется звѣздою, разгорающейся все ярче и ярче. Вотъ звѣзда обратилась въ полоску огнистую... Все шире и шире расползается она на горизонтѣ... Вихорь разбрасываетъ пламя по сторонамъ. Линія пожара ростетъ на глазахъ. Огонь уже бурнымъ потокомъ бѣжитъ по степи, отбрасывая назадъ, словно косматое знамя черную тучу смраднаго дыма. Глинистый бугоръ на дорогѣ—не остановить ему потока. Пламя обвило его змѣей — и спустя минуту уже далеко оставило за собою жалкое препятствіе... Балка тянется—вѣтеръ перебросить огнистые языки через балку, и пожаръ съ несокрушимой силой, ярко, остервенѣло несется все дальше и дальше.

Все живое гибнетъ. Птица ли въ дымъ попадетъ — и задохнувшись падаетъ въ огонь. Жалкія деревья на пути—еще пожаръ далеко, а пламенное дыханіе его уже пепелитъ листву... Съ громкимъ жалобнымъ трескомъ щелится кора,—а набѣжитъ огонь—отъ дерева только одинъ пень обугленный остается посреди такой же чорной обугленной степи. Случись это ночью—все небо горитъ заревомъ. Точно вы перенесены на дальный сѣверъ, точно вверху, въ недосягаемыхъ высяхъ, разъигрался надъ вами сполохъ, каждый мигъ передвигая свои огневыя пятна, все дальше и дальше разбрасывая свои лучистые снопы, все мрачнѣе и грознѣе охватывая небо своими пламенными объятіями...

Мочаги—это языки песка, вдавшіеся въ Каспійское море. Все это побережье—въ ильменяхъ и лиманахъ. Здѣсь селятся бѣднѣйшіе инородцы, промышляющіе морскимъ рыболовствомъ. Отъ того и произошло названіе мочаговъ, т. е. постной земли (моцакъ по калмыцки—постъ). Здѣсь при сѣверныхъ вѣтрахъ (верховыхъ, выгонныхъ) вода дѣлается соленой, потому что насыщается солью съ бугровъ, а при южныхъ вѣтрахъ (нагонныхъ), морянахъ, приливъ морской воды, удерживая волж-

скую на извѣстномъ уровнѣ, наполняетъ всѣ заливы прѣсною водою. Ильмени, поросшіе камышомъ, называются чернями. Здѣсь калмыки спасаются отъ зимнихъ вьюгъ и мятелей, ужасныхъ въ полномъ смыслѣ слова посреди открытой степи. Степныя бури съ мятелью въ это время года называются шурганами. Вотъ что говоритъ о нихъ очевидецъ: бывали случаи, когда скотоводъ, насчитывавшій у себя въ стадахъ десятки тысячъ головъ, становился на другой день послѣ налетѣвшаго шургана — совершенно нищимъ — паріей. Шурганы до того стремительны, что крупный рогатый скотъ и лошади не могутъ устоять противъ его напора, гонятся имъ до изнеможенія и наконецъ погибаютъ цѣлыми табунами.

Мнѣ показывали въ Енотаевскѣ калмыка, еще недавно бывшаго богачемъ. Теперь—онъ живетъ милостыней, потерявъ въ одну ночь около двухъ тысячъ головъ скота. Все уничтожилъ нежданно налетѣвшій шурганъ, въ которомъ между прочимъ погибли жена и трое дѣтей несчастнаго.

VI.

Мы — въ роли сановниковъ.

На правомъ берегу Волги наконецъ показалась кучка деревянныхъ домовъ съ храмомъ китайской архитектуры.

— Пріѣхали!..

— Господа, а что это за депутація?

— Гдѣ...

— Да вонъ. На понизьѣ зеленаго берега вытянулись въ шеренгу нѣсколько калмыковъ въ пестрыхъ и яркихъ халатахъ. Впереди, какъ взводный офицеръ—какой-то чиновникъ съ шашкой, но безъ эполетъ. Зеленый воротникъ, золотые пуговицы. Около—приземистый, оливковый калмычекъ въ вицмундирѣ... Еще далѣе группа астраханскихъ казаковъ.

— Это не для насъ ли?

— Нѣтъ... Еслибы насъ встрѣчали,—крестный ходъ бы вышелъ.

— И верблюды явились бы, чтобы, какъ тріумфаторовъ, доставить на калмыцкій базаръ.

— Полноте, господа, зубоскалить. Вѣрно, мѣстная администрація распорядилась показать товаръ лицомъ, зная, что становье калмыцкое посѣтятъ «знатные иностранцы».

— Это кто же знатные-то иностранцы?

— А хоша бы и мы.

— Ладно. Хвостъ коротокъ.

— Да ноготокъ востеръ.

— Нашелъ!... Заоралъ одинъ изъ насъ.

— Что вы, что вы?

— Разгадку нашелъ.

— Какую?

— Видите ли, сегодня калмыцкій базаръ хотѣлъ посѣтить директоръ здѣшняго банка и еще нѣсколько чиновниковъ. Ну такъ вся эта помпа для нихъ.

— Такъ вотъ что, господа. Сдѣлаемтесь самозванцами. Выйдемъ на берегъ внушительно. Грудь колесомъ, во взорѣ эдакую благосклонность изобразимъ. Свысока! И прямо на нихъ. А теперъ—цыцъ, не смѣяться.

— Идетъ. Значитъ, пѣтухами индѣйскими?

— Вотъ, вотъ—въ самый разъ.

При приближеніи нашей лодки депутація зашевелилась. Чиновникъ съ шашкой забѣгалъ по рядамъ, толкнулъ какого-то калмыка въ грудь, чтобъ изъ шеренги не выходилъ, а самъ съ чиновникомъ оливковаго цвѣта почтительно сталъ приближаться къ берегу.

Причалили.

У начальства руки подъ козырекъ. Вытянулись ихъ бла-

городія, точно пополамъ разорваться хотятъ, даже калмыченокъ въ мундирѣ животъ втянулъ въ себя...

Мы выходимъ по программѣ. Грудь колесомъ, во взорахъ начальственная строгость, но и снисхожденіе въ то же время. «Подойди, дескать—мы не кусаемся».

— Почли обязанностію встрѣтить и показать... и т. д. стала отчеканивать шашка.

Выслушали и поблагодарили.

— Съ ранняго утра, не жалѣя силъ ждали...

Поощрили и это усердіе.

— Мы васъ не забудемъ. Какъ въ Петербургъ пріѣдемъ, непремѣнно скажемъ кому надлежитъ, что есть-де въ калмыцкомъ базарѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Недоумѣніе.

Власть пріостанавливается. Видимо понять не можетъ, что это за сановники такіе смѣхотворные. Глядятъ намъ въ глаза, мы тоже смотримъ въ упоръ. Пауза.

— Это не мы! наконецъ разрѣшаетъ кто-то недоумѣніе..

— Какъ не вы? конфузится администрація.

— Это вы не насъ встрѣтить должны.

— Вотъ тебѣ и на .. А кого же... Да вы-то кто?

— Мы просто путешественники... Это вотъ писатель...

— Аа!.. Такъ бы и сказали.

Въ голосѣ разочарованіе. Чтобъ поддержать авторитетъ власти, чиновники поворачиваются къ намъ спиной и остаются въ такомъ положеніи.

— Тоже еще! слышится намъ негодующій голосъ.

— Послушайте, не подавайте виду, что мы ихъ мистифируетъ, шепчетъ мнѣ на ухо спутникъ. Ваше превосходительство! обращается онъ ко мнѣ вслухъ.

Перемѣна фронта разомъ. Оба чиновника обращаются лицомъ ко мнѣ, корпусъ у каждаго наклоняется впередъ, точно

они по единому мановенію моему готовятся куда-то устремиться.

— Ваше превосходительство, господинъ коллежскій регистраторъ! оканчиваетъ спутникъ.

Перемѣна фронта опять, но уже обратно. У Зевса, снабженнаго шашкой, слышно какое-то клокотаніе въ горлѣ; еще моментъ—и раздадутся рыканія львиныя.

Шеренга калмыковъ (съ утра-то!) стоитъ неподвижно и, кажется—не дышетъ.

— Вотъ ѣдутъ высокіе сановники! указываемъ на лодку, приближающуюся къ берегу.

Гребцы въ красныхъ рубахахъ. Подъ тентомъ нѣсколько полновѣсныхъ особъ съ раскраснѣвшимися лицами. Видимо выпито было довольно.

— А вы ихъ знаете? уже небрежно, какъ-то съ боку относится къ намъ власть.

— Знаемъ.

— Строги?

— Ужасъ. Одинъ и говорить не можетъ: все мычитъ, а другой только два слова и знаетъ—подъ судъ!

— Вы все шутите!

Лица, для которыхъ устроена была вся эта торжественная встрѣча, дѣйствительно оказались знакомыя.

Только что было власть разлетѣлась къ нимъ съ рапортомъ, только что тѣ, не замѣчая насъ, напустили на себя нѣкоторую сановитость, изъ нашей толпы послышался громкій хохотъ. Пріѣхавшіе потеряли разомъ весь свой апломбъ и даже сконфузились. Еще бы, когда главнаго изъ нихъ, нашъ спутникъ, въ качествѣ пріятеля, фамиліарно хлопнулъ по брюху, въ родѣ того, какъ г. Жюто хлопаетъ г. Ру на сценѣ театра Буффъ. Предержащая власть, съ утра готовившаяся къ пріему высокихъ гостей, совсѣмъ съ толку сбилась. Встрѣча разомъ потеряла всю свою торжественность, и видимо самъ чиновникъ

сообразить, какъ онъ глупъ съ шеренгой представителей калмыцкаго населенія, съ этимъ жалкимъ оливковымъ калмыченкомъ въ мундирѣ, съ этими казаками, жарившимися неизвѣстно для чего на солнцѣ...

Впрочемъ скоро администрація помирилась съ неизбѣжностью и вошла въ общую колею. Чиновникъ оказался славнымъ малымъ, а калмыченокъ въ мундирѣ, помыкаемый имъ, отрекомендованъ намъ былъ какъ оффиціальный переводчикъ. Но этотъ повидимому съ самаго утра до того былъ напуганъ ожиданіемъ, что на всѣ вопросы наши только открывалъ ротъ, какъ рыба, выброшенная на берегъ, и съеживался весь, словно врости въ землю хотѣлъ.

— Спросите у него, гдѣ они покупаютъ матерію на эти халаты? указываемъ мы на представителей калмыцкаго населенія, облеченныхъ въ яркіе шолковые кафтаны съ какими-то китайскими рисунками на нихъ.

Переводчикъ опять точно что-то собирается сказать — открываетъ ротъ, но, по маломъ размышленіи, закрываетъ его опять и только поглубже старается врости въ землю.

Видимъ, пугается человѣкъ — оставили его въ покоѣ. И какъ онъ не красивъ былъ въ этомъ мундирѣ. Надѣнь на него халатъ — калмыкъ, какъ слѣдуетъ, а теперь — котъ въ сапогахъ!

VII.

Въ калмыцкомъ храмѣ. — Богослуженіе гелюнговъ.

— Неугодно-ли посмотрѣть ихнее богослуженіе?

— А что?

— Да у меня ужь готово.

И все это на показъ. Видно и гелюнги калмыцкіе съ утра сидѣли, ожидая насъ. Хорошо духовенство: точно собачью комедію показываетъ его этотъ становой!

Калмыцкій базаръ — какое-то мѣсиво изъ кибитокъ и и деревянныхъ домовъ. Зажиточные калмыки и ихъ монахи живутъ въ домахъ зимою, а въ кибиткахъ лѣтомъ, остальное населеніе вовсе не выходитъ изъ кибитокъ. По описанію калмыцкаго базара нельзя вообще заключать объ общемъ положеніи этихъ кочевниковъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, намъ показали базаръ съ хазоваго конца; а во-вторыхъ, въ этомъ пунктѣ сосредоточены бодогчеи и купцы калмыцкіе. Вообще ни одному туристу не совѣтую я пользоваться въ какихъ бы то ни было случаяхъ оффиціальными аттестаціями и рекомендаціями. Безъ нихъ къ нему отнесутся невнимательно, но за то онъ увидитъ все, что ему нужно, народъ явится передъ нимъ не въ видѣ балетныхъ пейзанъ, не въ видѣ калмыковъ въ шолковыхъ халатахъ, а во всей своей простотѣ неприглядной, среди обычной обстановки труда и промысла. Тотчасъ же послѣ васъ съ нихъ снимутъ эти торжественные халаты, спрячутъ ихъ до слѣдующаго чрезвычайнаго случая, и самая-то главная—будничная обстановка ускользнетъ отъ туриста. Вѣдь если судить о калмыкахъ по калмыцкому базару—то счастливѣе, богаче и народа нѣтъ на свѣтѣ. Вездѣ шолкъ, бархатъ, лисьи мѣха, вездѣ золото, серебро — подумаешь, въ царство Гаруна-аль-Рашида попалъ. Гдѣ же тутъ безкормица, голодъ, нужда лютая?...

— Вотъ и капище ихнее.

Входимъ; внутри прежде всего пестрота и яркость поражаютъ насъ. На высокихъ древкахъ развѣшаны писанные на шелку тибетскіе образа со всевозможными уродами, у алтаря оригинальные и вычурные сосуды, въ которыхъ курятся какіе-то странные, непривычные ароматы. Въ другихъ серебряныхъ

чашечкахъ—желтыя ароматическія жидкости и аршанъ видимо въ качествѣ жертвы принесены бурханамъ.

Посерединѣ въ два ряда лицомъ другъ къ другу сидятъ на корточкахъ жрецы—гелюнги. Трое съ одной стороны, пятеро съ другой. На всѣхъ красные или желтые, шелковые халаты. На одномъ, сверхъ того, плащъ изъ полосатой шелковой матеріи; на головѣ главнаго жреца картонный кокошникъ родъ митры, съ изображеніемъ тѣхъ же многоногихъ паукообразныхъ бурхановъ. Голубой плащъ копромъ торчитъ на плечахъ, подъ нимъ желтая рубаха, а изъ подъ нея видна розовая юпка... У каждаго въ рукахъ или на коврѣ передъ нимъ какой-либо музыкальный инструментъ. Передъ митроносцемъ серебряные колокольчики, хонко и труба изъ человѣческой кости, обдѣланная въ серебро и перевязанная человѣческими же волосами, у остальныхъ съ той же стороны барабаны—кенгарги. У перваго съ другой стороны литавры — цангъ, у слѣдующаго небольшой съ широкимъ раструбомъ рожокъ—бишкиръ, у третьяго тотъ же кенгарги, у четвертаго и пятаго—бюра, длинныя громадныя колѣнчатыя трубы, аршина въ три, изъ мѣди. Сверхъ того въ храмѣ были дунгъ—большія морскія раковины, оправленныя въ серебро, серебряные и мѣдные бубны. Я еще забылъ сказать, что у главнаго ламы подъ кокошникомъ былъ громадный парикъ изъ конскихъ волосъ, на который пошло, я полагаю, не менѣе дюжины лошадиныхъ хвостовъ.

Передъ алтаремъ съ бурханами, между которыми выдѣлялся Будда - Шакъямуни, вылитый изъ какого-то желтаго метала, близкаго къ золоту, горѣли многочисленныя пахучія тибетскія свѣчи; легкій вѣтерокъ врывался въ открытыя окна храма и слегка шевелилъ иконы съ изображеніями Дарке, матери Шакъямуни, и другіе шелковые образа, доставленные сюда изъ Урги, откуда также доставляются и священныя книги калмыковъ, находившіяся въ углу на этажеркѣ. У самаго

храма снаружи и внутри его постоянно вертѣлись молитвенные барабаны. На нихъ изображены молитвы, внутри тоже барабанъ набитъ ими. Барабанъ—на оси, которая приводится въ движеніе ремешкомъ; другой конецъ ремешка—въ рукахъ у гелюнга. Къ нѣкоторымъ барабанамъ придѣлано съ верху нѣчто въ родѣ крыльевъ у мельницы. Вертится барабанъ—вращаются и крылья, а на каждомъ крылѣ опять молитва написана. Такимъ образомъ въ теченіе часу на обоихъ барабанахъ повернется безчисленное количество молитвъ, что равно ихъ прочтенію передъ бурханами.

— А ихнія книги можно посмотрѣть?

— Прикажите имъ.

— Да вѣдь приказывать нельзя, нужно попросить.

— Вотъ еще церемониться!

Тибетскія книги—длинныя полосы лакированной бумаги, написанной разноцвѣтными красками съ священными изображеніями бурхановъ. Онѣ связаны въ отдѣльные пучки, и каждый пучекъ завернутъ въ нѣсколько шелковыхъ матерій, непремѣнно разныхъ колеровъ.

— Что же, начинать служеніе?

— Да вѣдь это какъ имъ будетъ угодно.

— Да вы не женируйтесь. Чего тутъ. Они отлично знаютъ, что получатъ за это деньги, и очень рады въ свою очередь угодить вамъ.

Не думаю, чтобы рады были! По крайней мѣрѣ они смотрѣли на насъ съ такимъ нѣсколько даже смѣшнымъ страхомъ, что вчужѣ становилось неловко. Нужно отдать справедливость моимъ спутникамъ. Они едвали и въ христіанскомъ храмѣ могли бы вести себя приличнѣе. Весьма понятное любопытство высказывалось въ неоскорбительной формѣ, безъ назойливости, такъ что гелюнги мало по малу освоились съ нами, и главный лама даже произнесъ нѣсколько словъ. Перевод-

чикъ опять широко разинулъ ротъ и повернулся къ намъ лицомъ—но повидимому, мнѣ не суждено было слышать его краснорѣчія. До чего глупы лица у этихъ раскормленныхъ жрецовъ. Словно кастраты, жирные, гладкіе, безбородые, безъусые. Точно—въ Моршанскъ попалъ.

Особенно главный лама; тотъ все щурился да хмурился и почесывалъ то мѣсто, откуда ноги ростутъ.

Я только что выбрался было на улицу—осмотрѣть храмъ съ наружи, какъ оттуда послышался оглушительный ревъ трубъ. Съ чѣмъ сравнить его? Представьте себѣ, еслибы тысяча быковъ заорала разомъ—въ одинъ голосъ, эффектъ былъ бы едва ли поразительнѣй!

Пришлось скорѣе вернуться. Трубы смолкли.

Послышался меланхолическій напѣвъ. Всѣ жрецы печально, но согласно мурлыкали себѣ подъ носъ, то слегка возвышая, то понижая голосъ. Пѣніе это не лишено нѣкоторой, совершенно оригинальной пріятности. Бакши далъ сигналъ литаврами и первый съ ряду человѣкъ давай позванивать серебряными колокольцами. Тихо разгорался напѣвъ, не становясь громкимъ, въ тактъ жрецы похлопывали въ кенгарги, въ горлѣ у одного пѣвца точно ручей переливался съ камешка на камешекъ и булькалъ. Въ опредѣленные моменты строфа отъ строфы стройно отдѣлялась звономъ литавръ. Съ унылымъ напѣвомъ сливается жужжанье быстро вращаемыхъ молитвенныхъ барабановъ... Но вотъ къ хору присоединился рожокъ... Все рѣзче и рѣзче трубитъ онъ, какой то гелюнгъ заоралъ въ раковину, оправленную серебромъ Голоса пѣвцовъ сообразно этому росли и росли. Рожки и раковины не умолкаютъ, напротивъ лица музыкантовъ дѣлаются краснѣе и краснѣе, видимо напрягаютъ грудь до изнеможенія, наконецъ въ хоръ врывается ревъ тысячи быковъ, т. е. оглушительное оранье громадныхъ мѣдныхъ трубъ... Только что всѣ готовятся уйти

отъ этого страшнаго рева, какъ вдругъ гаснутъ трубы, за ними умолкаютъ рожки и раковины, тише и тише становятся литавры, и опять тихій меланхолическій напѣвъ, опять нервное, порывистое тюлюканье серебряныхъ колокольчиковъ и словно принижающійся звонъ литавръ. Наконецъ и литавръ не слышно, и колокольчики меркнутъ, и только жужжаніе барабановъ да унылый сонный напѣвъ гелюнговъ сквозь окно храма разносится въ зеленую степь...

Удивительное впечатлѣніе это богослуженіе должно производить на инородцевъ въ пустыняхъ и степяхъ Азіи... Тихимъ вечеромъ, когда синія сумерки окутываютъ окрестности, изъ одинокаго хурула на громадное разстояніе разносятся эти печальные, дикіе напѣвы. Чутко внимаетъ имъ номадъ и, складывая у лба ладонь къ ладони, творитъ земной поклонъ, слегка дотрогиваясь головою до своихъ бурхановъ. А сумерки все гуще и гуще... Уже ночь на востокѣ, уже яркія крупныя звѣзды высыпали на небо и теплятся въ его лазуревомъ просторѣ, и все тише и печальнѣе разносится напѣвъ гелюнговъ, пока вмѣстѣ съ послѣднимъ отсвѣтомъ давно отгорѣвшей на западѣ зари не замретъ онъ, какъ замираетъ тихій звонъ струны.

Именно при такой обстановкѣ хотѣлось мнѣ слышать это богослуженіе. Только спустя недѣлю, когда съ Бирючьей косы каспійскаго поморья я попалъ въ калмыцкій монастырь—желаніе мое исполнилось.

VIII.

Калмыцкая примадонна.—Пиръ у ламы.—Импровизація и пляска.—Эмчи—знахари.—Калмыцкая бѣднота.

Богослуженіе кончилось.

На коверъ, у котораго сидѣли жрецы посыпались бумажки. Я нарочно всматривался въ лица гелюнговъ. Ни на одномъ не шевельнулся мускулъ. Точно каменныя. Только главный

лама въ кокошникѣ съ бурханами видимо считалъ глазами сколько денегъ передъ нимъ.

— Что они долго будутъ сидѣть такъ?

— А вотъ погодите.

Слабый звукъ литавръ и глухой отзывъ барабана кингарги.

Деньги собраны. Главный лама, видимо человѣкъ очень привычный и искусный, такъ ловко спряталъ ихъ, что мы и не замѣтили. Точно бумажки моментально испарились въ воздухъ. Были и нѣтъ ихъ. Должно быть большой мастеръ plumer la poule sans la faire crier. Наконецъ снялъ съ себя кокошникъ, сбросилъ парикъ изъ конскихъ хвостовъ и поклонившись прошепталъ намъ что-то.

— Приглашаетъ васъ къ себѣ! Рѣшился перевести колченогій калмычокъ.

Пошли мы за нимъ.

У храма—сплошная толпа калмыковъ. Дѣтей, дѣтей! Малъ мала меньше, и все скуластые, сильные, голобрюхіе. Отъ насъ пятятся назадъ. «Чего добраго еще укуситъ оросъ».

— Большіе начальники всегда больно дерутся! Говорятъ калмыки. А мы благодаря Астраханскимъ сановникамъ встрѣчены были именно какъ большіе начальники.

Въ кибиткѣ у ламы образовалось нѣчто вродѣ ассамблеи.

По угламъ разсѣлись дѣвушки въ шелку и мѣховыхъ шапкахъ. Были очень приглядныя. Особенно одна, несмотря на прорѣзанные вкось глаза и выдавшіяся скулы, отличалась такою дикою, оригинальною красотой, что мой спутникъ, видимо опытный цѣнитель женскаго пола, преподнесъ ей золотое кольцо съ какимъ-то камешкомъ. Нисколько не жеманясь, фея калмыцкаго базара наклонила голову въ знакъ благодарности, и кинула на щедраго юношу весьма выразительный и понятный взглядъ.

— Цивилизаціи понюхала? замѣтилъ кто-то.

— Нѣтъ, онѣ и такъ, безъ цивилизаціи…

— Развѣ у нихъ свободно.

— Насчетъ амура?... Какъ вамъ сказать: проституціи въ видѣ торговли грѣшнымъ тѣломъ нѣтъ. Ну, а понравитесь, дѣло другое....

Калмыцкая красавица была одѣта въ шелковый терликъ— родъ капота съ стоячимъ воротникомъ и длинными рукавами, поверхъ него плотно охватывалъ тонкій станъ цегдыкъ-безрукавка, полы которой были разрѣзаны спереди и сзади. Все это расшито позументами, на груди серебряныя узорчатыя пуговки. Платье пригнано такъ, что вовсе не скрываетъ дѣвственной свѣжести округленныхъ и сильныхъ формъ этого красиваго, на степномъ привольѣ сложившагося тѣла. Шелковые шаровары, голубаго сафьяна ботинки съ загнутыми вверхъ носками—все это обнаруживало въ дѣвушкѣ большую щеголиху. Нога красивая, маленькая, такая же и рука.

— Неужели это простая калмычка?

— Гдѣ! Это дочь купца богатаго у нихъ,

Шапка, опушенная лисьимъ мѣхомъ съ серебряной пуговкой на верхушкѣ, не скрывала цѣлой массы черныхъ волосъ.

Вродѣ этого были одѣты и остальныя, неспускавшія съ насъ бойкихъ взглядовъ.

Самъ хозяинъ сидѣлъ неподвижно, какъ бурханы на его алтарикѣ.

Двѣ старухи приготовили намъ мѣстную водку; изъ мѣднаго котелка, замазаннаго глиной, была проведена трубочка въ небольшой сосудъ. Въ котелкѣ кипятился кумысъ—въ сосудъ перегонялась безцвѣтная какъ вода жидкость, сильно опьяняющая. На столикѣ передъ нами наставили всякихъ калмыцкихъ яствъ; тутъ было и засушенное мясо-маханъ, и оладьи на бараньемъ салѣ — боорцукъ и буданъ—похлебка изъ ржаной муки съ саломъ; и мошко-оморъ и бууркумъ — пирожныя. Нужно отдать справедливость — все это очень скверно: и

курдюкомъ пахнетъ, и на зубахъ вязнетъ, хотя я добросовѣстно перепробовалъ все. Потомъ на Бирючьей косѣ, въ монастырѣ у гелюнговъ меня угощали сладкимъ рисомъ на бараньемъ салѣ—то нѣсколько получше. А остальная калмыцкая снѣдь далеко непривлекательна...

Ориганально было угощеніе чаемъ кирпичнымъ, иначе—ця.

Чай варили какъ и подобаетъ вмѣстѣ съ солью, молокомъ и саломъ. Подавали его въ деревянныхъ чашкахъ. Онъ очень вкусенъ. Я выпилъ чашку, смотрю прислуживавшій калмыкъ вытираетъ ее грязными пальцами, облизываетъ языкомъ, наливаетъ вновь и съ самымъ галантнымъ видомъ калмыцкаго Лепорелло преподноситъ мнѣ. Я разумѣется поблагодарилъ и отказался отъ столь любезнаго угощенія...

Присматриваюсь — все очищается также.

Тарелки и блюдцы — вытираются пальцами, пальцы въ свою очередь—о грязные полы халатовъ. Непривычнаго стошнитъ отъ этой нечистоплотности!

— Неугодно ли бозо? (Бозо кисловатый, освѣжающій сыръ).

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Не нужно... мы сыты.

— А эйзге (сладкій сыръ изъ овечьяго молока)?

Наши промышленники, живущіе около калмыковъ, очень любятъ бузу. Водки не достать, а буза опьяняетъ также. Она и на вкусъ пріятна. За то какъ хорошъ былъ кумысъ, холодный и кисловатый, въ этотъ жаркій день Астраханскаго пекла. Мы его выпили ужасающее количество, только — изъ своихъ стакановъ.

Власть хотѣла показать товаръ лицомъ. Очевидно все шло по заранѣе обдуманной программѣ.

По мановенію начальственныхъ бровей всѣ дѣвушки собрались въ кружокъ, въ середину сѣла уже замѣченная нами красавица съ длинной балалайкой въ рукахъ.

— Это что же?

— Пѣть будутъ въ честь «высокихъ посѣтителей». Остритъ кто-то.

Началось меланхолическимъ переборомъ струнъ.....

Дѣвушки сидѣли, опустивъ глаза, и сосредоточивались.

Струны громче и громче.....

Вдругъ завывающій напѣвъ ворвался въ ихъ нѣсколько дикій звонъ, это—запѣла одна изъ дѣвушекъ... Немного погодя и другой рѣзкій голосъ присоединился къ нимъ... Погасъ первый—третья перехватила, и все такъ. Вмѣстѣ хоромъ не поютъ. По двѣ по три... Только струны балалайки не устаютъ гудѣть, оттѣняя унылымъ звономъ своимъ паузы...

На высокой горѣ
Течетъ холодный родникъ....
Въ тихой долинѣ—внизу
Голубой цвѣтокъ выросъ.
Видитъ родникъ красу долины—
Хочетъ родникъ сбѣжать къ голубому цвѣтку
Да мѣшаютъ ему высокія скалы.
И все онъ смотритъ и плачетъ....
Все онъ плачетъ, пропадая—въ безводной степи....

Вотъ содержаніе одной изъ этихъ безхитростныхъ пѣсенокъ....

Мотивъ дѣлается задорнѣе и веселѣе, завыванія пѣвицъ громче.... ухо рѣжетъ....

Втаетъ красивая дѣвушка съ черными, точно бархатными глазами и начанаетъ танцовать не сходя съ мѣста. Топчется подъ munmaktъ и только. Весьма не красиво выходитъ, не смотря на то, что плясунья сложена изумительно. Выпуклая грудь, покатыя плечи, талія стрекозы переходитъ въ широкій разливъ бедеръ, красивая нога съ высокимъ подъемомъ дразнитъ взглядъ...

Тише и тише пѣсня, медленнѣе топчется балерина калмыцкаго базара.... наконецъ замерла совсѣмъ и сѣла. Должно быть хорошо плясала, потому что кругомъ слышны воз-

гласы одобренія, а калмыки даже жмурились отъ восторга.... Но вотъ напѣвъ опять разгарается ярче и ярче, завыванія громче и на сцену выскакиваютъ два калмыцкихъ Антиноя. Пляска мужчинъ нѣсколько живѣе. Они подплясываютъ одинъ вокругъ другаго, передвигаются и перевертываются на правой ногѣ, притоптывая лѣвою, подергиваютъ и поводятъ плечами. Въ разгарѣ пляски одинъ изъ плясуновъ схватывается руками за шею товарища, прыгаетъ на него, перекрестываетъ ноги вокругъ его стана, а тотъ какъ ни въ чемъ не бывало продолжаетъ притоптывать, вытянувъ руки.... Плясуны тоже вызываютъ громкое одобреніе дѣвушекъ, причемъ нѣкоторые причмокиваютъ губами....

— Какъ у нихъ по обычаю, поютъ ли замужнія?

— И замужнія, и дѣвушки. По одному только и отличите: у замужнихъ косы въ черныхъ чахлахъ спрятаны, а у дѣвушекъ распущены.

Когда пѣніе и пляска прекратились—посыпались опять деньги, причемъ прекрасный полъ не выдерживалъ характера подобно гелюнгамъ, а подбиралъ бумажки и подхватывалъ ихъ чуть не на лету. Потомъ весь сборъ сданъ былъ балалайщицѣ, которая и подѣлила его между всѣми поровну. Право на дѣлежку заявили было плясуны мужчины, но ихъ прогнали съ насмѣшками. За подачкой было сунулись и мальчуганы въ тюбетейкахъ и громадныхъ бараньихъ шапкахъ, которыя составляли единственную ихъ одежду. Но и ихъ тоже проводили визгомъ и крикомъ, причемъ наиболѣе отличалась красавица Ургаксанъ, описанная выше.

— Менду, менду, эмчи—менду! *) заболтали вдругъ присутствовавшіе, когда въ ставку ламы вошелъ высокій и рыжій гелюнгъ весь въ красномъ.

---

*) Здравствуй, здравствуй лекарь!

— Это ихній Эскулапъ, Нелатонъ, Боткинъ! Свѣтило калмыцкой медицины!

Оказывается, что въ каждомъ хурулѣ есть одинъ или нѣсколько такихъ эмчи! Калмыки степные не обратятся къ настоящему медику. А къ эмчи, въ одно и тоже время знахарю и пастырю ихъ душъ, прибѣгаютъ всѣ больные. Эмчи при этомъ, въ интересахъ гелюнговъ вообще, грабятъ несчастныхъ номадовъ ужасно. Мы уже говорили выше, что болѣзнь для калмыка раззореніе. Эмчи возьметъ у него весь скотъ, всѣ деньги, и въ концѣ концовъ все таки уморитъ его, даже не по всѣмъ правиламъ своей науки, потому что тибетская медицина имъ недоступна. Она изложена въ книгѣ Эминъ-ноомъ въ формѣ молитвъ, совѣтовъ, рецептовъ, но рѣдкій гелюнгъ разберетъ ихъ, по незнанію языка. Теплая вода, сыгоротка въ громадныхъ массахъ—вотъ медикаменты эмчи. При этомъ знахарь калмыцкій воспрещаетъ всякую пищу. Леченіе иногда для разнообразія видоизмѣняется бараньимъ саломъ изъ курдюка, непремѣнно растопленнымъ, коровьимъ масломъ, которое недугующіе должны выпивать большущими чашками и по нѣскольку сразу. Самое лучшее лекарство крѣпкій бульонъ изъ баранины (шулюмъ). Эмчи покупаютъ у персіанъ и армянъ какія то лекарства — *секретныя*, причемъ сулема играетъ не послѣднюю роль. Случается видѣть калмыковъ, выдержавшихъ леченіе у гелюнговъ, съ меркуріальнымъ воспаленіемъ рта. Сулемою же эмчи лѣчатъ и сибирскую язву. У эмчи, по разсказамъ, слышаннымъ мною въ Астрахани, есть средства отъ всего. И отъ дурнаго глазу, и отъ клеветы, и отъ наговору, и отъ «начальства» (у соловецкихъ монаховъ имѣется молитва отъ начальства). Эмчи умѣютъ привораживать непреклонную красавицу, и отвораживать слишкомъ увлекшагося калмыцкаго Ромео. Въ ихъ власти дать возможность калмыку-мужу исполнить супруже-

скія обязанности, несмотря на его лѣта, иногда и очень преклонныя; они же могутъ дать потомство любой Сарѣ, хотя бы въ кибиткѣ у своего Авраама она прожила и девяносто лѣтъ. Тѣ же самые эмчи посодѣйствуютъ родителямъ, чтобы у нихъ родился именно мальчикъ, а не дѣвочка и т. д. Впрочемъ въ послѣднее время въ степи вѣра въ эмчей начала нѣсколько колебаться. Калмыки—народъ очень способный; съ развитіемъ образованія въ ихъ средѣ, суевѣрія рухнутъ очень быстро. Самое лучшее, кончающихъ астраханскія школы и гимназіи калмыцкихъ мальчиковъ посылать на казенный счетъ учиться въ медико-хирургическую академію. Они, по выходѣ отсюда, окажутъ калмыцкому народу громадныя услуги. Что калмыки народъ очень воспріимчивый на все хорошее доказывается особенно широкимъ развитіемъ оспопрививанія; у нихъ благодаря этому именно обстоятельству, совершенно прекратился варварскій обычай всякаго заболѣвшаго оспою бросать одного въ степи безъ помощи и безъ сожалѣнія. А прежде такихъ брошенныхъ (цецикъ) находили умирающими или умершими очень часто.

Эмчи или гелюнги-лекаря лѣчутъ, разумѣется, только состоятельныхъ кочевниковъ. Бѣднѣйшее же населеніе калмыковъ, сосредоточенное въ Мочагахъ, совершенно лишено ихъ помощи. Поэтому оно уже невольно пользуется услугами русской больницы, которая отпускаетъ имъ безплатно лекарства и оказываетъ другія пособія.

По выходѣ изъ ставки главнаго гелюнга здѣшняго, я сталъ шататься по юртамъ. Тутъ-то, освободившись отъ церемоніала торжества, уготованнаго намъ властями, я наткнулся на настоящую бѣдноту. Въ одной кибиткѣ цѣлая семья оказалась чуть не голая. На хозяинѣ—одна рубаха, да и та рваная, жены въ жалкихъ лохмотьяхъ, дѣти грязныя, голодныя. Лица истомленныя, груди впалыя—видимо живется скверно.

А между тѣмъ, какъ оказалось—семья неутомимо работаетъ. Она на-время прикочевала къ калмыцкому базару, обыкновенно же промышляетъ на соляныхъ озерахъ, куда вообще охотно берутъ калмыковъ.

— Тяжелая работа у нихъ?

— Самая черная, безъотходная. Тутъ слабый человѣкъ пропадетъ совсѣмъ. Рѣдкій выстоитъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Да, нужно разбить соляные пласты, промыть ихъ въ рапѣ *), потомъ сгреби соль въ кучки, высохнетъ—насыпь ее въ мѣшки, да отвези на пристань. Это нужно видѣть на дѣлѣ, чтобы понять, какая масса труда требуется на подобную операцію. Ни одного русскаго не заманишь!.. Самая каторжная работа. Зачастую имъ приходится по поясъ въ соленой водѣ стоять. Соль разъѣдаетъ тѣло, дѣлаются трещины, ссадины. Весь какъ обожженый, а въ свѣжія раны опять соль забивается. Мука! Да и на рыболовныхъ ватагахъ калмыки тоже не въ раю. Попробуй нашъ рабочій, въ холодную, осеннюю, заморозную пору поработать по поясъ въ водѣ?.. Или въ іюльское пекло, не разгибая спины подъ солнцемъ, весь день повозиться. А калмыкъ все выноситъ; и жалобы отъ него не услышишь. Безъ калмыка поэтому ни рыбопромышленнику, ни солевару никакъ не обойтись!

По разсказамъ бывалыхъ людей оказалось, что калмыки мало по малу пріучаются къ осѣдлой жизни. Имъ отводятся земли, на которыхъ они строятъ деревянные и изъ глинобитнаго кирпича дома, а также земляные загоны для скота. Устроивъ въ нихъ свои стада на зиму, номадъ строитъ избы, если у него нѣтъ дома—землянку, которая оказывается дешевле войлочной кибитки. Но, разумѣется, съ весною, какъ

*) Рапа—вода, остающаяся по осадкѣ соли.

только повѣетъ тепломъ, кочевника не удержишь въ четырехъ стѣнахъ. Онъ отправляется бродить по приволью зеленыхъ степей, забывая до глубокой осени свою осѣдлость. Хижины и землянки, которыя я замѣчалъ съ палубы парохода на берегахъ Волги и среди ея розлива, оказываются именно такими калмыцкими зимняками.

Меня уже въ калмыцкомъ базарѣ поражалъ нерусскій типъ мѣстныхъ казаковъ, а потомъ въ Астрахани и по Волгѣ я и сплошь встрѣчалъ между ними носящихъ русскія имена и фамиліи, но обличьемъ настоящихъ калмыковъ. Тѣ же скуластыя, косоглазыя, широкія физіономіи, тотъ же сильный складъ тѣла.

Загадка разъясняется очень просто. Многія калмычки, принимая христіанство, выходятъ замужъ за русскихъ, преимущественно за казаковъ; но случаевъ, чтобы русскія дѣвушки выходили за калмыковъ, здѣсь не знаютъ. Это обстоятельство между прочимъ служитъ одною изъ причинъ несоотвѣтственно малаго количества калмычекъ по отношенію къ калмыкамъ. Главными причинами разумѣется являются смертность при родахъ (съ родильницами калмыки обращаются варварски), истощеніе отъ работъ, потому что у простолюдина-калмыка женщина работаетъ не только не меньше, но и гораздо больше своего мужа.

IX.

Единоборство Гектора и Ахиллеса.

Только что я было нацѣлился на кибитку еще бѣднѣе и хотѣлъ забраться туда, какъ смотрю за мной бѣжитъ одинъ изъ нашихъ гребцовъ.

— Идите скорѣе, зовутъ васъ.

— Чуть не прозѣвали вы самаго главнаго изъ церемоніала торжества. Встрѣтили меня.

— Что такое?

— Единоборство. Калмыцкій Ахиллъ готовится сразиться съ здѣшнимъ Гекторомъ.

— Гдѣ они?

— Да вѣдь по мѣстному обычаю, не борцы выбираютъ другъ друга. Ихъ просто міръ, громада указываетъ по одиночкѣ. Сначала выберутъ одного и уведутъ его въ кибитку, потомъ другого—въ другую кибитку. Выводятъ ихъ на арену закрытыми. Такъ что противникъ противника узнаетъ только когда сбросятъ съ нихъ покрывала.

— Ведутъ, ведутъ!.. загудѣла толпа.

Калмыки стали стѣною кругомъ. Въ центрѣ пока оказывались мы. Но вотъ стѣна прорвалась съ двухъ противоположныхъ сторонъ и распорядители ввели въ свободное пространство двухъ голыхъ борцовъ, которымъ на голову были наброшены ихъ собственные кафтаны. Глаза и лицо сплошь были закрыты ими. Единственно, что было оставлено на боксерахъ—перевязка вокругъ бедеръ. Сильное тѣло—на сильныхъ ногахъ. Это не мощь неуклюжаго ангійскаго боксера. Напротивъ, вы съ изумленіемъ видите линіи, которымъ могли бы позавидовать академическіе натурщики. Тутъ не одна сила, но и красота. Все строго соразмѣрно. Каждый мускулъ очерчивается рельефно на смугломъ тѣлѣ. Высокая грудь, тонкій станъ, крѣпкія бедра и художественныя выпуклины икръ обрисовывали каждую изъ этихъ двухъ фигуръ. Давъ намъ вволю наглядѣться на нихъ, распорядители моментально, въ одно и то же время, сдернули покрывала и борцы взглянули въ глаза другъ другу.

Ахиллесъ и Гекторъ схватились съ пріемами, которые сдѣлали бы честь любому римскому гладіатору. Долго казалось, что они просто стоятъ, охвативъ другъ друга. Только напряженіе жилъ и еще болѣе рѣзкія очертанія мускуловъ—обна-

руживали страшныя усилія противниковъ. Но вотъ одинъ чуть подался и тотчасъ же еще крѣпче сталъ; пошатнулся другой... Жилы все пухнутъ и пухнутъ, мускулы все дѣлаются выпуклѣе... Откуда ни смотри—красота постановки тѣла изумительная. Позы чисто академическія. Вотъ они перешли въ болѣе оживленную борьбу, стараются подловить другъ друга на чемъ-нибудь—но позировка остается столь же изящной. Даже грубая сила является здѣсь искуствомъ. Эллинскіе юноши едвали красивѣе боролись на олимпійскихъ играхъ. Распорядители и вся толпа слѣдятъ за ними. Покрывала въ рукахъ... Чуть одинъ готовъ упасть, на головы обоимъ моментально набрасываютъ кафтаны, толпа кидается и борцовъ уводятъ, не давъ кому-либо одержать рѣшительную побѣду, чтобы честное единоборство не обратилось въ драку и не вызвало вражды. Это прекрасный обычай. Тутъ дѣйствительно искуство на переднемъ планѣ, а не зуботычины съ сокрушеніемъ челюстей. Никакіе удары—не допускаются.

Борцовъ закутанными послѣ борьбы держали нѣсколько минутъ, пока волненіе не улеглось и чувство нѣкоторой досады у побѣжденнаго не прошло. Тотчасъ же послѣ того они встрѣтились друзьями и подали другъ другу руки.

Бросили имъ денегъ.

Оба присѣли на корточки, собрали деньги въ одну кучку и стали дѣлить по братски, по ровну... Послѣ нихъ кинулись въ борьбу (тоже сначала закутанные) нѣсколько мальчишекъ. Одушевленные примѣромъ извѣстныхъ борцовъ, они старались подражать имъ во всемъ. Сохраняли ту же красоту позъ, тѣ же изящные пріемы борьбы. Ихъ также разнимали накидывая на голову плащи и разводя въ разныя стороны.

Калмычки, глядя на голыхъ взрослыхъ борцовъ, нисколько не конфузились. Напротивъ — на лицахъ живѣйшее участіе, восклицанія такъ и сыплются, глаза горятъ; дѣвушки

разсуждаютъ о борцахъ, ободряютъ ихъ. Вся эта картина такъ и просилась подъ карандашъ. Полагаю, что наши художники нашли-бъ здѣсь гораздо лучшихъ натурщиковъ, чѣмъ между петербургскими банщиками, играющими въ ихъ студіяхъ роли Антиноевъ, Нарциссовъ, Ахилловъ и Аполлоновъ. Тутъ—дѣйствительно Аполлонъ, хотя и почти оливковаго цвѣта. По крайней мѣрѣ, мнѣ до сихъ поръ мерещутся они.

— Что-жь, церемоніалъ конченъ?

— Нѣтъ еще...

— Остается одно представленіе. Передъ нами разберутъ кибитку, навьючатъ ее на верблюда,—и семья перекочуетъ на другое мѣсто.

Самая богатая кибитка была назначена для этого.

Обладательницею кибитки оказалась та самая калмыцкая Аспазія, которой одинъ изъ нашихъ спутниковъ презентовалъ кольцо.

Сначала сняли съ кибитки мани, родъ шелковаго флага, на которомъ вышита молитва, потомъ быстро сбросили кошмы, развязали и свили въ одну связку хошлунъ—тесьму, охватывающую остовъ кибитки и моментально разобрали терме—раздвижныя рѣшетки, изъ которыхъ состоитъ этотъ остовъ, сбросивъ предварительно цыгракъ—жерди поверхъ терме, образующія куполъ кибитки. Въ это время издали послышался пронзительно жалобный крикъ и на сцену явилось новое дѣйствующее лицо—верблюдъ. Веревка попросту была продернута у него черезъ носъ и залита кровью. Кровь и теперь продолжала идти изъ свѣжей раны, тѣмъ болѣе, что ее постоянно бередили, продергивая веревку. Еще быстрѣе чѣмъ сняли различныя принадлежности кибитки, ихъ навьючили «на корабль пустыни», не перестававшій жаловаться отчаянными криками и печально протягивавшій къ намъ свою голову. На рѣшот-

кахъ, въ видѣ платформы уложенныхъ поверхъ кошма, помѣщалось остальное имущество калмыцкой семьи. Тутъ поочередно пріютились юйденъ—дверная завѣса, шій—камышевая гибкая плетенка, развѣшиваемая вдоль терме; шердыки—бѣлыя кошмы, играющія роль постели, подушекъ, сѣделъ. Сюда же набросали и орни-кушге, т. е. пологи и юмнарчи—занавѣски и всю прочую рухлядь калмыцкаго обихода. Въ общемъ все оказалось плотно прилаженнымъ, красиво уложеннымъ. Вся операція заняла не болѣе десяти минутъ. Наконецъ калмыцкая Аспазія быстро и легко взобралась на верблюда. Несчастное животное заставили встать, дернувъ нѣсколько разъ за веревку, причемъ оно опять оглушило насъ рыдающими криками. Перейдя саженъ сто—корабль пустыни остановился, его разгрузили, а черезъ пять минутъ кибитка уже стояла на новомъ мѣстѣ...

Уже по окончаніи торжества, пройдясь по калмыцкому базару, я на балконахъ двухъ или трехъ домовъ замѣтилъ армянскія семьи. Тѣ же глаза на выкатѣ, тотъ же непроглядный мракъ бороды, начинающейся у самыхъ глазъ...

— Что здѣсь дѣлаютъ армяне?

— Тутъ не одни они. Тутъ и татары есть... Торгуютъ!.. По просту эксплуатируютъ калмыковъ...

Поблагодаривъ мѣстное начальство за церемоніалъ, мы направились къ нашимъ лодкамъ.

— А это вы замѣчаете? указали мнѣ.

Я посмотрѣлъ и расхохотался. Прежде дѣйствительно не обратилъ вниманія. На многихъ калмыкахъ были фуражки съ разноцвѣтными околышами. Кочевники ужасно любятъ этого рода шапки. Ихъ скупаютъ у чиновниковъ или нарочно заказываютъ. Такимъ образомъ, околышъ министерства финансовъ красовался на головѣ стараго байгуша-калмыка, щеголявшаго въ одной рубахѣ безъ штановъ и очень похожаго

на обезьяну; дворянская фуражка украшала какую-то затрапезную бабу и т. д.

На берегу насъ ждала толпа мѣстныхъ бѣдныхъ, которымъ посѣтители обыкновенно оставляютъ что-нибудь.

Боже, какія это были лица! Нищета и голодъ глубоко врѣзались въ нихъ. Каждая косточка торчала въ наружу, хоть изучай остеологію по этимъ живымъ скелетамъ. И все то сгорбленныя, скрюченныя, едва едва двигавшіяся фигуры. Преимущественно это были женщины-старухи... Рука сама опускалась въ карманъ за подаяніемъ. Повторяю, ничего ужаснѣе мы не видѣли. Сквозь и безъ того темный цвѣта кожи, проступали какія-то гнилостныя пятна, подъ глазами подтеки, вмѣсто румянца — синева.

Нѣсколько ударовъ веселъ, и калмыцкій базаръ остался позади...

Волга точно остеклѣла. Жгло сквозь тентъ... Даже вода была тепла—нисколько не освѣжала. На небѣ только одно облачко, да и то по сосѣдству съ солнцемъ сверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ. Глаза невольно жмурятся... Спать хочется посреди этого гнетущаго пекла...

На другой день утромъ нужно было перебираться на баржу «Арагва».

Пора въ Каспій, и то засидѣлся въ этой инородческой Астрахани.

ВЪ УСТЬЯХЪ ВОЛГИ.

I.

Цитронъ отъ морской болѣзни. — Дельта Волги. — Семирублевое.

— Однако рано вы пожаловали на баржу.

— А что?

— Да выйдемъ часа черезъ три.

Выбирать было нечего. На баржахъ «Кавказа и Меркурія» хоть каюты чисты и удобны. Лучше было отсыпаться здѣсь, чѣмъ возвращаться въ грязный номеръ армянскаго трактира. Народу было немного. Какой-то таможенный чиновникъ, видимо изъ армянъ, весь обугленный, морякъ, собиравшійся сдѣлать экскурсію по Каспійской лужѣ, какъ онъ называлъ это море, да чахоточная дама, заранѣе приходившая въ ужасъ при одной мысли о морской болѣзни...

— Неужели будетъ качать? Приставала она ко всѣмъ.

— А вы не думайте...

— Какъ не думать, помилуйте... Вѣдь это—мука... Неужели опасно? обращается она къ священнику, мирно расчесывавшему браду растопыренными перстами.

— Въ руцѣ Божіей! Воздыхаетъ батюшка...

— Но однако, молитва помогаетъ...

— Ежели съ вѣрою... Точно... Но и цитронъ тоже пользителенъ...

— Ахъ нѣтъ... Я въ прошломъ году сколько лимоновъ съѣла...

— Ну?.. Оживляется пастырь.

— И не помогло...

— Ужли?.. А я съ собою дюжину везу, страха ради іудейска...

Къ бесѣдующимъ подбирается старушка, вся въ кулачокъ, сморщенная, носъ уточкой...

— Лимономъ, ваше благолѣпіе, не спасешься... Шамкаетъ она. Лимонъ тутъ не причемъ, хоть ты его съ сахаромъ жри, хоть такъ... А возьми ты съ лѣвой ноги чулокъ да привяжи къ животу—и все съ тебя какъ рукой сниметъ...

— А ежели кто чулковъ не носитъ? безпокоится батюшка.

— Ну тому спасенія нѣтъ. Сказано: чулокъ съ лѣвой ноги. Тоже и Троицкіе пояски помогаютъ, но не такъ.

— Одинъ докторъ сказывалъ, что нужно ржаные сухари ѣсть...

— Что они понимаютъ, доктора?.. Я разъ ѣхала, ну доктора одного такъ ли несло—страсть...

— Такъ чулокъ? допрашиваетъ немного погодя батюшко.

— Чулокъ, чулокъ... Сними его—да съ чистымъ сердцемъ, молитвенно—къ чреву и привяжи.

— Какая же въ немъ сила-то?...

— А ужъ этого я тебѣ сказать не умѣю... Разныя силы есть. Ты про кошачій хвостъ слыхалъ-ли?

— Нѣтъ.

— А противъ насморка — первый медикаментъ. Поймай кота, опали ему хвостъ, да и понюхай...

Астрахань мало по малу отодвигалась отъ насъ назадъ. Бѣлыя массы ея домовъ, церквей и Кремля скучивалась, пароходы и суда заходили одни за другіе, пока все это не яви-

лось смутнымъ маревомъ... Волна тутъ, подъ вѣтромъ, уже почти морская. Набѣгая на другую, она пыжится, вздувается, взметываетъ гребень, свертываетъ края его въ пѣну и, одолѣвъ покорившуюся соперницу-волну, обдаетъ ее всю бѣлою, взмыленною кипѣнью. Послѣ этого, точно истощивъ свои усилія, волны долго клубятся мутнякомъ, пока опять не сплотятся въ могучія гряды... Вотъ онѣ вновь выгибаются и словно нацѣливаются, прежде чѣмъ кинуться на встрѣчныя. Что-то хищное сказывается въ этомъ, какая-то хитрая злоба въ стихійной борьбѣ ихъ... Береговъ почти не видать. За Астраханью они совсѣмъ припадаютъ къ водѣ и стелются жолтыми или зелеными низинами. Изрѣдка бурые, глинистые холмы чуть-чуть разнообразятъ едва замѣтныя линіи праваго берега, треплятся на нихъ по вѣтру кучки блеклой зелени—а тамъ, позади та же ровная, безъ перерыву, степь... Рѣка видимо мелѣетъ. Поперегъ тянутся зачастую сочныя луговины. Мѣсяцъ назадъ надъ ними легко проходили пароходы, а теперь мирно пасутся по мелевымъ понизямъ калмыцкія стада или камышъ привѣтливо киваетъ намъ своими серебристыми метелками. Вонъ по серединѣ рѣки плаваютъ въ лазуревомъ просторѣ вершины карагучей... Рощица еще подъ водою... Точно зеленое облако припало къ Волгѣ и отдыхаетъ на ея теплой въ эту пору груди...

— Ишь—село Семирублевое... указываютъ мнѣ.

— Это ради чего такое названіе дали?

— А человѣка здѣсь за семь рублей убили.

Точно также слѣдующее село слыветъ Башмаковкой, потому что чья-то любовница здѣсь башмакъ потеряла. Названія становятся очень игривы. Вонъ, напримѣръ, точно змѣя серебрится на солнцѣ посреди зеленыхъ луговинъ.

— Хорошая рѣка, сообщаютъ мнѣ. Парашкина щель зовется... Рыбы здѣсь до пропасти!

Самый способъ построекъ совершенно другой уже. Дома точно въ плетневыя корзинки, забитыя землею, поставлены, чтобы не снесло водопольемъ. Избы маленькія, видимо лѣсъ дорогъ, низенькія, часто и камышовые шалаши попадаются. Очень они живописны издали, за то живется въ нихъ навѣрное плохо. А между тѣмъ не одни временно проживающіе рабочіе должны ютиться здѣсь лѣтомъ, и постоянное населеніе пробавляется до зимы, когда приходится перебираться въ избы къ богатымъ или во всякомъ случаѣ болѣе состоятельнымъ роднымъ. Дымки тамъ и сямъ столбами стоятъ, потому что такая тишина въ воздухѣ — не шелохнутся даже метелки высокихъ камышей. Развѣ какой-нибудь звѣрь въ ихъ чащѣ пробирается, такъ колышется и шелеститъ раздвигаемый имъ чаканъ.

Село Семирублевое очень красиво. Теперь оно кажется на островѣ. По низменнымъ мыскамъ этого острова разсыпались избы, иныя—самыя оконечности мысковъ заняли, точно на остріѣ золотой косы выставилась и играютъ стеклами своихъ оконъ. А тутъ же у самаго берега замерли неподвижныя свойскія лодки. Замерли и въ водѣ отразились каждою своею снастью, каждою бортовою планкой. Въ красномъ кумачѣ на одной изъ нихъ баба какая-то—и въ водѣ точно маковъ цвѣтъ вспыхнулъ... При свойскихъ лодкахъ — маленькіе челночки, будто муравьи... Одна въ рѣку выползаетъ. Веслами точно ногами двигаетъ. Только на этомъ насѣкомомъ вы и гребцовъ различите и кучу какой-то рухляди промысловой посрединѣ... Между свойскими тоже заснули на зеркалѣ будто бы остеклѣвшей Волги подчалки и двѣ или три косныхъ... Все такъ тихо, такъ идиллично... лѣниво!.. Какая разница съ далекимъ сѣверомъ; тамъ бы надъ промысловымъ становищемъ тучи чаекъ орали во всю мочь, по бухтамъ десятками и сотнями переползали бы карбасы, спѣша на промыселъ или возвращаясь

съ него, на берегу горланила бы развеселая толпа покрученниковъ, словно невѣсть чему обрадовавшихся Божьему солнцу да теплу, когда рыбка ловится добычливѣе... Пѣсни бы неслись оттуда во весь этотъ просторъ и самый океанъ величаво гналъ бы все впередъ и впередъ, безъ конца, безъ края, свои неугомонныя волны... И не понизью разстилался бы берегъ, не зеленѣлъ бы онъ луговинами, по которымъ отъ солнечныхъ лучей точно изумрудныя искры вспыхиваютъ,—нѣтъ. Позади становища вздымались бы мрачныя и унылыя сѣрыя стѣны гранитнаго вала, въ самый океанъ входили бы они и обрушивалась круглыми горбинами; только изъ черныхъ разщелинъ трепалась бы по вѣтру ползучая сосна, да внизу, въ логахъ, никому съ моря незамѣтныхъ, печально улыбнулась бы вамъ скудная флора полярной украйны нашей... Должно быть на этомъ знoѣ каспійскомъ, на этомъ привольѣ богоданномъ и работается не такъ, какъ работается тамъ, гдѣ ни съ того, ни съ сего, послѣ жаркой недѣли, морозомъ ударитъ, и еще вчера сверкавшее, словно золотой щитъ, озеро — корою ледяною покроется!...

Рядомъ съ Семирублевымъ — другой островъ. Тамъ круглятся раины садовъ, оттуда какимъ-то раздражающимъ нервы ароматомъ обноситъ; такъ и тянетъ съ палубы этой баржи, съ самаго солнечнаго припека, уйти туда въ тѣнь и глушь карагачевыхъ аллей, подъ живые своды серебристаго тополя... Воображаю, какъ тамъ у воды звѣнятъ теперь стрекозы, какъ заливается въ зеленой гущѣ перепутавшихся вѣтвей всякая мелкая пташка и какъ дѣтски задорливо перекидывается, злясь и ворча, съ камня на камень алмазный ручей... А тутъ—жара, вонь отъ каменнаго угля, прокислый запахъ отъ персидскихъ бараньихъ шапокъ.

Пустынные острова потянулись. Иные песчаные совсѣмъ, ни одной былинки на нихъ, подъ солнцемъ — глаза слѣпятъ...

А у желтыхъ отмелей неводники пристали, челноки на самый песокъ вытащены и килемъ вверхъ опрокинуты. Жжетъ ихъ теперь, смола насквозь проступаетъ—потѣетъ лодка, а подъ ней въ свою очередь потѣютъ спасающіеся отъ пекла промышленники. И дѣлать-то имъ что-нибудь теперь трудно и сонъ не беретъ. Самая томительная пора!...

II.

Хозяева и ловцы. — Картины устьевъ Волги.

Со мной крупный промышленникъ сѣлъ. Разговорился я съ нимъ. Оказалось, что и хозяйское дѣло тутъ не всегда выгодно бываетъ.

— Вы какъ полагаете, у меня за промышленниками 19 тысячъ рублей задаточныхъ пропадаетъ. Я ихъ и со счетовъ снесъ. Все это отъ недолову образовалось. Возьметъ у васъ ловецъ тысячу рублей задатку, Господь ему не пошлетъ добычи, заловитъ онъ на половину — а другая за нимъ. И ничего не подѣлаешь. На слѣдующій годъ опять приходитъ — давай ему вновь задатокъ и денегъ. Потому что хорошо знаешь—парень обстоятельный, не пропоица. Не дашь задатка— прежній недоловъ потеряешь, такъ и втравливаешься. Впрочемъ, сами-то ловцы народъ честный. Иной пять лѣтъ удачи не знаетъ, не везетъ ему да и только.

— А задатокъ ежегодно беретъ?

— Каждый разъ. Ну, а въ шестой, да въ седьмой годъ попадетъ на свое счастье и всѣ недоловы покроетъ. Вотъ эти три года у меня недолову 30,000 рублей, но я знаю, что верну его назадъ. Удачный промыселъ будетъ — и возьму свое...

— Какъ же вы со счетовъ сносите безнадежные недоловы?

— Да такъ, позовешь ловца, которому нѣсколько лѣтъ не везло, да и скажешь ему: Господь съ тобой. Ну два года съ нимъ дѣла не имѣешь, а на третій опять контрактъ заключаешь, потому намъ рабочіе люди нужны.

Что-то ужъ очень великодушничалъ этотъ патронъ. И хотѣлось вѣрить ему и невольно сомнѣнье брало. Знакомъ я и съ типомъ сѣверныхъ міроѣдовъ и кулаковъ, да и южные эксплуататоры мнѣ не въ диковинку. А тутъ вдругъ — Господь съ тобой! Поневолѣ шевелится на душѣ: врешь, братъ, что-нибудь не такъ у тебя. У настоящаго скопидома-хозяина рабочій, разъ задолжавшій, никогда изъ кабалы не вылезетъ, такъ ему на чужой работѣ и вѣкъ свѣковать придется, да и дѣтямъ своимъ ту же кабалу, точно петлю на шею, оставить. Вонъ—поморье Кемское въ этой петлѣ сколько уже времени бьется, все выбиться не можетъ, да и рабочіе астраханскіе вовсе ужъ не такими благодѣтельствуемыми счастливцами смотрятъ. А впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ, сказываютъ, что въ Ильинъ день и кукушка пѣтухомъ поетъ, отчего-же и астраханскому Китъ Китычу подъ веселую руку не подарить своимъ ловцамъ недолова, котораго все равно не вернешь съ нихъ!..

Я самъ убѣдился только въ одномъ: каждый ловецъ и добычникъ нашъ астраханецъ гораздо самостоятельнѣе держитъ себя съ хозяиномъ и пособачьи въ глаза ему не смотритъ. Такъ, напримѣръ, на Бирючей косѣ, у г. фонъ-Бремзена привелось мнѣ видѣть сговоръ передъ промысломъ хозяина съ ловцами. Воображаю, какъ-бы раздвинулъ свои сонные буркалы сѣверный паукъ, поморъ-міроѣдъ, если-бы къ нему такъ относились рабочіе, тамъ—вѣрные его рабы и безотвѣтные на хозяйскую мошну труженики. Въ одномъ, впрочемъ, я убѣдился въ Астрахани—недоловъ мужа не падаетъ на его жену, наслѣдующую послѣ смерти своего кор-

мильца его снасти и судно. Вѣрными ловцами очень дорожатъ хозяева и всячески ублажаютъ ихъ. Ловецъ такой входитъ въ кабинетъ каспійскаго аристократа, какъ къ себѣ въ избу, садится и ведетъ съ нимъ толковый разговоръ, нисколько не принижая своего достоинства, какъ равный съ равнымъ. Разумѣется далеко не то съ наемными рабочими. Тѣмъ иная честь. Дальше передней они не заглядываютъ вовсе.

Чѣмъ ближе къ Каспію, тѣмъ больше птичьяго гама и стрекоту. Окрестности оживляются, больше судовъ идетъ на встрѣчу, чаще промысловыя ватаги. Вотъ на берегу какой-то накатъ, видимо отъ напора льду—валъ образовало. За валомъ кровли избъ, ближе—массы столбиковъ, на нихъ невода сушатся... Собаки бродятъ десятками. Пронзительный лай одной изъ нихъ даже сюда доносится и дразнитъ ухо...

— Маячки село! Чудесно здѣсь рыбка ловится. Хозяева живутъ исправно. И дѣйствительно—крыши тесовыя и избы понаряднѣе тѣхъ, что мы оставили за собою.

— Долго-ли еще до Бирючьей косы?

— Всего отъ Астрахани восемьдесятъ четыре версты считается.

— Только вы нашему счету не вѣрьте, вмѣшивается здоровенная бабенка. Щеки точно яблоки—поди и твердыя такія-же. Ядреная вся, румяная.

— Отчего не вѣрить?

— Да у насъ кто мѣрялъ-то? Мѣрялъ Тихонъ да Тарасъ, у нихъ цѣпь оборвалась. Тихонъ говоритъ: давай свяжемъ, а Тарасъ—и такъ скажемъ. Восемьдесятъ, такъ восемьдесятъ...

Камышовое царство пошло отсюда. Всѣ берега зеленой стѣной стали, только издали эта стѣна, разумѣется, жалкой полоской кажется. Изрѣдка только раздвинутся камыши, давая доступъ къ водѣ песчанной проложинѣ. На ней какія-то черныя точки. Всматриваешься въ бинокль—издали чуть село

мерещится, громадные черные котлы тутъ-же. Прежде въ нихъ жиръ изъ бѣшенки топили...

— Ну, а теперь?

— Топимъ тоже, да рѣдко... Бѣшенка нонѣ въ цѣнѣ...

Иное село сквозь камышъ къ самому берегу протолкается, съ громадными выходами и всѣмъ своимъ промысловымъ обиходомъ, а о другомъ только догадываешься, видя какъ за зеленою стѣнкой чакана дымокъ стоитъ—то за камыши ушло, подальше отъ водополья да морянокъ. Ватаги все чаще и чаще. Къ самой промысловой кипѣни подходимъ. Къ сожалѣнію только въ это время года лова здѣсь не производится вовсе...

А разливъ еще далеко не вошелъ въ берега. Волга все еще пыжится. Вонъ опять деревья въ водѣ, однѣ только шапки ихъ видно; стволовъ—и званья нѣтъ надъ водою. Между этими зелеными шапками, надъ которыми то и дѣло вспыхиваютъ цѣлыми стаями птицы, кровли избъ виднѣются. Всмотришься и замѣчаешь, что вода до половины стѣнъ стоитъ. Когда еще отойдетъ да дастъ обсохнуть такому жилью.

— Когда же эти хижинки населятся?

— Разно. Это промысловые пріюты. Какіе въ іюлѣ, а другіе и въ концѣ іюня уже кишмя кишатъ народомъ.

Когда я возвращался назадъ этими же устьями Волги, дѣйствительно всѣ эти еще недавно полузатопленныя избушки, были какъ на ладони. Всѣ на виду. И обсохли хорошо. Еще бы при такой жарѣ да сохранить въ своихъ стѣнахъ хоть каплю влажности! Вокругъ суетился народъ, все готовилось къ привольному промыслу.

— Ишь овцы-ти сигаютъ! показываетъ баба на берегъ, столь далекій, что я и его едва различаю, какъ желтую полоску, которая то уйдетъ изъ глазъ, то снова мерещится на окраинѣ широко разлившейся здѣсь Волги.

— Гдѣ овцы?

— А вонъ!

— Неужли ты видишь?

— Звянить (извините), глянь-кя сюда!

Даже и въ бинокль смутно различаю на берегу какое-то сѣрое, медленно движущееся пятно. Удивительно какъ этотъ громадный просторъ изощряетъ глазъ. Намъ даже непонятна такая зоркость. Городскіе жители, горизонтъ которыхъ постоянно стѣсненъ стѣнами комнатъ или рядами домовъ, не повѣрятъ напримѣръ тому, что разъ лоцманъ камскаго парохода указалъ мнѣ приближающійся пароходъ и назвалъ его даже, тамъ гдѣ я видѣлъ только синюю, прозрачную, заманчивую даль рѣки и голубую полоску ничего не обѣщающаго горизонта.

— Калмыцкое стадо?

— Не... русскій одинъ. Худобы (имущества) у няво стрась!.. Богатѣй первый по всей округѣ...

А Волга все шире и шире... Одинъ берегъ, именно правый, даже изъ подъ глазъ ушелъ уже. Плывешь впередъ и не знаешь—море ли кругомъ, или еще великая наша кормилица-рѣка разстилается передъ тобою. Не смотря на пекло, въ каюту уходить не хочется совсѣмъ. Очень ужъ просторъ этотъ обаятеленъ, глубже дышешь, точно и грудь ширится подъ впечатлѣніемъ этой безграничности... И вѣдь однообразіе какое. Голубое небо, вода голубая какъ оно, да тонкая полоска берега—ничего больше, а глаза все чего-то ищутъ, все пытаютъ эти дали... Облако ли отразится жемчужное въ зеркальномъ разливѣ, птица ли, серебряной искрой рѣющая въ недосягаемой вышинѣ, той же искрой серебряной и въ недосягаемой глубинѣ меледится—слѣдишь за ними пока пароходъ не уйдетъ, тяжело пыхтя и медленно влача за собою нашу баржу...

III.

Три полосы рыболовства.

Я уже говорилъ, что здѣсь, въ этой южной полосѣ волжскаго промысла, сосредоточивается самая рабочая кипѣнь. Волга по отношенію къ рыболовству раздѣляется обыкновенно на три части. Отъ Камышина до Свѣтлоярской ватаги купца Воронина въ царевскомъ уѣздѣ на 110 верстъ въ длину идетъ сѣверная полоса, по которой разбросано 19 ватагъ. Большинств ихъ на правомъ берегу, между городами и селами, въ пунктахъ весьма людныхъ. Не смотря на это—онѣ по своему промысловому обороту здѣсь самыя незначительныя. Тутъ ловятъ рыбу только весною, да и то одну воблу и бѣшенку. Ватаги тутъ не столь сложны и далеко не снабжены приспособленіями, встрѣчающимися въ южной полосѣ. Холодныхъ выходовъ вовсе нѣтъ—одни только лабазы или теплые амбары, гдѣ чаны зарыты прямо въ землю. Въ иныхъ ватагахъ—и лабазовъ нѣтъ, а только навѣсы, со всѣхъ сторонъ открытые вѣтру. Рабочіе живутъ въ шалашахъ или землянкахъ. Сами хозяева, пріѣзжая, какъ кроты хоронятся въ послѣднихъ. Всѣ ватажныя строенія, параллельно берегу, тыломъ плотно прилегаютъ къ крутизнѣ его; иногда они построены на сваяхъ, и для осмотра ихъ приходится подниматься тропинками по крутизнѣ берега. Крутой правый берегъ понижается здѣсь постоянно террасами, ватаги устроены на первой или второй ступени, рѣдко на самой высокой. Нигдѣ нѣтъ дорожекъ къ лабазамъ; вездѣ страшная нечистота, какъ и на далекомъ сѣверѣ. Ватага напримѣръ Челюканова, устроена на 80 фут. выше поверхности воды. Нѣсколько дней до пріѣзда одного туриста, шелъ сильный дождь и вся окрестность превратилась въ вонючее болото, отъ гніющихъ на поверхности земли рыбныхъ остатковъ прошлаго года. Подъемъ на ватагу затрудняетъ посѣтителя, дорожекъ къ ней нѣтъ, хотя самый берегъ

очень удобенъ для ихъ устройства. Для храненія и приготовленія рыбныхъ товаровъ имѣются только лабазы, въ которыхъ громадные чаны наполнены прошлогоднимъ гніющимъ тузлукомъ. Земля пропитана жидкими рыбными остатками, избытокъ которыхъ узкимъ рвомъ изливается прямо въ рѣку. На краю первой ступени берега чаны и котлы для жиротопленія изъ рыбьихъ внутренностей, которыя собираютъ, пока всѣ чаны наполнятся ими, что продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Внутренности между тѣмъ гніютъ, распространяя невыносимый запахъ на далекое разстояніе. Когда всѣ чаны наполнятся, начинается топленіе, увеличивающее зловоніе. Послѣ операціи остатки выливаютъ прямо черезъ край ступени, а чтобы они на нижней части берега не разливались, внизу, у самой стѣны, устроенъ земляной валъ, и въ этой ямѣ они, ничѣмъ непокрытые, ожидаютъ половодья, которое сноситъ ихъ прочь. Остатки старыхъ тузлуковъ разлиты на дворѣ ватаги и образовали вонючія лужи. Тоже самое и на другихъ сѣверныхъ ватагахъ. Около трехъ скученныхъ ватагъ живетъ въ землянкѣ 90 лѣтній старикъ, надзиратель. Хотя здѣсь, по заявленію его, уже три года не производились работы, тѣмъ не менѣе въ чанахъ, ларяхъ лабазныхъ и подъ навѣсами держутся старые тузлуки, издающіе такой запахъ, что даже опасно приближаться къ нимъ, такъ какъ одного изъ посѣтителей вонь довела до обморока. Въ какой-то ларь съ такимъ тузлукомъ успѣли уже погрузить свѣжую рыбу, а въ другомъ нашли утонувшаго хорька. Всѣ нечистоты отводятся прямо въ рѣку.

Средняя полоса волжскаго рыболовства начинается отъ сѣверной границы Астраханской губерніи и простирается до гг. Астрахани и Краснаго-Яра, по главному руслу Волги и рукава ея Бузана; она занимаетъ 400 верстъ по теченію.

Первыя ватаги этой полосы ничѣмъ не отличаются отъ ва-

тагъ сѣверной. Только съ Булгаковской, на лѣвомъ берегу рѣки, начинаются холодные выхода. Здѣсь всего 47 ватагъ 34 на правомъ, а 13 на лѣвомъ берегу; онѣ также, какъ и сѣверныя, скучены по нѣскольку, оставляя между собою большія пространства свободными. На каждой изъ нихъ по крайней мѣрѣ одинъ холодный выходъ, для соленія и храненія свѣжей рыбы. Онъ строится всегда на возвышенности, перпендикулярно берегу, такъ что одинъ конецъ его обращенъ къ рѣкѣ, а другой, противоположный—въ степь. Съ выходомъ тѣсно связаны амбары, для храненія соли; здѣсь же мелютъ ее на ручныхъ мельницахъ. На каждой ватагѣ казармы для рабочихъ, пекарни и кухни, на многихъ есть бани. На болѣе важныхъ ватагахъ, находятся еще заведенія для бондарныхъ работъ, изготовляющія нужное количество бочекъ (тарокъ и полутарокъ) для отпуска рыбы, и дубильни, гдѣ обработываютъ снасти и рыболовные снаряды.

Отличительная черта ватагъ средней полосы—недостатокъ пристаней или плотовъ, къ которымъ рыболовныя и другія суда могли бы приваливать для сдачи товара. Обыкновенно судно приближается къ нимъ, пока оно не коснется грунта килемъ; тогда перекидываютъ съ борта доски на берегъ и по нимъ выгружаютъ рыбу. Иногда подъѣджаютъ къ лодкамъ на арбахъ. Всѣ ватаги на возвышенностяхъ, для защиты отъ половодья, но гдѣ мѣстность такого устройства не позволяетъ, тамъ онѣ обведены земляными валами.

Наружный видъ ватаги вѣрно указываетъ—армянинъ хозяинъ или русскій. Послѣдній присматриваетъ за чистотою вообще и за продовольствіемъ рабочихъ, не жалѣя издержекъ, — первый помышляетъ только о томъ, какъ-бы сократить расходы по всѣмъ статьямъ промысла и выручить побольше барышей. У армянина на ватагѣ крайняя нечистоплотность, казармы для рабочихъ плохи, на харчи всеобщія жа-

лобы, бань нигдѣ нѣтъ. Вездѣ, и у русскихъ, принятъ обычай чистить рыбу на берегу, прямо на пескѣ, безъ всякихъ подмостокъ или подстилокъ. Запачканную рыбу, не обмывая, передаютъ въ лари. Навѣсы надъ чанами не имѣютъ боковыхъ щитовъ, которые предохраняли бы посоленную уже рыбу отъ пыли и нечистотъ, наносимыхъ вѣтромъ. На нѣкоторыхъ станахъ чаны закрываются плетеными изъ тальника кругами, незащищающими рыбы отъ сора.

Рыболовныя воды южной полосы находятся въ самой дельтѣ Волги, которою мы и идемъ теперь. Они занимаютъ рукава и протоки этой рѣки, на берегахъ которыхъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, расположены остальныя рѣчныя ватаги, и большая часть ихъ находится здѣсь. Протяженіе всѣхъ рукавовъ, вмѣстѣ взятыхъ, составляетъ около 500 верстъ.

Ватаги здѣсь принадлежатъ къ важнѣйшимъ. Тутъ хозяйничаютъ самые крупные представители рыбной торговли. Ватаги похожи на морскія, у каждой на крѣпкихъ сваяхъ пристани, къ которымъ суда непосредственно подходятъ для сдачи улова; на этихъ же пристаняхъ навѣсы, гдѣ принимаютъ рыбу для отдачи солильщикамъ. На многихъ ватагахъ производится жиротопленіе изъ тюленей, причемъ на нѣкоторыхъ паровое. Многія роскошно устроены внутри; на иныхъ встрѣчаются недостатки въ гигіеническомъ отношеніи (преимущественно въ ватагахъ, хозяева которыхъ—армяне).

Сумерки ли теплаго вечера еще далѣе раздвинули берега Волги, только и лѣваго не стало вовсе...

— Море? озабоченно добивается батюшка.

— А что?..

— Какже... Сейчасъ качка начинается. Надлежитъ пріуготовиться заблаговременно.

— Это на счетъ цитроновъ вашихъ?

— Нѣтъ, цитроны, что! цитроны—одинъ пустякъ выхо-

дитъ. Только деньги даромъ бросилъ. А вотъ ловецъ тутъ одинъ есть: совѣтуетъ трижды плюнуть въ воду и, совершивъ плюновеніе сіе, перетянуть животъ поясомъ елико возможно. За симъ лечь на спину и пребывать тако...

Я расхохотался. Надъ перетрусившимся батюшкой очевидно потѣшались.

— Самое лучшее—бросьте, не думайте.

— Какъ бросить, помилуйте! Я помню какъ еще во іереи посвященъ не былъ, въ чинѣ діакона священнодѣйствовалъ, привелось мнѣ по Черному морю. Такой эпитеміи пожалуй и преосвященному не выдумать.

— Трепало?

— Помирать собирался!..

— Ну, теперь погода тихая.

— Тихая, тихая, а вдругъ по грѣхамъ нашимъ буря подымется—что тогда?

— Барометръ спокоенъ.

— Съ вами и бесѣдовать-то досадно. Барометръ! Что въ немъ? У насъ іерей былъ, изъ ученыхъ, семинарію всю прошелъ, такъ тотъ и трубу завелъ для планетъ небесныхъ, а все-таки въ проруби утонулъ! А вы тоже—барометръ!

И батюшка отправился къ борту вѣроятно трижды совершить плюновеніе...

Гуще и гуще сумерки... Нѣсколько звѣздъ робко мигнули съ высоты небесной... Холодкомъ повѣяло съ моря... Теперь уже ничего не видать кромѣ рѣки... Развѣ изрѣдка далеко далеко въ сторонѣ огонекъ забрежжется. Всматриваешься. Берегъ ли тамъ, или съ кусовой ладьи мерещится—кто разберетъ. На палубѣ баржи говоръ все тише и тише. Какая то пѣсня разносится, только тихая, нервная...

— Я тебѣ говорилъ, купи поросенка въ городѣ... Слышится чей-то недовольный голосъ.

— Ладно, и бараниники поѣшь. Сурово прерываетъ другой.

— Эхъ ты, для ради ангела своего, да поросенка пожалѣлъ.—Разъ то вѣдь въ годъ имянины. Хранителя то своего небеснаго потѣшить поскупился... Заступничка...

— Балычка на Бирючьей купимъ...

Ярче разгораются звѣзды... Гуще ночная тьма. Передо мной вспыхиваетъ и гаснетъ чья-то сигара, то выхватывая изъ изъ мрака бородатое лицо, то опять заволакивая его пеленою.

— А все бы поросеночка!.. робко повторялось въ сторонѣ.

— Уйди, убью!.. уже рычитъ другой. Поросеночка, да поросеночка! Мелево!.. Ты у меня этимъ поросеночкомъ душу всю вымотаешь, дьяволъ...

— Для ради ангела небеснаго! еще ниже, еще робче слышится видимо полупроглатываемый отвѣтъ...

БИРЮЧЬЯ КОСА.

I.

Каспійская ночь. — Мы у пристани. — Бирючья коса.

Поздно ночью мы вышли въ Каспій.

Ярко горятъ жолтыя, страстныя звѣзды. Сумракъ и прохлада. Мимо лѣниво ползутъ шкуны, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Огоньки на нихъ. Около огней выдѣляются изъ тьмы, озаренныя багровыми отблесками, бородатыя лица. Какой-то пароходъ, тяжело пыхтя, перебѣжалъ намъ дорогу, другой было въ догонку за нами пустился, выбрасывая изъ трубы широкую полосу искръ,—да силенки не хватило, отсталъ. Впереди далеко далеко, точно кометы съ золотистыми хвостами на морскомъ просторѣ. Пароходы оказываются тоже. Дали словно раздвинулись; мечтательно испытуетъ взглядъ таинственную синеву и нѣтъ ему предѣла, и бродитъ онъ, то впереди, то по сторонамъ, любуясь этою красой заманчивой... Такъ бы и ушолъ съ палубы парохода въ прохладное царство лазурной ночи...

Что это?.. Словно зарево впереди... На самомъ краю моря—красное пожарище, оно и на волны легло багровыми бликами... Все гуще и крупнѣе эти отблески, вотъ уже полосою протянулись къ пароходу, когда зарево выдѣлилось громаднымъ дискомъ. Все выше и выше выступаетъ надъ моремъ этотъ мѣсяцъ, точно тамъ въ дали недосягаемой, кто-то таинствен-

ный поднимаетъ мѣдный щитъ свой... На красномъ кругѣ — пароходъ точно вырѣзался. Какъ разъ между нами и мѣсяцемъ пришолся. Каждою своею мачтой... Скоро—луна всплыла надъ нами, потерявъ свои зловѣщіе тоны... Голубое сіянье щедро льется на тихій Каспій и безчисленными серебристыми сѣтями разстилается на его недвижномъ просторѣ...

Направо смутно какія-то очертанія. То мигнетъ оттуда огонекъ, то погаснетъ, точно кто-то раскрываетъ и вновь смежаетъ вѣки... Какая-то темная полоса. А за ней еще другая... Вонъ и другой огонекъ робко затеплился, третій, четвертый...

— Вотъ и добрались.

— Это что же?

— Да видите впереди баржу на мертвомъ якорѣ.

Разсматриваю — какое-то черное пятно.

— Это наша конторка. Сюда пристаетъ пароходъ. А отъ конторки на Бирючью косу на лодкѣ доберемся. Вонъ и она самая—коса наша... Видите, гдѣ огоньки.

Огоньки эти точно на самомъ морѣ вспыхивали и гасли...

Уменьшая ходъ и описывая большую дугу, медленно подошелъ пароходъ къ баржѣ, играющей роль пристани — посреди моря. Послышался трескъ чего-то, шуршанье нашего борта о бортъ конторки. Винтъ парохода развелъ волненіе и конторка сильно закачалась, точно по морю взводень ходитъ.

— Прощайте! уныло обращается ко мнѣ священникъ.

— Желаю вамъ благополучно доѣхать.

— Авось... Съ помощію Божіей... Животъ я себѣ перевязалъ, теперь лягу...

— До свиданія въ Ашуръ-аде.

— Ну, гдѣ ужь намъ.

— Чего же вы боитесь?

— Не доѣду!

— Отъ чего?

— Помру отъ качки... Спервоначалу говорятъ пища выходитъ, послѣ вода, а послѣ воды кровь. Ну а какъ кровь выйдетъ, и духъ за ней устремляется... Вамъ хорошо, вы теперь прiѣдете—прямо въ постель, подъ вами земля... А тутъ неровенъ часъ. Древле вонъ пророкъ Iона...

Я не дослушалъ. Вещи были вынесены. Кто-то взялъ ихъ, какая-то баба толкнула въ лодку меня, въ догонку за мной полетѣли и узлы, сакъ-вояжи, чемоданы.

— Ну, съ Богомъ!

Оглядѣвшись я замѣтилъ, что со мною здѣсь человѣкъ десять ѣдетъ.

— Вы всѣ на Бирючью косу.

— Да мы здѣшнiе жители... Посередь моря спасаемся.

— Будто бы монахи.

— Хороши монахи! Протестуетъ кто-то. Въ темнотѣ я и не различаю его.

— Чѣмъ не монахи—пустынножительство...

— Съ бабами-то?.. Хороша пустынь!

— Отыми у насъ бабъ—въ петлю отъ тоски полѣзть приведется.

— На Бирючьей баба большой человѣкъ. Мужа она держитъ въ струнѣ. Онъ у нее по командѣ ходитъ. Бабы у насъ крупныя, ядреныя. Съ ней и тремъ ловцамъ не справиться. Только въ послѣднее время портится начали.

— Да, карналины эти завели... Тоже танцовать выучились. Кадрель, польки—все могутъ.

— Вы не смотрите, что она за простымъ ловцомъ замужемъ. Есть и такiя, что шляпку съ птицей носятъ.

Хорошо... прохладно... Послѣ этого богатаго впечатлѣнiями дня такъ и клонитъ ко сну. Переѣзду съ часъ, я и

прилегъ на чей-то узелъ... Проснулся уже какъ лодка оста. новилась. Всталъ было.

— Постойте, постойте.

— Да вѣдь пріѣхали.

— Нужно еще телеги подождать. Видите-ли лодка за семьдесятъ саженъ отъ берега останавливается. Тутъ мелководье..

Скрипя немазанными колесами, во тьмѣ медленно подъѣхала къ намъ съ берега телега и мы, разсѣвшись на нее, торжественно совершили остальную часть морскаго плаванія. Лошади бойко ступали въ воду, обдавая каждый разъ массою брызгъ изъ воды и насъ и нашу рухлядь.

— Совѣтую вамъ вплоть до дому на телегѣ прокатиться. Тутъ песокъ. Идти трудно.

Въ темнотѣ большая факторія г. фонъ-Бремзена кажется еще громаднѣе. Только забравшись въ безукоризненно чистую постель, я оцѣнилъ всѣ преимущества комфорта и цивилизаціи въ столь дикихъ мѣстахъ, какъ Бирючья коса.

II.

Пустыня, спаленная небомъ.—Чумныя могилы.—Огненный змій.

Точно небо въ неутолимомъ гнѣвѣ своемъ спалило эту пустыню.

Желтые пески, сыпучіе... глубоко уходятъ ноги въ ихъ зыбкую массу... Гдѣ клочки земли, тамъ она сожжена. Былинки—стоятъ высушенныя, точно для гербарія—первый вѣтерокъ и онѣ пылью разсыплются на знойную потрескавшуюся почву. Сѣрыя ящерицы скользятъ повсюду, на бѣгу окидывая васъ робкимъ взглядомъ изумрудныхъ глазъ. Чуть вы ступили—изъ изъ подъ ногъ такъ и бросятся въ разныя стороны эти отшельники Бирючьей косы до перваго холмика, куда можно имъ за-

рыться въ горячую и разсыпчатую массу. Другія рядомъ бѣгутъ съ вами, съ такою быстротою змѣясь во всѣ стороны гибкимъ тѣломъ, что вамъ трудно и распознать ихъ очертанія. Даже шорохъ стоитъ здѣсь отъ этихъ сѣрыхъ ящерицъ.

Налѣво—голубая рѣка, направо голубое море. Посрединѣ узкая коса. На ея оконечности десятка два деревянныхъ домовъ и большая факторія Бремзена... На улицѣ никого. Даже собаки спрятались и лѣниво, чуть-чуть полуоткрывая глаза, провожаютъ насъ недоумѣвающимъ взглядомъ. «И чего де вы шатаетесь въ такую жару!» На кровлѣ одной избы—пара котовъ прямо подъ солнцемъ. Хорошо спится имъ въ этотъ зной.. Даже въ окнахъ лица не видать.

— Да у васъ дѣти-то есть здѣсь?

— И много.

— Гдѣ же они? Неужели по домамъ сидятъ?

— Нѣтъ—вонъ.

Въ голубыхъ струяхъ рѣки, дѣйствительно, плескалась цѣлая орава мальчишекъ. Весело, бойко... Оттуда и смѣхъ звучалъ, и крики доносились, а надъ ними также весело и рѣзво гонялись сотни ласточекъ, бойко чирикая на весь этотъ просторъ.

Вышли изъ поселка—опять спаленная земля, желтые зыбучіе пески. Опять тысячи сѣрыхъ ящерицъ. Жукъ скарабей катитъ передъ собой какой-то черный шарикъ. Коса съуживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ что рѣку отъ моря отдѣляетъ саженъ десять—двѣнадцать песчанаго вала. Невольно засмотришься налѣво, на этотъ праздничный голубой просторъ. Каспій пока недвиженъ, только у берега чуть колышутся его прозрачныя воды. Даль-то, даль какая, и все это—и тамъ чуть не у горизонта, и здѣсь надъ вами, и по сторонамъ—ослѣпительно сверкаетъ. Больно глазамъ и оторваться отъ морской красы этой силы нѣтъ. Ослѣпъ бы, да смо-

трѣлъ. Бѣлая чайка печально, словно рыдая, оретъ на всю эту лазурную пустыню. Точно комъ расплавленнаго серебра—вьется она въ воздухѣ... А еще выше—въ другой безпредѣльной синевѣ, сегодня безоблачной и безмятежной, черною точкой повисъ орелъ-рыболовъ и зорко высматриваетъ оттуда добычу. Очень далеко — на самомъ краю Каспія мерещится что-то.

— Это суда стоятъ, которыя не могутъ въ Волгу входить. Тамъ ихъ—тысячи.

То покажется, то опять пропадетъ.

Вотъ съ моря потянуло вѣтромъ... Тихо, тихо... По песку зашелестилъ вѣтеръ, чуть чуть всколыхнулъ сонную воду и давай она лѣниво плескаться въ отмелый берегъ... Точно кто-то шопотомъ разсказываетъ старую сказку...

По желтому песку кучки перьевъ разсыпаны.

— Ишь коршуны подлые... Сколько они здѣсь гусей дерутъ—страсть!

Вѣтеръ слегка шевелитъ эти перья, подхватываетъ ихъ и гонитъ дальше...

Вотъ какіе-то песчаные холмики, и много ихъ здѣсь.

— Чумныя могилы! Объяснилъ мнѣ провожатый. Тутъ прежде карантинъ былъ. Пропасть народа умерло чумой—ну ихъ здѣсь и хоронили. Вонъ и остатки вала карантиннаго. Садъ былъ въ карантинѣ прелестный.

— Куда-жъ онъ дѣвался? Зелень бы кстмти была въ этой песчаной пустынѣ.

— Мудрое древле начальство фруктовыя деревья на топливо извело, а цвѣты уничтожило «за ненадобностью».

Дѣйствительно—мудрое!

— Тутъ по поводу этихъ могилъ пропасть легендъ ходитъ.

— Не помните ли хоть одной?

— Въ темныя зимнія ночи, когда буря на морѣ да шур-

ганъ по степи шумитъ, всѣ чумные мертвецы встаютъ изъ могилъ своихъ и тучей носятся по Бирючьей косѣ и рыдаютъ и жалуются, что схоронены они далеко далеко отъ милыхъ и дорогихъ людей, отъ свой родины... Бѣда повстрѣчаться съ ними—въ море сбросятъ или захватятъ въ свою тучу и унесутъ. А то песками да снѣгами засыплютъ... Тоже и въ осеннія ночи шумятъ они тутъ, огни надъ могилами вспыхиваютъ, изъ земли выходятъ и надъ огнями этими сидятъ... А то еще распространенъ здѣсь слухъ, что по ночамъ, и лѣтомъ и зимою—все равно, огненный змій летаетъ надъ косой, а подъ утро на чумную могилу падаетъ и уходитъ въ нее... Является къ ловцамъ—неизвѣстный ловецъ подъ вечеръ, поитъ ихъ и кормитъ; гулять зоветъ—пойдутъ они и заводитъ ихъ прямо на чумныя могилы. Ну и пропадаютъ,—ни слуху, ни духу...

Вѣдь и всего-то пядень земли—а цѣлый циклъ легендъ и суевѣрій. Во всякомъ случаѣ, здѣсь этихъ сказокъ гораздо больше, чѣмъ земли, на которой совершаются всѣ ихъ таинственныя чары...

— Особенно огненный змѣй этотъ до молодыхъ бабъ повадливъ. Про это тоже разсказываютъ. Въ трубу влетаетъ онъ змѣемъ, а въ горницѣ парнемъ молодымъ перекидывается, ну и мутитъ дѣвичью либо бабью душу, улещаетъ ее, обманомъ беретъ. А подъ утро—опять въ трубу змѣемъ вылетаетъ назадъ. Отъ такихъ любовныхъ похожденій и приплоду нѣтъ, только сохнетъ дѣвка да таетъ, что свѣча... Смотришь, недѣли въ три и сгоритъ совсѣмъ. Это онъ въ ней душу всю сожжетъ за это время...

Тутъ уже тальникъ пошелъ, только болѣзненный, слабый. На берегу рѣки и по мелководью—трава ростетъ, бѣловатая, серебристыми искрами подъ солнцемъ сверкаетъ да по теченью клонится. Волны въ берегъ бьютъ—и она берегу кланяется, отхлынутъ отъ берега и она—киваетъ глубинѣ рѣчной. А хо-

роши эти волны. Тутъ подъ вѣтромъ онѣ разгулялись немного Подкатится по мелководью къ берегу и вздувается, точно грудью...

Опять зелень пропала. Бурая земля вся въ трещинахъ. Мимо саранча пролетѣла—точно вѣтеръ зашелестилъ бумагой. Вся она гнѣздится по трещинамъ этимъ. Сѣрый коршунъ—на сѣромъ землистомъ холмѣ — и не отличишь его. Только когда подошли ближе, разсмотрѣли пернатаго хищника. Медленно поднялся онъ въ воздухъ и съ недовольнымъ клекотомъ, переводя хвостомъ какъ рулемъ, полетѣлъ за рѣку... А внизу у мелководья—еще нѣсколько такихъ же разбойниковъ. Даже и вниманія на насъ не обратили эти, хотя за спиной у моего спутника и болталась винтовка.

Вонъ стѣнка камышевая вся солнцемъ освѣщена.

— Это что за плетень?

— Жилье тоже.

Подходимъ—дѣйствительно камышевая хижина. Внутри сидитъ на камнѣ мальчуганъ и пользуясь тѣнью бойко точитъ на кожѣ крюки бѣлужьи.

— Это кому же?

— А батькѣ.

— Гдѣ онъ?

— На промыслѣ... Вернется—новые крючья будутъ.

— Мать гдѣ-жь твоя?

— И она на промыслѣ, и сестра тоже съ ними... Я одинъ остался, потому малъ еще...

На всѣхъ мазанкахъ вообще здѣсь камышевыя кровли. Оттого они и золотятся на солнцѣ. За выселками пропасть камышу—конусами сложено или какъ здѣсь называютъ, шишами.

— Подъ этими шишами—страсть что змѣй хоронится!

— Ядовитыя?

— Есть и ядовитые, больше ужа. У насъ ихъ дѣти ловятъ и забавляются. Въ карманы кладутъ, за пазуху.

Изгороди тоже изъ камышу. Такъ и сверкаютъ на солнцѣ. Въ тѣни отъ нихъ тоже не мало змѣй хоронится. Ихъ убиваютъ здѣсь и съ болѣе практическою цѣлью. Кожу, снятую съ змѣя, зашиваютъ въ какую-нибудь матерію и носятъ вокругъ шеи, какъ вѣрное средство отъ лихорадки...

Только пройдя версты три по Косѣ, мы наткнулись на небольшую рощицу. Тутъ и мурава свѣжая, и тѣнь, и шелестъ листьевъ. А красота какая! Сидишь въ этой рощицѣ и видишь съ одной стороны море, съ другой недвижно разливъ рѣки. Корова бродитъ около, нѣсколько барановъ—спятъ въ сѣни, а у берега старикъ, ветхій, ветхій, подставилъ спину солнцу и жмурится отъ наслажденія, когда оно его насквозь пропекаетъ своими почти отвѣсными лучами... Поди и видитъ онъ плохо—а все еще пастухомъ ходитъ за стадомъ. Шалаши какіе-то въ рощѣ. Заглянули туда—на соломѣ безмятежно спитъ ребенокъ. Раскраснѣлся весь, ножки и ручки разбросилъ по сторонамъ и улыбается во снѣ, а рядомъ, въ чащѣ тальника задорно свищетъ какая-то мелкая пташка и по всему зеленому оазису этому во всю мочь звѣнятъ неугомонныя стрекозы...

И диллія да и только!..

III.

Крещеный калмычокъ. — Шолна и его продѣлки.—Микула Селяниновичъ на Каспіи.

— Ты куда Иванъ? Останавливаетъ мой спутникъ колченогаго, но щеголевато одѣтаго калмыченка.

Еще мальчуганъ, а взрослымъ хочетъ казаться. Топорщится, пыжится... У самаго въ карманахъ шуршатъ только что

изловленныя ящерицы, глаза такъ и прыщутъ смѣхомъ, а тоже умѣряетъ шагъ, степенство на себя напускаетъ. Даже руки назадъ заложилъ.

— Это откуда калмыкъ? спрашиваю я.

— Я не калмыкъ! Обидчиво огрызается мальчуганъ.

— Какъ не калмыкъ?

— Я русскій!

— Онъ крещеный?

— Да все же калмыкъ вѣдь.

— Вонъ калмыки! Съ пренебреженіемъ указалъ мальчуга толпу оборванцевъ, подъ пекломъ перебиравшихъ веслами на большой узкой лодкѣ, какъ стрѣла летѣвшей по голубому простору моря.

— Это калмыки, а меня купецъ въ дѣти взялъ!

Разумѣется, я ничего не понялъ. Уже потомъ мнѣ объяснили, что крестящихся калмыковъ принимаютъ въ семью, какъ дѣтей, русскіе, эти пріемыши пользуются всѣми правами законныхъ наслѣдниковъ — имущественными и личными. Некрещенные калмыки относятся къ нимъ очень хорошо, съ видимымъ уваженіемъ.

— Это почти русскій! Говорятъ они, указывая подобострастно, на какого-нибудь мальчугана, вродѣ встрѣченнаго нами.

Заговоритъ съ ними такой «почти русскій»—калмыкъ считаетъ это величайшимъ вниманіемъ съ его стороны и отвѣчаетъ, опустивъ глаза въ землю. Впрочемъ, такого счастья рѣдко ему удается добиться. Дѣло въ томъ, что крещеные калмыки относятся къ язычникамъ, какъ къ собакамъ. Они ихъ и за людей не считаютъ.

— Этотъ самый крещеный калмыченокъ, сообщали мнѣ потомъ объ встрѣченномъ экземплярѣ, не вышелъ къ своей сестрѣ, когда она пришла къ нему, только потому, что онъ

русскій и прогналъ ее. Я, говоритъ, теперь не считаю ее родной. Я сынъ купца, а она что—простая калмычка!

— Изъ «орды» вы! упрекаютъ крещеные калмыки некрещеныхъ.

Русскіе къ калмыкамъ относятся гораздо лучше, чѣмъ эти. Калмыкъ, принимая христіанство, женится на русской. Это тоже не послѣдній поводъ къ гордости. Какъ мы выше замѣтили, ни одна русская не согласится не только выйти замужъ за калмыка язычника (легально этого и сдѣлать нельзя) но даже сойтись съ нимъ такъ, по простотѣ, какъ это часто практикуется по отношенію къ своимъ парнямъ.

Крещеный калмыкъ разъ навсегда разрываетъ связи свои съ прошлымъ. Мать ему—не мать, мимо отца—онъ проходитъ равнодушно, не узнаетъ его; братья и сестры—для него «орда проклятая». Онъ ихъ еще больше ненавидитъ, потому что они имѣютъ какія-то фиктивныя права на него. На языкѣ у него есть для нихъ только одно слово: «собака поганая»...

Становилось все жарче и жарче. Лазурь морской дали—ослѣпляла глаза. Она вся искрилась, точно все это море было неизмѣримою массою голубыхъ, лучистыхъ искръ... По дорогѣ, на припекѣ словно золотые свертки, комочками, грѣлись ужи. На насъ они и не обращали вниманія. Развѣ ужъ слишкомъ осторожныя, отползали въ сторону, обращая къ намъ свою безвредную пасть. Даже не зашипѣла ни одна! На Бирючьей косѣ змѣями играютъ мальчишки. Они стравливаютъ ихъ съ ящерицами, держутъ у себя въ карманахъ, а одинъ изъ сыновей фонъ-Бремзена, умный и бойкій мальчикъ, даже за пазухою хранилъ своихъ любимцевъ. Даль—по косѣ все пустыннѣе и пустыннѣе.

— Теперь по рукаву этому плыви—все луговины да песчаныя понизи. Рѣдко на берегу—пустынная ватага. Чаще кибитка калмыцкая встрѣтится или шалашъ. И опять безлюдье!..

Потому тутъ мѣста такія пошли степныя, привольныя... Развѣ гдѣ горбина бурая, либо холмъ поднимется, ну тамъ часто и цацу калмыцкую увидите.

— Какую цацу?

— Цаца—это по ихнему храмъ... На холмахъ видите ли шолна (чортъ) пакоститъ... Ну такъ они защищаютъ себя отъ него капищами. Тутъ въ окрестностяхъ самая лучшая цаца у бахши Баалдыра, въ ихнемъ монастырѣ.

— Какой монастырь?

— Вы не думайте, чтобы вродѣ нашихъ. Просто по зеленой понизи—кибитокъ двѣнадцать стоитъ, а въ тѣхъ кибиткахъ монахи ихніе, гелюнги, безъ бабъ спасаются... Вотъ и обитель ихняя, вся тутъ.

— Ихняя шолна поганая и къ намъ забирается, не гляди что православные. Жаловались промышленники на калмыцкаго чорта.

— Обижаетъ шолна, это точно... Сегодня лужокъ тутъ, таково ли весело муравка пробивается, кустикъ стоитъ, пташка въ немъ свищетъ всякая, а завтра—съ вѣтромъ шолна намететъ гору песчаную — и шабашъ, каровенки выгнать нѣкуда.

— Мы пробовали и кресты ставить.

— Помогло?

— Куда! Ихняя шолна нашей вѣры не знаетъ чего-жь ей пужаться. Она и тиранствуетъ. И не отмолишся отъ нее ничѣмъ. А то тоже ручей пробивается гдѣ, скрозь сушину нашу; сегодня играетъ на солнышкѣ, всякому страннику на утѣшеніе, а завтра смотримъ—шолна и его засыпала, потому ей всякая немочь людская за первое удовольствіе.

— Еще и того хуже бываетъ. Идешъ одинъ по глади нашей. Изморитъ тебя пекло—а кругомъ все понизь одна. Ни примѣтины—ни отмѣтины. Безъ отдоху идешь. И тутъ она

подлая издѣвку всякую творитъ, возьметъ да пескомъ тебѣ глаза засыплетъ — а отмыть ихъ негдѣ. Воды — и видомъ не видано. Либо подойдешъ къ озеру, вчера самъ пилъ отсюда, чудесная вода была, а сегодня соль-солью, это все *она* шалитъ. Ну, а какъ поставятъ калмыки цаца свою — и шолна уйдетъ въ земь отъ нее, только по ночамъ, тамъ подъ землей гудетъ, да плачется, что нѣтъ ей простора прежняго. У нихъ, вишь всякая шолна свое мѣсто имѣетъ, поставилъ ты цацу—и нѣкуда ей, окромѣ какъ въ земь уйти.

— А по ночамъ еще хуже отъ шолны бываетъ. Вступается въ разговоръ сумрачный и бойкій промышленникъ. Идешь ты по степи домой, на ватагу, либо въ село свое пробираешся. Темъ кругомъ — ничего не видно. Думаешъ тамъ вонъ село, а поглядишь въ сторонѣ огонекъ тебѣ свѣтится, точно изъ окошка. Ну, а пойоешь на огонекъ и пропалъ! Это шолна огонькомъ перекидывается, это она крещеную душу путаетъ. Либо въ воду тебя заведетъ, либо въ такую трясину гдѣ окромя звѣря ничего не встрѣтишь....

Подошли къ плоту у самаго моря. Тутъ подъ навѣсомъ нѣсколько рабочихъ г. фонъ-Бремзена потрошили только, что привезенную рыбу.

— Каковъ уловъ Богъ даетъ?

— Ничего. Рыбка рубашкой хороша, только мелка очень. Теперь какой промыселъ! Теперь — безовременье. Ты бы раньше поглядѣлъ какая тутъ озява была...

А самъ въ это время бойко работаетъ ножемъ. Взрѣзываетъ осетру брюхо, отдираетъ клеевину, потомъ еще разъ взрѣзываетъ, ловко выхватываетъ визигу. Клеевина и визига моментально перебрасывается другому рабочему — прополоскать въ водѣ... Янтарноемясо осетра такъ и золотится подъ солнцемъ.

— Это у насъ королевичь рыба.

— А король кто?

— А король—бѣлуга... Та всѣмъ рыбамъ царь. Попадетъ бѣлуга матерая промышленнику—цѣлаго улова одна стоитъ.

— У насъ на бѣлугу и бойцы же есть! Одно слово — охотники.

— Возьми хошь Силантьева. Вонъ онъ.

Смотрю громадина какая-то передо мною. Силы видимо у него—что у Микулы Селяниновича, богатыря земскаго. Борода лопатой, лицо добродушное, улыбка—дѣтская почти, совсѣмъ ужь не подстать этому циклопу. Глаза смотрятъ зорко. Руки что твои весла—совсѣмъ идеалъ моряка-промышленника. Воображаю, каковъ онъ долженъ быть на дѣлѣ. Тутъ-то и работаютъ эти лопатообразныя лапища.

Про этого Силантьева, между прочимъ, вотъ какія чудеса мнѣ разсказывали. Вздумалъ онъ какъ-то зимою рыбу ловить, пробилъ во льду лунку и спустилъ въ нее крючья. На одинъ изъ крючьевъ громадная бѣлуга попалась. Какъ ее вытащить на ледъ? Самому въ воду лезть въ платьѣ—обмокнешь и сухой нитки не останется морозъ былъ страшный. Недолго думая и выбивъ два отверстія во льду, онъ раздѣлся, чтобы потомъ платье было сухое. Придумалъ тутъ же на мѣстѣ нѣсколько остроумныхъ приспособленій, чтобы рыбу подвести подъ главную майну, причемъ ему привелось голому по поясъ въ водѣ работать, да и неслошь. А поработаетъ — и выскочитъ на ледъ и давай бѣгать да согрѣваться. Наконецъ удалось ему послѣ нѣсколькихъ часовъ самыхъ напряженныхъ усилій вытащить бѣлугу сквозь главную майну. Одѣлся, нѣчто въ видѣ полозьевъ подъ рыбу придѣлалъ, да и притащилъ такимъ образомъ добычу въ село Житное. Свѣсили бѣлугу — тридцать пудовъ вышло.

Ну не Микула ли Селяниновичъ воскресъ въ этомъ богатырѣ прикаспійскомъ?

— Что же онъ выручилъ за рыбу?

— А считай — пять пудовъ икры было—двѣсти рублей, въ башкѣ 5 пудовъ—10 рублей, да 20 пудовъ въ самой рыбѣ по 4 р. 50 к. за пудъ—90 р. всего и получилъ отъ хозяина триста рублей. Было изъ-за чего и потрудиться!..

— И не заболѣлъ?

— Что ему дѣлается. Болѣть—это бабье дѣло, а промышленнику нѣкогда!... Ничего, ему толстому черту еще и на здоровье.

А «толстый чертъ» точно и не про него, стоитъ себѣ у берега да въ синь морскую посматриваетъ. Поди не вѣсть какъ далеко видитъ?.. И ничего ему, что солнце точно калеными стрѣлами пронизываетъ его ничѣмъ непокрытую голову, да запекаетъ и безъ того почернѣвшее на жарѣ этой лицо... Видно, что морозъ зимою, что это пекло неистовое лѣтомъ, ему—все единственно. Точно не его—а столбы эти деревянные жаритъ оно. Да и на столбахъ словно потъ — желтыя капли смолы выступили—а у Микулы Селяниновича совсѣмъ лобъ сухой... Камень да онъ только и равнодушны къ зною такому.

IV.

Знатный персъ-Делянъ бегъ.—Брось нѣмца въ воду! — Собаки-рыболовы. — Послѣдняя Каспійская ночь.

Нижній этажъ факторіи г. фонъ-Бремзена весь занятъ конторами его и лавкой. Въ лавкѣ — все что нужно Бирючьей косѣ. Тутъ и помада и масло и мука и чай и всякая обувь. Нѣчто въ родѣ описанной много въ книгѣ «Страна Холода» лавкѣ Паллизена на Мурманѣ. Въ лавкѣ постоянно толпятся рабочіе и промышленники. Большая часть предъявляетъ записки отъ конторы и по нимъ получаетъ товаръ. Вся торговля—

въ кредитъ. Прикащикъ—отставной офицеръ, очень не глупый малый. На службѣ ему не повезло. Изъ тѣхъ натуръ, что по шаблону жить не умѣютъ и достоинствомъ своимъ не поступаются. Не угодилъ начальству — вышелъ въ отставку и къ г. фонъ-Бремзену въ лавку. Помощникомъ у этого піонера русскаго юга—красавецъ-персъ. Юноша еще, усики едва пробиваются. Прелестные глаза на изящно-очерченномъ личикѣ...

— Какъ къ вамъ попалъ онъ?

— Изъ Персіи ушолъ. Это—потомокъ знатнаго армянскаго рода Делянъ-беговъ. Нѣкоторые изъ той-же фамиліи давно перебрались въ Россію и заняли очень высокое положеніе въ питерской іерархіи, а этотъ—работникомъ у Бремзена служитъ. Изъ аристократовъ персидскихъ — да въ лакеи!.. У насъ на Бирючьей еще и не такіе экземпляры есть.

— Что вамъ за охота была уйти изъ Персіи?

— Да развѣ у насъ можно жить?... Лучше здѣсь служить господину, чѣмъ тамъ господиномъ быть самому. У моей матери подъ Тавризомъ большое имѣніе... Не сошелся съ нею и ушолъ! Бѣда тамъ!...

— Такъ вы и думаете остаться всю жизнь рабочимъ?

— Пойду въ солдаты... Выслужусь... Вотъ я учиться началъ по русски...

— И отлично учится—превосходныя способности; подтвердилъ офицеръ-прикащикъ. По своему, по армянски—онъ человѣкъ образованный; самостоятеленъ только очень—не хотѣлъ кланяться тамъ на родинѣ, ну и бросилъ сытую жизнь!..

Не правда-ли странный уголокъ—бывшій гвардеецъ пурдаетъ деготь промышленникамъ, а персидскій князь и потомокъ чуть не царственнаго армянскаго рода служитъ работникомъ о остзейскаго аристократа, ставшаго тоже въ свою очередь Астраханскимъ рыбникомъ! Америка да и только. Я такъ и смотрю на Бирючью косу, какъ на зародышъ чисто демократическаго

города. Тутъ и колонисты изъ Германіи, и разстриженный священникъ, содержащій нѣчто въ родѣ трактира, и бывшій банкиръ, обдѣлывающій балыки на продажу. Кстати: у Бремзена здѣсь подъ громаднымъ навѣсомъ—на значительной высотѣ цѣлая масса такихъ балыковъ понавѣшана. Коптятся себѣ да обсыхаютъ....

— Тутъ ихъ тысячъ на пятьдесятъ! Объяснилъ мнѣ спутникъ.

У берега точно замерла здѣшняя шнява морская—подчалокъ. Растянулась въ немъ собака и спитъ себѣ—благо тѣни клокъ нашлось. Рядомъ чайка преспокойно усѣлась и чиститъ себѣ клювъ. И въ водѣ отразилась такая же бѣлая, красивая.

— Знаете какъ называется эта штука?

Большой камень, со всѣхъ сторонъ обтянутый веревочной сѣткой. Родъ балласта. Къ кормѣ онъ прикрѣпленъ тоже веревкой.

— Здѣшніе промышленники нѣмцемъ его прозвали, что подало между прочимъ поводъ къ очень смѣшному недоразумѣнію. Одинъ ученый нѣмецъ изъ Петербурга по Волгѣ близь Астрахани странствовалъ. Разъ онъ ночью плылъ съ калмыцкаго базара, только что прилегъ, какъ вдругъ слышитъ: «Брось нѣмца въ воду!.. Брось нѣмца въ воду... Матвѣй, говорятъ тебѣ бросай его, чего смотришь». Всполошился нѣмецъ страшно, вскочилъ... «Ну его—оставь» отвѣчаетъ другой. До самаго мѣста нѣмецъ былъ въ ужасѣ. Дрожитъ—а сказать ни слова не можетъ. Вспомнилъ кстати, что съ нимъ денегъ много. Молитвы про себя читаетъ, да ожидая безвременной кончины объ своей Амальхенъ чуть не со слезами думаетъ. Только что подъѣхали къ городу—нѣмецъ поднялъ шумъ, гребцовъ заставилъ арестовать, а самъ прямо къ губернатору да ночью съ постели его и поднялъ. Помилуйте, говоритъ, у васъ тутъ убійства на каждомъ шагу—меня чуть не утопили въ Волгѣ?.. Можете себѣ

представить какимъ смѣхомъ разрѣшился весь этотъ кавардакъ, когда нѣмцемъ, котораго собирались бросить въ воду—сей самый кусокъ камня оказался?

Первый разъ недалеко отсюда я видѣлъ какъ собаки занимаются рыболовствомъ. Одинъ такой четвероногій промышленникъ упражнялся на моихъ глазахъ. То и дѣло онъ нырялъ въ воду съ берега. Нырнетъ, или какъ здѣсь говорятъ, мырнетъ, выхватитъ выбу—выволочетъ ее на берегъ, прокуситъ ей голову, оставитъ въ сторонкѣ и за другой пускается. И какъ все это ловко дѣлается, умѣло—только руками разведешь. Ловля впрочемъ окончилась очень комично. Около промышленника этого все чайка одна суетилась; улучивъ время когда песъ нырнулъ она выхватила самую крупную рыбу. Обиженный ловецъ даже захлебнулся въ водѣ отъ злости. Во всю мочь перебирая лапами и стараясь приблизиться скорѣе къ берегу—онъ громко лаялъ—а выскочивъ на берегъ—остервенѣло бросился на пернатаго хищника. Тотъ, разумѣется, тоже не медлилъ и съ рыбой въ когтяхъ поднялся вкось—на гребни холмовъ, которые идутъ надъ отмелью. Собака за нимъ—чайка дальше и песъ дальше, и все это съ оглушительнымъ лаемъ. Несчастный даже позабылъ остальную добычу на берегу, куда сейчасъ же слетѣлись другіе хищницы. Когда песъ возвратился—ѣсть ему оказалось нечего. Сѣлъ на заднія лапы—и давай самымъ жалобнымъ воемъ оглашать молчаливыя окрестности. Чтобы—опять начать промыселъ. Нѣтъ! Сидитъ себѣ да воетъ, воетъ да повизгиваетъ, безпомощно обращая къ намъ свою кудлатую морду.

Рыбнымъ промысломъ занимаются и вороны. Только тѣ, какъ истинные мародеры, ожидаютъ когда волны выбросятъ на отмель мелкую воблу или бѣшенку. Обсохнетъ она—карги тутъ какъ тутъ!.. И дешево, и сердито!.. Впрочемъ и здѣсь песъ является конкуррентомъ. Чуть налетятъ вороны—собака бросается въ кучу ихъ, отгоняетъ этихъ астраханскихъ со

ловьевъ и завладѣваетъ полемъ битвы—съ военною добычей включительно.

Отсюда я ѣздилъ въ калмыцкіе монастыри на Каспіѣ—но книга моя и безъ того уже вышла изъ опредѣленнаго размѣра. Боюсь—наскучить читателю. Да сверхъ того эти обители уже не въ районѣ Волги. Когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ—я возвращусь къ гостепріимному старику—бакши Баалдыку, въ кибиткѣ котораго я провелъ такіе пріятные часы.

Также покойно было сверкающее голубыми искрами море; когда мы оставляли спаленную солнцемъ Бирючью косу—эту обѣтованную землю ужей и ящерицъ... Также заманчивы были лазуревыя дали, также безоблачны и знойны небеса... Полковникъ Эльфсбергъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе небольшой пароходъ «Поспѣшный», возвращавшійся въ Астрахань. На берегу собралось немногочисленное населеніе колоніи, жаль было прощаться съ этими добрыми и привѣтливыми людьми... Но вотъ—толпа на берегу все скучивается и сливается... Все ниже и ниже кажется самая коса... Дома становища прячутся одни за другіе, сбѣгаются въ кучку... Наконецъ и весь этотъ уголокъ кажется смутною черточкой и только холмы его чуть чуть намѣчиваются на горизонтѣ. Точно тамъ густятся какія-то тучки...

Ночь, слѣдовавшая за этимъ днемъ, была невыносимо знойна. Мошки—тучами стояли въ воздухѣ. Съ нами не было—ни единой представительницы прекраснаго пола (о, какое это великое удобство въ дорогѣ!) и я попросту устроилъ на палубѣ пологъ—бросилъ подъ него тюфякъ—раздѣлся и въ костюмѣ нашихъ прародителей, только безъ фиговаго листка—пробовалъ заснуть. Рядомъ пыхтѣла труба—за пологомъ звенѣли мошки. На минуту мелькнуло съ берега какое-то зарево—камышъ горѣлъ—и скоро все это точно отошло назадъ—и хорошо спалось мнѣ въ сумеркахъ каспійской ночи...

А мѣсяцъ раскидывалъ свои серебрянныя сѣти на недвижныя воды... Тихо плескалась шаловливая рыба въ этомъ ласковомъ сіяньи и робко мигали огоньки костровъ, разложенныхъ ловцами по безлюдному берегу...

КОНЕЦЪ.

Сочиненія того же автора:

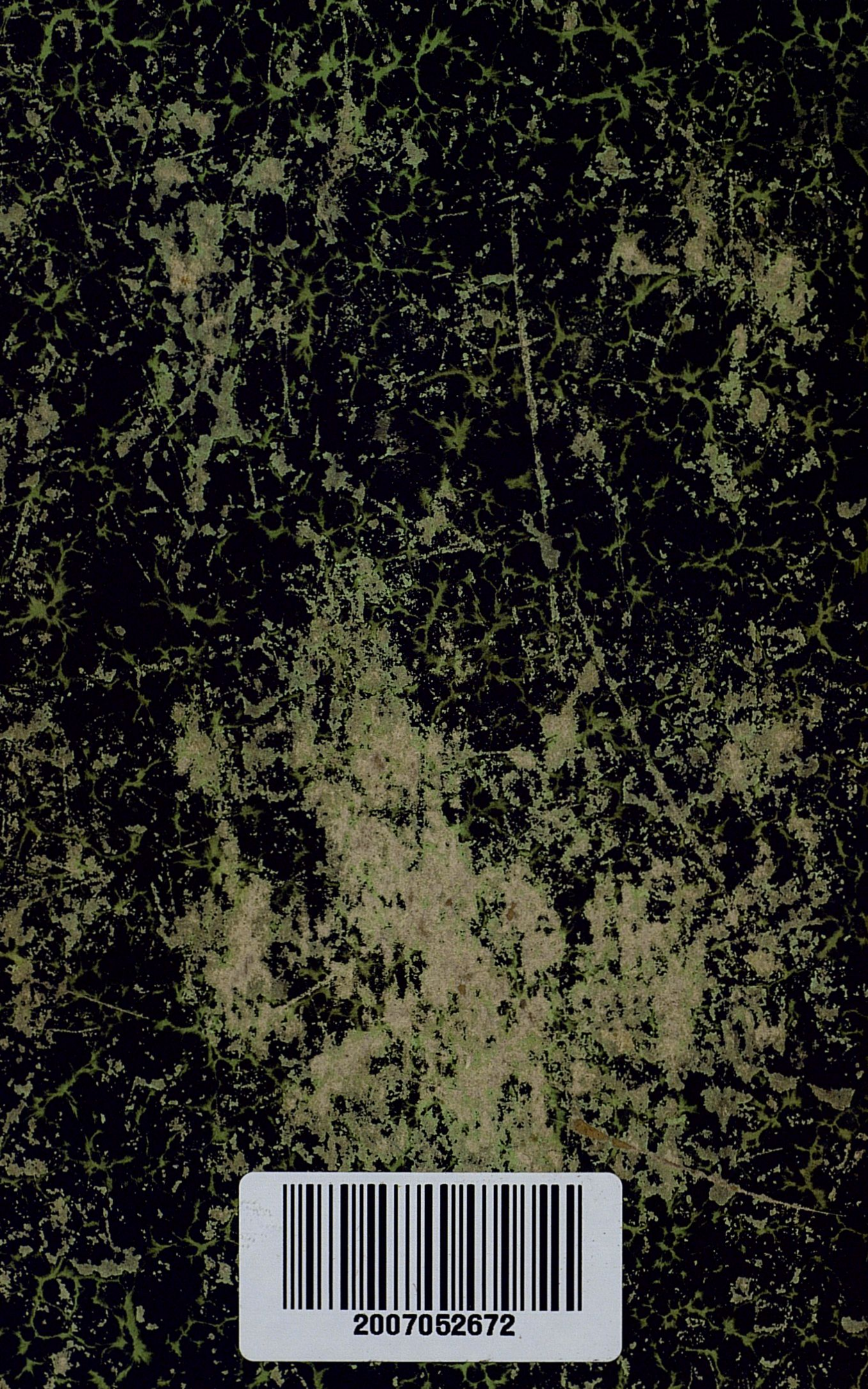
Соловки съ очерками Сѣверо-Двинскаго края . . . . 1 р. 50 к.
У Океана. Жизнь на крайнемъ Сѣверѣ . . . . 2 « 50 »
На просторѣ. Очерки. . . . . 1 « 25 «
Лапландія и Лапландцы. (Публичныя лекціи) . . . 1 » — «
Страна холода, съ 25 рисунками . . . . 5 « — «
Подневольные странники 2 т. . . . . , . . 3 « 50 «

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Кавказъ.
Горнозаводскій уголь.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Типографія Н. А. Лебедева, Невск. пр., д. № 8.

2007052672